

В О П Р О С Ы ИСТОРИИ

В НОМЕРЕ:

СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
ТРЕТЬЕЙ ЮНЬСКИЙ БЛОК И КРАХ ПОЛИТИКИ СТОЛЫПИНА
МОСКОВСКИЕ ГОСТИ В НОВГОРОДЕ
РУМЫНИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И «НОВЫЕ МЕТОДИКИ»
РОЖДЕНИЕ КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ
ПРИКАЗ ТАЙНЫХ ДЕЛ

8

МОСКВА · 1982

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Вопросы ИСТОРИИ

№ 8

АВГУСТ

1982

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- А. С. Сенявский — Союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции — социальная основа СССР 3
А. П. Бородин (Киров) — Третьюньский блок и крушение политики мирного реформирования самодержавия 18
В. А. Варенцов (Новгород) — Московские гости в Новгороде 31
Н. М. Травкина — Усиление милитаристских настроений в конгрессе США в конце 70-х годов 43
В. Н. Виноградов — Об участии Румынии в первой мировой войне 56
Е. С. Голубцова, Г. А. Кошеленко — История древнего мира и «новые методики» 70

ВОСПОМИНАНИЯ

- Е. В. Дороднов (Комсомольск-на-Амуре) — Начало Комсомольска-на-Амуре 83

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- Ю. В. Мухачев — Крах буржуазного реставраторства в СССР 94
О. Ф. Козлов — Приказ тайных государевых дел 106

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Научных советах АН СССР

- А. Я. Шевеленко — Теоретико-методологические проблемы общественного развития 113

Обзоры

- Г. Л. Соболев (Ленинград) — Важное направление в историографии Великого Октября 118

Рецензии

К. В. Гусев — Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои	123
В. М. Устинов — А. И. Зевелев, Ю. А. Поляков, А. И. Чугунов. Басмачество: возникновение, сущность, крах	126
А. Г. Анастасов, Г. А. Козлова — Стачечная борьба рабочих России на начальном этапе нового революционного подъема. 1910— март 1912. Хроника событий	128
Г. К. Вагнер — Н. А. Соболева. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв.	131
Ю. А. Кизилев (Ульяновск) — В. Л. Янин. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование)	134
А. С. Демир — Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности	136
И. М. Кривогуз — Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Том четвертый — Великий Октябрь и международный рабочий класс (1917—1923)	139
В. А. Погосян (Ереван) — Г. С. Черткова. Грахх Бабеф во время термидорианской реакции	145
А. А. Язькова — Е. Е. Чертан. Великие державы и формирование Румынского независимого государства	147
Н. Н. Яковлев — А. С. Маныкин. История двухпартийной системы США (1789—1980)	148
Л. Е. Кертман (Пермь) — Великобритания	150
А. А. Галкин — М. А. Чешков. Критика представлений о правящих группах развивающихся стран	153
Новые книги	156
Статьи в советских периодических изданиях	158
Хроникальные заметки	162
От редакции	165

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

Н. Н. Болховитинов — Дэвид П. Сатмари. Восстание Шейса: Становление аграрного бунта	166
А. Н. Чистозвонов — Ф. Ирзиглер. Экономическое положение города Кёльна в XIV и XV веках	169

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах	171
Рецензии на советские издания	173
Коротко о книгах	174

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

Л. Ф. Чашина — Русская старообрядческая эмиграция в Австрии и революция 1848 года	177

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Т. Ф. Колыхалова (Томск) — Эхо ленских событий в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке	182
Э. В. Шавкунов (Владивосток) — Шайгинская пайцза	187
Сведения об авторах	189
Резюме статей на английском языке	190

СТАТЬИ

К 60-летию образования СССР

СОЮЗ РАБОЧЕГО КЛАССА, КРЕСТЬЯНСТВА И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ — СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА СССР

А. С. Сенявский

Шестидесятилетний юбилей СССР знаменует собой торжество ленинской национальной политики КПСС, исторических достижений социализма¹. История Советского государства, рожденного в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, ярко демонстрирует единство его социального и национального развития. Создание, укрепление и расцвет первого в мире многонационального социалистического государства стали возможны благодаря последовательной классовой политике Коммунистической партии, опоре на рабочий класс и другие слои трудящихся, являющиеся его социально-классовыми союзниками.

В период зрелого социализма СССР превратился в общенародное государство. Социальную его основу, как определено в Конституции СССР, составляет нерушимый союз рабочих, крестьян и интеллигенции².

Изучение дальнейшего укрепления и развития союза трех основных социальных сил советского общества имеет большое политическое и научное значение. XXIV, XXV и XXVI съезды партии уделили серьезное внимание теоретическим проблемам развитого социализма, выделенным в качестве одного из основных направлений исследований в области общественных наук³. Укрепление союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции обеспечивает развитие всех сторон жизни советского общества на пути к его социальной однородности. Как известно, XXVI съезд КПСС выдвинул новое теоретическое положение, что «становление бесклассовой структуры общества в главном и основном произойдет в исторических рамках зрелого социализма»⁴.

Характеризуя значение союза рабочего класса и крестьянства — высшего принципа диктатуры пролетариата, В. И. Ленин отмечал: «В этом союзе — вся главная сила и опора Советской власти, в этом союзе — залог того, что дело социалистического преобразования, дело победы над капиталом, дело устранения всякой эксплуатации будет доведено нами до победного конца»⁵. Определение Лениным диктатуры пролетариата как особой формы классового союза «между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала,... союза в целях окончательного создания и упрочения социализ-

---

¹ См. О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 года. М. 1982, с. 3.

² См. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М. 1977, ст. 19.

³ См.: Материалы XXIV съезда КПСС. М. 1971, с. 245; Материалы XXV съезда КПСС. М. 1976, с. 214; Материалы XXVI съезда КПСС. М. 1981, с. 145—146.

⁴ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 53.

⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 38, с. 237.

ма»⁶ указывает на неразрывную связь проблемы союза рабочего класса и других слоев трудящихся с развитием социалистической государственности. Вопрос лишь в том, как в ходе социалистического строительства, развития социалистической демократии изменялись характер, состав, содержание и формы проявления этого союза в качестве социальной основы СССР.

Ленин подчеркивал необходимость союза рабочего класса со всеми непролетарскими слоями трудящихся, в том числе и с интеллигенцией. Но, во-первых, для пролетариата России, страны с громадным преобладанием крестьянского населения и численно весьма незначительным слоем работников умственного труда, решающим был союз именно с различными слоями крестьянства. Во-вторых, единого социального слоя интеллигенции ни до победы социалистической революции, ни в переходный к социализму период не существовало; она распалась на существенно различавшиеся по условиям жизни и в конечном счете мировоззрению социальные группы: дворянскую интеллигенцию, буржуазную и демократические по социальному происхождению и положению группы. Первоначально негативное отношение к Советской власти значительной части старой интеллигенции, либо сохранявшей приверженность монархическому строю, либо зараженной буржуазно-демократическими иллюзиями, определило, в свою очередь, и отношение к ней партии и пролетарского государства: они рассматривали использование буржуазных специалистов как одну из форм классовой борьбы. Поэтому о союзе с интеллигенцией в переходный от капитализма к социализму период можно говорить лишь в той степени, в какой происходило формирование этого слоя на новой, социалистической основе: создание народной, рабоче-крестьянской интеллигенции и перевоспитание старых специалистов, консолидация их в единый слой социалистической интеллигенции.

В условиях зрелого социализма «союз рабочего класса и крестьянства, всегда составлявший основу социалистического строя, нашел свое развитие в нерушимом политическом и идейном единстве этих классов с интеллигенцией, которая давно и твердо стоит на позициях социализма»⁷. Таким образом, союз рабочего класса и крестьянства, представлявший собой социальную основу государства диктатуры пролетариата, перерос в союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, являющийся социальной основой Советского общенародного государства. К началу периода зрелого социализма окончательно сложились социальный характер, качественный состав, определились основное содержание и важнейшие формы развития союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Социально-классовый союз рабочего класса с другими слоями трудящихся вступил в новую, высшую стадию развития. Л. И. Брежнев подчеркивал, что «сегодня о прочном союзе всех трудящихся, работников физического и умственного труда, союзе рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции мы вправе говорить как о реальном факте нашей действительности»⁸.

Проблема укрепления союза рабочего класса и крестьянства широко исследовалась советскими историками как за периоды, предшествующие развитию социализму, так и применительно к нему⁹. Однако перерастание союза рабочего класса и крестьянства в союз трех основных социальных сил советского общества — рабочего класса, крестьян-

⁶ Там же, с. 377.

⁷ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Т. 5. М. 1976, с. 71.

⁸ Там же.

⁹ См.: Ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством. М. 1969; Алексеев И. И. Великий союз создателей. Краснодар. 1971; О कोरोков В. Н., Юдачев С. А. Союз рабочих и крестьян — классовая основа Советского многонационального государства. М. 1974, и др.

ства и интеллигенции и дальнейшее развитие этого союза не нашли еще специального освещения в советской историографии. Между тем изменение состава союза означало расширение социальной базы социалистического государства, обуславливало перерастание его из государства диктатуры пролетариата в общенародное, а самого союза — из классового в социально-классовый союз всех трудящихся, всех работников физического и умственного труда. Эта сторона развития союза трудящихся не должна оставаться без внимания исследователей.

В конце 70-х годов появились первые работы (в основном философов)¹⁰, затрагивающие проблему укрепления и развития союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции в целом. Историки только приступают к комплексному исследованию проблемы. Увидел свет общий очерк истории союза рабочих и крестьян¹¹, в котором при освещении периода развитого социализма рассматриваются многие важные аспекты проблемы, в том числе и отдельные стороны союзных отношений с интеллигенцией. Однако в книге преобладает традиционный, несколько односторонний подход к союзу — прежде всего с точки зрения помощи рабочего класса крестьянству. Не умаляя значения этого фактора, в котором проявляется одна из сторон ведущей роли рабочего класса в развитии союза, следует подчеркнуть, что в условиях зрелого социализма союз — это целостная система многосторонних социально-экономических, политических и идеологических отношений между рабочим классом, крестьянством и интеллигенцией, развивающихся во всех сферах общественной жизни и направленных на достижение идеалов рабочего класса — построение коммунистического общества (именно историческая миссия рабочего класса определяет его руководящее положение в союзе с крестьянством и интеллигенцией). Поэтому необходимо изучить не только ведущую роль рабочего класса и не только в его помощи колхозному селу, но и все многообразие союзных отношений рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, в том числе и все проявления ведущей роли рабочего класса в союзе, и вклад в его укрепление всех социальных групп трудящихся, т. е. исследовать их отношения как систему.

Многие аспекты проблемы дальнейшего укрепления и развития союза трех основных социальных сил советского общества в период зрелого социализма нашли также освещение в исторической и другой обществоведческой литературе о рабочем классе¹², крестьянстве¹³, интеллигенции¹⁴ СССР, социально-экономическом и политическом развитии советского общества¹⁵. Естественно, степень разработки различных

¹⁰ Кр у х м а л е в А. Е. Нерушимый союз рабочих, крестьян и интеллигенции — социальная основа СССР. М. 1978; А л е к с е е в а В. М. В. И. Ленин о союзе рабочего класса, крестьянства и интеллигенции при социализме. Л. 1980, и др.

¹¹ См. Союз создателей нового общества. Краткий очерк истории союза рабочих и крестьян (1917—1977). М. 1979.

¹² Рабочий класс развитого социалистического общества. М. 1974; Е ж о в В. А. Рабочий класс СССР. Социально-политический очерк. Л. 1974; В о р о ж е й к и н И. Е., С е н я в с к и й С. Л. Рабочий класс — ведущая сила советского общества (Вопросы методологии и историографии). М. 1977; Рабочий класс СССР (1966—1970). М. 1979, и др.

¹³ И г н а т о в с к и й П. А. Крестьянство и экономическая политика партии в деревне. М. 1971; Проблемы истории современной советской деревни. 1946—1973. М. 1975; О с т р о в с к и й В. Б. Новый этап в развитии колхозного строя. М. 1977; В е н ж е р В. Г. Социально-экономические перспективы развития колхозного строя. М. 1979, и др.

¹⁴ А с т а х о в а В. И. Советская интеллигенция и ее роль в общественном прогрессе. Харьков. 1976; Р у т к е в и ч М. Н. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. М. 1977; Ф е д ю к и н С. А. Интеллигенция развитого социалистического общества. В кн.: Культура развитого социализма. Некоторые вопросы теории и истории. М. 1978, и др.

¹⁵ Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. М. 1976; Советская демократия в период развитого социализма. М. 1976; Общественно-политические проблемы истории развитого социализма в СССР. М. 1979, и др.

аспектов проблемы союза в каждой из этих тематических групп исследований неодинакова. Наиболее полно изучены вопросы социального сближения рабочего класса, крестьянства и интеллигенции—одного из важнейших факторов укрепления их союза; некоторые аспекты союзных отношений рабочего класса и крестьянства, особенно их экономические взаимоотношения; социальная роль каждого из союзников и некоторые другие. Однако и эти вопросы требуют дальнейшего исследования, особенно за период 70-х годов. Многие аспекты проблемы разрабатывались философами, экономистами и другими обществоведами и не исследовались в историческом плане. Это — большинство вопросов, связанных с ролью союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции как целого, особенно в политической и социальной сферах общественной жизни, вопросы о месте и роли советской интеллигенции в союзе с рабочим классом и крестьянством, и другие.

В настоящей статье рассматривается дальнейшее укрепление и развитие союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции в 1960—1970-е годы. В этот период происходили значительные изменения в количественном соотношении классов и социальных слоев, в социальном облике каждого из них, упрочение, развитие и совершенствование многообразных социальных связей рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Все эти процессы характеризуют дальнейшее развитие союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции в условиях зрелого социализма.

Укрепление союза не ограничивается его развитием в собственно социальной области, а охватывает все сферы общественной жизни; при этом его совершенствование в плане экономических отношений является решающим для дальнейшего развития союза в целом. Известно, что в экономической сфере лежат источники еще сохраняющейся социально-классовой дифференциации и вместе с тем источники ее преодоления. «Именно в области экономики,— отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXVI съезду партии,—закладывается фундамент решения социальных задач... Именно здесь создаются необходимые предпосылки успешного движения советского общества к коммунизму»¹⁶. Общность коренных интересов, прежде всего социально-экономических, объединяющая рабочий класс, крестьянство и интеллигенцию, обуславливается единством стоящей перед ними цели — построением коммунизма. Через отношение к этой цели, воплощающееся в деятельности всех слоев трудящихся по строительству коммунизма, проявляются союзные отношения рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Важнейший элемент этих отношений — участие каждого из них в строительстве материально-технической базы коммунизма, которое определено в Программе КПСС как главная экономическая задача партии и советского народа¹⁷.

Ведущая роль рабочего класса в союзе с другими слоями трудящихся определяется в сфере экономики прежде всего его значением, с одной стороны, как основного носителя общенародной формы социалистической собственности, а с другой — как главной производительной силы советского общества. Рабочий класс в условиях зрелого социализма неизменно оставался основным производителем валового общественного продукта: доля валового продукта, произведенного в промышленности, где основной производительной силой являются рабочие, во всем валовом продукте народного хозяйства составляла в 1960 г. 62%, в 1980 г. — 63%¹⁸.

В условиях развитого социализма идет возрастание роли рабочего

¹⁶ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 31.

¹⁷ См. Материалы XXII съезда КПСС, М. 1961, с. 369.

¹⁸ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1970 г. Стат. ежегодник. М. 1971, с. 60; Народное хозяйство СССР в 1980 г., М. 1981, с. 49.

класса и в сельском хозяйстве. Майский (1982 г.) Пленум ЦК КПСС подчеркнул, что благодаря производственной деятельности прежде всего рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции за годы, прошедшие после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, «качественно обновлена материально-техническая база сельского хозяйства»¹⁹. В 1965 г. совхозы произвели 23,3% всей валовой продукции сельского хозяйства, в 1980 г. — 36,7%. Всего же отрасли народного хозяйства, в которых преобладает рабочий класс, произвели в 1960 г. 76,9%, а в 1980 г. — 77,6% валового общественного продукта²⁰. Следовательно, при непосредственном участии рабочего класса производилось более $\frac{4}{5}$ валового общественного продукта, а это означает, что рабочий класс не только сохранил, но и укрепил свои позиции в сфере экономики в качестве основной производительной силы советского общества.

Продолжает расти производственный вклад и колхозного крестьянства, несмотря на значительное сокращение его численности и удельного веса. Так, валовая продукция сельского хозяйства, произведенная колхозами, выросла с 1965 по 1980 г. с 35,5 млрд. до 41,5 млрд. руб. (а по сопоставимому кругу колхозов еще более значительно — с 30,8 млрд. руб.)²¹. В условиях, когда на первый план выдвигается задача улучшить снабжение населения продовольствием, колхозное крестьянство вместе с работниками совхозов призвано внести решающий вклад в дело повышения эффективности и качества сельскохозяйственного производства. Этим определяется возрастание его роли в социально-классовом союзе трудящихся на современном этапе. В Продовольственной программе СССР на период до 1990 г. выдвинута система мер по надежному обеспечению населения страны продуктами питания. «Это не только первостепенная экономическая, но и актуальная социально-политическая задача, — отметил Л. И. Брежнев. — Удовлетворение жизненных запросов советских людей... было и остается важнейшим программным требованием нашей партии»²². Определяя пути решения поставленных задач, партия опирается на результаты труда колхозников, рабочих совхозов, специалистов, достигнутые в 60—70-е годы.

Помощь рабочего класса и интеллигенции города в исследуемый период имела огромное значение для создания предпосылок перевода сельского хозяйства на индустриальные рельсы, формирования и развития агропромышленного комплекса. В условиях развитого социализма, с одной стороны, появились значительно большие экономические возможности для подъема сельского хозяйства, с другой — от перевода последнего на индустриальные рельсы во многом стало зависеть решение задачи резкого повышения эффективности всего общественного производства. Это было учтено в решениях мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, установки которого, «развитые рядом последующих Пленумов и XXIV—XXVI съездами КПСС, составили основу современной аграрной политики партии»²³. С каждой пятилеткой возрастали как абсолютный объем капитальных вложений в сельское хозяйство, так и их доля в общем объеме капитальных вложений в народное хозяйство. В десятой пятилетке было вложено в сельское хозяйство средств почти в 3,5 раза больше, чем в седьмой, а удельный вес их

¹⁹ Брежнев Л. И. О Продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по ее реализации. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 24 мая 1982 года. — Постановление Пленума ЦК КПСС. М. 1982, с. 5.

²⁰ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 201—202, 271.

²¹ Там же, с. 254.

²² Брежнев Л. И. О Продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по ее реализации, с. 3.

²³ Там же, с. 5.

в общем объеме капитальных вложений вырос соответственно с 20 до 27%²⁴.

Индустриальный рабочий класс и инженерно-техническая интеллигенция сыграли решающую роль в претворении в жизнь курса партии на повышение технической оснащенности сельского хозяйства как одного из элементов аграрной политики. В исследуемый период темпы роста тракторного и сельскохозяйственного машиностроения значительно опережали темпы роста многих других отраслей промышленности. Парк тракторов увеличился с 1960 по 1980 г. более чем в 2 раза²⁵, причем значительно возросла и их мощность. С 1960 по 1980 г. значительно расширились поставки сельскому хозяйству и другой техники: грузовых автомобилей — в 3,3, тракторных плугов — в 1,4, зерноуборочных комбайнов — в 2,1 раза²⁶. С 1965 по 1980 г. поставка доильных установок возросла почти в 40 раз²⁷. Все это привело к значительному повышению технической оснащенности сельского хозяйства: парка грузовых автомобилей — в 2, зерноуборочных комбайнов — в 1,5, других сельскохозяйственных специализированных машин — от 1,2 до 2 раз²⁸.

Поставки техники селу позволили добиться значительных успехов в механизации сельскохозяйственных работ. К 1980 г. основные полевые работы были полностью механизированы; близка к завершению механизация посадки картофеля, междурядной обработки посевов сахарной свеклы, кукурузы, хлопчатника, а также сенокосения, очистки зерна и др. Уровень механизации большинства работ за 60—70-е годы вырос в 2—3 раза, а погрузки картофеля с 1965 по 1980 г. — более чем в 6 раз²⁹.

Одной из важнейших задач было расширение работ по электрификации сельского хозяйства. К 1970 г. она в целом была завершена: 99,8% колхозов пользовались электроэнергией (к 1960 г. — 71%) и 99% потребляли ее на производственные нужды. По уровню электрификации колхозы к 1970 г. приблизились к совхозам, в то время как в 1960 г. их отставание было очень значительным³⁰. Рабочий класс и инженерно-техническая интеллигенция города сыграли решающую роль и в химизации. Поставки минеральных удобрений возросли с 1960 по 1980 г. почти в 7,2 раза³¹. Таким образом, индустриальный рабочий класс и инженерно-техническая интеллигенция внесли немалый вклад в развитие сельского хозяйства. Однако трудностей в развитии сельского хозяйства еще немало. Как отмечал Л. И. Брежнев на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС, «по ряду причин в развитии отраслей агропромышленного комплекса сложились определенные диспропорции. Накопились недостатки в области заготовок и хранения, транспортировки, переработки и торговли сельскохозяйственной продукцией»³². В решении задачи улучшения использования материальных и финансовых ресурсов в совхозах и колхозах, повышения эффективности сельскохозяйственного производства союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, работников города и деревни призван сыграть решающую роль.

²⁴ Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 340.

²⁵ Народное хозяйство СССР в 1970 г., с. 381, 375; Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 217, 215.

²⁶ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1970 г., с. 381; Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 217.

²⁷ Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 217.

²⁸ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1970 г., с. 374; Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 215.

²⁹ Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 111.

³⁰ Народное хозяйство СССР в 1970 г., с. 380.

³¹ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1960 г. М. 1961, с. 447; Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 237.

³² Брежнев Л. И. О Продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по ее реализации, с. 8.

Исследование союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции требует учета сложной структуры социальных отношений: город — село в целом; рабочий класс города — интеллигенция города; рабочий класс и интеллигенция села — колхозное крестьянство. Данные направления включают все основные (и более конкретные) звенья отношений различных слоев трудящихся, в том числе и исследуемые традиционно союзные отношения рабочего класса и крестьянства. В каждом из этих направлений преобладают определенные формы отношений. Так, отношения город — село, включая в себя отношения рабочего класса и крестьянства, не ограничиваются ими. Это еще и отношения интеллигенции города с колхозным крестьянством и сельскими отрядами рабочего класса и интеллигенции; и отношения рабочего класса города с рабочими села.

В соответствии с тем, базируются ли социальные слои трудящихся на одной или различных формах социалистической собственности, осуществляют ли свои социальные функции в рамках материального или духовного, сельскохозяйственного или индустриального производства, и определяются виды и формы их союзных отношений. Так, наиболее общие союзные отношения в рамках направления город — село воплощаются в претворении в жизнь аграрной политики партии, в которой рабочий класс и интеллигенция города, исторически являющегося средоточием передового индустриального, научно-технического и культурного потенциала общества, оказывают помощь колхозному крестьянству, рабочему классу и интеллигенции села в преодолении одного из основных социальных различий — между городом и деревней. На уровне социально-экономических отношений города и села союзные отношения конкретизируются в сближении двух форм социалистической собственности и соответственно их носителей — рабочего класса и интеллигенции города, с одной стороны, и крестьянства — с другой.

В аграрной политике партии сближение колхозно-кооперативного и государственного секторов экономики является одной из важнейших задач. Решающим звеном в этом процессе выступает сближение двух форм социалистической собственности, прежде всего за счет всемерного развития колхозно-кооперативной собственности, повышения уровня ее обобществления. Конституция СССР 1977 г. (ст. 10) законодательно закрепила колхозно-кооперативную собственность наряду с государственной (общенародной) в качестве элемента основы экономической системы СССР.

В 60—70-е годы повышение уровня обобществления колхозной собственности шло за счет: возрастания неделимых фондов каждого из колхозов; объединения, слияния нескольких колхозов в результате укрупнения; создания смешанных межколхозных, колхозно-государственных предприятий и организаций. При этом если в начале периода немалое значение имел второй фактор, то в последнее десятилетие практически основными были первый и третий. Так, с 1965 по 1980 г. неделимые фонды всех колхозов (без рыболовецких) в основных и оборотных средствах выросли в 2,6 раза (а по сопоставимому кругу колхозов по сравнению с 1960 г. — почти в 3 раза)³³. Значительно выросли неделимые фонды каждого колхоза, посевные площади, людские ресурсы. В 1960 г. на каждый колхоз приходилось в среднем в 3,7 раза меньше общественных посевных площадей, чем в 1980 г.; общественно-го крупного рогатого скота соответственно в 2,3 раза меньше; неделимых фондов в 9,3 раза меньше³⁴.

³³ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 254.

³⁴ Народное хозяйство СССР в 1961 г. М. 1962, с. 492, 493; Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 255.

В середине 70-х годов стала очевидной необходимость качественно нового подхода к концентрации сельскохозяйственного производства, т. е. механическое объединение производственных единиц без структурно-организационных изменений, как и ранее проводившиеся укрупнения колхозов и совхозов, не устранило главных недостатков, присущих многоотраслевому хозяйству. В Постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции» (май 1976 г.) было подчеркнуто, что концентрация сельскохозяйственного производства должна сочетаться с внедрением специализации хозяйств³⁵. Это в одинаковой степени относится и к колхозам и к совхозам. Таким образом, и у колхозов и у сельскохозяйственных государственных предприятий общий организационный путь совершенствования производства, что уже отражает большую степень близости двух форм социалистической собственности. Их принципиальное единство в еще большей мере подтверждается возрастающей в условиях зрелого социализма кооперацией государственных и колхозно-кооперативных хозяйств.

Межхозяйственная кооперация, являющаяся наряду с агропромышленной интеграцией базой дальнейшего развития специализации и концентрации сельскохозяйственного производства, развивается как в рамках колхозного производства, государственного производства, так и между государственными и колхозно-кооперативными предприятиями. В последнем случае она выступает в качестве одной из важных организационно-хозяйственных форм союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Эта форма союзных отношений существует только на селе и охватывает все основные социальные группы общества: рабочий класс, крестьянство и интеллигенцию. Развитие этой формы относится в основном к 70-м годам. В 60-е годы межхозяйственная кооперация в целом была межколхозной (совхозы кооперировались тогда преимущественно между собой и с промышленными государственными предприятиями)³⁶.

В сфере экономики большое значение для укрепления союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции имеет совершенствование отношений Советского государства и колхозов. В 1965 г. было принято Постановление Совета Министров СССР «Об улучшении кредитования колхозов». В соответствии с ним к 1970 г. перевод колхозов на новую систему прямого банковского кредитования был практически завершен³⁷. Государство, повысив закупочные цены на основные сельскохозяйственные продукты, взяло на себя также расходы по погашению разницы между закупочными и реализационными ценами на колхозную продукцию, гарантировав тем самым более высокий уровень доходов колхозов. Эти и другие меры явились важными факторами развития производительных сил сельского хозяйства, а вместе с тем и решения социальных задач.

В условиях развитого социализма в экономической сфере особенно быстрыми темпами возрастает роль интеллигенции как союзника рабочего класса и крестьянства. XXVI съезд КПСС отметил, что «не только в науке, образовании, культуре, но и в материальном производстве, во всей жизни общества интеллигенция играет все более значительную роль»³⁸. Решающее значение для возрастания роли интеллигенции в

³⁵ См. Ленинская аграрная политика КПСС. Сборник важнейших документов (март 1965 г.— июль 1978 г.). М. 1978, с. 484.

³⁶ См. Денисов Ю. П. Развитие межколхозной и государственно-колхозной кооперации в сельском хозяйстве СССР (1945—1978 гг.).— История СССР, 1980, № 2, с. 93.

³⁷ См. Союз создателей нового общества, с. 267.

³⁸ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 53.

условиях зрелого социализма имела научно-техническая революция, превращение науки в непосредственную производительную силу. Так, внедрение новой техники и проведение мероприятий по научной организации труда в 1971—1980 гг. обеспечили 67% общего прироста производительности труда в промышленности³⁹.

Большую роль в укреплении союза рабочего класса и интеллигенции играет развитие связей предприятий с научными и учебными учреждениями. Так, на автозаводе им. И. А. Лихачева, где постоянно заботятся об ускорении внедрения в производство новейших достижений науки и техники, сроки реализации научных разработок за годы десятой пятилетки сократились вдвое, производительность труда возросла на 41%, доля изделий высшей категории качества достигла почти 75% от объема выпуска продукции. 130 млн. руб.—таков общий экономический эффект, полученный в результате тесного взаимодействия автозаводцев с учеными Института атомной энергии им. И. В. Курчатова, МВТУ им. Н. Э. Баумана, МГУ им. М. В. Ломоносова, других научных коллективов⁴⁰. Год от года рос экономический эффект внедрения новой техники в промышленное производство СССР: в 1970 г. он составил 2607 млн., в 1980 г.—4785 млн. рублей⁴¹. Такого материального воплощения одной из сторон роли научной и инженерно-технической интеллигенции в союзе трудящихся.

Но современное индустриальное производство, да и все другие отрасли народного хозяйства постоянно повышают требования не только к технической оснащенности предприятия, но и к личности трудящегося, его общеобразовательной и профессиональной подготовке. И здесь наглядно прослеживается возрастание роли советской интеллигенции. С каждой пятилеткой росло число советских людей, получивших среднее (общее и специальное) образование: в 1961—1965 гг.—6,7 млн., в 1966—1970 гг.—16,1 млн., в 1971—1975 гг.—19 млн., в 1976—1980 гг.—25,2 млн. человек⁴². В 70-е годы был завершен переход к всеобщему обязательному среднему образованию. XXVI съезд КПСС с полным основанием отметил, что «важнейшим источником успехов развитого социализма является прочный союз труда, науки и культуры»⁴³.

Укрепление союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции в сфере экономики служит основой для аналогичных процессов в других сферах общественного развития, и в первую очередь в социальной. Центральным процессом в области социальных отношений развитого социализма является постепенное стирание основных классово-социальных различий между рабочим классом, крестьянством и интеллигенцией, а это и есть диалектика одного из важнейших направлений дальнейшего укрепления и развития союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. В советской литературе достаточно широко освещались эти процессы⁴⁴, поэтому представляется целесообразным охарактеризовать здесь только те из них, которые наиболее значимы для развития союза, а также наименее исследованные.

Источником социальных изменений развитого социалистического общества, как было отмечено выше, служит развитие экономики. Так, если валовой общественный продукт с 1965 по 1980 г. вырос в 2,4 раза, то национальный доход, использованный на потребление и накопление,— в 2,2 раза, фонд заработной платы — в 2,6 раза, реальные до-

³⁹ Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 100.

⁴⁰ Правда, 1.X.1980.

⁴¹ Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 100.

⁴² Там же, с. 455.

⁴³ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 95.

⁴⁴ См.: Социальная структура развитого социалистического общества в СССР. М. 1976; Семенов В. С. Диалектика развития социальной структуры советского общества. М. 1977, и др.

ходы на душу населения — почти в 2 раза⁴⁵. Таким образом, рост экономического потенциала страны являлся основой роста жизненного уровня трудящихся, причем более высокими темпами по сравнению с доходами всего населения увеличивались доходы менее обеспеченных семей и социальных групп трудящихся: если в 1965 г. доход на одного члена семьи свыше 100 руб. в месяц имели 4% населения, в 1970 г. — 18%, то к концу десятой пятилетки — около 50% населения⁴⁶.

Партия и правительство неуклонно осуществляли курс на сближение уровней реальных доходов основных социальных слоев советского общества, прежде всего колхозного крестьянства с рабочими и служащими. Большое значение имело введение гарантированной оплаты труда в колхозах, единой системы пенсионного и социального обеспечения. С 1965 по 1980 г. средняя денежная заработная плата рабочих и служащих увеличилась на 75%, а оплата труда колхозников — в 2,3 раза. Все это привело к тому, что реальные доходы колхозников по отношению к реальным доходам рабочих и служащих в расчете на члена семьи выросли с 75% в 1965 г. до 89% в 1980 году⁴⁷.

В области экономики лежит и источник преодоления основного классового различия между рабочим классом и крестьянством — по форме собственности. Направления и механизм стирания этого различия были охарактеризованы выше.

Социально-экономические преобразования определяли изменения в соотношении социально-классовых сил в союзе трудящихся. Так, если в 1940 г. крестьянство составляло 40,3% занятого в народном хозяйстве населения, рабочий класс — 27,5%, а интеллигенция — всего 3,3%, то к 1960 г. рабочий класс составлял уже 51,5%, удельный вес крестьянства сократился до 26,4%, а интеллигенции вырос до 10,4%⁴⁸. В условиях зрелого социализма этот процесс продолжает развиваться в том же направлении. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии был отмечен рост численности рабочего класса. Удельный вес его в социальной структуре общества составил в 1980 г. 61,3%. «Быстрее всех в отчетный период росла численность нашей интеллигенции. Сейчас в стране каждый четвертый работник связан в основном с умственным трудом»⁴⁹. К 1980 г. удельный вес интеллигенции вырос до 23%, а колхозного крестьянства сократился до 10,2%⁵⁰.

Зрелость союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции в условиях развитого социализма характеризуется глубокими процессами социальной интеграции, все большим стиранием социально-классовых различий, сближением объективного положения классов и социальных слоев в обществе, расширяющими круг общности не только коренных, но и текущих интересов. Дальнейшее развитие союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции характеризуется совершенствованием социальных отношений между ними, решением задачи по наиболее полному удовлетворению растущих материальных и духовных потребностей всех слоев трудящихся с учетом общих и специфических интересов каждого из них в процессе создания социальной однородности советского общества.

Объективный процесс социальной интеграции, продолжавшийся в 70-е годы, не был стихийным, регулировался, как было подчеркнуто на XXVI съезде КПСС, политикой партии и Советского общенародно-

⁴⁵ Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 39—40.

⁴⁶ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 101; Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 380.

⁴⁷ Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 380.

⁴⁸ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1961 г., с. 461, 463, 566, 575; Труд в СССР. Стат. сб. М. 1968, с. 22.

⁴⁹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 53.

⁵⁰ Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 282, 283, 357, 369.

го государства, в целях упрочения единства его социальной основы. «Наша цель,— отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду,— создание общества, в котором не будет деления людей на классы. И можно сказать определенно: мы постепенно, но уверенно продвигаемся к этой великой цели»⁵¹. Количественные изменения социально-классовой структуры характеризуются возрастанием численности и удельного веса рабочего класса и интеллигенции при падении удельного веса и численности колхозного крестьянства. Но в условиях развитого социализма важнейшими были именно качественные изменения, ведущие к постепенному стиранию основных социальных различий: между рабочим классом, крестьянством и интеллигенцией, городом и деревней, работниками умственного и физического труда. Причем исторически классовые различия должны исчезнуть раньше других социальных различий.

Более сложным процессом является сближение работников физического и умственного труда, что в конечном счете будет решающим для стирания существенных различий между интеллигенцией, с одной стороны, и рабочим классом и крестьянством — с другой. Тем не менее этот процесс шел весьма интенсивно и в исследуемый период. Важно здесь не только существенное изменение содержания труда рабочего и крестьянина в условиях научно-технической революции, но и преодоление ранее существовавшего разрыва по основному социальному показателю, отделявшему личность работника умственного труда от работника труда физического,— в уровне образования. Решающую роль в этом сыграла социальная политика КПСС, целью которой является формирование гармонически развитого человека.

Завершение перехода к обязательному всеобщему среднему образованию сыграло решающую роль в значительном сближении по этому показателю всех социальных категорий трудящихся. Так, с 1959 по 1981 г. удельный вес рабочих, имеющих высшее и среднее (полное и неполное) образование, увеличился почти в 2 раза, колхозников — в 2,8, а работников преимущественно умственного труда — служащих (уже имевших в 1959 г. весьма высокий уровень по этому показателю — 911 человек на тысячу занятых в народном хозяйстве) — в 1,1 раза. В результате этого к 1981 г. и рабочие и колхозники по уровню образования значительно приблизились к служащим. Так, в 1959 г. лишь 40,1% рабочих имели высшее и среднее (полное и неполное) образование, в 1981 г. — 78,7%; колхозники соответственно — 22,6% и 63,4%, служащие — 93,1% и 98,4%⁵². Сближение рабочих, крестьян и интеллигенции по уровню образования является важным свидетельством дальнейшего укрепления их союза.

Другим существенным показателем упрочения этого союза является все большее выравнивание фактических возможностей для поступления в высшие учебные заведения выходцев из всех классов и социальных слоев и групп трудящихся. Это, с одной стороны, говорит о социальном сближении рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, отсутствии социальных барьеров между ними, с другой — определяет демократический состав социальных источников пополнения советской интеллигенции, а значит, и ее общенародный характер как социального слоя. Юридическое равенство в получении высшего образования для различных социальных групп в СССР существует с момента построения социализма в основном, когда были ликвидированы остатки буржуазных и мелкобуржуазных классов и слоев и сняты соответствующие ограничения на прием в вузы выходцев из их среды. Однако различия в фактических возможностях, обусловленные сохране-

⁵¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 52.

⁵² Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1980 г., с. 30.

нием при социализме социальных различий между классами и слоями, между городом и деревней, умственным и физическим трудом, сохранились и преодолеваются в процессе движения советского общества к социальной однородности. Основная тенденция в изменении источников пополнения интеллигенции в условиях зрелого социализма характеризуется тем, что быстро растет доля ее пополнения из рабочего класса, сокращается из крестьянства и интеллигенции, приближая структуру источников пополнения интеллигенции к соответствию социальной структуре общества. Так, среди студентов дневных вузов доля пополнения из среды рабочих с 1959 по 1977 г. увеличилась с 40,3% до 50,8%, из среды крестьянства сократилась с 21% до 11,7%, из служащих — с 38,7% до 37,5%⁵³.

Таким образом, не только единство коренных интересов всех классов и слоев трудящихся в условиях зрелого социализма, их созидательная деятельность по претворению в жизнь общей цели — построения коммунизма, но и сближение собственно социального положения являются основой дальнейшего укрепления союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции.

В социальной сфере союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции выполняет важную функцию: он является основой новой исторической общности людей — советского народа: «Советский народ как социальная общность,— писал акад. М. П. Ким,— объединяет рабочий класс, крестьянство и интеллигенцию»⁵⁴. Советский народ как первая в истории межнациональная социалистическая общность объединяет все слои трудящихся более 100 наций и народностей СССР. Складывание этой общности, так же как и союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, завершилось к началу периода развитого социализма. Оба эти процесса теснейшим образом взаимосвязаны. Взаимосвязано и дальнейшее их развитие в условиях зрелого социализма: упрочение социальных связей — союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции — ведет к дальнейшей межнациональной консолидации. XXVI съезд КПСС отметил многонациональность состава населения советских республик, значительное увеличение за последние годы в ряде республик численности граждан некоренных национальностей⁵⁵.

Совместная созидательная деятельность трудящихся всех наций и народностей СССР, в том числе и в решении общесоюзных задач, таких, как освоение целины, восстановление разрушенного землетрясением Ташкента и др., решать которые, как было подчеркнуто в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, «следует совместными усилиями всех республик и по возможности в короткие сроки»⁵⁶, ведет к дальнейшему упрочению не только социально-интернациональной общности — советского народа, но и союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Развитой социализм выдвинул ряд таких задач, в том числе превратил в гигантскую общесоюзную стройку БАМ, на очереди — разработанные партией и уже осуществляющиеся широкие мероприятия по развитию Нечерноземья.

Укрепление союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции в политической сфере является одной из важнейших сторон его развития, позволяющих характеризовать его как социальную основу Советского общенародного государства. Союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции занимает решающее место в системе политических условий дальнейшего развития советского общества. Ленин указывал,

⁵³ См. Кочетов А. Н. Социальные источники пополнения советской интеллигенции и изменения в ее внутренней структуре (1959—1977 гг.). Автореф. канд. дисс. М. 1981, с. 18.

⁵⁴ Ким М. П. Советский народ — новая историческая общность. М. 1972, с. 34.

⁵⁵ См. Материалы XXVI съезда КПСС, с. 56—57.

⁵⁶ Там же, с. 56.

что «политика есть отношение между классами», что самое существенное в политике — «устройство государственной власти»; что «иной природы власти, кроме социальной, не бывает»⁵⁷. Следовательно, союз рабочего класса с другими социальными слоями трудящихся как вид отношений между классами социалистического общества и есть самое существенное содержание политической жизни советского общества.

Дальнейшее укрепление союза в политической сфере непосредственно связано с деятельностью КПСС и Советского общенародного государства. В их социальной политике воплощена воля рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Основными направлениями этой политики в условиях зрелого социализма являются: повышение жизненного уровня народа; совершенствование социально-классовой структуры, стирание социально-классовых различий; развитие социалистической демократии и повышение общественно-политической активности трудящихся; развитие духовной жизни советского общества, социалистической культуры; упрочение ведущей роли рабочего класса в обществе; развитие социальных основ социалистического образа жизни; развитие новой исторической общности — советского народа. Осуществление социальной политики по каждому из этих направлений ведет к дальнейшему укреплению союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, развитию его содержания и форм.

Но укрепление и развитие союза в политической сфере воплощается и в демократических принципах и механизме деятельности всех политических институтов советского общества, начиная от Коммунистической партии — ядра политической системы, Советского общенародного государства — основной формы социалистического народовластия и кончая массовыми общественными организациями. Демократический характер политических институтов советского общества определяется не только их социальной сутью, но и составом. Так, в КПСС представлены все слои трудящихся. К XXVI съезду в партии было 17480 тыс. человек: 43,4% — рабочие, 12,8% — колхозники, 43,8% — представители технической, научной и творческой интеллигенции, работники просвещения, здравоохранения, культуры, аппарата управления, военнослужащие⁵⁸. На протяжении всего освещаемого периода рос удельный вес рабочих среди вступающих в партию, увеличивалась рабочая прослойка в партии. На XXIII съезде КПСС было особо подчеркнуто, что в социальном составе партии рабочий класс должен и впредь занимать ведущее положение. Этот курс последовательно проводился в жизнь. Так, если между XXI и XXII съездами среди принятых кандидатами в члены партии рабочих было 40,6%, между XXII и XXIII съездами — 47,6%, то к XXVI съезду — 59%⁵⁹.

Политическую основу СССР составляют Советы народных депутатов. В них представлены все слои трудящихся, причем основной тенденцией изменения их социального состава также является возрастание удельного веса депутатов-рабочих: в местных Советах в 1961 г. — 23,8%, в 1980 г. — 43,4%; в Верховных Советах союзных республик в 1963 г. — 23,7%, в 1980 г. — 33,2%; в Верховном Совете СССР в 1962 г. — 23,5%, в 1979 г. — 34,8%⁶⁰. В условиях зрелого социализма

⁵⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 43. с. 72; т. 23, с. 239; т. 20, с. 198.

⁵⁸ См. Материалы XXVI съезда КПСС, с. 68.

⁵⁹ Материалы XXIII съезда КПСС. М. 1966, с. 72. Справочник партийного работника. Вып. 21. М. 1981, с. 489.

⁶⁰ Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся, 1961 г. М. 1961, с. 20--21; Итоги выборов и состав депутатов Верховных Советов союзных, автономных республик и местных Советов депутатов трудящихся, 1963 г. М. 1963; Итоги выборов и состав депутатов местных Советов народных депутатов, 1980 г. М. 1980, с. 14, 16; Итоги выборов и состав депутатов Верховных Советов союзных и автономных республик. М. 1980, с. 13, 14; Народное хозяйство СССР в 1979 г. М. 1980, с. 62; Лебедев М. П. Развитие социалистической демократии. М. 1978, с. 110.

все политические институты общенародны: в них представлены и рабочий класс, и крестьянство, и интеллигенция. В совместной общественно-политической деятельности всех слоев трудящихся укрепляется их союз. Важной чертой социалистической демократии в условиях зрелого социализма является уменьшение разницы между удельным весом представителей отдельных категорий трудящихся среди общего числа их представителей в общественно-политических органах и долей этих слоев трудящихся в социальной структуре.

Дальнейшее укрепление и развитие союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции в условиях зрелого социализма происходит и в духовной сфере общественной жизни. Ведущей силой и здесь остается рабочий класс. «Его революционная идеология и мораль, коллективистская психология, его интересы и идеалы становятся ныне достоянием всех слоев советского общества»⁶¹. Именно объединение всех слоев трудящихся на основе идеологии рабочего класса определяет упрочение союза в духовной сфере. Социальная политика партии, направленная на подъем материального и культурного уровня народа, способствует в условиях зрелого социализма более полному восприятию идеалов рабочего класса всеми слоями трудящихся. Развитие общественных наук, искусства, деятельность средств массовой информации, система всеобщего среднего образования, высшей школы являются каналами воспитания всех советских людей в духе марксистско-ленинской идеологии, ведут к созданию духовных основ социалистического образа жизни, способствуют решению задачи формирования нового человека. Особо важную роль в этом процессе играет интеллигенция. XXVI съезд КПСС подчеркнул: «В том, что духовная жизнь советского общества становится все более многообразной и богатой,— бесспорная заслуга наших деятелей культуры, нашей литературы и искусства»⁶².

Социально-политическое и идейное единство советского общества, воплощающееся прежде всего в союзе рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, определяет общий для всех советских людей социалистический образ жизни.

Анализ развития союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции в 60—70-е годы, в условиях зрелого социализма, позволяет сделать вывод, что основными тенденциями этого развития были следующие. На протяжении всего освещаемого периода главной цементирующей силой союза оставался рабочий класс, ведущая роль которого продолжала возрастать. Об этом свидетельствует не только его количественный и качественный рост, его значение как основной производительной силы общества, его место в социальной структуре, но и возрастание его воздействия на все социально-экономические, политические и духовно-идеологические процессы, происходящие в обществе зрелого социализма.

Важнейшей особенностью развития социально-классового союза трудящихся периода зрелого социализма (в отличие от переходного периода, когда менялись не только состав, но и социальная природа его элементов, и в отличие от периода строительства зрелого социализма, когда шло расширение социального состава союза вплоть до охвата всех работников физического и умственного труда) является стабильность его социального состава — рабочий класс, крестьянство и интеллигенция — при изменении их количественного соотношения в социальной структуре советского общества. При этом упрочение союза не идет просто по линии удовлетворения общих коренных и учета специфических интересов социальных слоев трудящихся, но выливается

⁶¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 54.

⁶² Там же, с. 61.

в широкий и ускоряющийся процесс социальной интеграции. В рассматриваемый период менялись сами классы и социальные слои: шел их качественный рост и одновременно сближение на пути к полной социальной однородности.

Решающую роль в дальнейшем упрочении союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции играло развитие советской экономики. С одной стороны, реализация программных установок по строительству материально-технической базы коммунизма, осуществление экономической стратегии партии являлись основой претворения в жизнь социальных задач, в том числе ускорения решающих для дальнейшего упрочения союза интеграционных процессов. С другой стороны, воплощение на практике экономической стратегии партии было делом рук всех слоев трудящихся и выступало основным содержанием их союза в экономической сфере. Совместная трудовая деятельность — один из важнейших факторов упрочения союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции.

Дальнейшее упрочение союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции было бы невозможным без развития и совершенствования социалистической демократии. Совместная общественно-политическая деятельность всех классов и социальных слоев трудящихся — основное содержание их союзных отношений в политической сфере, причем и для этой области характерно усиление ведущей роли рабочего класса, выражающееся не только в классовом характере общественно-политических институтов развитого социализма, но и в значительном усилении общественно-политической активности рабочих, в частности в росте их представительства в партии, государственных и общественных выборных органах. В какой бы сфере общественной жизни ни происходило развитие союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, он выступает как социальная основа Советского общенародного государства. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, политика КПСС и Советского общенародного государства во всех сферах общественной жизни направлена на защиту интересов рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, с другой — все слои трудящихся своей трудовой и общественно-политической деятельностью воплощают эту политику в жизнь.

ТРЕТЬЕИЮНЬСКИЙ БЛОК И КРУШЕНИЕ ПОЛИТИКИ МИРНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ

А. П. Бородин

3 июня 1907 г. в России был совершен своего рода государственный переворот: распустив II Думу, царь одновременно изменил, в нарушение манифеста 17 октября 1905 г. и «Основных законов» 1906 г., закон о выборах в Государственную думу. Резко были сокращены избирательные права рабочих, крестьян и народов национальных окраин. Подавляющее большинство в III Думе составили представители помещиков и крупной буржуазии. При этом избирательный закон был составлен так, чтобы ни одна из думских фракций не преобладала; решения Думы определяло или октябристско-кадетское большинство, или октябристско-правое. Это обстоятельство, создавая возможность лавирования, делало царизм хозяином положения. Государственный совет (ставший в результате реформы 20 февраля 1906 г. фактически верхней «палатой») еще более усиливал позиции царизма: половина его членов назначалась царем, а в составе другой, выборной половины не только не было ни одного представителя трудящихся классов, но даже кадеты представляли ничтожное меньшинство. Это было торжество сложившегося в ходе революции контрреволюционного блока царизма, помещиков и верхов буржуазии. Вместе с тем третьеиюньский государственный переворот, завершая политическое оформление союза контрреволюционных сил, открывал собою новый и последний этап в истории российской монархии, главным содержанием которого была попытка путем реформ «сверху» избежать новой революции. В. И. Ленин указывал, что «III Дума есть политически оформленный, общенациональный союз политических *организаций* помещиков и крупной буржуазии. Царизм делает попытку решить объективно-необходимые исторические задачи при помощи *организаций* этих двух классов»¹.

Глубокий анализ основ, характера, целей и всех основных аспектов политики третьеиюньского блока содержится в произведениях Ленина. Советские историки, руководствуясь его положениями и опираясь на обширный документальный материал, успешно разрабатывают историю третьеиюньской монархии². Однако, несмотря на достижения в этой об-

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 17, с. 411.

² См., напр.: Аврех А. Я. Царизм и третьеиюньская система. М. 1966; его же. Столыпин и третья Дума. М. 1968; его же. Царизм и IV Дума: 1912—1914 гг. М. 1981; Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л. 1967; его же. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л. 1978; Черменский Е. Д. История СССР. Период империализма (90-е годы XIX в.—март 1917 г.). М. 1974; его же. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М. 1976; Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма. (Классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). М. 1975; Ерошкин Н. П. Самодержавие накануне краха. М. 1975, и др.

ласти, ряд вопросов еще требует дальнейшего изучения. Одним из них является вопрос о причинах краха столыпинского реформирования.

Как известно, важнейшей частью столыпинской программы была аграрная реформа. Будучи по своему характеру буржуазной, она грозила еще более увеличить пропасть между отсталым политическим строем и уровнем развития капитализма в стране. Поэтому столыпинский план реформирования в полном соответствии с политическими целями царизма и по образцу буржуазных реформ 60-х годов прошлого столетия включал еще и целую серию надстроечных реформ, которые представляли собой «логическое следствие» аграрной³. На основе этого минимума конституционных реформ правительство Столыпина рассчитывало «завершить революцию прямой сделкой старой власти с помещиками и крупнейшей буржуазией»⁴. Однако уже тогда, в августе 1907 г., допуская абстрактную возможность упрочения октябристских конституционных порядков, Ленин высказал сомнение относительно приемлемости их для «хозяев» России, «господ крупнейших помещиков»⁵. Практика третьеиюньской монархии подтвердила справедливость ленинского анализа: все основные законопроекты из столыпинской программы, прошедшие через Думу октябристско-кадетским большинством, были отклонены или коренным образом переделаны Государственным советом. В этих условиях и аграрная реформа из фактора, укрепляющего самодержавие, неизбежно превращалась в обстоятельство, усугублявшее его положение⁶.

В советской историографии нет общепринятого объяснения причин отказа царизма от задуманных Столыпиным реформ в области политической надстройки. Однако при всех разноречиях большинство специалистов разделяет мнение об объективной невозможности для царизма решить «сверху» задачи буржуазного развития, полагая, что основную роль сыграло внешнее (по отношению к третьеиюньскому блоку) обстоятельство — «общая революционная ситуация», «необычайная острота и глубина классовых противоречий» и т. п. В данной статье делается попытка подойти к решению вопроса иначе: признавая объективную возможность для царизма решить «сверху» назревшие задачи буржуазного развития, автор усматривает причину краха планов Столыпина в самом третьеиюньском блоке. Большевицкая «Звезда» еще в 1912 г. писала: «Третьеиюньский блок основан был на том, что власть и доходы фактически оставались на стороне крепостников. Отсюда и свары внутри третьеиюньского лагеря. Но, главное, отсюда вытекала и невозможность для режима 3 июня сделать какие-нибудь серьезные уступки буржуазии, какие-нибудь решительные шаги в деле приспособления к условиям буржуазного развития. Отсюда полное бессилие решить «сверху» вопросы, поставленные революцией. И в результате теперь уже для всех очевидная неизбежность решения этих вопросов «снизу»⁷. В статье мы и пытаемся взглянуть на крах Столыпина через призму противоречий и соотношения сил внутри третьеиюньского блока.

Ленин, предвидя неизбежность расхождения октябристов и черносотенцев, указал и те вопросы, по которым они расходились. Это, во-первых, вопрос о власти: черносотенцы «хотят, опираясь на самодержа-

³ Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг., с. 19.

⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 16, с. 59.

⁵ Там же, с. 59—62.

⁶ См. Зырянов П. Н. Третья Дума и вопрос о реформе местного суда и волостного управления. — История СССР, 1969, № 6, с. 47, 62.

⁷ Звезда, 22.IV (5.V.) 1912. Как известно, и Ленин, считая возможными в России «немецкие рельсы», подчеркивал, что «эта возможность превратится в действительность не иначе, как через ряд «общедемократических» натисков». Без этого натиска снизу Струве, Гучков и Столыпин в своей попытке «народить бисмарковскую Россию» были бессильны перед лицом пуришкевичевщины (Ленин В. И. ПСС. Т. 47, с. 224).

вие, распоряжаться по своей воле и в свою пользу казной, забирать в свои руки все доходные места, хозяйничать в государстве как в своем имении», а октябристы «хотят часть власти в государстве взять в свои руки, желают утвердить конституцию в свою пользу»; и, во-вторых, вопрос о способе предотвратить революцию: черносотенцы «верят в то, что одним полицейским кулаком, нагайкой, пулеметом и штыком можно уничтожить всякую революцию, всякое стремление народа к свету и свободе», а октябристы «хотят обмануть народ разными законами, по внешности, как будто вводящими реформы, улучшения в жизнь государства и народа, на деле же служащими интересам богачей»⁸. По мере подавления первой революции и затем нарастания новой борьба между либерально-монархическим крылом и черносотенным внутри третьей-июньского блока обострялась⁹.

Самодержавие, будучи субъектом политики лавирования, в равной мере являлось и объектом противоположно направленных усилий своих партнеров по блоку: если буржуазия добивалась эволюции самодержавия в буржуазную монархию, то интересы крепостников требовали «сохранения и формального восстановления» его¹⁰. Николай II не оставался сторонним наблюдателем этой борьбы, а шел — чем далее, тем более — на сближение с черносотенными помещиками¹¹. Есть основания полагать, что он никогда полностью не разделял идей Столыпина: если последний считал, что «идти назад нельзя» и определенный минимум реформ необходим как раз для победы над революцией¹², то первым делом царя после подписания манифеста 17 октября было создание «Союза русского народа»¹³; и если кабинет Столыпина намерен был лавировать между поместным дворянством и либеральной буржуазией, то Николай II уже в 1907 г., по свидетельству С. Ю. Витте, качался на качелях, на одной стороне которых находился Столыпин, а на дру-

⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 16, с. 177—178.

⁹ Вехи этого процесса отмечены Лениным. Так, в январе 1912 г. он считал столкновения между крепостниками и либеральной буржуазией неизбежными, иначе лишь (в отличие от Мартова) оценивая их значение: они ничего не решают в смысле серьезного изменения к лучшему; однако игнорировать эти конфликты непозволительно: они могут дать повод к демократическому движению (Ленин В. И. ПСС. Т. 21, с. 86). В начале 1913 г. Ленин констатировал «трещину» в третьей-июньской системе, усиливающийся «процесс отмежевки правого, крепостнически-реакционного крыла контрреволюции от либерально-буржуазного крыла той же контрреволюции» (Ленин В. И. ПСС. Т. 22, с. 321, 325—326, 378—379). В середине 1913 г. лагерю революции Ленин противопоставляет уже не единый контрреволюционный блок, а «лагерь палачей и крепостников, монархии и охранки» и «лагерь буржуазии, которая вся, от кадетов до октябристов, кричит и стонет, призывая к реформам и сама себя объявляя в «дурках» за допущение мысли о возможности реформ в России» (Ленин В. И. ПСС. Т. 23, с. 304—305). Осенью 1913 г. большевики отмечали: «Третьеиюньский союз трещит по швам» (За правду, 12(25).X.1913). И, наконец, в мае 1914 г. налицо «распад, колебания, взаимное недоверие и недовольство внутри системы 3-го июня, внутри помещиков и реакционной буржуазии» (Ленин В. И. ПСС. Т. 25, с. 149—150).

¹⁰ Там же. Т. 14, с. 26.

¹¹ Так, осенью 1907 г. Ленин отмечал процесс подчинения самодержавия черносотенным помещикам и предсказывал на основании этого замедление темпов экономического развития России и освобождения ее от остатков крепостничества, что, в свою очередь, должно было обусловить развитие сознательности и боевого демократизма в массах городской и сельской мелкой буржуазии (Ленин В. И. ПСС. Т. 16, с. 126). В апреле 1910 г., имея в виду отказ царя утвердить законопроект о штатах морского генштаба, Ленин писал: «Царь еще и еще раз открыто и решительно встал на сторону черной сотни и выступил против самонадеянных попыток ограничения его власти» (Ленин В. И. ПСС. Т. 19, с. 227).

¹² См.: Дякин В. С. Столыпин и дворянство (Провал местной реформы). В кн.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л. 1972, с. 233—234; Владимиров А. Буржуазия между двумя революциями.— Проблемы марксизма, 1931, № 8—9, с. 142; Извольский А. П. Воспоминания. Пг.-М. 1924, с. 157.

¹³ Из дневника А. В. Романова за 1916—1917 гг.— Красный архив, 1928, № 1(26), с. 199.

гой — доктор Дубровин¹⁴ (один из основателей «Союза русского народа»).

Столыпин, считая себя вправе дойти в деле подавления революции не только «до усиленных репрессий», но и «до диктатуры»¹⁵, вынужден был тем не менее провозгласить программу реформ¹⁶. Они были побочным продуктом революционной борьбы¹⁷, и объем их и глубина определились в момент провозглашения не волею того или иного государственного деятеля¹⁸, а соотношением сил революционных и контрреволюционных классов. И от того, как оно в дальнейшем изменялось, зависела судьба этой программы. С подавлением революции буржуазно-либеральные силы, стоявшие за осуществление реформ, оказывались слишком малочисленны и слабы, чтобы рассчитывать на успех¹⁹. Правые же не могли быть и не стали опорой Столыпина-реформатора; они поддерживали его там и постольку, где и поскольку он подавлял революцию, и меняли свое отношение к нему по мере успехов в деле «успокоения»²⁰. При первых же шагах по пути реформ Столыпин натолкнулся на сопротивление такой силы, какой оказалось объединенное дворянство.

Ленинская характеристика Столыпина как уполномоченного российского дворянства широко распространена в нашей литературе. Однако толкуется она нередко в смысле полнейшей солидарности его с объединенным дворянством. При этом принимается во внимание только часть ленинской характеристики. «Столыпин,— пишет Ленин далее,— не только представитель диктатуры крепостников-помещиков; ограничиться подобной характеристикой значит ровно ничего не понять в своеобразии и в значении «столыпинского периода». А это своеобразие и значение как раз в том, что «Столыпин пытался... старое самодержавие переделать в буржуазную монархию»²¹. И вот тут-то он неизбежно сталкивался с объединенным дворянством. Еще в октябре 1907 г., выясняя возможность конфликтов правительства Столыпина с третьедумскими большинствами, Ленин приходил к заключению, что «конфликты возможны прежде всего между черносотенным элементом первого большинства и правительством»²². Что касается часто цитируемой фразы из ленинской статьи «Столыпин и революция», то в ней остается незамеченным акцент, придающий характеристике Столыпина иной, чем это принято считать, смысл²³. У Ленина сказано: «И эта био-

¹⁴ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М. 1960, с. 347.

¹⁵ Сборник речей П. А. Столыпина, произнесенных в заседаниях Государственного совета и Государственной думы. 1906—1911. СПб. 1911, с. 27—28.

¹⁶ Новое время, 25.VIII. 1906.

¹⁷ Примечательна в этом отношении реакция на столыпинскую программу реформ представителя правых, отличавшихся, как известно, ясностью классового сознания: «Под давлением революции вносятся в Думу проекты, которые требуют воздействия антиреволюционного». В кн.: Труды третьего съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб. 1907, с. 27.

¹⁸ «В области идей,— пишет бывший товарищем Столыпина по министерству внутренних дел С. Е. Крыжановский,— Столыпин не был творцом, да и не имел надобности им быть. Вся первоначальная законодательная программа была им получена в готовом виде в наследство от прошлого. Не приди он к власти, то же самое сделал бы П. Н. Дурново, или иной, кто стал бы во главе (Крыжановский С. Е. Воспоминания. Берлин, 6/г., с. 214).

¹⁹ Еще весной 1906 г. Ленин писал: «Если самодержавие решительно и окончательно раздавит революцию, то кадеты станут бессильными, ибо их сила есть сила производная от революции» (Ленин В. И. ПСС. Т. 12, с. 302—303).

²⁰ Тот же Крыжановский отмечал: «Смута затихла, а с успокоением ослабевало и то напряженное общественное чувство, которое давало опору Столыпину... [в слоях], которые имели большое влияние у престола» (Крыжановский С. Е. Ук. соч., с. 212—213).

²¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 20, с. 329.

²² Там же. Т. 16, с. 145.

²³ Исключение составляет книга В. С. Дякина «Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг.» (с. 25).

графия главы контрреволюционного правительства есть в то же время биография того класса, который проделал нашу контрреволюцию и у которого Столыпин был не более, как уполномоченным или приказчиком»²⁴. Ленин здесь подчеркивает подчиненное, зависимое положение Столыпина относительно класса крепостников. И делалось Лениным это не случайно: в либеральной, да и в меньшевистской среде на преувеличенном представлении о самостоятельности Столыпина, его «независимости» и «полновластности» покоилась вера в возможность реформ, «мирной» эволюции самодержавия в буржуазную монархию. Еще в конце 1906 г. плехановская характеристика Столыпина как «полновластного» вызвала резкое возражение Ленина: «Столыпин не только не полновластен, а совершенно ничтожный лакей царя и царской придворной шайки черносотенцев»²⁵. Речь шла как раз о бессилии Столыпина перед крепостниками в его попытке переделать самодержавие.

Однако в начале деятельности Столыпина в качестве премьера соотношение сил внутри третьей юнкерской группы было благоприятно для его реформаторских планов. Думу он легко мог преодолеть, в крайнем случае с помощью октябристско-кадетского большинства. Государственный совет также был в его руках. В ходе переговоров весной 1907 г. «между правительством и группой центра было достигнуто полное взаимопонимание... Группа фактически оказалась в подчинении у правительства, стала послушным исполнителем желаний премьер-министра». В начале 1907 г. «в группу центра входило 102 человека (из 196 членов Совета)»; к тому же она неизменно поддерживалась и «левой» группой²⁶. Этот перевес «центр» сохранял до весны 1909 г.²⁷ Что касается Николая II, то по крайней мере до весны 1908 г. Столыпин мог рассчитывать на его поддержку. В реакции царя на жалобы крепостников чувствовалось тогда нечто вроде досады, он отказывал им в праве что-либо требовать. «Теперь, как стало спокойнее,— сетовал он в письме к матери в марте 1908 г.,— дворянство начало жаловаться на разные нововведения и реформы,— но спрашивается, как и чем оно помогло правительству в страшную осень 1905 года. Ровно ничем. Все попрыгали и присмирели, думая, что настал конец»²⁸. Ближнему к «сферам» А. А. Кирееву Столыпин представлялся «незаменимым» еще в феврале 1909 г., когда внезапная болезнь премьера, по свидетельству генерала, «напугала Царское Село»²⁹.

До первой русской революции помещичье дворянство не видело нужды в самостоятельной классовой организации: правительство казалось достаточно и сильным и верным, чтобы оградить его экономические и политические привилегии³⁰. События 1905—1907 гг. показали, что это не так. Правительство, хотя и подавило революцию, достаточно ясно обнаружило свое стремление опереться и на буржуазные слои общества. Дворянство (к этому времени уже «объединенное») усмотрело в этом непосредственную угрозу себе: «Правительство заигрывает с теми слоями населения, на которые оно надеется опереться, и конечно правительство пожертвует нами в пользу крестьян, если почувствует,

²⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 20, с. 325.

²⁵ Там же. Т. 14, с. 145.

²⁶ Степанский А. Д. Политические группировки в Государственном совете в 1906—1907 гг.— История СССР, 1965, № 4, с. 54, 61—62.

²⁷ См. Бородин А. П. Усиление позиций объединенного дворянства в Государственном совете в 1907—1914 годах.— Вопросы истории, 1977, № 2, с. 64.

²⁸ Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907—1910 гг.— Красный архив, 1932, № 1—2 (50—51), с. 184.

²⁹ Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ОР ГБЛ), дневник А. А. Киреева. ф. 126, к. 15, л. 14.

³⁰ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 17, с. 432.

что на них может опереться»³¹. «Наступило время,— заключал Н. А. Павлов,— когда надо использовать все силы, умение и смелость, чтобы сохранить существование класса поместного дворянства»³². Осознав, что речь идет о том, быть или не быть³³, объединенное дворянство уразумело то, что единственное средство спасти себя — это сохранить в своих руках власть: «Дворянство есть первое сословие государства и выбросить его из интересов народа, выбросить из всех дел, которые разбираются в Государственной думе и в Государственном совете, загнать его в какой-то угол, посадить его только на сословное дело,— будет смертью для дворянства... этого дворянство никогда не допустит! Дворянство — передовое сословие — должно вести государственный корабль, указывать верный путь государству. Напрасно говорят, что не надо бороться. Нет, вся жизнь состоит в борьбе»³⁴.

Настороженное отношение объединенного дворянства к программе Столыпина обнаружилось уже на втором съезде уполномоченных дворянских обществ в ноябре 1906 г., когда предложение В. Н. Снежкова приветствовать Столыпина и выразить сочувствие его политической программе было отклонено: «Выражать одобрение программе председателя Совета министров преждевременно, ибо она еще пока является невыясненной»³⁵. Спустя четыре месяца третий съезд поручил Постоянному совету (ввиду предстоящего обсуждения аграрного вопроса во II Думе) «ревниво оберегать исторические устои государства и при первой встреченной необходимости решительно выступить в их защиту перед его императорским величеством»³⁶. Основания для тревоги у крепостников действительно были: Столыпин, желая получить в лице кулака опору, в своих мероприятиях неизбежно шел дальше того, что было необходимо для ограждения дворянских привилегий и землевладения; и хотя намеченные им реформы с точки зрения демократии никуда не годились, для поместного дворянства они, несомненно, означали некоторую уступку буржуазным верхам деревни. А, как заметил Ленин, «сохранение крепостнического хозяйства, дворянских привилегий и самодержавно-дворянского режима — вопрос жизни и смерти для этих мастодонтов»³⁷. Отсюда крайне воинствующий характер их выступлений. Поэтому-то и в отношении аграрной политики Столыпина среди объединенных дворян не было полного единодушия³⁸; безоговорочно она принималась в той ее части, которая не затрагивала их интересов (а таковой был лишь закон о предоставлении крестьянам государственных земель); другие же части аграрной программы — изменение устава Крестьянского банка, разрешение залога наделных земель, переход к

³¹ Труды третьего съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 262. Такого же мнения был и член Постоянного совета дворянских съездов кн. Н. Ф. Касаткин-Ростовский: «Нет, все очень скверно... Я лично прихожу к заключению, что правительство нас предаст» (там же, с. 266).

³² Труды второго съезда уполномоченных дворянских обществ 31 губерний. 14—18 ноября 1906 г. СПб. 1907, с. 101.

³³ Вопрос действительно стоял так. Ср. у К. Маркса: «Феодальные сословия упорно держатся за старое: для них дело идет о том, быть или не быть, т. е. о сохранении собственности или об экспроприации» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4, с. 314).

³⁴ Труды VIII съезда уполномоченных дворянских обществ 37 губерний. 5—11 марта 1912 г. СПб. 1912, с. 102. «Сословие,— писал И. Н. Скворцов-Степанов еще в 1905 г.,— не может примириться с таким исходом, как умирание. И вот здесь-то формула: «Государство принадлежит дворянству» приобретает всю свою действительную силу, выступает во всей своей цинической обнаженности» (Степанов И. От революции к революции. М.-Л. 1925, с. 33).

³⁵ Труды второго съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 5.

³⁶ Труды третьего съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 267.

³⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 16, с. 140.

³⁸ Уже отмечалось, как «мало буржуазного было в тех мотивах, которые толкали объединенное дворянство на разрыв с вековой традицией и правительства и дворянства в аграрном вопросе» (Владимиров А. Ук. соч., с. 139).

подворному и хуторскому владению — для части объединенных дворян были неприемлемы, встретили резкую критику³⁹ и сопротивление⁴⁰.

Неприемлемость же политической части программы Столыпина вытекала из ясно выраженного стремления помещного дворянства сохранить свое господствующее положение в государстве. Борьбу против намеченных реформ политического строя объединенные дворяне развернули во всех сферах общественной и государственной жизни; однако, учитывая место и роль верховной власти в новой системе законодательства, а также слабость своих позиций в правительстве и законодательных учреждениях, они обратили свои взоры прежде всего к монарху. «Наша защита,— говорил, например, Д. Н. Кованько,— единственно царская власть, которая будет оборонять нас и не утвердит закона, который идет вразрез с интересами дворянства»⁴¹. Хорошо понимая, что в условиях буржуазной монархии это сословие вынуждено будет сойти с исторической сцены, крепостники выступили поборниками «мощного и неограниченного самодержавия»⁴². Так же хорошо понимали они и другую сторону отношений — зависимость самодержавия от дворянства, указывая при этом на пример Франции, где, говорили уполномочен-

³⁹ Характерный эпизод: В. Л. Кушелев, выступая на V съезде уполномоченных, заявил, имея в виду указ 9 ноября: «Мы все ему сочувствуем». Однако громкие крики «Нет! Нет!» заставили его поправиться: «Большинство, по крайней мере» (Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб. 1909, с. 306). Об отрицательном отношении объединенных дворян к аграрной политике Столыпина см. там же: с. 25, 87—88, 108, 163, 169—170, 193; Труды второго съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 98—100, 125; Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1908, с. 138, 371. Резкую критику Столыпин встретил и со стороны правых членов Государственного совета. Так было, например, при прохождении через него законопроекта «О предоставлении Крестьянскому поземельному банку продолжать покупку и продажу земель на свой счет» (Государственный совет. Стенографические отчеты. 1910—1911 годы. Сессия шестая. СПб. 1911, стлб. 512—514, 1077, 1085—1091, 1120—1123, 1135—1138); см. также выступления правых при обсуждении в Государственном совете законопроекта «О выдаче Крестьянским поземельным банком ссуд под залог наделных земель» (Государственный совет. Стенографические отчеты. 1911—1912 годы. Сессия седьмая. СПб. 1912, стлб. 5530—5532, 5539, 5551—5552).

⁴⁰ С ним приходилось считаться и иногда предпринимать специальные меры. Так, по свидетельству видного октябриста С. И. Шидловского, бывшего докладчиком земельной комиссии Думы по законопроекту, «сильная оппозиция» указу 9 ноября в Государственном совете предвиделась, и известное думское дополнение (о принудительном переходе к подворному владению обществ, где переделов не было или вовсе, или со времени наделения землей, или в течение последних 24 лет) «имело целью привлечь на себя внимание Государственного совета с тем, чтобы в нужный момент его уступить, но за то сохранить самую суть указа 9 ноября» (Шидловский С. И. Воспоминания. Ч. 1. Берлин. 1923, с. 178—181). Надо полагать, что это сыграло свою роль: и в особой комиссии и в общем собрании Государственного совета более всего возражений встретил именно этот, I отдел проекта, а из ст. I его были исключены общества, не имевшие переделов в течение 24 лет. Однако многие правые (Д. А. Олсуфьев, А. С. Стишинский, П. Н. Дурново и др.) выступили против принципа личной собственности и пытались обеспечить общине право преимущественной покупки продаваемых домохозяевами наделных земель (Государственный совет. Стенографические отчеты. 1909—1910 годы. Сессия пятая. СПб. 1910, стлб. 1179—1186, 1484—1488, 1577—1600, 1607—1618, 1640—1642). А один из активных деятелей дворянских съездов, Я. А. Ушаков, в качестве члена особой комиссии Государственного совета заявил себя принципиальным противником указа 9 ноября, отвергая самое необходимость, полезность и желательность дальнейшего его действия (там же, стлб. 1132, 1189—1207). П. Н. Зырянов указывает на случай «едва ли не прямого саботажа» проведению реформы со стороны земских начальников (Зырянов П. Н. Современная англо-американская историография столыпинской аграрной реформы.— История СССР, 1973, № 6, с. 193). И вряд ли этот случай был единичным.

⁴¹ Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ 29 губерний. СПб. 1906, с. 74.

⁴² Труды второго съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 43; см. также Труды третьего съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 109, 265; Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 111—112; Труды VI съезда уполномоченных дворянских обществ 33 губерний. СПб. 1910, с. 138; ср. Ленин В. И. ПСС. Т. 16, с. 176.

ные, «за разгромлением дворянства последовало и разгромление монархической власти»⁴³. «Мы должны,— предлагал первому съезду уполномоченных кн. В. М. Урусов,— сказать государю, что без дворянского сословия погибнет монархия». «Дворянство,— вторил ему Я. А. Ушаков,— не утратило своей жизненности, его чувства не манифестация, а сила, которую и надо, как опору, предложить монарху»⁴⁴.

Утверждая, что самодержавие крепко их силою, объединенные дворяне были, разумеется, правы, и Николай II это понимал. Естественно, что объединенное дворянство добилось права на всеподданнейший доклад после каждого своего съезда, пользовалось оно и ходатайствами на высочайшее имя, незамедлительно получало ответные телеграммы с благодарностью за верноподданические чувства и пожеланиями успеха. Будучи всегда в телеграммах этих лаконичным и сдержанным, Николай II в феврале 1911 г., кроме обычной «сердечной благодарности», заявил, что «дворянство в своем служении престолу и родине может рассчитывать на его полное доверие и поддержку». Это окрылило крепостников⁴⁵ и, несомненно, способствовало усилению их натиска.

В первый период контрреволюции⁴⁶, когда во главе правительства стоял Столыпин, а в Думе и Государственном совете правые пребывали в меньшинстве, монарх был единственным, у кого они находили помощь в борьбе с реформами⁴⁷. Разумеется, Николай II не брал на себя миссию провалить тот или иной законопроект своим отказом утвердить его. Дело решалось, как показывает следующий, типичный в этом отношении пример, намного проще. А. А. Бобринский, докладывая V съезду о депутации к Николаю II по вопросу о местной реформе, рассказывал: «Со стороны государя императора мы услышали успокоение, что уездные предводители и их права нарушены не будут, что они так же близки к сердцу государя императора, как и к нашему... Дело было в дальнейшем приостановлено внесением этого проекта не в законодательные учреждения, а в Совет по делам местного хозяйства, с приглашением в него десяти губернских предводителей»⁴⁸. Таким образом, на этом этапе борьбы правые, не имея возможности провалить столыпинские законопроекты (ибо ставить монарха в конфликт с обеими «палатами» нельзя было без окончательной дискредитации его), преследовали более реальную цель — затормозить ход законодательства и тем временем изменить состав Государственного совета, чтобы он взял на себя задачу окончательно похоронить все проекты реформ. В лице верховной власти объединенные дворяне обрели мощного союзника, что и определило успех их борьбы. Конечно, полагать, что Николай II стал их орудием, было бы неосновательно; по крайней мере это противоречило бы некоторым указаниям современников. Так, Ф. А. Головин писал, что царь «действует всегда сознательно, хитрит, подчас злобно издевается над обществом и в то же время трусливо прикрывается приговорной наивностью. Ради сохранения власти в своих руках в воз-

⁴³ Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 252.

⁴⁴ Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 5, 6; см. также: Труды третьего съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 263; Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 129—130; Труды IX съезда уполномоченных дворянских обществ 39 губерний, СПб. 1913, с. 15.

⁴⁵ Труды VII съезда уполномоченных дворянских обществ 37 губерний, СПб. 1911, с. 94, 126.

⁴⁶ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 20, с. 324; т. 21, с. 12.

⁴⁷ В марте 1910 г. на VI съезде уполномоченных В. Н. Снежков, говоря о неприемлемости проекта реформы о губернаторах, видел в обращении к верховной власти единственную возможность провалить его, ибо большинство в законодательных учреждениях, по его словам, не было солидарно с объединенным дворянством, как, впрочем, и правительство (Труды VI съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 144).

⁴⁸ Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ, с. 103.

можно полном объеме он не останавливается ни перед чем. Интересы династии и личного самолюбия для него выше пользы государственной»⁴⁹.

Добиться поддержки Николая II в борьбе со столыпинским «реформированием» правым не составляло особого труда⁵⁰. Переход царя на сторону объединенных дворян объясняется рядом обстоятельств. Прежде всего превращение в буржуазную монархию означало для самодержавия отказ от собственного существования. «Противоестественность такого самоубийства» обусловила, по наблюдениям Е. В. Тарле, типичность революционной гибели абсолютизма⁵¹. В России имело место не только это вполне естественное нежелание упразднить себя — здесь носители верховной власти видели в сохранении самодержавия свою главную задачу, свое назначение. Поэтому-то в период революции Николай II под давлением обстоятельств шел на уступки с большой неохотой, соглашаясь при этом всегда с теми, кто рекомендовал уступить наименее⁵². Теперь, найдя в объединенном дворянстве опору, это стремление к сохранению полноты власти в своих руках усиливалось и уже не только не поддавалось влиянию либерально-монархических сил, но и подавляло их⁵³.

В этом направлении Николай II получает постоянные импульсы и поддержку в своем ближайшем окружении: разросшейся фамилии Романовых, ближайшей свите, дворе, высших чинах армии и бюрократии, верхушке православной церкви. Этот могущественный слой был всецело обязан своим существованием самодержавному строю и поэтому не менее Николая II оказывался заинтересованным в сохранении и укреплении самодержавия. Своеобразными аккумуляторами настроений этой прослойки были политические салоны (Е. В. Богдановича, М. Э. Клейнмихель, В. П. Мещерского, С. С. Игнатьевой и др.), представлявшие собою своеобразную кухню, где изготавливались различного рода политические рецепты, разрабатывались контуры тех или иных мероприятий, предreshались судьбы государственных деятелей. Политически активные члены этой верхушки составляли т. н. дворцовую камарилью, неофициальное правительство, которое и проводило свои идеи в жизнь, используя для влияния на царя близость к нему, а также различного рода авантюристов и проходимцев, оказавшихся по тем или иным причинам влиятельными. Состав дворцовой камарильи, естественно, не был постоянным, с новыми проблемами являлись и новые люди.

Не последнюю роль в усилении самодержавных настроений сыграла царица. В. Н. Коковцов пишет: «Второю особенностью мировоззрения императрицы Александры Федоровны, которую она усвоила себе рядом с религиозностью и постепенно восприняла как чисто политический догмат,— была ее вера в незыблемость, несокрушимость и неизменность русского самодержавия, каким оно выросло на пространстве своего трехвекового существования. Она верила в то, что оно несокрушимо, потому что оно вошло в плоть и кровь народного сознания и неотделимо от самого существования России... В своем политическом веровании императрица была гораздо более абсолютна, нежели госу-

⁴⁹ Записки Ф. А. Головина.— Красный архив, 1926, № 6(19), с. 125—126; см. его показания в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (Падение царского режима. Т. V. М.-Л. 1926, с. 372—373); Тарле Е. В. Соч. Т. V. М. 1958, с. 534—535.

⁵⁰ Царь «был тоже правым», свидетельствовал А. Д. Протопопов (Падение царского режима. Т. IV. Л. 1925, с. 6). Так же характеризовал царя и А. А. Кирсев (ОР ГБЛ. ф. 126, к. 14, л. 276).

⁵¹ Тарле Е. В. Соч. Т. IV. М. 1958, с. 328—350.

⁵² См.: Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903—1919. Т. I. Париж. 1933, с. 64—65; Мосолов А. При дворе императора. Рига. 1932, с. 11; Витте С. Ю. Ук. соч. Т. 2, с. 334—335.

⁵³ Коковцов В. Н. Ук. соч. Т. 2, с. 155—156.

дарь»⁵⁴. Огромное, всевозраставшее влияние царицы, как личности более цельной и сильной, на Николая II отмечается всеми современниками.

Одно из обстоятельств, объясняющих легкость перехода царя на сторону объединенных дворян, заключается в том (одинаковом, видимо, для всех монархий, эволюционирующих в буржуазные) положении монарха по отношению к правым и либералам, которое Вильгельм II в своих воспоминаниях характеризует так: «С консервативной партией у меня, естественно, было много сношений и точек соприкосновения, так как лица, принадлежавшие к поместному дворянству, часто встречались со мной на придворных и других охотах или приезжали ко двору, а также занимали придворные должности. Через их посредство я мог получать обстоятельные сведения обо всех аграрных вопросах и знать, в чем нуждается земледелец... Свободомыслящие под руководством своего «непоколебимого вождя»⁵⁵ не имели никаких сношений со мной, они ограничивались оппозицией... В консервативной партии было много членов, имевших прямые отношения со двором и лично со мной. Следовательно, для этой партии было легче, чем для всякой другой, быть осведомленной о моих планах в политической и других областях и обсуждать со мной мои предположения раньше, чем дело доходило до законопроектов»⁵⁶. В России, бесспорно, связи монарха с правыми были не менее тесными; что касается отношений его с либерально-монархическим крылом, то в отличие от Германии (где не было контакта и — только) здесь имела место враждебность, все более и более обострявшаяся. Николай II никогда не был склонен принимать либералов всерьез, считая их бессильными болтунами. «Грозная по внешности, но бессильная по существу, вторая Дума еще более утверждает Николая II в уверенности, что реакционная политика безопасна для трона»⁵⁷.

Таким образом, ситуация в России складывалась не оригинальная: как и абсолютная монархия в Пруссии, а еще раньше в Англии и Франции, самодержавие не желало добровольно превращаться в буржуазную монархию. Оно не согласно было на добровольное отречение. Кроме личных предрассудков, Николаю II связывала руки целая армия гражданских, военных и церковных бюрократов, не желавших менять свое господствующее положение на служебную роль. С другой стороны, поместное дворянство упорно держалось за старое. Понятно, что Николай II видел: его истинные интересы совпадают с интересами объединенного дворянства⁵⁸. И для самодержавия и для поместного дворянства намеченные Столыпиным реформы — если не сразу, то в перспективе, своими последствиями — означали вполне определенный шаг по пути к их гибели (разумеется, только в смысле превращения первого в конституционную монархию и ликвидации сословной обособленности второго), и наивно было бы предполагать у них добрую волю, не говоря уже о желании⁵⁹ совершить этот шаг без предварительных попыток

⁵⁴ Там же, с. 350—351; см. также: Мосолов А. Ук. соч., с. 30, 127; Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Т. 3. Париж. 1933, с. 280; Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. Изд. 2-е М., б/г., с. 174—175, 190, 203.

⁵⁵ Имеется в виду видный представитель буржуазной оппозиции, лидер партии «свободомыслящих» Е. Рихтер.

⁵⁶ Император Вильгельм II. События и образы. Берлин. 1923, с. 29, 89.

⁵⁷ Записки Ф. А. Головина, с. 127.

⁵⁸ Ср. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4, с. 314.

⁵⁹ Ленин не раз говорил о необходимости «революционного обучения» царей конституционализму, обращая при этом внимание на то, что обычная для Европы трудность приспособления абсолютизма к буржуазному базису существенно была усугублена в России особенностями ее исторического развития. «Либеральные дурачки, — писал он в 1911 г., — болтают о примере конституционной монархии вроде Англии. Да если в такой культурной стране, как Англия, не знавшей никогда ни монгольского ига, ни

помериться с врагом силой, тем более что из опыта 1905 г. правые заключили: уступками революцию не остановишь, ей следует противопоставить силу⁶⁰.

В первое время после революции, когда Столыпин занимался «успокоением», вопрос о его отставке не ставился. Однако премьер, хотя и круто расправлялся с революцией, вызывал у крепостников тревогу. «В Столыпине,— писал в мае 1907 г. один из вдохновителей царя, П. Х. Шванебах,— явственно было желание, если не искать сближения с кадетством, то по крайней мере по возможности подлаживаться под его требования. Он верил и продолжает верить в возможность упрочения в России демократического конституционного строя; пуще всего боится упреков в реакции (не желая понять, что реакция в силу естественного закона должна неизбежно завершить русскую революцию) и мечтает о какой-то роли примирителя между революцией и монархической властью». Даже в разработке и осуществлении мер подавления правые подталкивали Столыпина. Так, по свидетельству Шванебаха, в августе 1906 г. «под непосредственным давлением государя, который потребовал организации военно-полевых судов и быстрой репрессии террористических злодеяний, Столыпин подобрал вожжи и на время по крайней мере предстал перед лицом России в облике сильного и последовательного борца за порядок»⁶¹. Если в этом направлении Столыпина понукали, то в разработке программы реформ для II Думы и затем в попытке провести их через III Думу и Государственный совет он встретил в лице правых на все готовых врагов.

Вместе с тем менялось и отношение царя к Столыпину. «Император Николай II,— заметил С. Ю. Витте,— с трудом терпит людей, которых он в душе почитает выше себя в моральном и умственном отношении,— только при нужде»⁶². В условиях революции энергичный, твердый и властный Столыпин не только не вызывал каких-либо антипатий: царь действительно питал к нему чувства благодарности⁶³. И не мудрено: «Серьезность политического положения» оставляла одну надежду — «на твердость Столыпина»⁶⁴. По миновании острой опасности царь не мог не начать «тяготиться своим слишком популярным и восхваляемым председателем Совета министров»⁶⁵. Этим не преминули воспользоваться его политические противники из числа крайне правых⁶⁶. Сы-

гнета бюрократии, ни разгула военщины, если в такой стране понадобилось отрубить голову одному коронованному разбойнику, чтобы обучить королей быть «конституционными» монархами, то в России надо отрубить головы по меньшей мере сотне Романовых» (Ленин В. И. ПСС. Т. 21, с. 17; см. также т. 20, с. 359—360; т. 24, с. 298).

⁶⁰ Показательны в этом отношении письма, которыми обменялись Николай II и министр внутренних дел Н. А. Маклаков в октябре 1913 г.: обсуждая план «обуздания» Думы и превращения ее в законосовещательное учреждение, они пребывают в уверенности: «Если поднимется буря и боевое настроение перекинется далеко за стены Таврического дворца, губернские и столичные администрации сумеют подавить все волнения и самую смуту»,— надо только распустить Думу и объявить столицы на положении чрезвычайной охраны (Падение царского режима. Т. V, с. 193—199).

⁶¹ Записки сановника. — Голос минувшего, 1918, №№ 1—3, с. 115—116.

⁶² Витте С. Ю. Ук. соч. Т. 2, с. 312. Об этом свидетельствуют и представители правого лагеря (см. Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. Кн. 2. Нью-Йорк. 1955, с. 521—522; Падение царского режима. Т. VII. М.-Л. 1927, с. 219, показания Н. Б. Щербатова).

⁶³ См. письма Николая II к матери от 11.X.1906 и 8.III.1907 — Красный архив, 1927, № 3(22), с. 204; 1932, №№ 1—2 (50—51), с. 177.

⁶⁴ Вел. кн. Александр Михайлович. Ук. соч. Т. 2, с. 285.

⁶⁵ Коковцов В. Н. Ук. соч. Т. 2, с. 316. Некоторые вехи в этом охлаждении Николая II к Столыпину отражены в дневнике близкого к «сферам» Л. Тихомирова (см. Из дневника Льва Тихомирова.— Красный архив, 1933, № 6(61), с. 109; 1935, № 5 (72), с. 151; 1936, № 1 (74) с. 164).

⁶⁶ Так, кн. В. П. Мещерский, по свидетельству С. П. Белецкого, «будучи все время политическим и личным противником П. А. Столыпина, зорко следил за каждым его шагом, чтобы учесть ошибки Столыпина и подчеркнуть их в глазах государя с соответственной окраской» (Падение царского режима. Т. IV, с. 245).

грала определенную роль и докладная записка Столыпина со справкой из департамента полиции о частной жизни Распутина: премьер был перечислен в категорию врагов «нашего Друга»⁶⁷.

Правые атаковали столыпинские реформы везде: в прессе, в Государственной думе и Государственном совете, в министерствах и совете министров; поддержка царя была обеспечена. Напор правых не мог не сказаться и нашел свое выражение в увеличении их числа в правительстве и Государственном совете, в «поправении» самого Столыпина, короче — в поправении правительственного курса. При этом следует подчеркнуть: как бы ни был лично Столыпин убежден в необходимости намеченных им реформ, провести их в жизнь он был бессилён. Причина заключалась в том, что (как заметила позднее большевистская «Невская звезда» в отношении Коковцова) «глава правительства не может охранить сам себя, не может отстоять своего места, не может охранить своей должности, если он не будет проводить именно этой, черносотенной, политики. Другими словами: главой являются на деле «три группы» (камарилья, правое крыло Государственного совета и объединенное дворянство.— А. Б.), или, вернее, та из этих групп, которая достаточно правомочна, а министрам и премьер-министрам приходится «радеть» о собственной безопасности»⁶⁸. Столыпин оказался способным отступать только до определенного предела, и поэтому его убрали⁶⁹. К тому времени «черносотенная монархия взяла все, что можно было в ее пользу взять от контрреволюционных настроений всей русской буржуазии», закончилась первая полоса в истории русской контрреволюции⁷⁰.

После смерти Столыпина октябристы делают его имя знаменем «мирной эволюции», пытаясь сохранить направление правительственной политики. Правые, наоборот, стремятся во что бы то ни стало похоронить вместе со Столыпиным и его политику. «Довольно этой макабской пляски около зарытого в землю трупа Столыпина, чтобы сделать этот труп живым и из этого трупа сделать не только идола безумного поклонения, но и диктатора, правящего Россией, вместо ее бога, вместо ее царя и вместо ее народа!» — требует кн. Мещерский⁷¹. Отражая настроения своего салона, негодует на «горестный тон» газет и их «пересаливание» по поводу смерти Столыпина и А. В. Богданович в своем дневнике⁷². От Коковцова они потребовали «остановить эту роковую игру в разрушительные реформы и взять назад те проекты, поступившие на законодательное рассмотрение, которые для всякого беспартийного здравомыслящего человека не имеют другой цели, как разрушение старых порядков».

Планы реакции состояли в том, чтобы ликвидировать влияние октябристов на правительство (которое, по словам Мещерского, «огучковилось»), а затем пересмотреть основные законы и ликвидировать ограничения монарха в законодательной области⁷³. Коковцов, хотя и созна-

⁶⁷ Джунковский В. Ф. Воспоминания за 1911 год. ЦГАОР СССР, ф. 826, оп. 1, ед. хр. 51, л. 137; Милюков П. Н. Воспоминания (1859—1917). Т. 2. Нью-Йорк. 1955, с. 90. «Перед войной,— свидетельствует П. Жильяр,— политическое влияние государыни проявлялось лишь урывками. Она ограничивала свое воздействие главным образом тем, что вызывала удаление тех, кто заявляли себя противниками «старца»; (Император Николай II и его семья. По личным воспоминаниям П. Жильяра. Вена. 1921, с. 128; об этом же см. Воейков В. Н. С царем и без царя. Гельсингфорс. 1936, с. 71—72).

⁶⁸ Невская звезда, 8 (21).VII.1912.

⁶⁹ Мы разделяем мысль П. Н. Зырянова о логичности и закономерности террористического акта Богрова (Зырянов П. Н. Третья дума и вопрос о реформе местного суда и волостного управления, с. 61).

⁷⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 20, с. 324, 333, 372.

⁷¹ Гражданин, 1911, № 41, с. 1.

⁷² ЦГИА СССР, ф. 1620, оп. 1, ед. хр. 454, лл. 80б—9.

⁷³ Гражданин, 1912, № 9, с. 11; № 32, с. 12.

вал необходимость продолжать столыпинский курс, не мог помешать реакции ни перетасовать правительство, ни превратить Государственный совет в законодательную пробку⁷⁴. Объединенное дворянство, будучи сословной организацией, превращается в полуправительственный орган, корректируя в нужном ему направлении внутреннюю политику. Усиливается роль дворцовой камарильи. Наконец, и сам Коковцов был заменен откровенным реакционером И. Л. Горемыкиным. Сделано это было «в видах поправления состава Совета министров»⁷⁵.

Таким образом, 1911 г. в истории третьеиюньской монархии является переломным, ибо если до этого имели еще место попытки самодержавия «реорганизоваться по типу буржуазной монархии»⁷⁶, то теперь наступает полный застой: при направлении политики «классом крепостников-помещиков, царящих в виде правых партий, и в III Думе и в Государственном совете, и в придворных сферах Николая II» нормальное буржуазное развитие оказывалось невозможным⁷⁷. Причина краха столыпинского реформирования коренилась в самом третьеиюньском блоке: либерально-монархическое крыло его оказалось бессильным перед правым, крепостническим; «хозяева» России не приняли ни октябристской, ни столыпинской меры реформ. Единственной действительной силой, вынуждающей перемены, является, как подчеркивал Ленин, лишь революционная энергия масс⁷⁸.

⁷⁴ 7 декабря 1912 г. Коковцов выступил в Государственном совете с правительственной декларацией, в которой заявил, что предстоящая законодательная деятельность должна явиться «продолжением и последовательным развитием трудов истекшего времени»; быть «направлена и к отысканию новых путей для всестороннего усовершенствования русского государственного и общественного быта на строго правовых основаниях, установленных Высочайшим Манифестом 17 октября 1905 года». Однако правое большинство Государственного совета отвергло формулу перехода, выражавшую «готовность содействовать проведению в жизнь законопроектов и мероприятий правительства», и 76 голосами против 59 признало, что «обеспечение жизненных интересов и исторических заветов» Отечества и «всестороннее ограждение его чести и достоинства» требуют прежде всего «усовершенствования и развития вооруженных сил Империи» (Государственный совет. Стенографические отчеты. 1912—1913 годы. Сессия восьмая. СПб. 1913, стлб. 163—184).

⁷⁵ Падение царского режима. Т. V, с. 101 (показания В. Ф. Джунковского).

⁷⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 19, с. 258.

⁷⁷ Там же. Т. 21, с. 128.

⁷⁸ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 282.

МОСКОВСКИЕ ГОСТИ В НОВГОРОДЕ

В. А. Варенцов

В истории купечества остается малоизученным его высший, весьма своеобразный слой — гости. Дореволюционные историки практически не занимались конкретными исследованиями о гостях. Они сосредоточили внимание на более общих вопросах развития торговли, торговых путей. Что же касается истории городов и городского населения, посада, то до конца 30-х годов господствовала традиционная схема, наиболее полно изложенная В. О. Ключевским¹.

Начало специальному изучению гостей XV—XVI вв. положил В. Е. Сыроечковский². Он привлек внимание к их социально-экономической и политической роли в эпоху образования Российского государства. Высказанные Сыроечковским соображения о различии в положении гостей-сuroжан конца XV—первой половины XVI в. и гостей XVII в. были критически восприняты, поддержаны и развиты другими советскими историками. Об объединениях «гостей», их месте в жизни русского средневекового города XIV—XV вв., в политическом развитии России XVI в. писали М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, А. М. Сахаров, С. В. Бахрушин, А. П. Пронштейн, В. Н. Бернадский, А. А. Зимин³. Среди последних работ, в которых обобщена и теоретически осмыслена роль крупного купечества в XVI в., наиболее интересны статьи Н. Е. Носова и Б. Н. Флори⁴. В первой рассматриваются пути формирования раннебуржуазных слоев населения в феодальном городе, определяется уровень его экономического развития и при этом выявляется активная роль гостей в зарождении буржуазных отношений. Во второй

---

¹ Ключевский В. О. История сословий в России. Курс, читанный в Московском университете в 1886 г. М. 1913; его же. Соч. Т. 2. М. 1957, с. 373—398; т. 8. М. 1959, с. 24—112. См. так же: Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. 1. СПб. 1890, с. 274—291; Мельгунов П. П. Очерки по истории русской торговли IX—XVIII вв. М. 1905, с. 182—183; Довнар-Запольский М. В. Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв. В кн.: Москва в ее прошлом и настоящем. Ч. III. М. 1911, с. 12—13; Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI в. М. 1918, с. 271—272, и др.

² Сыроечковский В. Е. Гости-сuroжане. М.-Л. 1935.

³ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 1. М. 1952, с. 142—156; Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI веке. Харьков. 1957, с. 142—149; Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.-Л. 1961, с. 345—351; Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М. 1957, с. 150—161; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М. 1960, с. 412—423; Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М. 1960, с. 162—170; Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М. 1972, с. 218—219.

⁴ Носов Н. Е. Русский город и русское купечество в XVI столетии (К постановке вопроса). В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л. 1971; Флоря Б. Н. Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве (вторая половина XV—начало XVII в.).—История СССР. 1977, № 5; ср.: Карлов В. В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (К постановке вопроса). В кн.: Русский город, Вып. 1. М. 1975.

прослежена динамика развития привилегированного купечества в конце XV — первой половине XVI в. и в конце XVI — начале XVII века.

Ныне среди исследователей нет единого мнения о степени экономического развития русского города в рассматриваемое время. В частности, предстоит более точно определить уровень развития всего третьего сословия в разные исторические периоды и по регионам. Недостаточно изучена деятельность гостей в таких крупных центрах, как Новгород и Псков, их функции и привилегии, численность на протяжении XV — XVII веков. Не освещена судьба многих торговых семей, известных по источникам того времени. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы показать возрастание роли гостей в социально-экономической и политической жизни одного из крупнейших феодальных центров России конца XV в. — Новгорода. Изучение деятельности переселенных в этот город из Москвы представителей высшего купечества важно для характеристики экономического развития России в XVI веке.

В Древнерусском государстве гостями чаще всего называли тех торговцев, кто вел торг за пределами страны, или, наоборот, иностранцев, приехавших торговать в Русскую землю. В отличие от них людей, торговавших в городе или в определенной местности, именовали купцами. Однако слово «гость» употребляется летописцами и применительно к купцам многих областей Древней Руси. В летописях имеются упоминания о низовских, новоторжеских, полоцких, смоленских, новгородских, тверских гостях⁵. По своему социальному положению гости первоначально, видимо, не выделялись резко в общей массе купечества, но и в XII—XIII вв. отмечается неоднородность этой группы феодального общества⁶. Ранние источники не говорят о большой разнице в характере торговой деятельности гостей и купцов, но осязаемое различие в оттенках терминов («гость» и «купец», «гостьба» и «купля») позволяет думать, что гостями называли наиболее состоятельных купцов.

Во второй половине XV в. купечество численно увеличилось и поле деятельности его заметно расширилось. Появились торговцы, постоянно связанные делами с определенными областями внутри страны либо с иностранными государствами. К этому времени относится больше всего упоминаний о сурожанах, суконниках, гостях московских, новгородских, псковских. Эти названия все еще отражают принадлежность купцов к определенным территориям или основное направление их торговли. Однако гость теперь уже резко противопоставлен купцам, суконникам и сурожанам, и летописцы не смешивают его с другими торговыми людьми. На это обращал внимание Сыроечковский: «Термин «гости» в княжеских договорах отнюдь не охватывает сурожан и суконников, наоборот — гости противопоставляются суконникам как высший, по сравнению с ними, разряд купечества»⁷.

В конце XV и особенно в XVI в. термин «гость» сросся с определением «московский»⁸. Это явление, очевидно, связано с успехом объединительной политики Ивана III. Русское государство стремилось использовать в своих интересах богатую и влиятельную верхушку купечества. Официально закрепив за московскими гостями определенные обязанности, правительство превратило их в верных проводников великокняжеской политики внутри государства и вовне его; на рубеже XV—XVI вв. термин «московский гость» понимали не в местном смыс-

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л. 1950, с. 322, 508, 559; 36, 54, 55, 253, 254, 368, 447, 559; 98, 459, 560.

⁶ Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М. 1976, с. 95.

⁷ Сыроечковский В. Е. Ук. соч., с. 37.

⁸ ПСРЛ. Т. VIII. СПб. 1859, с. 238; т. XII. СПб. 1901, с. 245; т. XXV. М.-Л. 1949, с. 323; т. XXVI. М.-Л. 1959, с. 257, 291; Иоасафовская летопись. М. 1957, с. 133, 139, и др.

ле (гость Москвы), а в общерусском, хотя имели в виду прежде всего столичное купечество, а чаще всего представителей высшего купечества, посылаемых правительством во вновь присоединенные к Москве земли.

Добившись присоединения Новгорода к Москве, центральное правительство старалось закрепить свою власть в Новгородской земле. Одной из главных мер, проводившихся Иваном III с этой целью, была конфискация земельных владений новгородских бояр, житых людей с последующим переселением на эти земли новых владельцев из Москвы. Не менее важной задачей было налаживание — в интересах всего Российского государства — торговых контактов с Западной Европой и Скандинавией через Новгород. Третья задача — возведение в нем новых крепостных сооружений — вставала потому, что Новгород являлся опорным пунктом русских войск на северо-западе страны. Требовалось, наконец, перестроить внутреннее управление Новгородом, ввести здесь новые, московские порядки.

Конфискация новгородских вотчин сопровождалась массовым выселением их бывших владельцев в центральные районы страны и водворением на освободившейся земле московских послужильцев. По данным В. Н. Бернадского и Г. В. Абрамовича, до 1489 г. правительство провело не менее пяти конфискаций земель, принадлежавших новгородским боярам, владычных и монастырских волостей⁹. Одновременно проводилось массовое выселение новгородцев. По свидетельству Никоновской и Иоасафовской летописей, Владимирского летописца, в 1487 г. великий князь вывел из Новгорода во Владимир 50 семей «лучших гостей новгородских»; в 1488 г. он вновь вывел «много» торговых людей и расселил их «по всем городам Московским»¹⁰. Наиболее грандиозным было переселение 1489 г., которому подверглись более тысячи бояр, житых людей и гостей. Великий князь «жаловал их на Москве» и дал поместья во Владимире, Муроме, Нижнем Новгороде, Переславле, Юрьеве, Ростове, Костроме «и по иным городам»¹¹. Освободившиеся владения Иван III передал «лучшим гостям» и детям боярским «с Москвы и из иных городов»¹². По подсчетам С. Б. Веселовского, с 1478 по 1503 г. на бывшие владения бояр и житых людей было переведено около двух тысяч человек¹³. В состав этих введенцев — представителей старых московских боярских родов, удельных князей, детей боярских из разных городов, бывших холопов — правительство включило московских гостей.

Кто же они такие? Фамилии их в московской среде были известны давно. Это Никита Тараканов и его сыновья Владимир и Василий, Фома и Гавриил Саларевы, Иван Сырков, Федор Боровитинов, Михаил Ямской, братья Иван, Семен, Матвей и Алексей Корюковы. Сыроечковский, подробно описавший московский период деятельности гостей, приводит много фактов из жизни Саларевых, Таракановых, Боровитиновых и других гостей-сурожан, торговавших с итальянскими колония-

⁹ Бернадский В. Н. Ук. соч., с. 318—322; Абрамович Г. В. Поганая писцовая книга. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. IX. Л. 1978, с. 192—193.

¹⁰ ПСРЛ. Т. XII, с. 219; т. XXX. М. 1965, с. 137; Иоасафовская летопись, с. 126. В Софийской второй и Львовской летописях под этим же годом имеются сведения о выводе семи тысяч житых людей (ПСРЛ. Т. VI. СПб. 1853, с. 238; т. XX, ч. I. СПб. 1910, с. 353).

¹¹ ПСРЛ. Т. VI, с. 37; т. VIII, с. 218; т. XII, с. 220; т. XXXI. М. 1968, с. 117. В Устюжском летописце вывод новгородских гостей отнесен к 1490 г. (Устюжский летописный свод. М.-Л. 1950, с. 98).

¹² ПСРЛ. Т. VIII, с. 218; т. XII, с. 220; т. XXXI, с. 117. «Тоя же зимы (1489 г.) князь велики москвич и иных городов людей посылает в Новгород на житие, а их выводит по иным городам». (Государственная публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина, рукописный отдел (РО ГБЛ), ф. 354, Вологодское собр., № 166, л. 861).

¹³ Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М.-Л. 1947, с. 289—298.

ми в Крыму во второй половине XV века¹⁴. Фома и Гавриил Саларевы происходили из рода сурожан Саларевых, известного со времен Дмитрия Донского. Иван Сырков и Гавриил Саларев в конце XV в. не раз были кредиторами московской знати. Купец Торокан, родоначальник знаменитых Таракановых, заложил едва ли не первые в Москве каменные палаты недалеко от Фроловских (Спасских) ворот у стен Московского Кремля¹⁵.

Переселившиеся гости получили возможность прочно обосноваться в Новгороде, построив свои усадьбы. По данным писцовых книг второй половины XVI в., все дворы гостей находились на Торговой стороне Новгорода и принадлежали трем-четырем поколениям владельцев¹⁶. Дворы Таракановых располагались на улице Рогатице. В писцовых книгах упоминается «палата каменная», находившаяся во дворе Андрея Тараканова (вероятно, именно ее остатки были обнаружены во время недавних археологических раскопок на Рогатице)¹⁷. Дворы и огороды Саларевых находились на Загородной улице, рядом с городским валом. Ямские и Корюковы имели дворы на Павловой, Варяжской и Кири-Ивановской улицах. Боровитиновы жили на Никитиной улице, а двор гостей Сырковых в течение трех поколений находился около Торга, рядом с церковью Жен-Мироносиц.

Московским гостям отводилась значительная роль в налаживании в городе новых порядков. В отличие от наместников, менявшихся очень часто¹⁸, гости связали свою жизнь и деятельность с Новгородом и Новгородской землей на протяжении нескольких поколений. Обязанности, возложенные на них, были разнообразны. Они участвовали в решении вопросов, связанных с внешней политикой Новгорода первой половины XVI в., заседали вместе с наместником в городском суде, заведовали денежным двором, руководили торговлей, выполняли различные поручения по наведению порядка в городе. Деятельность гостей отмечена также строительством новых культовых и оборонительных сооружений. С 1484 г. шло строительство новгородского Детинца «по старой основе», закончившееся к 1499 году. В 1502—1504 гг. повелением Ивана III по старому новгородскому валу были возведены новые деревянные стены с башнями. В организации работ принимали участие гости Фома Саларев, Иван Елизаров, Владимир Тараканов, занимавшие в городе должности новгородских купеческих старост. В 1507 г. Владимир Тараканов вместе с мастером Маркусом Греком строили новые стены вокруг крепости Ивангород. Участие гостей в сооружении укреплений в Новгороде отмечено и в 1534 году¹⁹.

После присоединения к Москве вся полнота власти в Новгороде принадлежала наместникам великого князя. На них возлагалась обязанность «всякие... дела судебныя и земския правити по великого кня-

¹⁴ Сыроечковский В. Е. Ук. соч., с. 89—94.

¹⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.-Л. 1950, № 74; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. (АСЭИ). Т. 1. М. 1952, № 499; РО ГБЛ, ф. 303, Троице-Сергиев монастырь, № 520, л. 211; № 536, л. 53; ПСРЛ. Т. VI, с. 191.

¹⁶ Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI века. СПб. 1911, с. 109, 217—222, 272; Греков Б. Д. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду конца XVI в. СПб. 1912, с. 8—9, 31; Гусев П. Л. Писцовая книга Великого Новгорода 1583—1584 гг. СПб. 1906, с. 8.

¹⁷ Хорошев А. С. Раскопки южной части Плотницкого конца. В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М. 1978, с. 192—194.

¹⁸ С 1478 по 1572 г. в Новгороде сменилось около 100 наместников (Пронштейн А. П. Ук. соч., прилож. 3, с. 259—268).

¹⁹ Янин В. Л. О продолжительности строительства новгородского кремля конца XV в.—Советская археология. 1978, № 1, с. 259—260; ПСРЛ. Т. IV, ч. I, вып. 3. Л. 1929, с. 610—611, 292—293, 302; Косточкин В. В. Крепость Ивангород. В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР. № 31. М. 1952, с. 296—297.

зя пошлинам и старинам»²⁰. Однако при ведении судебных дел наместниками и их тиунами не обходилось без злоупотреблений и взяток, и в 1518 г. по приказу великого князя новгородский суд был реорганизован. Он состоял теперь из двух инстанций, в высшую из которых вместе с наместником входил купеческий староста Василий Никитич Тараканов, а в низшую — вместе с тиунами — четыре выборных целовальника из «лучших людей» города, менявшиеся каждый месяц. П. П. Смирнов и А. П. Пронштейн видят в этой перестройке судебных органов появление в Новгороде выборного суда в составе старосты и 48 целовальников, который действовал при наместниках и их тиунах²¹. Есть, однако, основания считать, что состав как высшего суда (наместник и купеческий староста), так и низшего (тиуны и целовальники), скорее, назначался по указанию великого князя. В летописи говорится, что дворецкому великого князя И. К. Сабурову, дьяку Алексею Щекину и дворцовым дьякам Семену Борисову и Звяге Софонову было поручено «выбрать из улиц лутших людей чetyредесять восемь человек и к целованию привести». И «оттоле по государеву слову... уставили судити с наместники старосту купецкого Василия Никитина сына Тараканова, а с тиуны судити целовальником по 4 человека на всякий месяц»²². Это мало схоже с выборами на уличанских сходах. Включение гостя в систему судопроизводства, конечно, повышало авторитет московской администрации в глазах посадских людей. Подтверждением зависимости купеческого старосты, сидевшего в суде, от воли великого князя, может служить известная грамота об отставлении от службы 31 января 1555 г. старосты Ивана Борзунова²³, запрещающая ему «в суде у наших наместников и у дворецкого быти». За службу Борзунов владел поместьем, при отставке оно было отписано на государя.

На московских гостей возлагалось и руководство новгородским денежным двором, который начал действовать во время чеканки новых монет в Москве, в период проведения денежной реформы Елены Глинской 20 июня 1535 г. Находился он на Торговой стороне в переулке между церквями Святых отцов и Николы на Дворище²⁴. «А во дворе денежном,— пишет летописец,— велел князь великий ведати, смотрети накрепко дельщиков денежных и мастеров своему гостю Московскому Богдану Семенову сыну Корюкова с товарищи, чтобы во дворе было без всякой хитрости»²⁵. По мнению А. А. Зимина, назначение Корюкова наблюдать за работой денежного двора усилило недовольство новгородцев. Это назначение, как считал А. А. Зимин, сыграло не последнюю роль в том, что некоторые круги новгородского дворянства поддерживали сепаратистское движение князя Андрея Старицкого²⁶.

Назначение гостя Корюкова на место руководителя и ревизора денежного двора, вызвавшее недовольство новгородских дворян, следует связывать с общей линией развития московско-новгородских отношений 30—40-х годов XVI века. Именно в то время усиливается контроль над политическим и экономическим развитием Новгорода. В 1531 г. по приказу приехавших из Москвы дьяков Якова Шишкина,

²⁰ ПСРЛ. Т. IV, ч. I, вып. 3, с. 261.

²¹ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. I. М.-Л. 1947, с. 101; Пронштейн А. П. Ук. соч., с. 171, 222.

²² ПСРЛ. Т. IV, ч. I, вып. 3, с. 540; т. VI, с. 280—281; т. XX, ч. I, с. 397.

²³ Дополнения к актам историческим (ДАИ). Т. I. СПб. 1846, № 86, с. 139.

²⁴ Майков В. В. Ук. соч., с. 235.

²⁵ ПСРЛ. Т. IV, ч. I, вып. 3, с. 570—571.

²⁶ Зимин А. А. О монетной реформе правительства Елены Глинской. В кн.: Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. М. 1963, с. 245—250. Гости участвовали в организации работы денежного двора и в более позднее время (Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 г. по 1617 г. В кн.: Материалы и исследования по археслогии СССР. № 44, М. 1955, с. 259).

Афанасия Курцова и дворцового дьяка Мити Великого была проведена перепланировка города, размерены после майского пожара улицы на Софийской стороне, по всему городу расставлены решетки и посты огневщиков (пожарников). Затем у решеток появились сторожа, следившие за порядком в городе. В 1532 г. был построен большой мост через Волхов, на сооружение которого выделено «из великого князя казны 200 рублей московских». Возведение мостов в Новгороде отмечено летописями в 1536, 1537, 1547 годах. В 1537 г. на случай обороны от «мятежника» Андрея Старицкого за пять дней был выстроен деревянный острог на Торговой стороне²⁷. В ряду подобных мер назначение Корюкова представляется вполне последовательным актом.

Гости исполняли и чисто полицейские обязанности. В грамоте, присланной из Москвы в Новгород в 1556 г.²⁸, говорится об одном из гостей, «старосте большом» Алексее Сыркове, который контролировал продажу вина в питейных заведениях. При исполнении служебных обязанностей ему было нанесено оскорбление словами и действием. За это виновный был обязан заплатить штраф в 50 рублей. Сумма штрафа (годовой оклад новгородского старосты) соответствовала высокому положению Сыркова, причем поступок рассматривался как «бесчестье гостя», за что по ст. 26 Судебника 1550 г. уплачивалась такая же сумма. «Большой староста» также ведал сбором налогов. В платежнице Деревской пятины 1558 г. говорится о «податях» большому старосте и земским дьячкам, которые выделены в особую статью сборов²⁹.

Значительную роль гости играли во внешней политике Новгорода. С их именами связано подписание большинства торговых договоров с Ганзой, Ливонией и Швецией. Выселение из Новгорода купцов и гостей не преследовало цели подорвать торговлю с традиционными партнерами России — Ганзой и Ливонией. Помещенные на их место московские гости продолжали участвовать в решении вопросов внешней политики, поставленных еще во времена независимости Новгорода, но теперь уже имевших значение для всей России. Более того, центральное правительство не раз поручало наместникам при непосредственном участии гостей оформлять договоры «по старине»³⁰. Подписывали их все те же Саларевы, Ямские, Корюковы, Таракановы и Сырковы, причем все они также упоминаются в качестве новгородских купеческих старост.

В марте 1509 г. Ф. Д. Саларев и А. Г. Корюков участвуют в подписании новгородско-ливонского договора сроком на 14 лет. В. Н. Тараканов, брат Владимира, подписывает три торговых договора с Ганзой и Ливонией³¹. В мае 1514 г. В. Н. Тараканов подписывает новгородско-ганзейский договор, явившийся итогом двадцатилетней борьбы за установление выгодных торговых отношений. Новгородско-ливонский договор 1 сентября 1521 г. сроком на 10 лет подписывает также Василий Тараканов вместе с Богданом Корюковым. Он же вместе с Д. И.

²⁷ ПСРЛ. Т. IV, ч. 1, вып. 3, с. 548—549, 550, 575, 578; т. VI, с. 288, 290, 302; т. XIII, ч. 1, М. 1965, с. 60; т. XXX, с. 204.

²⁸ ДАИ. Т. 1, № 103, с. 152.

²⁹ Победимова Г. А. Налоговое обложение в Новгородском уезде (по платежнице Деревской пятины 1558 г.). В кн.: Проблемы отечественной истории. Ч. 2. М.-Л. 1976.

³⁰ ПСРЛ. Т. XIII, ч. 1, с. 11, 60, 90, 93, 117; ч. 2, с. 422; т. XX, ч. 1, с. 283.

³¹ Собрание государственных грамот и договоров (СГГД). Ч. V. М. 1894, № 57; Русско-ливонские акты (РЛА). СПб. 1868, № 306; ЦГАДА, ф. 64 (Сношения России с Лифляндией, Эстляндией и Восточной Финляндией), оп. 2, № 2. Имя В. Н. Тараканова было популярно в Новгороде. Исследователи отождествляют его с «гостем-заморянином» Таракашкой из былины «О премудром царе Саламане и Василии Окуловиче», записанной на территории бывшей Новгородской земли в Олонецкой и Архангельской губерниях (Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Т. III. М.-Л. 1924, с. 196—199; Зимин А. А. Отголоски событий XVI в. в фольклоре. В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Вып. 7. М.-Л. 1964, с. 404—405).

Сырковым ставит свою подпись и под договором 1 октября 1531 года. Договор 23 августа 1550 г. с Ливонией подписывают А. М. Ямской и В. А. Корюков, а договорная грамота с магистром Генрихом фон Галеном 24 июня 1554 г. подписана купеческими старостами Алексеем Сырковым и Иваном Борзуновым, новгородско-шведские договоры 1497, 1504, 1510, 1513 гг. — Ф. Д. Саларевым, Владимиром и Василием Таракановыми, Алексеем Корюковым³².

Участие гостей в важных для развития экономики и торговых связей России внешнеполитических акциях свидетельствует о возрастающей роли привилегированного купечества в Российском государстве. Именно эта деталь в переговорах со шведами вызывала возражения с их стороны и даже привела к войне. Однако и после русско-шведской войны 1555—1557 гг. им пришлось обращаться опять к новгородским наместникам и гостям. «И великий государь, — говорится в позднейшей летописи дипломатических сношений со Швецией, — королевских гонцов и послов к себе пропускать не велел и указал, чтоб они о миру договор чинили по-прежнему с новгородскими наместниками»³³.

Выполнение поручений дипломатического характера, как отмечает Б. Н. Флоря, «ставило «гостей» в особые отношения с аппаратом государственной власти» и «выделяло их из остальной массы горожан»³⁴. Эта деятельность гостей носила характер чисто служебный и контролировалась центральной властью.

Видимо, за эту-то службу они и получали, подобно дворянам, поместья, которые сохранялись за ними в течение службы и переходили к сыновьям и внукам. Отставка от «службы» (как в случае с Иваном Борзуновым) влекла за собой и конфискацию земельного владения. Поместья, полученные московскими гостями после переезда в Новгород, располагались в северной части Деревской пятины и были зафиксированы писцами около 1495 года³⁵. Как свидетельствуют пометы в писцовой книге, Саларевы и Таракановы получили поместья «против земель их московских»³⁶. Владения гостей не отличались большими размерами, только у Никиты Тараканова и Фомы Саларева они приближались по размерам (по 23 обжи) к владениям средних помещиков, поместья других московских гостей относились к мелким.

Получая от великого князя за службу поместья, гости, приравненные в этом случае к дворянству, все же составляли свое основное богатство не на казенной службе, а торговлей. Источники сохранили мало известий о занятиях гостей торговлей, тем не менее можно составить определенное представление и об этой стороне дела. В расходных книгах Софийского дома за 1547—1548 гг. сохранились сведения о покупке у Петра Тараканова сукон³⁷.

Более значительные сведения о масштабе торговли гостей дают вкладные книги. Крупнейшие в новгородских делах гости Таракановы

³² СГГД. Ч. V, № 65, 95, 105; РГА, № 331, 369; ЦГАДА. ф. 64, оп. 2, № 3—5, 8, 11; ф. 27, оп. 1, № 7, л. 82—89, 140—154. О договорах 1509 и 1514 гг. см. подробнее: Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Л. 1975, с. 242—260; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М. 1980, с. 168.

³³ РО ГБЛ, ф. 354, № 174, л. 7—7об., 14об., 15, 19, 26—28. В 1556 г. специально для Новгорода была изготовлена печать «печатати грамоты перемирные с Свейским королем Новугороду о перемирии и грамоты посыльные печатати о порубежных и о всяких делах ко Свейскому королю» (ПСРЛ. Т. XIII, ч. 2, с. 398).

³⁴ Флоря Б. Н. Ук. соч., с. 149.

³⁵ Новгородские писцовые книги. Т. 1, СПб. 1859, стб. 703—705, 781; Т. 2. СПб. 1862, стб. 118—119, 347—349, 465—467, 486—490.

³⁶ Владения Таракановых и Саларевых до переселения в Новгород упоминаются в документах XV—XVI вв. (см. РО ГБЛ, ф. 303, № 537, лл. 23об., 26об.; № 532, лл. 18—20об.; № 520, лл. 108об.—110; № 945; АСЭИ. Т. 1, № 56, 566, 595, 596).

³⁷ Греков Б. Д. Монастырское хозяйство XVI—XVII веков. Л. 1924, с. 88.

и Сырковы вкладывали в монастыри деньги и предметы торговли. Иван Сырков около 1475 г. дает в Троице-Сергиев монастырь ризы, камку, шитую жемчугом, кружева, шитые золотом и серебром³⁸. Его сын Дмитрий и внуки Алексей и Федор сделали вклад в Соловецкий монастырь на 60 рублей книгами и ризами. В тот же монастырь в 1558 г. Федор Сырков внес крест с мошами, украшенный жемчугом и драгоценными камнями, стоимостью более 300 рублей³⁹. Многочисленное семейство Таракановых по-прежнему тяготело к Москве и подмосковным монастырям. Никита Тараканов около 1511 г. делает вклад в 200 руб., а затем еще 60 руб. на поминание в Иосифо-Волоколамский монастырь⁴⁰, Елена Тараканова (жена Ильи Тараканова) в 1537 г. вносит в Троице-Сергиев монастырь сначала ковер, а затем 50 руб.; Матвей и Федор Владимировичи Таракановы в 1545 г. — жемчужное ожерелье стоимостью 23 рубля. Матвей Тараканов в 1554 и 1557 гг. дважды внес по 50 рублей. Четвертое поколение Таракановых (Никита Петрович, Юрий Андреевич, Богдан Васильевич и Офимья Тараканова с сыновьями) вкладывает в Троице-Сергиев монастырь деревни, унаследованные от первых Таракановых⁴¹. Таким образом, даже при отсутствии прямых данных о размере торговли гостей можно не сомневаться в их богатстве, поскольку и вещи (камка, ковер, ожерелье, сукна, кружева) и значительные по тем временам суммы денег, данные ими в монастыри, говорят сами за себя.

Экономическая сила гостей, рост их влияния на развитие культуры Новгорода XVI в. проявились в строительстве представителями привилегированного купечества каменных церквей. Анализируя новгородскую экономику XVI в., А. А. Зимин писал, что «некоторые материалы для решения этого вопроса мог бы дать анализ развития культуры в Великом Новгороде»⁴². Действительно, архитектура дает богатый материал, чтобы судить о различных сторонах деятельности гостей.

После значительного перерыва в новгородском храмовом строительстве оно возобновилось в начале XVI в., когда Иван Сырков вместе с сыновьями Афанасием и Дмитрием в 1506—1510 гг. поставили на Ярославовом дворище богато украшенную церковь Жен-Мироносиц. Освящение ее состоялось 10 ноября 1510 г. во время пребывания в Новгороде великого князя Василия III. Церковь Жен-Мироносиц — фамильный храм Сырковых, рядом с ней располагался и их двор⁴³. Здание церкви разделено на три этажа. Нижний, подвальный, был дополнительно разделен на два яруса деревянным перекрытием. В подвал вел отдельный вход. Подвальные помещения, предназначенные для хранения товаров, были хорошо защищены от почвенной влаги, имели надежные металлические решетки на окнах и двойные двери, окованные снаружи металлом⁴⁴. Напротив церкви Жен-Мироносиц, в пяти-шести метрах, расположена церковь Прокопия «с погребом» (1529 г.),

³⁸ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря 1673 г. Архив АН СССР, ф. 620, С. Б. Веселовский, оп. 1, д. 18, л. 402.

³⁹ Архив ЛОИИ СССР, колл. актов книг 2, № 152, л. 606 об.; № 125, л. 113; РО ГБЛ, ф. 199, Никифоровское собрание, № 537, лл. 7об.—8.

⁴⁰ Послания Иосифа Волоцкого. М.-Л. 1959, с. 70; Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. Вып. V. М. 1906, № 8, с. 16.

⁴¹ Архив АН СССР, ф. 620, оп. 1, д. 18, лл. 124об., 281, 135, 203об., 266—266об. Род Таракановых занесен в синодик Троице-Сергиева монастыря с упоминанием вкладов (РО ГБЛ, ф. 304, II, № 346, л. 245).

⁴² См. История СССР, 1959, № 2, с. 209—211 (рец. на кн. А. П. Пронштейна «Великий Новгород в XVI веке»).

⁴³ ПСРЛ. Т. III. СПб. 1841, с. 200, 247; т. IV, ч. 1, вып. 3, с. 537, 612; т. XIII, ч. 1, с. 12; т. XXX, с. 140, 204.

⁴⁴ Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М., Шуляк Л. М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований. В кн.: Новгород. К 1100-летию города. М. 1964.

построенная Дмитрием Ивановичем Сырковым,⁴⁵ — миниатюрная копия предыдущей. Складские помещения располагались в двух нижних этажах. Конструктивные особенности этих двух построек указывают на практическое использование каменных церквей в торговых целях.

Дмитрий Сырков, строитель церкви Прокопия, известный купеческий староста, в 1515 г. как «нарядчик» присутствовал на освящении церкви Успения в Тихвине, в 1524 г. дал деньги на поновление патронального храма новгородского купечества (церковь Параскевы Пятницы на Торгу), в 1532 г. — на постройку церкви Успения Колмова монастыря с каменными трапезной и поварней. В том же году он «нарядчик» при церкви Св. Николая на владычном дворе, в 1536 г. по его приказу перестраивают верх церкви Варлаама на Ярославовом дворе⁴⁶. Таким образом, Д. И. Сырков являлся распорядителем и заказчиком многих построек⁴⁷.

Наряду с постройками Сырковых в Новгороде сохранилась церковь Климента на Иворове улице, восстановленная в 1520 г. В. Н. Таракановым. Он же строил церковь Успения в селе Сытине на берегу Ильменя в 1538 г. Жена его дяди, Ильи Тараканова, Елена (по летописи — вдова) осенью 1538 г. распорядилась поставить церковь Федора Стратилата с трапезной в монастыре св. Николы в Воротниках. Приписка в летописи — «а тогда была она у государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси, у великой княгини Елены на сенех»⁴⁸ — свидетельствует о близости Таракановых к правителям государства. Гость Богдан Корюков (руководитель Денежного двора) в 1532—1533 гг. возвел две каменные церкви: одну в честь святого Иакова Заведеева (Иакова Компостельского), другую — Зачатья Иоанна Предтечи. Обе они являлись приделами к церкви Воскресения на Павловой улице⁴⁹.

Летописи содержат и другие сведения о строительстве новгородских церквей московскими гостями в 1516, 1527, 1534, 1536 годах⁵⁰. Характерное в этом отношении сооружение — церковь Бориса и Глеба в Плотницком конце Новгорода (1536 г.), сохранившаяся до наших дней. Строили ее пять месяцев «20 новгородских больших мастеров» при участии жителей Запольской и Конюховой улиц вместе с «Московскими гостями и Новгородскими»⁵¹. Специально для церкви Бориса и Глеба, своего нового патронального храма, московские и новгородские гости в 1560 г. заказали икону с избранными новгородскими и общерусскими святыми на полях⁵².

⁴⁵ ПСРЛ. Т. IV, ч. 1, вып. 3, с. 547; т. VI, с. 287.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. III, с. 247; т. IV, ч. 1, вып. 3, с. 540—541, 550, 573; т. VI, с. 282, 290, 298; т. XIII, ч. 1, с. 64; РО ГБЛ, ф. 178, № 733, л. 536об.; ГИМ, собр. Забелина, № 261, л. 417об.; Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина (РО ГПБ), собр. Погодина, № 1403, л. 463.

⁴⁷ Термин «нарядчик», часто повторяющийся в летописях применительно к гостям, нельзя понимать как «подрядчик» (см. Пронштейн А. П. Ук. соч., с. 145—146). «Нарядчик» не только организует, но во многих случаях также финансирует и контролирует работу по возведению храмов соответственно своим вкусам и потребностям. Само слово «нарядчик» в словаре И. И. Срезневского также соответствует понятию «распорядитель» (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. СПб. 1902, с. 327).

⁴⁸ ПСРЛ. Т. IV, ч. 1, вып. 3, с. 540, 616, 578—579; т. VI, с. 281, 303.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. III, с. 248; т. IV, ч. 1, вып. 3, с. 550; т. VI, с. 289; т. XIII, ч. 1, с. 63—64; РО ГБЛ, ф. 178, № 733, л. 537об.; ГИМ, собр. Забелина, № 261, л. 418об. Богдан — прозвище, а настоящее имя Корюкова — Иаков (Яков).

⁵⁰ ПСРЛ. Т. IV, ч. 1, вып. 3, с. 540, 567, 574—575; т. VI, с. 282—283, 300, 303. Конкретные лица не указаны.

⁵¹ ПСРЛ. Т. IV, ч. 1, вып. 3, с. 574—575, 578; т. VI, с. 300, 303.

⁵² Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. Т. 2. М. 1963, № 366, с. 26—27. В облике церкви заметны московские архитектурные влияния и вообще «неумелое и нечеткое применение архитектурных форм, пришедших из Средней России» (см. Романов К. К. К вопросу о влиянии взаимоотношений между строителями и заказчиками на формы зодчества в Новгороде в XV—XVI вв. В кн.: Изобразительное искусство. Л. 1927; Гладенко Т. В. и др. Ук. соч., с. 248).

Участие гостей в церковном строительстве Новгорода особенно усилилось в 50—60-е годы XVI в. в связи с деятельностью известного гостя, ставшего государевым дьяком, — Федора Дмитриевича Сыркова. По завершении Ф. Д. Сырковым трудной миссии в Колывани (Таллине) в 1548—1554 гг. недалеко от Новгорода возводится Сырков монастырь с церковью Феодосия Печерского и храмом Владимирской божьей матери. Сырков монастырь был не только резиденцией государева дьяка, но и центром пригородного новгородского книгописания⁵³. Две из сохранившихся восьми рукописных книг XVI в. этого монастыря — Устав церковный и Евангелие толковое — имеют вкладные записи и пожертвованы Сырковым монастырю в период его строительства⁵⁴. В числе построек Сыркова несколько монастырей: Николо-Розважский, рядом с территорией Кремля (середина 50-х годов XVI в.)⁵⁵, Тихвинский, возведенный по заданию Ивана Грозного в центральном Обонежье (1560 г.), крупное оборонительное сооружение⁵⁶, Арсениевский на берегу Волхова, на Михайловой улице⁵⁷, а также церковь Благовещения в Зеленой пустыни⁵⁸ и ряд других.

Результатом деятельности гостей было, таким образом, множество культовых построек. Как масштабы строительства, так и конструктивные особенности церквей позволяют говорить о богатстве верхушки гостей. Развернувшееся строительство влияло на городской ландшафт: вокруг новых построек появлялись целые комплексы городских усадеб, менявших общий вид города. Новые архитектурные веяния отражали вкусы и традиции московских гостей.

Из среды наиболее отличившихся на службе великому князю гостей постепенно формировался новый слой чиновничества — дьячество. Судьба Федора Сыркова — характерный пример эволюции гостей в сторону слияния с классом феодалов, что выражалось в получении ими официальных должностей и земельных владений. Если в 1538 г. Ф. Д. Сырков упоминается в источниках как гость, то через 12 лет летописи говорят о нем как о государевом дьяке, который вместе с другими дьяками, «собрав грамоты рядовские, положил оброк на всякого человека торгового»⁵⁹. В 1551 г. он выдает Федору Неледенскому «с товарищи» грамоту для описания Бежецкой пятины с целью определения размера устанавливаемого налога⁶⁰. В марте, декабре 1552 г. и в апреле 1553 г. он упоминается в связи со сбором податей с новгородского населения⁶¹. Особенно интенсивная деятельность государева дьяка Федора Сыркова приходится на 1554—1556 гг. и связана она с судебными и поместными делами. К этому времени относятся около 70 адресованных ему грамот от имени Ивана Грозного⁶² и 10 грамот, в которых Федор упомянут при разборе разных дел⁶³.

⁵³ ПСРЛ. Т. III, с. 250, 152, 157; т. XXX, с. 151, 152; ГИМ, Синод. собр. № 216, лл. 133об.—134.

⁵⁴ РО ГПБ, Соф. собр., № 1137; РО ГБЛ, ф. 445, Собр. Симферопольского пединститута, № 37; Розов Н. П. Искусство книги Древней Руси и библиогеография (по новгородско-псковским материалам). В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М. 1972.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. III, с. 159, 162; т. XXX, с. 157.

⁵⁶ РО ГБЛ, ф. 178. № 733, л. 548; ГИМ, собр. Забелина, № 261, л. 247об.

⁵⁷ Новгородский объединенный музей-заповедник, отдел рукописей (ОР НМ), № 10836, лл. 178—182.

⁵⁸ РО ГПБ, Соф. собр., № 1403, лл. 43—43об.; Памятники старинной русской литературы. Вып. 4. СПб. 1862, с. 63.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. IV, ч. 1, вып. 3, с. 662.

⁶⁰ Новгородские писцовые книги. Т. VI. СПб. 1910, стб. 566.

⁶¹ Самоковасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV—XVIII столетий. Т. I. М. 1905, с. 18—19, 34.

⁶² ДАИ. Т. I. № 47, 49, 50—65; № 51/IX—XV, XVII, № 52/V, VIII—XIII, XVII—XIX, XXXVIII, XXXIX; Архив ЛОИИ, колл. актовых книг 2, № 23, лл. 17—163.

⁶³ ДАИ. Т. I, № 51/XX—XXI; № 52/XIV—XV, XXIX; № 68, 93, 96, 101, 104.

Еще раньше, в 20-х годах XVI в., зафиксирован переход в дьячество В. Н. Тараканова. В 1518 г. как дьяк Василия III он участвует в переговорах с послом ливонского магистра Дитрихом Шимборком, а в 1522—1524 гг. — с турецким послом Скиндером, поднося ему от имени великого князя подарки⁶⁴. О том, что дьяки набирались из гостей, имеется и прямое свидетельство Григория Котошихина, относящееся, правда, к более позднему времени⁶⁵. Переход гостей на государственную службу, видимо, был вызван неустойчивым положением привилегированного купечества, стремлением избавиться от необходимости приспособливаться и лавировать между группировками феодальной знати.

В 1570 г. в жизни и деятельности гостей в Новгороде наступил перелом. После почти столетнего развития города в составе Российского государства он подвергся опричному разгрому⁶⁶, во время которого гости гибли и разорялись. Опричная армия 2 января 1570 г. подошла к стенам города и окружила его заставами. В числе первых казненных именитых горожан «Синодик опальных царя Ивана Грозного» называет Федора Сыркова⁶⁷. Имя Федора и других гостей не попало в официальные летописи, только на далекой Пинеге местный летописец в XVII в. упомянул его в своей летописи⁶⁸. Свидетелем смерти Федора Сыркова и его брата Алексея был Альберт Шлихтинг — «померанский уроженец», попавший в плен к русским еще в 1564 г. и служивший переводчиком у итальянского врача при дворе Ивана Грозного. Вспоминая виденное, Шлихтинг описывает жестокие мучения, а затем казнь братьев Сырковых и их родственников⁶⁹. В сохранившемся синодике Сыркова монастыря 1675 г. также упомянуты «убиенные» Федор и Алексей, погибшие в январе 1570 года⁷⁰.

«Синодик опальных» сохранил имена и других казненных гостей. Среди них сын Василия Никитича Тараканова Андрей, сын Алексея Корюкова Василий. Позднее в Москве был казнен и Семен Корюков. Погиб также представитель династии гостей Ямских — Дмитрий⁷¹. О запустении и разграблении дворов гостей свидетельствуют писцовые книги по Новгороду конца XVI века. При описании городских усадеб Таракановых на улице Рогатице упомянуты пустые дворы Таракановых: Федора, Андрея, Богдана, Петра. Под государеву дворовую меру отошли дворы Алексея Сыркова, Василия и Федора Ямских. Дворы А. Я. Корюкова и его дядей, Василия и Михаила, перешли к другим владельцам. На Торгу опустели гостиные места Ивана, Андрея и Юрия Боровитиновых⁷². Не многим лучше обстояло дело и в Деревской пя-

⁶⁴ Сборник Русского исторического общества. Т. 53. СПб. 1887, № 5, с. 56; Дунаев Б. И. Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М. 1916, с. 36, 39, 41, 72.

⁶⁵ Он писал: «И те дьяки во дьяцы бывают пожалованы из дворян Московских и из городовых, и из гостей, и ис подъячих» (Котошихин Григорий. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб. 1906, с. 26).

⁶⁶ Разгрому Новгорода, кроме соответствующих мест в работах С. Б. Веселовского, И. И. Смирнова, И. И. Полосина, А. А. Зимина, посвящена специальная статья Р. Г. Скрынникова (Скрынников Р. Г. Опричный разгром Новгорода. В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л. 1967).

⁶⁷ Скрынников Р. Г. Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник. — Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 278. Л. 1965, приложение I, II (далее — «Синодик опальных»); Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М. 1963, с. 451—452.

⁶⁸ Коланев А. И. Пинежский летописец XVII в. В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского дома. Л. 1972, с. 77.

⁶⁹ Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л. 1935, с. 64—65. Федора Сыркова автор называет «главным секретарем новгородским».

⁷⁰ ОР НМ, № 11033, лл. 63—63об.

⁷¹ Синодик опальных, с. 76, 78; Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л. 1969, с. 280—284.

⁷² Майков В. В. Ук. соч., с. 219, 221, 109, 217; Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. М. 1930, с. 1, 17, 110—112, 114, 170.

тине, где к 1573 г. большинство владений московских гостей запустело «от мору, от голоду, от худобы и государьских податей».

Обыскная книга Деревской пятины 1572—1573 гг. отразила тяжелые перемены, происшедшие за время Ливонской войны и опричнины, в судьбе гостей, принадлежавших к третьему-четвертому поколениям введенцев⁷³. В Листовском погосте вновь отмечены запустевшие владения Владимира и Василия Никитичей Таракановых⁷⁴ и их «братаничей Ивана и Федора Ильиных детей Тараканова». Поместья, принадлежавшие Богдану и его двоюродным братьям Михаилу и Василию Корюковым, запустели в 1567—1569 годах⁷⁵. Владения Федора и Алексея Сырковых, внуков Ивана Сыркова, в Островском погосте запустели в 1569 г., а владения Федора Боровитинова — за 27—30 лет до того. Еще до начала похода Ивана Грозного было выведено из Новгорода в Москву 150 семей гостей, из которых пять были прежние москвичи. В 1571 г. из Земской половины Новгорода в Москву отъехали еще 40 семей, а из Опричной половины — 60 человек с детьми⁷⁶.

Внедрение москвичей, казалось бы, обеспечивало Ивану III постоянное подчинение Новгорода Москве и выполнение требований, предъявлявшихся вновь присоединенной территории московской администрацией. Однако верхушка новгородского купечества в лице московских гостей, верой и правдой служивших великому князю, своеобразный городской патрициат, оказалась в двойственном положении. Гости на протяжении первых трех четвертей XVI в. передавали нити управления городом в руки своих сыновей и внуков. Обеспечив себе устойчивое положение, они прочно связали свою жизнь с Новгородом. Вероятно, в третьем-четвертом поколениях, переродившись, бывшие москвичи проявляли восприимчивость к устойчивым городским порядкам и традициям, сохранившимся в Новгороде от республиканского времени. Не случайно по отношению к Ф. Д. Сыркову и Б. С. Корюкову, наиболее известным в Новгороде гостям и купеческим старостам, применялся термин «посадник»⁷⁷. Однако к тому времени основные службы по управлению городом были уже налажены, и союз гостей с верховной властью кончился тем, что она, если употребить выражение Ф. Энгельса, «в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника»⁷⁸.

Переводом в Москву гостей, в том числе пяти семей старых москвичей, достигалась и другая цель — пополнение купечества столицы и укрепление московского посада, опустошенного набегом Девлет-Гирея в 1571 г., что выразилось в появлении в Москве в конце XVI в. Новгородской сотни, составленной из выведенных новгородцев⁷⁹. Все это свидетельствует, что давление феодального государства делало дальнейшее развитие купечества (даже его верхушки, гостей) по самостоятельному пути невозможным. Народившееся самодержавие подчиняло деятельность купечества целям феодального государства.

⁷³ ЦГАДА, ф. 137, Боярские и городовые книги, Устюг, № 117, ч. 1, лл. 135 об.—136, 390, 417—417об.

⁷⁴ Владимиру и Василию Таракановым принадлежали поместья и в Семечовском погосте Деревской пятины, запустевшие от государевых податей в 1568 г. (там же, л. 660об.).

⁷⁵ Дополнительно к прежним владениям Богдан Корюков не позднее 1543 г. получил отдельно от братьев в Листовском погосте новое поместье (ЦГАДА, ф. 1209, Поместный приказ, № 17150, лл. 55об.—57, 259об.—261).

⁷⁶ ПСРЛ. Т. III, с. 169; т. XXX, с. 205.

⁷⁷ ОР НМ, № 10836, лл. 178—182; ПСРЛ. Т. XXXI, с. 129.

⁷⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 412. «А что была у сурожан государева жалованная грамота в проездах и о всяких других государевых пошлинах, и государь тое грамоты отставил, а велел у сурожан имати все свои пошлины по старине». (Акты археографической экспедиции. Т. 1. СПб. 1836, № 282.)

⁷⁹ История Москвы. Т. 1. М. 1952, с. 150—151; Довнар-Запольский М. В. Ук. соч., с. 12—13.

УСИЛЕНИЕ МИЛИТАРИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ В КОНГРЕССЕ США В КОНЦЕ 70-х ГОДОВ

Н. М. Травкина

После непродолжительного периода, отмеченного определенной переоценкой прежней внешнеполитической практики, констатацией несостоятельности некоторых старых ее установок, во второй половине 70-х годов американский конгресс вновь изменил свою позицию в этом вопросе. Он отказался поддерживать соглашения ОСВ, начал отменять совсем недавно установленные ограничения на разведывательную деятельность и на американское вмешательство в дела других стран, выступил с призывом к перевооружению. Рассмотрение этих тенденций в подходе законодательной власти США к разработке внешнеполитического курса, исследование причин подобных изменений представляются важным и актуальным в современных условиях, характеризующихся резким обострением международного положения. Они помогают лучше понять истоки и причины поворота от разрядки к нагнетанию напряженности в отношениях между США и социалистическими странами, которым отмечено начало деятельности администрации Р. Рейгана.

В последнее время в советской американистике вопросу о роли конгресса во внешней политике США уделяется серьезное внимание. Исследуется деятельность законодательной власти в этой области, прослеживается история ее участия в разработке внешнеполитического курса, влияние сената на формирование международной политики страны, анализируются конкретные направления активности законодателей в этой сфере, роль конгресса в формировании американской политики по вопросу об ограничении вооружений, позиция законодателей по другим проблемам мировой политики и т. п.¹ Возросший интерес советских ученых к деятельности законодательной власти в США объясняется значительным увеличением политической власти конгресса в 70-е годы.

Рубеж 60—70-х годов, ознаменовавшийся глубокими общественно-политическими и финансово-экономическими потрясениями в США, послужил началом переоценки прежнего опыта руководства страной. Дебаты по национальным приоритетам, охватившие страну в конце 60-х годов, показали, что война в Индокитае и осуществление программы «великого общества» были сопряжены с серьезными экономическими и внутривнутриполитическими трудностями. Американское общество было охвачено массовым недовольством политикой правящих кругов. Неспособ-

¹ Белоголов А. М. Белый дом и Капитолий — партнеры и соперники. М. 1974; Государственный строй США. М. 1976; Иванов Ю. А. Две трети плюс один голос в пользу здравого смысла. — США — экономика, политика, идеология, 1978, № 9; его же. Конгресс: лабиринт власти и внешняя политика. — Там же, № 6; Савельев В. А. США: сенат и политика. М. 1976; его же. Внешняя политика и конгресс. — США — экономика, политика, идеология, 1976, № 12; Попова Е. И. Американский сенат и внешняя политика, 1969—1974. М. 1978; Кокошин А. А. За фасадом глобальной политики. М. 1981, и др.

способность противостоять экономическому кризису, дальнейшее обострение социально-политических противоречий свидетельствовали о кризисе методов государственного регулирования социально-экономических отношений. Президентское лидерство в руководстве страной на протяжении последних десятилетий позволило взвалить всю вину за «неправильное ведение дел в государстве» на исполнительную власть, одновременно повысив ответственность конгресса за их исправление.

Обострению критических настроений в отношении политического руководства способствовала и личность президента Р. Никсона. Тенденция обособления политико-бюрократической элиты, свойственная государственно-монополистическому капитализму, проявление ею определенной самостоятельности были усилены стилем руководства президента, нередко игнорировавшего конгресс при решении ряда вопросов. Влиятельные политические группировки требовали расширения полномочий конгресса, ссылаясь на концепции политического плюрализма и «противовесов», столь характерные для американской государственной системы.

В силу специфики своего формирования конгресс США отражает более широкий спектр мнений и интересов деловых кругов, чем президентская власть. В нем сохраняют большое влияние представители с мест, прежде всего ставленники различных группировок монополистического капитала, соперничающих как с основными группами финансовой олигархии, так и между собой. Взаимоотношения президента и конгресса в значительной мере определяются степенью консенсуса в рядах самой финансовой олигархии. Отход от обычно преобладающей в отношениях между президентом и конгрессом линии сотрудничества и возникшие между ними в начале 70-х годов расхождения и столкновения в значительной степени явились отражением разногласий в подходе различных группировок правящих кругов к проблемам и концепциям государственного управления. Поэтому в стремлении отрегулировать деятельность государственного механизма, согласно своим общим стратегическим целям и с учетом новой внешне- и внутривнутриполитической обстановки, американский правящий класс сделал ставку на законодательную власть.

Сферой особой активности конгресса стала внешняя и военная политика, где за предшествовавшие десятилетия законодательный орган был оттеснен исполнительной властью на второй план. В основе этого явления лежит комплекс причин, связанных с изменением действительных полномочий и функций органов государственной власти в ходе исторического развития США и особенно в условиях государственно-монополистического капитализма. Известно, что компетенция законодательного органа в буржуазном государстве зависит не столько от его конституционных прерогатив, сколько от его способности наиболее адекватно отражать интересы господствующего класса на каждом этапе развития общества². Изменение роли органов государственной власти в разных областях, их фактического положения и функций не нашло отражения в конституции США. Оно происходило по линии фактического закрепления новых норм и изменения текущего законодательства.

Переоценка внешнеполитической роли конгресса означала не просто переход законодательного органа власти от пассивности к активности в этой области. Она сопровождалась повышением действенности

² Данный вопрос достаточно всесторонне исследован. См.: Гантман В., Микоян С. США: государство, политика, выборы. М. 1969; Никифоров А. С. Правовые особенности президентской власти. — США — экономика, политика, идеология, 1972, № 8; Кочетков Г. Б., Савельев В. А. Информационные проблемы законодательных органов США. — Советское государство и право, 1974, № 11; Белоногов А. М. Ук. соч.; Государственный строй США; Савельев В. А. Ук. соч.

его акций, расширением круга вопросов, по которым законодатели стали принимать решения. Принятие в 1973 г. закона, ограничивающего полномочия президента вести необъявленную войну без одобрения конгресса³, инициативы, направленные на сокращение американского военного присутствия за рубежом, меры по усилению законодательного контроля за деятельностью разведывательного ведомства, упорядочение системы закупок оружия явились серьезной заявкой на расширение роли конгресса в формировании военно-политического курса. Мероприятия по перестройке механизма бюджетной практики конгресса — бюджетная реформа 1974 г. — послужили базой для его деятельности в данном направлении⁴. Таким образом, конгресс занял важное место в решении военно-политических задач и разработке внешней политики США.

Период с 1976 по 1979 г. оказался переломным в подходе законодательной власти к военно-политическим вопросам. Конгресс, хотя и с некоторым запозданием по сравнению с исполнительной властью, стал очень активно поддерживать мероприятия, направленные на расширение силовых элементов во внешнеполитической практике. Формирование бюджета 1975 г. свидетельствовало о начале крупного сдвига в военной политике и стратегии США. В бюджетной политике был взят курс на долгосрочное наращивание и развитие вооруженных сил. Структура бюджета, и прежде всего рост расходов на разработку и закупку вооружений, давали основание специалистам заключить, что до конца десятилетия реальные размеры военного бюджета будут ежегодно возрастать. Законодатели не только поддержали этот сдвиг, но и в ряде случаев пошли дальше администрации, подталкивая ее к еще большим военным усилиям. Эти тенденции сыграли свою роль, заложив фундамент для роста военных расходов в будущем.

Усиление милитаристских настроений особенно наглядно проявилось в военно-бюджетной практике конгресса, являющейся наиболее обобщенным выражением взаимосвязи военной деятельности государства и экономики в мирный период. Порядок формирования военного бюджета в США предусматривает разработку проекта бюджета органами исполнительной власти, рассмотрение основных программ и выделение средств на их реализацию конгрессом и подписание проекта бюджета президентом, после чего проект становится законом. В силу того, что бюджет определяет возможность осуществления определенных программ, реализации конкретных целей, процесс его подготовки в США стал тем этапом в общей системе выработки государственной политики, на котором особенно остро проявляется противоборство конкурирующих группировок. Политическая борьба между «голубями» и «ястребами» вокруг соотношения военной и гражданской частей федерального бюджета на стадии его разработки и утверждения, когда выделяются реальные ресурсы в форме бюджетных ассигнований на осуществление определенных целей, отражает жестокую конкуренцию между отдельными группировками монополистической буржуазии за право определять направления развития государственной политики. Вопрос о том, кто и сколько получит, является основным в бюджетном процессе.

Рассмотрение и принятие бюджета находятся в центре деятельности конгресса США. По подсчетам известного американского государствоведа Дж. Гэллоуэя, 9/10 объема работы конгресса приходится на вопросы, связанные с распределением денежных фондов, поступающих

³ См.: Коновалов Д. Н., Савельев В. А. Акция по ограничению военных полномочий президента. — США — экономика, политика, идеология, 1974, № 2.

⁴ См. подробнее: Катасонов Ю. В. Бюджетная реформа, ее экономический и политический смысл. — Там же, 1977, № 4.

в распоряжение правительства⁵. Право конгресса ассигновывать — выделять средства на военное строительство — представляет один из важнейших рычагов воздействия на формирование военной политики. Поскольку в нашей историографии этой стороне деятельности законодательного органа не уделено достаточного внимания, целесообразно проследить сдвиги в подходе конгресса к вопросам внешней политики именно на примере рассмотрения им президентских проектов военных бюджетов во второй половине 70-х годов.

В отличие от предыдущих лет в рассматриваемый период бюджет, представляемый администрацией, перестал быть объектом ожесточенной критики и сокращений. Запрос президента на 1977 финансовый год был подвергнут буквально «косметическим» сокращениям в комитетах конгресса, а по ряду статей законодатели даже увеличили военные ассигнования. Конгресс санкционировал практически все основные программы создания новых систем вооружения, запрошенные президентом. На Капитолии получили поддержку планы заменить доктрину «взаимного гарантированного уничтожения» доктриной «гарантированного превосходства»⁶. Ряд инициатив, направленных на некоторое сдерживание роста военного бюджета, был отвергнут законодателями. В сенате бюджетный комитет отклонил предложение сенатора Б. Бая о сокращении военных расходов на 200 млн. долларов. В палате представителей значительным большинством голосов были отклонены предложения об уменьшении числа утвержденных ядерных подлодок с 4 до 2; о запрете полетных испытаний ракет с маневрирующими разделяющимися боеголовками; об отсрочке ассигнований на 3 бомбардировщика «Б-1» до 1 февраля 1977 года⁷. Примечательно, что Капитолий согласился на резкое увеличение военных расходов как раз в то время, когда США участвовали в переговорах об ограничении стратегических вооружений (ОСВ), о запрещении и уничтожении химического оружия, о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, консультациях по вопросам о мерах, направленных на ограничение вооружений в районе Индийского океана, о полном запрещении испытаний ядерного оружия.

На 1978 г. обе палаты одобрили расходы на 2,7 млрд. меньше, чем планировал Пентагон⁸. Однако эти сокращения не распространялись на основные программы вооружений. Журнал вооруженных сил отмечает, что члены комитета, ассигнуя средства на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), исходили из того, что США «отстают от Советов в военной области все ускоряющимися темпами»⁹. К подобным аргументам американские политики прибегают всякий раз, когда необходимо оправдать новый виток гонки вооружений, за которым зачастую следует запоздалое признание в том, что т. н. отставание США было преувеличено. С 1979 г. конгресс не только перестал служить «тормозом» для наращивания военных расходов, но фактически выступил в роли «толкача» Пентагона. Конгресс решительно потребовал увеличения военного бюджета. Причем в данном вопросе особенно активным оказался сенат. Он стал одобрять уровни военных расходов значительно выше предложенных администрацией и одобренных палатой представителей. Сенат с трудом шел на компромиссы, в своих бюджетных решениях настаивая «во имя безопасности нации» на выделении дополнительных средств

⁵ См.: Wallace R. A. Congressional Control of Federal Spending. Detroit, 1966, p. 3.

⁶ Congressional Record (CR), 1976, May 7, p. H 4111; May 12, p. E 2539.

⁷ Congressional Quarterly Weekly Review (CQWR), 1976, № 16, pp. 923—924, 930—931.

⁸ Congressional Quarterly Almanac (CQA), 1977, Vol. XXXIII, p. 264.

⁹ Armed Forces Journal, October 1977, p. 21.

и оказывая давление на администрацию с целью их использования. В сентябре 1979 г. сенат проголосовал за ежегодное увеличение военного бюджета на 5% с учетом инфляции, предложенное сенатором Э. Холлингсом. Поправка была одобрена большинством в 55 голосов¹⁰ вопреки решению президента повышать военные расходы на 3%. Одобренный сенатом проект военных расходов на 1980—1983 гг. предусматривал увеличение военных расходов сверх того, что запрашивал президент, в общей сложности на 33,9 млрд. долларов¹¹.

Эти действия свидетельствовали о серьезном сдвиге в подходе сената к вопросам военной политики. Его позиция оказала влияние на решения как палаты представителей, так и исполнительной власти. Под давлением сената палата представителей потребовала увеличения военных расходов на 1980 фин. г., сверх одобренных на заседании палаты на 1,1 млрд. долларов¹². Отвечая на требования конгресса увеличить расходы Пентагона на 1981 г. на 5% в обмен на поддержку ОСВ, президент усилил финансирование стратегического оружия, в особенности программы «МХ»¹³.

Самым ярким свидетельством новой тенденции в сенате явилось прохождение санкционирующего билля на 1981 год. Оно резко контрастировало с ситуацией, имевшей место пять лет назад, когда конгресс еще поддерживал сокращение военных расходов. Президентский запрос составлял 46,9 млрд. долл., что в ценах 1981 г. было на 6% больше, чем запрашивал Дж. Форд на 1976 год. Сенатский комитет по делам вооруженных сил сократил запрос президента на 1976 г. на 16%, а в 1980 г. проголосовал за его увеличение на 1981 г. на 11%, т. е. на 5 млрд. долларов¹⁴. Комитет также увеличил ассигнования по статье «военнослужащие» на 1 млрд. долларов. Во время дебатов в сенате Дж. Стеннис представил билль как «новый старт... далеко идущих планов строительства всех видов вооруженных сил»¹⁵. Его призыв к перевооружению был широко поддержан в конгрессе. На заседании палаты не было предложено ни одной поправки с целью сокращения ассигнований, хотя билль включал финансирование многих, прежде считавшихся спорными и даже одно время вызывавших отрицательную реакцию администрации систем оружия: развертывание 100 дополнительных МБР «Минитмен II», реконструкция авианосца и боевого корабля. Некоторые поправки предусматривали перераспределение фондов между программами, однако в рамках, предложенных комитетом по ассигнованиям.

Сенат настоял на выделении Пентагону средств на продолжение работ по созданию нового сверхзвукового бомбардировщика «Б-1», от которого администрация Дж. Картера отказалась в пользу крылатых ракет¹⁶. Сенат также выделил на ближайшие годы в общей сложности 15,8 млрд. долл. на создание лазерного оружия¹⁷, использование в военных целях частиц высоких энергий и другие мероприятия, означавшие на деле форсирование работ по перенесению гонки вооружений в космическое пространство. Палата представителей при обсуждении военного бюджета на 1981 г. настояла на ассигновании средств на строительство завода по производству бинарного газа нервно-паралитического действия, а также на значительном расширении производства расщепляющихся материалов для военных целей¹⁸. Обе пала-

¹⁰ CQA, 1979, Vol. XXXV, p. 8-c.

¹¹ CQWR, 1979, № 38, p. 2030.

¹² Подсчитано по: CQA, 1979, vol. XXXV, pp. 242, 253.

¹³ Ibid., p. 409.

¹⁴ Ibid., Vol. XXXVI, 1980, p. 47.

¹⁵ CR, 1980, June 30, p. S 8856.

¹⁶ CQA, 1980, Vol. XXXVI, p. 48.

¹⁷ Ibid., p. 58.

¹⁸ Ibid., p. 166.

ты пересмотрели в сторону увеличения запрос администрации на нужды ВМС и ВВС, на наращивание арсенала ракетного оружия¹⁹.

Таким образом, именно конгресс выступал в ряде случаев инициатором подстегивания гонки вооружений, ее перенесения на новые опасные рубежи. Оценивая ситуацию в конгрессе, сенатор Г. Харт заявил, что она свидетельствует о зарождении среди законодателей консенсуса на основе осознания того фактора, что США «должны повысить свою обороноспособность»²⁰. Это создало благоприятную основу для восприятия на Капитолии дополнительных военных расходов и планов по расширению военного строительства, выдвинутых администрацией Р. Рейгана. Под маской миролюбия, под прикрытием лозунгов о повышении своей якобы поставленной под угрозу обороноспособности правящие круги США взялись за наращивание и модернизацию своего наступательного арсенала, ассигнуя все новые и новые миллиарды долларов на военные нужды. На фоне провозглашения Вашингтонского курса на слом военного паритета между СССР и США, между Организацией Варшавского Договора и НАТО, объявления целых регионов «сферой американских жизненных интересов» особенно бросается в глаза довольно своеобразное толкование американскими политиками понятия «оборона». Обороноспособность по-американски оборачивается старой привязанностью США к стратегическому превосходству.

Основу изменения политической ориентации конгресса составили сдвиги, происшедшие в правящих кругах США в отношении направлений всего политического курса страны. Такой поворот в подходе к внешней политике представляет собой традиционную для американского правящего класса реакцию на укрепление позиций социализма, рост национально-освободительного движения, упрочение сил, выступающих за разрядку и мир. Л. И. Брежнев отметил в этой связи: «Чем больше сокращаются возможности империализма господствовать над другими странами и народами, тем яростнее реагируют на это его наиболее агрессивные и недальновидные представители»²¹. Наиболее реакционные империалистические круги, с самого начала принявшие разрядку в штыки, повели на нее развернутое наступление. Начавшись с переоценки основополагающих принципов внешней политики, заложенных в послевьетнамский период, эти тенденции распространились и на область внутренней политики, подготовив базу для расширения реализации военных планов новой администрации. Эти процессы сопровождались социально-политическими изменениями внутри конгресса, что привело к пересмотру подхода законодательной власти к военным вопросам. За последние 5 лет заметно изменился политический климат в конгрессе. Произошли перемены и в его составе. На Капитолий пришли новые члены, выдвинулись новые лидеры, выросла новая сеть служащих. Все эти факторы имели решающее значение для формирования новой позиции конгресса на рубеже 70—80-х годов.

К концу 70-х годов временное отступление политического консерватизма, вызванное рядом неудач на международной арене и внутри страны, закончилось. Произошла перегруппировка сил. Правые силы перестали быть обороняющейся и оправдывающейся стороной. Влиятельные лица в США резко активизировали усилия по «пробуждению Америки от послевьетнамского синдрома». Используя все «заделы», созданные ими в предшествующие годы, они перешли в наступление на всех направлениях внешней политики. В основу их натиска был положен тезис о «разочаровывающих» для США результатах политики разрядки и необходимости подвергнуть переоценке систему внешних

¹⁹ Ibid., p. 47.

²⁰ CR, 1980, June 30, p. S 3364.

²¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Т. 8. М. 1981, с. 283.

для интересов страны угроз. Суть тактики консервативных кругов заключалась в том, чтобы с помощью «компетентных экспертов» создать представление о мнимом нарушении военного баланса между США и СССР вследствие проявленного будто бы американским руководством в отношении Советского Союза «излишнего либерализма» и проводившейся на протяжении последних лет политики, поощрявшей «односторонние уступки». В течение нескольких месяцев, предшествовавших выборам 1976 г., ставленник Дж. Форда новый директор ЦРУ Дж. Буш добился такого изменения оценок этим ведомством «угроз» со стороны СССР, что они стали даже более преувеличенными, чем оценки Пентагона. Появление в печати «сверхсекретных», «действительно объективных» и прочих оценок ЦРУ в сентябре — октябре 1976 г. активизировало и без того шумную антисоветскую кампанию.

Важное место в этих планах консервативные группировки правящего класса США отводили очередной предвыборной кампании. Развернутая в 1976 г. пропаганда о «военной угрозе» со стороны СССР была нацелена на подрыв позиций тех сил, которые выступали за разрядку и против гонки вооружений. Успеху консерваторов способствовала и непоследовательность самой администрации, которая, с одной стороны, ставила себе в заслугу переговоры по ограничению вооружений, а с другой — добивалась принятия рекордного в истории военного бюджета. Дж. Форд неоднократно заявлял, что в случае ограничения запрошенных им ассигнований на нужды обороны он пойдет на беспрецедентную меру — использование вето по законопроекту о бюджете. Администрация оказала самое мощное за период с 1960 г. давление на конгресс.

Результатом активных действий консерваторов в период избирательной кампании явился, как отмечали многие обозреватели, «определенный сдвиг вправо в социально-политической жизни страны»²². Однако это не означало, что консервативные силы одержали полную победу. Дискуссия о разрядке, проходившая в это время в конгрессе и американской печати, показала, что значительная часть общественности не одобряет зигзагов в сторону «холодной войны»²³. Период до 1979 г. отмечен острой борьбой двух тенденций в политической жизни США — курса на продолжение политики разрядки и курса на конфронтацию и гонку вооружений. В новых, более сложных условиях трезвомыслящие американские политики активизировали свою деятельность. Все это наложило определенный отпечаток на общую внешнеполитическую линию администрации Дж. Картера и на мероприятия конгресса в военной области, характеризовавшиеся непоследовательностью и противоречивостью. В то же время они свидетельствовали о том, что консервативные тенденции в политике американского правящего класса к 80-м годам стали господствующими.

Простой перечень мероприятий конгресса в этот период в военной области позволяет проследить нарастание консервативных настроений. Еще в 1976 г. либералы настояли на принятии поправки сенатора Дж. Калвера об отсрочке производства бомбардировщика «Б-1» до 1977 г. с тем, чтобы оставить решение этого вопроса на усмотрение вновь избранного президента²⁴. А уже в 1977 г. одобрение сенатом неожиданно незначительным большинством кандидатуры П. Уорнке, активного сторонника переговоров по ограничению вооружений, на пост главы американской делегации на переговорах ОСВ²⁵ было явным признаком активизации правых группировок на Капитолии.

²² The New York Times, 3.IX.1976.

²³ Результаты опросов служб Гэллага и Харриса см. The Washington Post, 2.X.1975; Foreign Affairs, December 1976.

²⁴ CQA, 1976, Vol. XXXII, p. 978.

²⁵ Ibid, 1977, Vol. XXXIII, p. 2-B.

В конце 1977 г. состоялись дебаты по вопросу о принятии на вооружение нейтронной бомбы, во время которых либералы потерпели поражение в обеих палатах²⁶. В мае 1978 г. республиканский кокус (общее собрание членов партийной фракции в палате) в сенате принял декларацию по национальной безопасности и внешней политике, которая содержала критику внешней политики Картера. Как обычно, для большей «убедительности» вновь был извлечен жупел «советской угрозы». Администрацию обвиняли в том, что она «не сумела осознать и донести до американского народа суть советской угрозы»²⁷. Единогласное одобрение документа явилось еще одним свидетельством сдвига вправо в настроениях конгресса при решении военно-политических проблем.

Следующим этапом отхода законодателей от прежних позиций в военных вопросах стало обсуждение соглашений ОСВ. В ходе дискуссии, в центре которой стояли вопросы наращивания военной мощи США и изменения в их пользу стратегического баланса сил, в конгрессе возобладал курс на прочную поддержку программы перевооружения и «восстановление американских позиций в мире». Консервативные силы не скрывали, что они стремились использовать рассмотрение Договора об ОСВ для того, чтобы дать толчок новому раунду гонки вооружений. Не случайно Комитет начальников штабов США оговорил свою поддержку договора резким увеличением военных расходов. Лоббисты Пентагона, «ястребы» конгресса давили на администрацию, побуждая не ограничиваться согласием на прирост реальных военных расходов на 3% в год с учетом инфляции и предлагая довести его минимум до 5%. На основе всевозможных «оценок», сфабрикованных военными и разведывательными ведомствами, были сделаны заявления о «нарушении за 70-е годы военного паритета» и «военном отставании» США.

Для характеристики внутривнутриполитических итогов дебатов интересны выводы Комитета по иностранным делам, традиционно занимавшего либеральные позиции. Наряду с поддержкой договора в его докладе указывалось: «В целях сохранения сдерживания и равновесия США в 80-х годах и в дальнейшем необходимо предпринимать дополнительные усилия в области обороны. Комитет считает, что признание этой необходимости является одним из самых важных результатов дебатов по ОСВ»²⁸. Эти выводы и сам ход дебатов оказали большое влияние на атмосферу в конгрессе. Сенатор Дж. Макговерн, придерживавшийся линии на сокращение военных усилий США, писал по этому поводу: «Противники ОСВ перехватили инициативу, заставив нас постоянно обороняться»²⁹. Конгресс не только поддержал развернутую Белым домом беспрецедентную по своим масштабам антисоветскую кампанию и все объявленные президентом «санкции» против СССР, но во многих случаях пошел дальше администрации.

В ходе пропагандистской шумихи, развернувшейся в связи с событиями в Иране и Афганистане, укрепился уже сложившийся в конгрессе консенсус по вопросу о принципах строительства «сильной обороны» и «укрепления политических и военных позиций США»³⁰. Militarистские настроения вдохновляли сторонников гонки вооружений

²⁶ Ibid., pp. 381, 382.

²⁷ CQWR, 1978, May 13, p. 1160.

²⁸ U. S. Senate, 1978, The SALT-II Treaty, 96th Cong., 1st Sess. Executive Report, № 96—14, 19 November, p. 82.

²⁹ McGovern A. SALT-II: A Political Autopsy.— Politics Today, March — April 1980, p. 64.

³⁰ См. Muravchik J. The Senate and National Security: A New Mood. Sage Publications. Lnd. 1980, p. 78; CR, June 30, 1980, p. S 8877; см. также: Абаренков В. США — курс на гонку вооружений, на обострение напряженности.— Международная жизнь, 1980, № 10, с. 40.

и во все большей мере формировали политический климат в конгрессе. Об опасности этого шовинистического угара заговорили трезво мыслящие деятели США. Так, ушедший со своего поста в знак протеста против американской военной авантюры в Иране государственный секретарь С. Вэнс заявил, что такой курс построен «на бессмысленном самообмане, который может привести к ошибкам, если не к катастрофе»³¹. В конце 70-х годов прочные позиции заняли там сторонники наращивания вооружений. А. Нопп, помощник сенатора Макговерна, дал следующую характеристику обстановке в законодательных органах: «Инициативу в сенате захватили сторонники жесткой линии в обеих партиях. Они разработали четкую... систему восприятия событий в мире. Я думаю, что прежде чем либералы смогут бросить ей решительный вызов, им необходимо провести серьезную интеллектуальную и политическую работу по перестройке системы взглядов либеральных группировок конгресса на мир с учетом сегодняшних нужд национальной безопасности»³².

Появление и навязывание всевозможных «экспертных» оценок о якобы сокращающейся военной мощи США, активизация консервативных группировок на Капитолии оказали влияние на позиции многих законодателей. Это нашло свое отражение в результатах исследований, проведенных организацией «Американцы — сторонники демократических действий». Из 80 сенаторов, служивших в сенате больше одного года, 40 по вопросам внешней политики в 1979 г. занимали консервативную позицию чаще, чем в предыдущие годы³³. Таким образом, на рубеже 80-х годов на Капитолии создалась ситуация, когда призывы к разоружению перестали находить должный отклик и поддержку среди влиятельных группировок конгресса. В этих условиях эффективность действий противников гонки вооружений в значительной мере снизилась. В 1979 г. 45% членов конгресса по сравнению с 39% в составе администрации выступали за рост военных расходов США³⁴. «International Herald Tribune» писала 10 ноября 1980 г., что конгресс занимает значительно более правые позиции, чем народ и президент.

Являясь отражением перегруппировки сил в рядах правящего класса, сдвиг в конгрессе в сторону консерватизма подкреплялся и новыми настроениями среди значительной части избирателей, вовремя отмеченными опросами общественного мнения. При учете известной относительности и ограниченности подобных данных, а также того факта, что они не отражают глубинные процессы, происходящие в американском обществе, являясь зачастую результатом соответствующих манипуляций, их все же можно использовать как один из показателей состояния общественного мнения по конкретному вопросу. Во время опроса, проведенного службой Харриса в июне 1980 г., 64% опрошенных высказались против каких-либо сокращений военного бюджета³⁵. Агентство Ассошиэйтед Пресс в итоге опросов, организованных в первые месяцы 1980 г., получило результаты, согласно которым поддержка увеличения военных расходов возросла с 55 до 74%, в то время как число сторонников их сокращения увеличилось с 5 до 13%³⁶. Изменение настроений среди рядовых американцев распространилось и на другие военно-политические вопросы. В июле 1978 г. 53% опрошенных телевизионной компанией Си-Би-Эс ответили утвер-

³¹ CR. 1980, January 23, p. S 171—172.

³² Ibid., p. 66.

³³ Ibid., p. 75.

³⁴ Who Shapes U. S. Foreign Policy? American Public Opinion and U. S. Foreign Policy. Chicago. 1979, p. 41.

³⁵ Press-Release. ABC News-Harris Survey, 1980, June.

³⁶ Public Opinion, 1980, p. 30.

дительно на вопрос, считают ли они необходимым ужесточение курса по отношению к Советскому Союзу. В январе 1980 г. эту позицию заняло 67%. Одновременно было отмечено, что с 1974 по 1978 г. процент американцев, поддерживающих расширение активности ЦРУ за рубежом, увеличился с 43 до 59, а в ходе иранского кризиса — до 79%³⁷.

Принимая во внимание, что сдвиг в общественном мнении явился результатом воздействия пропагандистской кампании, развернутой с помощью средств массовой информации, и что законодатели сами были ее активными участниками, публикуя материалы дебатов, давая интервью, в которых приводились заниженные оценки американской военной мощи, нельзя игнорировать факт обратного влияния общественного мнения на конгресс. Первые результаты изменения настроений американского общества дали себя знать во время выборов 1978 года. Они привели к изменению состава конгресса и сдвигу в сторону консерватизма в позициях многих законодателей, особенно тех, которые должны были переизбираться в 1980 году.

Новый подход к проблемам внешней и военной политики утвердился во всех звеньях государственной системы. И Белый дом и конгресс пришли к соглашению о необходимости увеличения военных расходов. Перестановка сил в правящих кругах обозначила усиление в американском внешнеполитическом курсе традиционного для США силового подхода. Параллельно с приспособлением всех группировок правящего класса к новой внешнеполитической линии были предприняты мощные усилия по обработке рядовых американцев, которым навязывались представления о существовании т. н. системы угроз интересам США. Давление с этих позиций на общественное мнение дало вполне конкретные результаты. К началу 80-х годов была заложена определенная внутриполитическая основа для проведения нового внешнеполитического курса.

Активизация консервативных сил проявилась также в стремлении изменить соотношение сил между соперничающими группировками в органах государственной власти. Наступление правых, поставивших перед собой задачу сделать конгресс консервативным, началось во время кампании по выборам в конгресс 1978 года. Либеральные законодатели стали главной мишенью ожесточенной критики. Кампания против либералов-демократов была развязана правыми группировками, среди которых ведущую роль играл Национальный консервативный комитет политических действий³⁸. Объединенные усилия этого комитета, религиозных организаций правого толка, группировок противников расширения гражданских прав, местного аппарата республиканской партии дали свои результаты: пять либеральных сенаторов уступили свои места консервативным деятелям.

Хотя ни в одном из этих случаев вопросы внешней политики не играли первостепенной роли, тем не менее в трех из них они явились важным элементом предвыборной кампании. Кандидат от штата Мэн сенатор У. Коэн использовал вопрос о военных расходах против сенатора У. Хэтауэя. Коэн поставил в вину Хэтауэю блокирование ключевых систем оружия и поддержку оказания помощи «коммунистическому Вьетнаму». В штате Нью-Гэмпшир Г. Хэмфри использовал против своего соперника сенатора-демократа Т. Макинтайра его поддержку заключения договора о Панамском канале. «Поддержка моим соперником договора отпугнула как умеренных, так и консервативно настроенных избирателей», — заявил Хэмфри. Договоры о Панамском ка-

³⁷ Ibid., p. 13.

³⁸ Организация, занимающаяся финансированием предвыборных кампаний консервативных кандидатов.

нале и «военное отставание» США были, по его словам, важнейшими китами его предвыборной стратегии³⁹. Кандидат на пост сенатора от штата Айова Р. Джемсен также использовал вопрос о Панамском канале против Д. Кларка. «Панамский канал имел символическое значение,— пояснил его помощник.— Для избирателей были важны не достоинства договора сами по себе, а то, что эта проблема свидетельствовала об отступлении США по всему миру»⁴⁰.

В результате выборов усилились позиции консервативной группировки на Капитолии. Согласно данным опроса, из каждой новой трехчленной группы конгресса двое выступают за увеличение ассигнований Пентагону⁴¹. В 1980 г. правые придерживались той же тактики, но с еще большим размахом. Кампании, развернутые против либералов, были похожи одна на другую. Все они были тщательно подготовлены и щедро финансировались корпорациями и правыми группами. В качестве конкурентов либералов-демократов были выдвинуты хорошо подготовленные политики с опытом законодательной деятельности, в большинстве — члены палаты представителей, зарекомендовавшие себя как консерваторы. Мало отличалась и тематика кампаний: сенаторов обвиняли в мягкотелости, в разбазаривании средств налогоплательщиков, в проявлении «слабости», т. е. недостаточной поддержке военных расходов, в одобрительном отношении к договорам об ОСВ и Панамском канале.

Удар, нанесенный либеральному крылу сената, оказался особенно тяжелым потому, что на смену каждому ушедшему либералу пришел законодатель с консервативными взглядами. Это Ч. Грассли, сменивший Дж. Калвера, С. Симмс, победивший Ф. Черча, Дж. Эбднор, нанесший поражение Дж. Макговерну, Д. Квейл, одержавший верх над Б. Баем, и Р. Кастен, победивший Г. Нельсона. В результате если в середине 70-х годов три традиционных блока — консерваторы, либералы и центр — располагали в сенате примерно равным числом голосов, то в нынешнем его составе, по подсчетам некоторых специалистов, блок консерваторов от обеих партий составляет около половины сенаторов. Среди них стало больше тех, чьи взгляды почти не отличаются от идей, проповедуемых крайне правыми, таких, например, как впервые избранные сенаторы-республиканцы Дж. Дентон (Алабама), Дж. Эбднор (Ю. Дакота) и С. Симмс (Айдахо)⁴².

В палате представителей консерваторы в ходе прошедших выборов наметили около 60 мишеней для атаки. В их числе руководители демократической фракции — спикер палаты Т. О'Нил, лидер фракции демократов Дж. Райт и партийный организатор Дж. Брадемас. В результате выборов из 60 намеченных кандидатур конгрессменов либеральной ориентации потерпели поражение 22. Но все-таки в палате представителей либеральное крыло пострадало значительно меньше, чем в сенате. Это частично объясняется более тесными их связями с округами в отличие от сенаторов, представляющих штаты. Хотя в палате представителей консервативный блок и не располагает такой силой, как в сенате, тем не менее тенденция к укреплению его позиций проявилась и здесь. Усиление в обеих палатах блока консервативно настроенных законодателей накладывает заметный отпечаток на деятельность конгресса.

Важным фактором, повлиявшим на переориентацию законодательных органов США, явилось появление в них новых лидеров по военным вопросам и уход старых. В сенате среди новых лидеров особен-

³⁹ Muravchik J. Op. cit., p. 69.

⁴⁰ Ibid., p. 70.

⁴¹ U. S. News and World Report, 22 January, 1979.

⁴² Иванов Ю. В., Силаева Е. М., Джапаридзе Т. З. Перемены в конгрессе.— США — экономика, политика, идеология, 1981, № 5, с. 78.

но выделяются С. Нанн, Дж. Тауэр и Э. Холлингс. Они последовательно отстаивают неограниченный рост военных расходов. Уход таких влиятельных лидеров конгресса, как У. Фулбрайт, М. Мэнсфилд, сыгравших большую роль в процессе либерализации конгресса, не мог не вызвать изменения политической линии руководимого ими Комитета по иностранным делам. Впрочем, активизация и численное усиление консервативного крыла палаты представителей пока не привели к столь заметным, как в сенате, изменениям в позициях ее руководства по вопросам военной политики.

Наряду с появлением новых лидеров конгресса, чьи взгляды и стиль руководства способствуют усилению консервативных тенденций, произошла смена т. н. оводов, или активистов конгресса. Роль, которую раньше в сенате играли представители либеральной группировки, такие, как У. Проксмайр, Дж. Макговерн, М. Хэтфилд и Ф. Черч, в настоящее время осуществляется сенаторами-консерваторами Дж. Гарном, М. Уоллопом, Г. Хэмфри и Дж. Хелмсом. Деятельность «оводов» на Капитолии — это один из наиболее важных и, пожалуй, наименее изученных процессов в американской политической практике. Она не столь показательна с точки зрения сиюминутных результатов, как деятельность лидеров конгресса, а ее итоги не поддаются конкретной оценке в перспективе. Поднимая вопросы, имеющие долговременное значение, они нацеливают свои усилия на изменение условий и атмосферы дебатов, акцентов дискуссий, составляющих важный элемент процесса принятия решений по военным вопросам в конгрессе. Их активность в целях пересмотра приоритетов — многочисленные поправки, направленные на сокращение военного бюджета, навязывание дискуссий о перерасходах в области военных программ и т. д. — внесла свой вклад в дело сокращения военных расходов в начале 70-х годов. В качестве арены деятельности они избирают разные комитеты, связанные с военными вопросами.

Активизация деятельности «оводов»-консерваторов нашла выражение в 1980 г. в трех инициативах. Во-первых, это оппозиция утверждению на второй срок начальника Комитета начальников штабов Д. Джоунса, поддерживавшего политику сдерживания военных расходов, что привело к компромиссному решению о его отставке в случае прихода к власти Рейгана⁴³. Во-вторых — поправка сенатора Уоллопа к санкционирующему биллю об увеличении расходов на программу лазерного оружия, размещенного в космосе, на 180 млн. долл. сверх запрошенных администрацией 48 млн. Хотя поправка провалилась⁴⁴ благодаря оппозиции наиболее влиятельных комитетов конгресса, занимающихся вопросами военного истеблишмента, она тем не менее получила значительную поддержку. В-третьих, предложенная сенатором Уоллопом альтернативная «Хартия разведывательных ведомств США», предлагавшая придать им большую свободу, ослабить контроль конгресса над их деятельностью. Билль с воодушевлением был поддержан многими республиканцами⁴⁵. Эти примеры свидетельствуют о росте влияния активистов-консерваторов, потеснивших либеральных членов конгресса, перехвативших у последних рычаги, определяющие политический климат на Капитолии в вопросах военной политики.

Т. Фрэнк и Э. Уэйсбэнд, исследовавшие вопрос о влиянии служащих конгресса на внешнюю политику, приводят слова К. Марси, в прошлом возглавлявшего штат служащих сенатского Комитета по

⁴³ CQA, 1980, vol. XXXVI, pp. 86--87.

⁴⁴ CQWR, 1980, July 5, p. 1915.

⁴⁵ См. Muravchik J. Op. cit., p. 60.

иностранным делам. В 1976 г. он обратил внимание на то, что группа помощников сенаторов, связанных с проблемами внешней политики, «составляет своего рода либеральный кокус, являющийся одной из важных групп на Капитолии»⁴⁶. В 1980 г. с численным ростом консервативного крыла в сенате приобрела влияние и соответствующая группа служащих. Это люди в возрасте 30—40 лет, некоторые из них относятся к карьерной бюрократии конгресса. Многие имеют за плечами опыт работы в ведомствах исполнительной власти и пришли на Капитолий сравнительно недавно. Большинство из них работает на республиканцев. С. Креймер, например, находился около 9 лет в штате Совета национальной безопасности (СНБ) и покинул его в результате расхождений во взглядах с Г. Киссинджером, поступив на службу в политический комитет республиканской партии. Т. Маккой до работы в штате сенатора Гарна в 1979 г. был помощником министра обороны Д. Рамсфельда, а также служил в ЦРУ и СНБ. Д. Саливан, бывший военный аналитик ЦРУ, в 1979 г. присоединился к штату Хэмфри. Дж. Карбо пришел в штат сотрудников сенатора Хелмса из Белого дома. Эти пять человек представляют группу, которая не имеет формального членства, но составляют основу вполне конкретного сообщества, насчитывающего более двух десятков человек. Эта группа бросает вызов влиянию либеральной группы, что сказалось во время борьбы против Договора ОСВ. Ее члены участвовали в разработке 27 «поправок» к ОСВ-2, которые были поставлены на голосование в Комитете по иностранным делам⁴⁷.

В начале 1980 г. Институт американских отношений, вице-президентом которого является Дж. Карбо, выпустил книгу «Программа по военной независимости». Ее авторы, служащие конгресса, были представлены в этом издании как «двухпартийная группа, объединяющая около 30 служащих конгресса, связанных в основном с вопросами национальной безопасности и внешней политики». Цель работы — обосновать необходимость планов увеличения военных ассигнований и расширения военной мощи США. В книге отмечается, что «сокращение американской мощи — это результат разработки неправильных внешнеполитических теорий». Авторы представили детальный анализ военной программы Картера на следующие 5 лет, с собственными выкладками и оценками военных нужд страны. Они рекомендовали новый бюджет на 1981 г. на 37 млрд., или на 23% больше, чем представила администрация в своем проекте, и предусматривали на 227 млрд. долл. увеличить военные расходы в постоянных долларах, предусмотренные Картером на ближайшие 5 лет⁴⁸. Эта программа свидетельствует о появлении на Капитолии влиятельной консервативной группы служащих конгресса.

Рассмотренная выше тенденция к укреплению консервативных милитаристских настроений в органах законодательной власти свидетельствует о том, что конгресс США наряду с президентом встал на путь нагнетания напряженности в мире, активно поддержал линию, которую, по замечанию Л. И. Брежнева, «солидная буржуазная печать США назвала «курсом на политическую катастрофу»⁴⁹. Однако на сегодняшний день не существует альтернативы мирному сосуществованию. Как показала история, политика «холодной войны» и конфронтации не дала никаких преимуществ ни США, ни их союзникам. К этому выводу пришли многие трезвомыслящие американские политики еще в начале 70-х годов.

⁴⁶ Franck T., Weisband E. Foreign Policy by Congress. N. Y. 1979.

⁴⁷ Muravchik J. Op. cit., p. 61.

⁴⁸ Ibid., p. 62.

⁴⁹ Правда, 17.III.1982.

ОБ УЧАСТИИ РУМЫНИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В. Н. Виноградов

В последнее десятилетие румынская историография с возрастающим интересом и интенсивностью обращается к периоду 1914—1918 годов¹. Это внимание вполне объяснимо: на годы первой мировой войны приходится важнейший этап национального объединения румынского народа. Вхождение в состав «Старого королевства» районов бывшей Австро-Венгерской монархии, где преобладало румынское население (Трансильвания, Восточный Банат, Южная Буковина), завершило процесс собирания румын под одной государственной «крышей». В историографии СРР представлен широкий круг проблем 1914—1918 гг.: отношение различных классов и социальных групп к объединению, рабочее и социал-демократическое движение этого периода, внешняя и внутренняя политика правящих кругов, участие румынской армии в войне, воздействие Великой Октябрьской социалистической революции на Румынию, проблемы распада Австро-Венгрии и национального движения угнетенных народов.

История Румынии 1914—1918 гг. привлекает также внимание советских ученых². Судьбы нашей Родины и Румынии тесно соприкасались в то время. На румынской земле в 1916—1917 гг. сражалась почти миллионная союзная русская армия; Февральская и особенно Октябрьская революции имели далеко идущие последствия для нацио-

¹ Кроме многочисленных журнальных статей, эти вопросы затрагиваются в книгах: Тоаса I. *Resistența maselor populare din teritoriul ocupat de trupele puterilor centrale între anii 1916—1918*. București. 1971; Popescu-Puțuri I., Deac A. *Unirea Transilvaniei cu România*. București. 1972; România în primul război mondial. București. 1979; Mușat M., Ardeleanu I. *Viața politică în România 1918—1921*. București. 1976; Mărești, Mărășești, Oituz. *Documente militare*. București. 1977; Bulei I. 1916 — zile de vară. București. 1978; Deac A., Тоаса I. *Lupta poporului român împotriva coteropitorilor 1916—1918*. București. 1978; Popa M. *Primul război mondial*. București. 1979, etc. См. также библиографический справочник: Petcu M. etc. *România în primul război mondial. Contribuții bibliografice*. București. 1975.

² Нотович Ф. И. *Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны*. Т. 1. М.-Л. 1946; его же. *Бухарестский мир 1918 г.* М. 1959; Емец В. А. *Противоречия между Россией и союзниками по вопросу о вступлении Румынии в войну (1915—1916 гг.)*. В кн.: *Исторические записки*. Т. 56. М. 1956; его же. *Очерки внешней политики России в период первой мировой войны*. М. 1977; Кросс Б. Б. *Констанцское свидание*.— *Ученые записки Шуйского пединститута*, 1959, вып. VIII; его же. *Русско-румынские дипломатические отношения в период июльского кризиса 1914 г.*— Там же, 1960, вып. IX; Нарцов В. Н. *Румыния в первой мировой войне*. Кишинев. 1959; Френкин М. С. *Революционное движение на Румынском фронте*. М. 1964; Виноградов В. Н. *Русско-румынские отношения в годы первой мировой войны*. В сб.: *Новая и новейшая история Румынии*. М. 1962; его же. *Румыния в годы первой мировой войны*. М. 1969; его же. *Вступление Румынии в первую мировую войну*.— *Новая и новейшая история*, 1976, № 5; Мошану А. К. *Новые материалы о положении и борьбе трудового крестьянства Румынии в 1914—1916 гг.* В сб.: *Колониальная политика и национально-освободительное движение*. Кишинев. 1959; Рожко В. М. *Дружба, закаленная в боях*. Кишинев. 1965; Спиваковский Е. И. *Великий Октябрь и Румыния*.— *История СССР*, 1968, № 6; *Под знаменем пролетарского интернационализма. Деятельность румынских интернационалистов на территории Страны Советов. 1917—1920*. М. 1970.

нального и социально-классового развития соседней страны; румынское коммунистическое движение рождалось одновременно на земле отечества и в среде интернационалистов в России.

Учитывая нынешнее состояние изучения вопроса об участии Румынии в первой мировой войне, целесообразно еще раз вернуться к некоторым аспектам этой актуальной в научном и политическом отношениях проблемы.

В Трансильвании и других входивших в состав Австро-Венгрии областях проживало около 3 млн. румын, подвергавшихся в дополнение к социальному также национальному гнету и упорно боровшихся за свои права. Их положение вызывало волну протеста среди румын «Старого королевства». Движение за объединение румынского народа имело глубокие исторические корни и в той или иной степени охватывало и буржуазно-помещичьи политические круги. Желание объединиться с соплеменниками, отделенными от родины государственной границей, являлось вполне закономерным. В этой части внешнеполитические планы господствующих классов соответствовали национальным интересам страны, были исторически оправданны и прогрессивны — в том, разумеется, гипотетическом случае, когда речь шла о «чистом» объединении этнически однородных земель. Иное дело, если этот процесс в той или иной степени прикрывал, камуфлировал стремление наряду с объединением и под его благовидным предлогом прихватить заодно и чужие территории, освятив это лозунгами борьбы за национальное объединение.

История отнюдь не подтверждает, что румынская олигархия была прежде всего озабочена решением задачи освобождения «братьев из-за Карпат». В 1883 г. она вступила в военный союз с Германией и Австро-Венгрией, а последняя была той самой державой, где подвергалось угнетению многочисленное румынское население. Присоединение «Старого королевства» к Тройственному союзу было прямым предательством в отношении национального движения трансильванских румын. Ездивший для переговоров в Берлин и Вену румынский премьер-министр И. К. Братиану-старший не скрывал, что взоры его и его коллег устремлены в сторону России. Встревоженный аппетитами собеседника, Бисмарк осадил его, когда тот начал строить «румынские воздушные замки» относительно территориальных приобретений за счет восточного соседа³. Бисмарк считал нужным соблюдать осторожность и не допускать в тексте соглашения прямого упоминания о России — «иначе у румын всегда будет сильное искушение, если к тому представится юридическая возможность, ради румынских реваншистско-завоевательных вождений, простирающихся до Днестра и дальше, воспользоваться участием германо-австро-венгерских войск численностью почти в два миллиона»⁴.

Союз с Германской и Австро-Венгерской империями 30 лет являлся основой внешнеполитического курса королевской Румынии. Договор 1883 г. регулярно продлевался и сохранял свою силу даже во время самых жестоких преследований, которым подвергались руководители румынского национального движения в Трансильвании. В последний раз румынское правительство поставило под ним подпись незадолго до первой мировой войны.

Однако узы союза постепенно слабели. Румынская олигархия ощущала политическое и психологическое неудобство тесных связей с угнетателями зарубежных соплеменников. Не давало сотрудничество с центральными державами и ожидаемых внешнеполитических дивиден-

³ Die Grosse Politik der europäischen Kabinette 1871—1914. Bd. 3. Berl. 1922, S. 268.

⁴ Ерусалимский А. С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М. 1968, с. 203.

дов. Шли годы и десятилетия, а вопрос о территориальных приращениях не «размораживался». В начале XX в. в Бухаресте стали вызревать планы укрепления положения Румынии на Балканах за счет южной соседки, Болгарии. В австро-венгеро-румынской военной конвенции 1900 г. упоминались притязания румынских правителей на четырехугольник Силистра — Русе — Шумен — Варна⁵. Летом 1909 г. И. И. К. Братиану (сын румынского премьера 70—80-х годов XIX в. и тоже премьер) во время визита в Вену и Берлин дал понять, что в случае болгаро-турецкой войны Румыния будет претендовать на болгарскую территорию — по линии Варна — Русе. Но это заявление не встретило отклика: германская и австрийская дипломатия вела тогда крупную игру на Балканах, усиленно завлекая болгарских правителей в свои тенета. Поднятый Братиану вопрос сочли поэтому «неактуальным» и рекомендовали ему занять «пассивную и выжидательную позицию».

Но это ни в коей мере не отвечало настроениям, царившим в Бухаресте. Отставать от соседей, нарушивших в 1912—1913 гг. в ходе Балканских войн «равновесие» в регионе, румынская олигархия не желала, благо поводов для вмешательства в события было сколько угодно: изменение статус-кво на Балканах, усиление Болгарии, претензии ее руководителей на гегемонию в Юго-Восточной Европе. Поэтому в 1913 г. правительство Т. Майореску (кстати, принадлежавшее к консервативной германофильской группировке в правящих кругах Румынии), к великому неудовольствию Вены и Берлина, вступило в военный союз с Сербией, Грецией и Турцией и после «военной прогулки» в Болгарию, не сопровождавшейся никакими боевыми действиями, отторгло у нее Южную Добруджу, крепость Силистру и район Добрич-Балчик на правом берегу Дуная. Бухарестский договор 1913 г. между Болгарией, с одной стороны, и Румынией, Сербией, Черногорией и Грецией — с другой, заключенный без участия великих держав (точнее, навязанный победителями Болгарии), ни в коей мере не способствовал упрочению положения на юго-востоке Европы; он посеял зерна новых конфликтов и создал благоприятную атмосферу для маневров крупных империалистических хищников и вербовки ими союзников на Балканах в предвидении приближавшейся мировой схватки.

Участие румынской олигархии во второй Балканской войне явилось как бы прологом к тому курсу, которого она придерживалась в ходе начавшегося в 1914 г. конфликта. Расхождения с официальными союзниками, усилившиеся в связи с национальным угнетением румын, живших в Австро-Венгрии, противоречия с последней — все это создавало у держав Антанты благоприятные предпосылки для перетягивания Румынии на свою сторону. В июне 1914 г. Николай II в сопровождении министра иностранных дел С. Д. Сазонова посетил Констанцу. Пока царь вел беседы с королем Каролом I по составленной в российском МИД программе, Сазонов имел менее официальные, но более важные по существу беседы с главой румынского правительства Братиану⁶. Российский министр пришел к выводу: «Румыния постарается присоединиться к той стороне, которая окажется сильнейшей и которая будет в состоянии посулить ей наибольшие выгоды»⁷.

Последующие события подтвердили это. Созванный в начале августа коронный совет в королевской резиденции Синая не откликнулся на предложение германского и австрийского кабинетов о выполнении союзнических обязательств и провозгласил политику «вооруженного выжидания»⁸ (именно выжидания, а не нейтралитета!). «Формула

⁵ История Румынии 1848—1917 гг. М. 1971, с. 370.

⁶ Кросс Б. Б. Констанцское свидание.

⁷ Международные отношения в эпоху империализма (далее — МОЭИ). Сер. III. Т. III. М.-Л. 1933, с. 388.

⁸ Adevărul, 24.VII.1914.

вооруженного выжидания,— пишет румынский исследователь А. Иордаке,— была принята и поддержана правительством; другая формулировка нейтралитета слишком возбуждала подозрения Центральных держав»⁹. Немцам сообщили, что Румыния и впредь будет поддерживать действия Германии; однако немедленное ее выступление невозможно, поскольку следует учитывать опасность удара со стороны России, а также по причине широко распространившихся в стране антиавстрийских настроений. Братиану информировал Вену, что в случае болгарского нападения на Сербию Румыния не будет ничего предпринимать¹⁰. Румынская олигархия оставляла на произвол судьбы союзника по недавней второй Балканской войне.

Разумеется, отказ румынского правительства от поддержки Центральных держав был с одобрением встречен Антантой. Двери для переговоров об условиях присоединения Румынии к этой группировке были открыты. Но Братиану не прерывал связей и с германо-австрийским блоком. Мысль о том, что расточавшиеся премьером достаточно неопределенные, но в то же время соблазнительные обещания о возможности возвращения в Тройственный союз были с его стороны лишь тактическим ходом, не представляется убедительной: слишком уж тщательно сохранялась эта возможность. Румынское правительство официально не расторгло союза. Немногочисленная, но активная прогерманская группировка в среде олигархии была готова занять место у кормила власти в случае, если военная судьба решительно повернется в сторону прусского меча. В печати неоднократно и весьма откровенно выражалась тревога, как бы не «сесть не в ту телегу». Выступление в парламенте в декабре 1914 г. одного из самых убежденных сторонников Антанты, К. Милле, достаточно показательно для характеристики царивших настроений: «Мы не можем примкнуть ни к одной из нынешних группировок, ибо не можем предугадать исхода войны»¹¹.

Основная масса румынской буржуазии была настроена в пользу Антанты и в немалой степени потому, что последняя обещала Румынии Трансильванию. Перспектива освобождения проживавших в Австро-Венгрии румын обеспечивала этому курсу общественную поддержку. Но не исключался совершенно и другой путь. О возможности его откровенно писал проантантовски настроенный публицист М. Бибирь-Стурия в 1916 г.: «Представим себе сейчас, что наши политические мужи по знаку Германии-победительницы кликнули бы нам с радостной улыбкой лотсрейного удачника: «Пошли, ребята, в Бессарабию! Эти обширные и необъятные поля до Днестра, Днепра или даже Дона будут вашими!» И прославят барды и воспоют поэты творцов великой Румынии! А искусные и многоопытные историки по повелению сзыше постараются доказать на основе неопровержимых документов... что Одесса и раньше была румынским городом»¹².

В советской историографии подробно проанализированы переговоры Братиану с представителями держав Антанты¹³. Отправной их точкой явилось признание со стороны российской дипломатии за Румынией «права присоединить населенные румынами области Австро-Венгерской монархии»¹⁴. Об этом говорилось в нотах, которыми обмена-

⁹ Iordache A. La declaration de neutralite de la Roumaine au commencement de la première guerre mondiale. — *Revue roumaine d'histoire*, 1974, № 1, p. 141.

¹⁰ Biblioteca de stat. Filiala N. Bălcescu. Fond Brătianu, pach. XVIII, № 83.

¹¹ *Desbaterile adunării deputaților 1914—1915*. București. 1915, p. 17.

¹² Цит. по: Левит И. Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Кишинев. 1981, с. 49.

¹³ Нотович Ф. И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны; Емец В. А. Противоречия между Россией и союзниками по вопросу о вступлении Румынии в войну (1915—1916 гг.); его же. Очерки внешней политики России; Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны; его же. Вступление Румынии в первую мировую войну.

¹⁴ МОИИ. Сер. III. Т. VI, ч. 1, № 340.

лись Сазонов и Братиану 18 сентября (1 октября) 1914 года. После этого переговоры продолжались еще почти два года, и все это время шел торг вокруг территориальных притязаний румынской олигархии, выходивших за этнические рамки. Правительство консультировалось с лидерами оппозиции, советовалось с генеральным штабом. Наконец, 18 апреля (1 мая) 1915 г. премьер предъявил свою программу, согласованную с ведущими деятелями всех буржуазных партий и выражавшую требования румынской олигархии в целом¹⁵. Ознакомление с этой программой произвело в российских политических кругах, ориентировавшихся на формулу о присоединении этнически румынских земель, впечатление грома с ясного неба. Программой предусматривалось проведение будущей румынской границы «по линии Прута в Буковине, граница между Марморош-Сигетским комитатом, линия, идущая от Васарош-Намени приблизительно до Сегедина, а затем линия Тисы и Дуная», которая охватывала украинские земли в Северной Буковине и Закарпатье, венгерские в долине Тисы и сербские в Западном Банате. Рубежи своего государства румынская олигархия думала перенести под стены сербской столицы. «Притязания неприемлемы,— писал о них Сазонов,— так как мы не можем согласиться ни на отдачу под власть Румынии русского населения Буковины и Угорщины, ни на допущение румын к самому Белграду, для которого они могут стать не меньшей угрозой, нежели до сих пор были австрийцы»¹⁶.

Однако не во власти царизма было воспрепятствовать этим притязаниям. Неудачная военная кампания 1915 г. увеличила его зависимость от союзников. А в западных столицах готовы были оплатить вступление Румынии в войну за счет интересов и России и Сербии. Под англо-французским дипломатическим нажимом российские МИД и ставка капитулировали. Сазонов телеграфировал правительствам Великобритании и Франции: «Вследствие новых настояний наших союзников я согласен заключить с Румынией политическое и военное соглашение на поставленных Братиану условиях, хотя считаю это не отвечающим достоинству четырех великих держав и не достигающим цели, так как Румыния сохранит полную возможность остаться бездействующей, заручившись только обещанием с нашей стороны полного удовлетворения ее пожеланий»¹⁷. Попытка Сазонова оговорить при этом хотя бы согласие Братиану на право банатских сербов, которых Антанта без их согласия и ведома «передавала» королевской Румынии, иметь школу на родном языке натолкнулась на категорический отказ.

Такой же неудачей окончились совещания посланника в Бухаресте С. А. Поклевского с представителями оппозиции, в ходе которых он указывал на необоснованность и чрезмерность притязаний главы румынского правительства. Все государственные мужи их одобряли; посланник предупредил руководство своего МИД, что на оппозицию рассчитывать нечего¹⁸. Царизм потерпел крупнейшее дипломатическое поражение, согласившись на передачу королевской Румынии украинских и сербских земель, и поражение притом бесцельное: ситуация на фронтах, отход русской армии летом 1915 г. охладили желание даже самых убежденных румынских антантофилов «вступить в дело». «Друзья,— сообщал Поклевский,— находятся в угнетенном и боязливом состоянии», не дают германским интригам отпора и ждут «бодрящего успеха на фронтах»¹⁹.

¹⁵ Там же. Т. VII, ч. 2, № 669.

¹⁶ Там же, № 668.

¹⁷ Там же. Т. VIII, ч. I, № 402.

¹⁸ Там же, № 20; Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны, с. 134.

¹⁹ АВПР, ф. Политархив, 1915 г., д. 702, л. 68.

Сходные рассуждения встречаются в переписке германской и австрийской миссий, с той, разумеется, разницей, что здесь ждали победы немецкого оружия как предпосылки для того, чтобы перетянуть румынскую олигархию на свою сторону. Опытный дипломат, габсбургский посланник граф О. Чернин писал: «Самым надежным способом успокоить Румынию явились бы благоприятные результаты на поле боя»; тогда румынские правители решат, что «долг чести» требует сохранить верность бывшим союзникам²⁰. Он считал пустым делом расточать в Бухаресте обещания. Если Австро-Венгрия разобьют, румынская олигархия примет участие в ее разделе, не глядя ни на какие соглашения; если же победа осенит знамена Центральных держав, последним нечего опасаться нападения со стороны Румынии²¹.

Действительно, именно военный фактор оказался решающим в вопросе о вступлении королевской Румынии в войну. В июне 1916 г. началось наступление русской армии на Юго-Западном фронте. Оборонительные позиции австрийцев были смяты. «Брусиловский прорыв» явился самой удачной операцией Антанты на всем протяжении мировой войны: противник потерял до 1,5 млн. солдат и офицеров убитыми, ранеными и пленными и значительную территорию. Габсбургская монархия была спасена лишь с помощью массовой переброски германских дивизий (11 только из-под Вердена), но так и не смогла оправиться от этого потрясения.

В Румынии решили, что конец Австро-Венгерской монархии близок. Проантантовские органы печати склонны были впадать при этом в преувеличение: «Австрийская навозная куча, которая так долго отравляла воздух, разбросана русскими штыками, войска шенбруннского старца (императора Франца-Иосифа.— В. В.) бегут на фронте в 300 километров»²². Братиану поспешил возобновить переговоры: «У него,— передавал в Петроград Поклевский,— начинает появляться надежда, что благодаря удивительной мощи нанесенного нами удара и чудному духу русской армии это наступление может дать крупные результаты и поставить на очередь вопрос о выступлении Румынии»²³. Но верный своей кунктаторской тактике и стремясь добиться как можно более выгодных условий присоединения к Антанте в чисто военной области, в вопросах военных поставок и предварительного наступления русских и французских войск, Братиану медлил. Он выторговывал новые «приращения» территории, не имевшие ничего общего с «национальным идеалом».

Наконец, 4 (17) августа на дому у брата главы правительства были подписаны политическая и военная конвенции, обусловившие вступление королевской Румынии в мировую войну. Через десять дней посланник в Вене Маврокордато вручил канцлеру Буриану акт об объявлении войны. На другой день эта декларация была опубликована во всех румынских газетах. В ней говорилось об угнетении трансильванских румын, которых «третировали как низшую расу», и целью войны объявлялось их освобождение²⁴. Однако накануне, во время коронного совета в узком кругу министров, экс-премьеров и лидеров политических партий, Братиану ставил себе в заслугу то обстоятельство, что ему удалось выторговать населенные славянами территории²⁵. Сотням тысяч крестьянских парней, которые надели защитного цвета мундир,

²⁰ Carlea roşie austro-ungară. Documentele diplomatice privitoare la relațiile dintre Austro-Ungaria și România. București. 1917, № 24, 25.

²¹ Институт истории СССР АН СССР. Отдел рукописных фондов (далее — ОРФ), ЭР VII, оп. 1, д. 1, № 39, с. 99.

²² Ероса, 29.V.1916.

²³ Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны, с. 154.

²⁴ Universul, 15.VIII.1916.

²⁵ Marghiloman A. Note politice. Vol. 2. București. 1927, p. 131.

об этом, конечно, не сказали. Они отправились в Карпаты с верой в справедливое дело национального объединения.

Такова в самом кратком изложении история переговоров о присоединении румынской олигархии к Антанте. Она показывает, что национальный принцип был превращен в ширму, прикрывавшую захватнические поползновения. Да, олигархия тоже выступала за объединение румынского народа; но мыслила она этот процесс с максимальным расширением сферы своего господства, далеко выходя при этом за рамки этнического принципа, нанося тяжелый ущерб национальным интересам соседних народов, попирая их права. Это была империалистическая по своей сущности политика, проводимая в пределах складывавшихся возможностей (а они были немалыми, учитывая разногласия в лагере Антанты) с умелым использованием законного и прогрессивного стремления румын по обе стороны Карпат к созданию единого государства.

Сведения о скрытой стороне условия вступления Румынии в войну не остались тайной для мировой общественности. В. И. Ленин дал четкую характеристику заключенного в августе 1916 г. договора: «Тайный договор с Румынией есть, и он состоит в том, что Румыния получит целый ряд чужих народов, если будет воевать на стороне союзников»²⁶.

Румынские социалисты отказывались признать за олигархией роль выразителя национальных интересов и связывали ее политику в годы «вооруженного выжидания» с прежним внешнеполитическим курсом. Положение в социал-демократической партии было достаточно сложным: шла полемика революционных, реформистских и центристских сил по проблемам войны, мира и революции. Не всегда партии удавалось занять четкую позицию и связать антивоенную деятельность с борьбой за пролетарскую революцию. Но, к чести партии, она не скатилась к шовинизму и неустанно разоблачала своекорыстные планы буржуазно-помещичьей клики.

Опыт 1913 г., когда румынское правительство вмешалось во вторую Балканскую войну и захватило принадлежавшую Болгарии Южную Добруджу, побуждал рабочее движение относиться с особой бдительностью и настороженностью к внешней политике олигархии. Орган социал-демократии, газета «*România muncitoare*» писала в редакционной статье: «Злосчастная и преступная кампания 1913 года, принеся легкую победу над народом... отправившимся на другую границу, против других двух противников, и закончившаяся крикливым и невыполнимым Бухарестским трактатом, довела до крайней степени фанфаронство, задиристость, бахвальство и жажду чужих земель в рядах нашей олигархии»²⁷.

В августе 1914 г. известный деятель социал-демократической партии М. Г. Бужор говорил, что, если правительству удастся втянуть Румынию в европейскую войну, это будет война олигархии. И задача социалистов — «превратить войну из захватнической и завоевательной в средство уничтожения олигархии, которая над нами господствует... Прежде всего мы знаменосцы социал-демократии и солдаты социальной революции, а не солдаты, капралы и сержанты румынской олигархии»²⁸. Весной следующего года на многолюдном собрании в Плоешти ораторы призывали «вырвать дело освобождения румын» из «грязных рук румынской олигархии», объятых «тщеславием, жадностью, низменными чувствами людей, стремящихся к главенству, власти и обогащению... Освобождение и классов и народов произойдет не в войнах, ко-

²⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 32, с. 91.

²⁷ *România muncitoare*, 29.VII.1914.

²⁸ Bujor M. Gh. Războiul european și social-democrația. București. 1914, p. 12.

торые ведут господствующие верхи, а путем борьбы и революции угнетенных»²⁹.

О размахе, который приняла в Румынии антивоенная кампания, можно судить по тому, что с августа 1914 по октябрь 1915 г. (к IV съезду социал-демократической партии) в стране состоялось 47 больших митингов протеста, были проведены сотни собраний, распространено 600 тыс. экземпляров листовок и брошюр³⁰. Эти цифры дают представление о громадной организационной работе небольшой по численности партии; они свидетельствуют о мужестве рабочего класса, ибо чуть ли не каждое собрание заканчивалось схваткой с властями, полицией, иногда войсками.

На позициях интернационализма и осуждения империалистической войны стояла вся балканская социал-демократия. Вторая межбалканская социалистическая конференция, проходившая в июле 1915 г. в Бухаресте, осудила социал-шовинизм и проповедь классового мира. Ее участники поклялись бороться «без усталы и пощады против националистических, шовинистических и воинственных течений, порожденных господствующими классами балканских государств, и против империалистической политики господствующих классов»³¹.

Война, еще не задев Румынии, уже сказывалась на ее хозяйственной жизни. Помещики и зерноторговцы спешили воспользоваться выгодной конъюнктурой на внешнем хлебном рынке — воюющие стороны наперебой предлагали им выгодные контракты. Румыния стала ощущать нехватку пшеницы и кукурузы. Цены же поползли вверх. Резко сократился приток промышленных товаров и сырья. Возросла безработица. Рабочее движение развертывалось под лозунгом «Долой войну и голод!». Кульминации оно достигло в июньские дни 1916 года. 13 июня в Галаце состоялась пятитысячная демонстрация, она была расстреляна ротой, вызванной властями «для подавления беспорядков»: 10 убитых, 50 раненых — таков был кровавый счет³². 16 июня трудовая Румыния вышла на улицы, чтобы принять участие в манифестациях протеста. «Кровь, пролитая рабочими, требует отмщения!», «Долой правительство убийц!» — требовали пролетарии Бухареста, Плоешти, Турну-Северина, Романа, Фокшан, Ботошан и других городов³³.

Советская историография в полной мере учитывает всю сложность отрезка румынской истории, приходящегося на 1914—1918 гг., особую остроту классовых столкновений и борьбы по проблемам внешней политики. Дело национального объединения всегда получало заслуженно высокую оценку на страницах наших исторических изданий как деяние народное по своим истокам и прогрессивное по своему историческому значению. Но она далека от того, чтобы проходить мимо теневых сторон внешней политики королевской Румынии, связанных с тем, что во главе страны стояло правительство, представлявшее буржуазно-помещичью олигархию и стремившееся в ходе империалистической войны под благовидным предлогом национального объединения захватить земли соседей.

С тех же позиций классового анализа подходят советские исследователи к оценке участия румынской армии в военных действиях, совместных операций русских и румынских войск против вооруженных сил Центральных держав. Они далеки от того, чтобы брать под защиту тактику царского командования или умялять его ошибки. В то же вре-

²⁹ Jos războiul (Italia și România). București. 1915, p. 26.

³⁰ Lupta zilnică, 16.X.1915.

³¹ Calendarul muncii pe anul 1916. [București], p. 112.

³² Bujor M. Gh. Amintiri privind aniversarea a 40 de ani de la lupta eroică pentru pace a muncitorilor galateni. — Analele, 1956, № 4; Tudoran G. 13 iunie 1916. București. 1966.

³³ Lupta, 16, 17.VI.1916.

мя историки не считают нужным проходить мимо промахов и провалов румынского генералитета и увенчивать его лаврами за проигрыш кампании 1916 года. В советской науке твердо установилось мнение, что с точки зрения стратегической вовлечение Румынии в войну скорее усложнило, нежели облегчило положение России. «Русское командование считало вступление Румынии в войну бесполезным»³⁴. «Для командования русских войск с чисто военной точки зрения выступление Румынии на стороне Антанты было невыгодно»³⁵. Лишь по причине пошатнувшегося положения царизма в Антанте и под сильнейшим франко-британским нажимом ставка уступила и согласилась на подписание договора с Румынией. По условиям военной конвенции обязательства союзников, помимо поставок снаряжения, сводились к следующему: англичане и французы должны были начать наступление из Салоник по крайней мере за 8 дней до вступления в действие румын; русские — произвести давление в районе Карпат и направить три дивизии в Добруджу для эвентуальной (в случае удара со стороны Болгарии) защиты Румынии с юга³⁶.

Русские войска Юго-Западного фронта (9-я армия), чтобы облегчить развертывание румынских войск, предприняли ряд атак. «Русские сильно теснили фронт эрцгерцога Карла в Восточной Галиции и в Карпатах»³⁷, — писал генерал-квартирмейстер германских вооруженных сил Э. Людендорф. Это подтверждал и фельдмаршал П. Гинденбург: «Положение иногда обострялось настолько, что мы опасались, чтобы наша оборона не была сброшена с вершин Карпат»³⁸. Австрийцам и немцам удалось удержаться: после того как выдохлось наступление Юго-Западного фронта, ожидать нового натиска подобной же силы со стороны русских не приходилось. С точки зрения стратегической правительство Братиану упустило наиболее благоприятное для выступления время. В июне — июле, когда противостоявшие А. А. Брусилову австрийские армии, казалось, были разметаны, премьер продолжал добиваться новых территориальных «приращений» и большей военной поддержки со стороны союзников.

На юге, в соответствии с конвенцией, союзники (англичане, французы, сербы) должны были 20 августа начать наступление на Салоникском фронте, чтобы сковать здесь болгарские силы. Но 18 августа болгарская армия ген. Жекова нанесла упредительный удар. Генералу М. Саррайлю пришлось перейти к обороне, лишь в начале октября ему удалось выправить положение. В советских работах констатируются и ошибки царского командования и «фактическое невыполнение Англией и Францией взятых на себя обязательств о наступлении Салоникской армии, которое должно было оттянуть часть неприятельских сил из Добруджи»³⁹. Это затрудняло положение румынского командования и осложняло выполнение стоявших перед ним задач. Но все отмеченные выше факторы даже в совокупности не означали, что военная ситуация с самого начала складывалась неблагоприятно для румынских вооруженных сил. Совсем наоборот. Австрийская армия так и не смогла оправиться от удара, нанесенного Брусиловым⁴⁰. На западе продолжалось сражение на Сомме; прорвать линии немецких укреплений

³⁴ История дипломатии. Изд. 2-е. Т. III. М. 1965, с. 26.

³⁵ Верховский Д. В., Ляхов В. Ф. Первая мировая война 1914—1918 гг. М. 1964, с. 180; еще в 1926 г. А. Базаревский приводил 12 соображений военного плана против вовлечения Румынии в войну (Кто должник? Сб. ст. М. 1926, с. 266—267).

³⁶ Царская Россия в мировой войне. Т. I. Л. 1925, с. 227.

³⁷ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. Т. I. М. 1923, с. 224.

³⁸ Воспоминания Гинденбурга. Пг. 1922, с. 23.

³⁹ Емел В. А. Очерки внешней политики России, с. 305.

⁴⁰ Об этом писал и Гинденбург (Воспоминания Гинденбурга, с. 8).

англо-французским войскам не удалось; но они ценой колоссальных потерь перемололи 40 немецких дивизий. Германское наступление под Верденом выдохлось. Именно в это время стратегическая инициатива в войне начала переходить к Антанте. Смещение ген. Э. Фалькенгайна с поста начальника генерального штаба и назначение на эту должность в августе 1916 г. Гинденбурга свидетельствовали о кризисе прусской военной машины. Новый глава немецких вооруженных сил не лицемерил, когда писал: «Никогда такие великие державы, как Германия и Австрия, не были до такой степени истощены... Объявление войны Румынией застало нас почти безоружными по отношению к новому врагу»⁴¹.

Румынское командование заранее сосредоточило на границе с Австро-Венгрией 126 батальонов и 77 артиллерийских батарей (135 тыс. человек). Им противостояли втрое более слабые австрийские силы — 46 батальонов, 6 эскадронов, 25 батарей. Через несколько дней румынская армия, наступавшая на Трансильванию, возросла до 420 тыс. солдат и офицеров⁴². Первые дни румынского наступления как будто оправдывали самые оптимистические прогнозы, вытекавшие из подсчета сил. Румынские войска заняли перевалы Карпат, Брашов и подошли к Сибиу. Немецкое командование спешно перебрасывало в Трансильванию все, что могло собрать. Использовало оно и явные промахи румынского генерального штаба. По словам Людендорфа, румынская армия «продвигалась вперед черепашьям шагом»; ее генералы, «не понимая большой войны... не использовали благоприятного положения, которое все время создавалось для них вследствие оттягивания дивизий к Днестру и Карпатам. Они... попусту теряли время... Русские также действовали нецелесообразно. Они предпочитали устремляться на хребет Карпат вместо того, чтобы через Молдавию нанести удар нашему открытому флангу»⁴³.

Через неделю после начала войны в Бухарест пришли неприятные вести с юга, с Дуная. 24 августа пал Туртукай. По свидетельству руководителя румынского генерального штаба ген. Д. Илеску, ее гарнизон располагал силами, по крайней мере равными наступавшим болгарам. Причину сдачи он видел в несомненном факте, что крепость не обороняли должным образом⁴⁴. Прибывший в Добруджу 47-й русский корпус под командованием генерала А. М. Зайончковского действовал неудачно и не смог выправить положение⁴⁵. Нервы румынского командования не выдержали. Стратегический план войны был и без достаточных оснований, как признают румынские историки, свернут, наступление в Трансильвании прекращено, фронт на севере ослаблен отправкой значительных сил на юг, время потеряно, инициатива утрачена. Противнику удалось сконцентрировать значительное число войск (к концу сентября — 19 пехотных и 3 кавалерийские дивизии, не считая отдельных частей)⁴⁶. Он перешел в наступление и после ожесточенных боев в Карпатах, в которых румынские полки проявили большое упорство⁴⁷, ворвался в пределы «Старого королевства».

⁴¹ Там же, с. 20.

⁴² România în primul război mondial, pp. 154, 155.

⁴³ Людендорф Э. Ук. соч., с. 225.

⁴⁴ Iliescu D. Documente privitoare războiul pentru întregirea României. București. 1924, pp. 91—92.

⁴⁵ И здесь у неприятеля не было перевеса в силах. На 17(30) сентября болгаро-немецкие войска насчитывали 87 батальонов, 35 эскадронов и 70 батарей, румынские и русские — 137 батальонов, 31 эскадрон и 104 батареи. Правда, с точки зрения технической войска Центра были оснащены лучше (România în primul război mondial, p. 165).

⁴⁶ Der Weltkrieg 1914—1918. Bd. II. Kräfteinsatz gegen Rumänien. Brl. 1938.

⁴⁷ «Румыны в целом сражались очень хорошо», — писала газета «Neue Freie Presse» 20 сентября 1916 г. (The Times History of the War. Vol. XI. Lnd. 1917, p. 225).

С 23 сентября в Петроград и Могилев, где располагалась ставка, потоком пошли просьбы (или, употребляя выражение румынской королевы Марии, «крики»⁴⁸) о помощи, сопровождаемые подсчетами численности войск неприятеля, которые русское командование считало фантастическими. Последнее с трудом скрывало раздражение: оправдывались самые худшие предчувствия насчет бесполезности для России участия румынских войск в войне. 2 октября начальник генерального штаба М. В. Алексеев сообщал ген. Илиеску, что, по его сведениям, в Трансильвании и Добрудже силы неприятеля насчитывают 251 батальон и 70 эскадронов. «Силы противника, как Вы соизволите усмотреть, вовсе не столь грозные, чтобы могли говорить о критическом или крайне тяжелом положении. Мы имеем 331 румынский, 52 русских батальона, всего 383»⁴⁹. Алексеев предлагал румынам держаться за фланги русской армии и сокращать линию фронта, пожертвовав западными областями страны и в крайнем случае Бухарестом: «Главнейшая задача — сохранение армии во что бы то ни стало». Румынская сторона не соглашалась на столь тяжелые территориальные потери.

Румынский генеральный штаб с помощью французской военной миссии разработал план сражения на равнине, который Брусилов характеризовал самым нелестным образом: «При существующей обстановке давать разбитыми войсками полевое генеральное сражение победоносному, вдвое сильнейшему противнику было бы безумием, ибо неминуемо подобный образ действий повлечет за собой полное уничтожение румынской армии»⁵⁰. Тем не менее такое сражение было дано и, конечно, проиграно. 23 ноября (6 декабря) неприятель, не встретив сопротивления, вступил в Бухарест. Остатки румынских войск откатывались на север. План русского командования, рассчитанный на то, чтобы создать прочную линию обороны в румынском тылу, осуществить не удалось.

«Все зависит от силы сопротивления русских, а последнее, в свою очередь, от пропускной способности железных дорог»⁵¹, — записывал в своем дневнике ген. А. Авереску. Румынию и Россию соединяла единственная однокорейка. Транспорт работал из рук вон плохо. Русскому командованию приходилось высаживать свои части далеко от места боев. В зимнюю распутицу они совершали изнурительные марши, прежде чем вступали в соприкосновение с неприятелем. В ставке подводили грустные итоги: на 3 декабря 1916 г. в строю осталось 70 тыс. румынских солдат⁵² — менее десятой части находившихся под ружьем после мобилизации. Издававшаяся в 1914—1918 гг. английской газетой «The Times» «История и энциклопедия войны» рисовала положение следующим образом: «К концу декабря 1916 г. остатки румынской армии были полностью отведены за Серет, позади завесы, образованной 500 тыс. русских. Из 24 румынских дивизий известную боеспособность сохранили 6. Из них образовали 2-ю армию, которая тремя дивизиями должна была удерживать небольшой участок фронта у Ойтуза, в то время как оставшиеся три реорганизовывались в ближнем тылу»⁵³.

На 430 верст протянулся новый Румынский фронт. Из них румынские войска (44 700 штыков и 2100 сабель) занимали 30, русские

⁴⁸ Marie, Queen of Roumania. The Story of My Life. Vol. III. Lnd. 1935, pp. 65—66.

⁴⁹ ЦГВИА, ф. 2003, д. 60, л. 109.

⁵⁰ Там же, ф. 300/с, оп. 3, д. 260, № 337.

⁵¹ Averescu A. Notițe zilnice (1916—1918). Ed. 2-a, p. 114.

⁵² Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Румынский фронт. М. 1922, с. 108. Эта цифра не охватывает тех солдат, которые были отведены в тыл для переформирования. Всего на 1 января 1917 г. Румыния располагала 180 тыс. «старых» солдат и 82 тыс. рекрутов (Revue historique de l'armée, Paris, 1967, № 4, p. 60).

⁵³ The Times History of the War. Vol. 17. Lnd. 1918, p. 209.

(378 тыс. штыков и 42 тыс. сабель) — 400 верст⁵⁴. «Численность русских войск на Румынском фронте выросла в октябре и ноябре, а к концу ноября весь фронт от Молдавских Карпат до гор Вранчи был взят на себя русской армией». «Начиная с 1 (14) декабря на фронте оставалась только 2-я румынская армия под командованием ген. Авереску»⁵⁵, — пишут румынские историки. 28 декабря 1916 г. (10 января 1917 г.) немецкое командование отдало своим измотанным невероятно трудной кампанией войскам приказ о переходе к обороне. Русские войска спасли Румынию от полной оккупации.

Говоря об этих осенне-зимних операциях, советские историки отмечают, в частности, что Алексеев явно недооценил размеры неудач и потерь, которые понесла румынская армия в конце сентября — начале октября 1916 года. Пытаясь применить академические шаблоны к сложившейся ситуации, занимаясь простым арифметическим подсчетом сил, своих и противника, он упустил из виду лучшую оснащенность германо-австрийских армий, большой опыт управления войсками, густоту железнодорожных линий в тылу у противника. Однако же и просчеты румынского командования были очевидны для современников. «Румыния вступила в войну с не прошедшими испытаний лидерами и организацией, с генералами, которые не ведали настоящей войны, если не считать пережитого юношами лет сорок назад»⁵⁶, — констатировала «The Times» по горячим следам событий. Несмотря на это, в ходе кампании 1916 г. румынская армия отвлекла на себя значительные силы немцев и их союзников, помогла ген. Ж. Жоффру завоевать передышку на Западном фронте. Германскому командованию пришлось окончательно расстаться с планом наступления под Верденом. Несмотря на успех в Румынии, позиции Центральных держав в общем ходе войны были ослаблены. Стратегическая инициатива перешла к Антанте.

Между тем под прикрытием 9-й, 4-й и 6-й русских армий и 2-й армии ген. Авереску формировались новые румынские войска. «Была проведена дополнительная мобилизация в не занятых противником областях, армия была пополнена вывезенными (точнее, выведенными) из оккупированных местностей рекрутами, юношами, почти детьми, которые проделали страшный путь на север, перенесли холод и распутицу. Крестьяне-солдаты, движимые стремлением освободить родину от захватчиков, сносили все тяготы. Учения шли целыми днями. К лету 1917 г. румынская армия в 400 тыс. бойцов была воссоздана»⁵⁷. В тяжелейших сражениях при Мэрешти, Ойтузе, Мэрэшешти, проявив мужество и стойкость, она нанесла германским войскам серьезное поражение.

«Жертвы, принесенные Россией для защиты Румынии в течение мировой войны, исчисляются в 100 тыс. убитых и раненых»⁵⁸, — указывало Советское правительство в 1924 году. Румынская олигархия по-своему «отблагодарила» союзника, организовав в конце 1917 г. нападение своих войск на возвращавшиеся домой русские дивизии, а в начале 1918 г. захватив Бессарабию. Обращенный ко «всем воюющим народам и их правительствам» призыв Советской власти «начать немедленно переговоры о справедливом, демократическом мире» румынская олигархия игнорировала, присоединиться к проходившим в Брест-Литовске переговорам и признать заключенное там перемирие отказалась. Вместе с белыми генералами она заключила на Румынском фронте собственное перемирие⁵⁹. «Освободившиеся» королевские вой-

⁵⁴ Стратегический очерк войны, с. 115—117.

⁵⁵ România în primul război mondial, pp. 228, 215.

⁵⁶ The Times History of the War. Vol. XI, p. 198.

⁵⁷ Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны, с. 196.

⁵⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 7. М. 1963, с. 153.

⁵⁹ Известия 2-го армейского съезда 6-й армии, 28, 29. XI. 1917.

ска были использованы для нападения на вчерашнего союзника — части русской армии, возвращавшиеся из окопов домой.

В знак протеста против этой вероломной акции Совнаркомом были взяты под стражу члены военной и дипломатической миссий Румынии во главе с посланником К. Диаманди. «Для социалистического правительства России,— говорилось в опубликованном в связи с этим сообщении,— важнее всего было избежать войны с румынскими крестьянами и в то же время показать румынскому народу, что мы, русские революционеры, ни перед чем не остановимся в борьбе против румынского правительства и румынской монархии. Обычные дипломатические формальности должно было принести в жертву интересам трудящихся классов обеих наций». Рано утром 1 (14) января 1918 г. состоялся визит «не признававшего» Советской власти дипломатического корпуса к В. И. Ленину. Поскольку его дуайен, американский посол Фрэнсис, согласился посетить Диаманди и опротестовать поведение румынских войск, СНК, подтвердив правомерность своих действий, освободил членов румынских миссий, чтобы «с пользой для дела предоставить румынского посла воздействию других послов»⁶⁰. Но эта надежда не оправдалась.

Нападение на русские войска явилось прелюдией к вторжению румынских войск в Бессарабию. В ответ на него 13 (26) января СНК принял постановление о разрыве отношений с Румынией. «Покрытая преступлениями румынская олигархия открыла военные действия против Российской республики»⁶¹,— говорилось в нем. Четыре королевские дивизии сражались с советскими частями и проводили карательные операции в Бессарабии. «Наши бои с максималистами»⁶²,— сообщал премьер-министр Братиану румынскому посланнику в Париже В. Антонеску,— делают для армии невозможным сопротивляться немецкому наступлению»⁶³, хотя, готовясь к вторжению в Россию и на Украину, немцы и австрийцы вывели из Румынии значительную часть своих войск: летом 1917 г. они насчитывали 378 тыс. штыков и 10,5 тыс. сабель⁶⁴; к началу 1918 г. их число сократилось до 157 тыс. человек на первой и 92 тыс.— на второй линии фронта⁶⁵. Между тем срок перемирия истекал.

В конце января 1918 г. фельдмаршал А. Макензен в ультимативной форме потребовал начать переговоры. Итогом их явился тяжелый для Румынии сепаратный Бухарестский мирный договор (24 апреля/7 мая 1918 г.), связанный с территориальными потерями и непосильной для страны контрибуцией⁶⁶. Румынская олигархия утешалась тем, что германо-австрийская коалиция предоставила ей свободу рук в Бессарабии. Мир, подчеркивал ген. А. Авереску, «сохранит династию и обеспечит Бессарабию, ибо граф Чернин»⁶⁷ обещал оказать дипломатическую поддержку»⁶⁸. И действительно, включенный в мирный договор пункт о демобилизации значительной части королевских вооруженных сил не распространялся на захваченную область: «впредь до установления порядка в Бессарабии» румынские войска сохранялись там в неприкосновенности.

Летом 1918 г. коалиция Центральных держав уже дышала на

⁶⁰ Правда, 3(16).I. 1918.

⁶¹ Документы внешней политики СССР. Т. I. М. 1957, с. 89.

⁶² Так в то время в Румынии иногда именовали большевиков.

⁶³ Studii și materiale de istorie contemporană. Vol. I. București, 1956, p. 13.

⁶⁴ Сведения русской армейской разведки на конец июля 1917 г. (ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1221, л. 308).

⁶⁵ Данные румынского генштаба (Studii și materiale de istorie contemporană. Vol. I, p. 9).

⁶⁶ См. Нотович Ф. И. Бухарестский мир 1918 г.

⁶⁷ О. Чернин — тогда министр иностранных дел Австро-Венгрии.

⁶⁸ Revista istorica, 1932, № 7—9, p. 202.

ладан, а осенью начался ее распад. Поэтому король Фердинанд оттягивал ратификацию Бухарестского мира. За сутки до подписания 11 ноября Компьенского перемирия румынское правительство «вступило в дело», потребовав эвакуации немецких войск с территории своей страны.

На Парижскую мирную конференцию Братиану отправился с широкой программой. Он собирался добиться осуществления не только августовского договора 1916 г. с Россией, Англией, Францией и Италией, включая его территориальные статьи, но и признания отторжения Бессарабии у бывшего союзника и присоединения к Румынии Северной Буковины, входившей ранее в состав Австро-Венгрии. Торжествовавшая румынская олигархия не считала нужным скрывать, что в Северной Буковине живут по преимуществу украинцы, в Западном Банате — сербы, а в Южной Добрудже — болгары. Однако, как писал И. Антонеску, входивший тогда в состав румынской военной миссии в Париже, а позднее ставший фашистским диктатором своей страны, Черновцы нужны были королевской Румынии для «защиты» от восточного соседа, весь Банат — из-за его стратегического положения, Южная Добруджа — в качестве «более обширной базы на Черном море»⁶⁹.

Притязания на венгерские земли по Тисе показались чрезмерными заседавшим в Париже руководителям Антанты и США. И Братиану было отказано в них. Но он быстро понял, что может возместить «утраченное», предлагая Западу свои услуги в борьбе против «мирового коммунизма». «В то время когда военные действия прекращены уже более 7 месяцев для всей остальной части Европы, Румыния находится в состоянии объявленной войны со своими русскими и венгерскими большевистскими соседями»⁷⁰, — писал он в меморандуме, направленном 2 июля 1919 г. министрам иностранных дел стран Антанты и США. Предложение Братиану — «сопротивляться большевизму» «не только в собственных интересах, но и в интересах всей Европы и даже, не преувеличивая, в интересах мировой цивилизации» — встретило самый благожелательный прием⁷¹. В интерпретации румынского премьера «интересы мировой цивилизации» требовали расправы с Хотинским восстанием в Бессарабии и подавления Советской власти в Венгрии, чем была занята королевская армия в 1919 году. Таков финал внешнеполитической деятельности румынской олигархии в годы первой мировой войны.

Творцом и движущей силой национального объединения явился румынский народ. С его волей должны были считаться заседавшие в Париже «миротворцы». Они санкционировали объединение «Старого королевства» с Трансильванией и Восточным Банатом, где большинство населения составляли румыны. Но было бы неверно на этом основании предать забвению то, что управлявшая страной олигархия вступала в первую мировую войну, перешагнув через трупы участников антивоенной демонстрации в Галаце, и что она завершила войну, расправившись с массовой народной манифестацией в декабре 1918 г. в Бухаресте, посадив за решетку многих революционеров-интернационалистов, захватив Бессарабию и Северную Буковину, утвердившись в Южной Добрудже, подавив Венгерскую советскую республику.

⁶⁹ См. Левит И. Э. Ук. соч., с. 102—103.

⁷⁰ Brătianu G. I. *Origins et formation de l'unité romaine*. București, 1943, p. 314. В сношениях с Советским правительством румынская олигархия категорически опровергала, что находится с Россией в состоянии войны.

⁷¹ Штейн Б. Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции. М. 1949, с. 308.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И «НОВЫЕ МЕТОДИКИ»

Е. С. Голубцова, Г. А. Кошеленко

За последнее время опубликован ряд статей математиков М. М. Постникова и А. Т. Фоменко, которые сделали попытку применить методику статистического анализа к материалу древней истории¹. В своих работах эти авторы (совместно с А. С. Мищенко и Е. М. Никишиным) ставят задачу подтвердить и углубить с помощью «новых методик» математической статистики основные положения известного народовольца Н. А. Морозова. Он провел 25 лет в одиночной камере Петропавловской крепости и Шлиссельбурга, где создал «концепцию», пересматривающую всю древнюю и раннесредневековую историю человечества, и объявил ее «творением эпохи Возрождения». Эта «концепция» была впоследствии изложена им в книгах «Откровение в грозе и буре» (1907 г.), «Пророки» (1914 г.), «Христос» (тт. I—VII, 1924—1932 гг.). По мнению Н. А. Морозова, то, что мы принимаем за античную литературу, есть подделка, продукт литературного творчества XII—XIV веков. На все эпохи «доисторической культуры» он отводил по одному веку: I в. н. э.—каменный, II в. н. э.—бронзовый, III в. н. э.—железный и начало латино-эллино-сирийско-египетской империи. Только в XIV в., по его мнению, возникают классическая поэзия, философия, драма, создаются древняя история и древняя наука.

Эта концепция исторического процесса, предложенная Н. А. Морозовым и противоречащая историческим фактам, была встречена учеными разных стран и различных специальностей чрезвычайно критически, а высказанное им положение о том, что древняя и раннесредневековая история была выдумана в XII—XIV вв., признано ошибочным². Крупнейший специалист по истории древнего Востока акад. Н. М. Никольский, выступивший в 1925 г. против построений Н. А. Морозова, следующим образом определил методику его работы: «Читать не то, что есть в тексте, а то, что нужно для его предположения, и переделывать факты, если они противоречат гипотезе... Морозов имеет право в любое литературное произведение вносить любые дополнения и объявлять, что этим он исправляет намеренные пропуски, но мы имеем полное право объя-

---

¹ Постников М. М., Фоменко А. Т. Новые методики статистического анализа нарративно-цифрового материала древней истории. М. 1980; Фоменко А. Т. Некоторые статистические закономерности распределения плотности информации в текстах со шкалой. В кн.: Семиотика и информатика. Вып. 15. М. 1980; его же. Методика распознавания дубликатов и некоторые приложения.—Доклады АН СССР, 1981. т. 258, № 6; его же. Проблемы механики управляемого движения. Иерархические системы.—Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 1980.

² Никольский Н. М. Астрономический переворот в исторической науке.—Новый мир, 1925, № 1; Преображенский П. Ф. Николай Морозов и наука о человеке.—Антирелигиозник, 1926. № 11. В том же журнале за 1933 г. были напечатаны на работы Н. А. Морозова рецензии Н. М. Никольского, А. Б. Рановича, Е. Беляева и др.; см. также Мишулин А. В. История с астрономией или астрономия против истории.—Революция и культура, 1930, № 23; Астров П. По поводу книги Н. Морозова «Откровение в грозе и буре» (М. 1916), и др.

вить такой способ исправления и дополнения литературных произведений и создания новых фактов плодом поэтической фантазии»³. Результаты изучения древней истории Н. А. Морозовым и его попытки применить астрономию при датировке явлений и событий эпохи античности встретили категорические возражения со стороны как историков, так и астрономов. Историки считали, что его концепция, возможно, интересна для астрономов, но неприемлема для историков, астрономы, в свою очередь, отвергали возможность применения его выкладок к астрономии. Математики, в том числе специалист по теории вероятностей и математической статистике акад. А. А. Марков, также не приняли методы подхода Н. А. Морозова к материалу. А. А. Марков писал, в частности, что «применение статистического исследования может иметь большое значение, но только при условии, что постоянство итогов, другими словами, устойчивость их, не принимается на веру и устанавливается в самом исследовании, причем должен быть выяснен и размер колебаний»⁴.

И вот в наши дни группа математиков предприняла попытку, по сути дела, сводящуюся к тому, чтобы возродить основные положения этой концепции. В своих работах они пересматривают историю развития общества на протяжении громадного исторического периода — от III тыс. до н. э. по XVI в. н. э., вторгаются практически во все области общественных наук — историю, философию, филологию, археологию, архитектуру, теорию искусства, эпиграфику, нумизматику, палеографию и др., оперируя при этом своими «новыми методиками статистического анализа».

Прежде чем говорить о работах авторов «новых методик» по существу, необходимо рассмотреть, во-первых, вопрос о возможности применения статистических методик к конкретному материалу исторической науки, во-вторых, о содержательной стороне (т. е. смысле) полученных результатов и возможных их интерпретаций. В обоих случаях обращение к историческому материалу неизбежно. Как подчеркивает В. Н. Тутубалин, крупный специалист по теории вероятностей, «важно соблюдать равновесие между математическим и естественнонаучным материалом, так как... пренебрежение вторым наносит ущерб правильной оценке роли теории вероятностей в науке»⁵. Предостерегая от опасностей, связанных с возможностями приложения теории вероятностей к материалам конкретных наук, Тутубалин указывает и на такую: «Вполне квалифицированный математик может быть, к сожалению, лишен здравого смысла естественного испытателя и предлагать применять теорию вероятностей во всех случаях жизни, в том числе и в тех, когда она неприменима»⁶. Задача, аналогичная той, которую сформулировал В. Н. Тутубалин для естественных наук, должна была стоять и перед математиками, которые решили применить «новые методики статистического анализа» к историческому материалу.

Что касается историков, то они уже теперь располагают полезным опытом использования математических методов в конкретных исторических исследованиях. «Количественные методы, в том числе и моделирование как наиболее эффективный из них, все более широко проникают в практику исторических исследований»⁷. Ученые, участвующие в этих

³ Никольский Н. М. Ук. соч., с. 168.

⁴ Марков А. А. Об одном применении статистического метода. — Известия Академии наук. 1916, т. X, с. 239 и сл.

⁵ Тутубалин В. Н. Теория вероятностей. Краткий курс и научно-методические замечания. М. 1972, с. 149. В книге В. Н. Тутубалина вопрос о применимости теории вероятностей рассматривается на примере естественных наук.

⁶ Там же, с. 143.

⁷ Ковальченко И. Д. О моделировании исторических явлений и процессов. — Вопросы истории, 1978, № 8, с. 72.

исследованиях, подчеркивают исключительную важность вопроса «о корректности математического аппарата, о том, насколько адекватно он воспроизводит свойства и функционирование объекта»⁸.

* * *

Одним из наиболее существенных вопросов, которому в аргументации М. М. Постникова и А. Т. Фоменко отводится определяющая роль, — рассмотрение «статистики древних затмений». Вот как они сами формулируют свою точку зрения: «Идея использовать имеющиеся в древних документах сообщения о затмениях Солнца и Луны для датировки этих документов появилась еще в XVI в. ...Однако астрономические соображения обычно комбинировались при этом со всем комплексом имеющейся у историков информации и потому лишались надежности и определенности чисто астрономических данных. Морозов предложил методу непредвзятого астрономического датирования, состоящую в том, что из текста извлекаются характеристики затмения и на основе астрономических таблиц чисто механически выписываются даты всех затмений с этими характеристиками. Непредвзятость отражается в том, что не обращается внимания ни на какую иную «внеастрономическую» информацию. Это четко выделяет астрономический субстрат проблемы и препятствует прикрытию авторитетом астрономии шатких построений историков»⁹.

Прежде всего здесь бросается в глаза странное понимание термина «непредвзятость». Авторы видят ее, во-первых, в заранее принимаемой (т. е. именно предвзятой в буквальном смысле этого слова) оценке исторической науки как «шатких построений», во-вторых, в сознательном игнорировании большей части информации на основании опять-таки заранее принимаемой (т. е. тоже предвзятой) ее оценки. Обращает на себя внимание и уверенность авторов в том, что извлеченные ими из текста источника элементы обладают «надежностью и определенностью чисто астрономических данных». Но на чем зиждется эта уверенность? Ведь без внимательного исследования источника никакие выводы вообще невозможны.

Сам по себе метод использования данных астрономии является весьма эффективным и широко используется историками, так как он, несомненно, гарантирует точность датировки тех или иных событий. Однако при пользовании им необходимо обладать определенными профессиональными знаниями и навыками для правильного прочтения и комментирования источника, сообщаемого о том или ином событии, будь то солнечное — полное или частичное — либо лунное затмение, комета, расположение созвездий и др. Авторы же «новых методик» не имеют для решения этого вопроса никакой подготовки. Остановимся лишь на одном примере — данных о затмениях, описанных Фукидидом. Еще в XVI в. астрономы определили, что они имели место 3 августа 430 г. до н. э., 21 марта 423 г. до н. э., 27 августа 412 г. до н. э. М. М. Постников и А. Т. Фоменко подвергают это сомнению. Они считают, что у Фукидида (II, 28) говорится о полном затмении, в то время как в 430 г. солнечное затмение было частичным. Утверждают они это, не зная греческого языка и неверно трактуя русский перевод Фукидида, что совершенно изменяет смысл цитаты. У Фукидида говорится: «солнце затмилось... став серповидным, так что были видны некоторые звезды». Перевести это так, что солнце будто бы сначала затмилось (они подразумевают, что полностью), а потом стало серповидным, нель-

⁸ Там же, с. 73.

⁹ Постников М. М., Фоменко А. Т. Ук. соч., с. 3—4 (далее ссылки на страницы этой брошюры даются в тексте статьи).

зя, так как в греческом тексте Фукидида имеются не два глагола, а глагол и деепричастный оборот, его поясняющий.

Неверное использование такого источника, как Фукидид, сведения которого авторы «новых методик» считают вполне заслуживающими доверия, приводит их к неприемлемым выводам: они находят еще одну аналогичную триаду — два солнечных затмения и одно лунное, которые имели место в 1133 г. н. э., и на этом основании считают, что Фукидид — писатель XII в. и описывает современные ему затмения. А дальше в тексте «Истории» Фукидида они обнаруживают будто бы много «параллелей» с событиями крестовых походов XII в. н. э. Ксенофонт, который считается непосредственным продолжателем Фукидида, относится ими ко второй половине XII или к XIII веку. «Илиада» датируется XII веком. Список афинских архонтов V—IV вв. до н. э., по их мнению, включает имена людей XI—XIV веков. Передатируют они не только греческую, но и римскую историю, относя ее примерно к тем же векам, что и греческую, и т. д. «Неувязка» получается у них только с историей Византии. По мнению М. М. Постникова и А. Т. Фоменко, история Византии от III до XV в. н. э. в основном не искажена и ее основные хронологические этапы упорядочены правильно (с. 21). Непонятно, почему авторы отдают такое предпочтение именно Византии. Интересно, например, как они могут объяснить появление Византии в III веке. Ведь Восточную Римскую империю, из которой она возникла, они датируют XI—XII веками.

Астрономические данные подтверждают сведения не только Фукидида, но и ряда других древних источников. Приведем только один пример. Глиняные таблички шумеров, народа, жившего в Месопотамии несколько тысяч лет назад, которые были обнаружены при раскопках в 1912 г., сообщают, что шумерские астрономы, составившие каталог звезд и перечень небесных божеств в VI тыс. до н. э., указывали на громадную звезду в южном полушарии неба, на границе созвездий Парусов и Кормы, где сейчас никакой звезды нет. Однако в 1968 г. с помощью радиотелескопа, находящегося в Австралии, в точно обозначенном шумерами месте был обнаружен пульсар, возраст которого ученые определяют в 5—8 тысяч лет. Тем самым астрономические данные о гигантской катастрофе в глубинах космоса, в результате которой вспыхнула сверхновая звезда, получили подтверждение шумеров, живших в VI тыс. до н. э. и бывших современниками этого явления.

Авторы «новых методик» не учитывают, что сведения «древнего документа», как они говорят, т. е. исторического источника, тем и отличаются от фотографий, выполненных Пулковской или Гринвичской обсерваториями, что сами по себе не имеют «надежности и определенности чисто астрономических данных». Они извлекаются из текста на мертвом языке, который для этого должен быть прочитан, а при наличии нескольких источников поставлен в связь с другими текстами. Это и есть историко-филологическая критика источника. Методика «непредвзятого астрономического датирования», предложенная М. М. Постниковым и А. Т. Фоменко, неприемлема и приводит к грубым ошибкам, что было показано выше на примере текста Фукидида. Идея, лежащая в основе их «методик», не согласуется даже с требованиями логики: если не признавать подлинности источника в целом и считать его подделкой, относящейся к эпохе Возрождения, то можно ли абсолютно доверять произвольно вырванному из него фрагменту и утверждать, что он будто бы содержит «непредвзятую астрономическую информацию»?! Кроме того, отличая заслуживающие доверия «однозначные» описания астрономических явлений у античных авторов от «неоднозначных» (т. е. не заслуживающих доверия), М. М. Постников и А. Т. Фоменко пытаются оценить не что иное, как историческую надежность источника. Однако поль-

зуются они для этого лишь одним критерием, а именно тем, что им представляется «четкостью» астрономического описания (но что может быть стандартным риторическим клише, общим местом). Претендуя при этом на то, что обеспечивают своему подходу «непредвзятость» от «шатких построений историков», они на деле приходят к ошибочным выводам при использовании данных астрономии для трактовки исторических событий.

* * *

Брошюра и статьи М. М. Постникова и А. Т. Фоменко изобилуют большим количеством графиков, схем и формул, авторы широко используют математический аппарат. Математик и писатель И. Грекова предупреждает: «То, что математический язык часто непонятен гуманитариям, ... создает вокруг исследований, написанных на этом языке, «ореол непогрешимости». Принято считать, что выводы, полученные при помощи математического аппарата, тем самым уже непререкаемы. Отнюдь нет! Само по себе наличие математического аппарата никак не придает точности и достоверности научному исследованию. С помощью этого аппарата исследуется не само явление, а его математическая модель, которая может быть как удачной, так и неудачной (к сожалению, последнее в гуманитарных областях встречается чаще, чем хотелось бы)»¹⁰. Тем самым ложное рассуждение остается таковым независимо от того языка, на котором оно выражено. Как заметил выдающийся советский математик акад. В. М. Глушков, любые ЭВМ бесполезны, если программист закладывает в них неточные данные: из тысячи полуправд не получишь одной правды. Уязвимость построений авторов «новых методик» как раз заключается в том, что они постоянно «закладывают» в свою «математическую модель» огромное множество таких полуправд—неточных, непроверенных, произвольно отобранных и истолкованных фактов — и получают одну большую неправду.

Очень важно поэтому остановиться на «доматематическом» уровне «новых методик», когда как раз и формируется «математическая модель». Важен также уровень общей логики их посылок, материала, выводов и интерпретаций. Предложенные А. С. Мищенко «новые методики» основаны на априорных «моделях», которые теоретически должны затем «проверяться». Это ставит перед нами два вопроса: 1) не приходит ли предлагаемая модель в противоречие с материалом еще до математической проверки и 2) насколько корректны предлагаемые нам способы проверки.

Методика, именуемая «принцип максимума Мищенко» (с. 15—17), имеет целью найти способ определения относительной хронологии ряда текстов, связанных между собой «общими ссылками и взаимными цитатами» («параллельными местами»). Авторы ее пытаются пользоваться для этого подсчетами «параллельных фрагментов» в попарно берущихся текстах и строить соответствующие «частотный график» и «частотную матрицу», составляемую из численностей «параллельных мест» для всей взятой совокупности текстов¹¹. Авторы спрашивают: «Можно ли теоретически предсказать строение этой матрицы?» Но для методики, рассчитанной на применение, более важен другой вопрос: возможно ли практически построить и проверить такую «матрицу», которая исчерпывала бы весь материал или хотя бы основывалась на выборке, предста-

¹⁰ Грекова И. На пути к синтетизму. В сб.: НТР и развитие художественного творчества. Л. 1980, с. 225.

¹¹ Здесь не воспроизводится и не описывается математический аппарат «новых методик», а прослеживается логический ход мыслей, который авторы хотят выразить этим аппаратом.

вительность которой могла быть доказана, а пределы точности определены (т. е. исследователь мог бы быть уверен, что оставшийся за пределами выборки факт не ломает всю модель)? Авторам «новых методик» это явно не удалось.

А. С. Мищенко утверждает, что для решения указанной выше задачи нужна «некоторая априорная модель поведения цитаторов. Простейшая модель состоит в том, что чаще цитируются тексты, близкие по времени к цитатору, а более отдаленные тексты цитируются реже» (с. 15). Дальше он описывает ожидаемый внешний облик графика, который отвечал бы этой «модели». Но почему она вообще заслуживает проверки? Ведь и так видно, что она не может быть универсальной (вспомним хотя бы «Опыты» Монтеня или «Круг чтения» Толстого, ничуть ей не отвечающие). Разными бывают «цитаторы», различной — роль цитат в тексте, неодинаковыми — типы культур, к которым «цитаторы» и тексты принадлежат. В традиционалистских культурах (а к ним относятся все культуры, предшествующие эпохе капитализма) древность текста есть безусловное мерило его ценности. Но традиционализм не означает абсолютного застоя. Литературные жанры развивались, менялись вкусы и моды, рядом со старыми традициями появлялись новые. На «поведение цитаторов» влияют и идеологическая борьба, политическая и литературная полемика и т. д. Короче, именно «простейшая» модель, несомненно, будет некорректной, поскольку историческая, идеологическая, литературная ситуация всегда сложна, а более сложная модель не может быть универсальной.

В какой-то мере понимают это и М. М. Постников и А. Т. Фоменко. «Например, — пишут они, — особо авторитетный текст будет цитироваться ненормально долго» (с. 16). Возникает вопрос: в чем именно состоит «особость» «особо авторитетного текста»? Кем и как устанавливается «норма» давности для цитирования? Нормально ли сегодня цитировать Пушкина, Ломоносова, автора «Слова о полку Игореве»? Утверждение «авторитетный текст будет цитироваться долго» бесспорно, но основы для универсальной модели не дает. А. С. Мищенко пытается выйти из затруднения «за счет усложнения теоретической модели». В своей второй модели он придает каждому автору «коэффициент комплиментности»,... измеряющий интенсивность, с которой он цитирует предшественников, и «коэффициент авторитетности»,... измеряющий интенсивность, с которой его цитируют последователи» (с. 16). Но измеримы ли практически эти величины? Этот вопрос не волнует авторов «новых методик», полагающих, что недостаточность «согласия теории с практикой» не отменяет «простейшей модели», а лишь требует «уточнения» результатов ее применения.

Перейдем теперь за М. М. Постниковым и А. Т. Фоменко к двум примерам, «имеющим в основном иллюстративное и проверочное значение» (с. 18). Начнем со второго, более наглядного. Приведем его почти целиком: «Фоменко применил методику Мищенко к последовательности 25 римских императоров от Августа до Каракаллы. Каждый император имел много имен (например, Цезарь Август Антоний Пий Тит Аврелий Фульвий Бойоний Аррий Элий Адриан)¹², что позволяет построить частотную матрицу (таким образом, «текстом» здесь является полное имя императора, а «параллельными местами» — общие имена). Оказалось, что эта последовательность идеально удовлетворяет принципу максимума» (с. 18).

Здесь модель, лежащая в основе методики, подменяется другой моделью, точнее — двумя взаимодействующими моделями. А именно: 1) моделью наследования императорской власти (ее, как правило, насле-

¹² Это приведенные в произвольном порядке элементы трех имен Адриана: до усыновления Траяном, после усыновления и его императорского имени.

довал сын или усыновленный); 2) моделью римской системы антропонимии с теми ее модификациями, которые характерны для императоров и их семей¹³. В римском сложном имени каждый элемент имел определенное происхождение, место и значение; при нарушении же этого порядка значимым (а не случайным!) было само нарушение. Часть элементов имени наследовалась от отца или переходила от усыновителя, а такие элементы, как *Caesar* и *Augustus*, очень быстро стали фактически титулами. Присоединение имени (или его элементов) одного из предшествующих императоров к собственному или даже замена последнего первым тоже было обычной практикой, служа целям легитимизации. Таким образом, реальная модель перехода части элементов имени от одного императора к другому объясняется закономерностями развития этого явления и не имеет отношения к надуманной частотной «модели поведения цитаторов». Кроме того, уподобление полных имен «текстам», а повторяющихся элементов имени «параллельным местам» не отвечает самому принципу предложенной методики.

Другой пример иллюстрации-проверки, озаглавленной «История древнего Рима», абсолютно невразумителен. Приведем цитату: «Для проверки своей методики Мищенко рассмотрел последовательность 34 авторов, сообщавших информацию, касающуюся истории древнего Рима, от Софокла до Зонары. В обзоре (8)¹⁴ для каждого события римской истории перечислены авторы, описавшие это событие, что, очевидно, немедленно позволяет составить частотную матрицу. Оказалось, что в этом примере методика срабатывает уже на первом этапе» (с. 18). Здесь неясно, почему рассматривалась последовательность авторов, а не текстов (как предполагалось «методикой»)? Какую информацию об истории Рима может сообщить Софокл? Его, естественно, нет в указателе к «Очеркам» Низе — единственной книге по истории Рима, на которую авторы ссылаются, — но, судя по их словам, «частотная матрица» составлялась при посредстве этого пособия. Что, однако, легло в ее основу: краткие источниковедческие введения к каждой главе (они составлены не по «событиям» а по периодам и рассматривают несохранившиеся источники в одном ряду с сохранившимися) или обычные сноски со ссылками на источники? И в том и в другом случае авторы «матрицы» имели дело не с текстами источников, а с их оценкой или использованием Б. Низе, т. е. либо с устанавливаемой им генеалогией источников, либо с его подборками ссылок на источники, которые казались ему предпочтительными. Так или иначе основой проверки служили результаты начала XX в., отразившие тогдашний уровень науки¹⁵, который авторы моделировали сейчас. Итак, оба проверочных примера построены на произвольно избранных моделях.

«Принцип максимума» был применен А. Т. Фоменко и А. С. Мищенко и к т. н. «методике ономастогамм», рассчитанной на изучение эволюции имен. В основу ее кладется конкретная шкала, построенная А. Т. Фоменко на основе русской транскрипции греческих имен, встречающихся в византийских текстах с III по XV в. н. э. Шкала содержит 51 текст от Дексиппа Афинянина¹⁶ до Георгия Франдзы (с. 21). Для

¹³ См. Федорова Е. В. Латинская эпитафия. М. 1969, с. 71—101 (особенно — 94—101).

¹⁴ Под № 8 в списке литературы к брошюре М. М. Постникова и А. Т. Фоменко (с. 36) указано популярное в начале века пособие: Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения. СПб. 1908.

¹⁵ По своим взглядам Б. Низе принадлежал к гиперкритическому направлению (см. предисловие к русскому переводу этого пособия).

¹⁶ С фрагментов Дексиппа начинается сборник: Византийские историки, переведенные с греч. С. Дестунисом. СПб. 1860. Но, строго говоря, Дексипп не византийский историк, а греко-язычный римский: он писал в середине III в., до разделения Римской империи на Западную и Восточную.

каждого текста составлялся список имен, в который заносилось каждое из них один раз, «сложные имена разбивались на составляющие». Число имен, общих каждому тексту и другим текстам, клалось в основу «соответствующих частотных графиков», которые М. М. Постников и А. Т. Фоменко именуют «ономастограммами». Важное значение они придают «общему ходу» этих последних, допуская их «сжатие или растяжение по вертикальной оси» (с. 22), т. е. не интересуясь абсолютным числом совпадающих имен или процентным соотношением совпадающих и несовпадающих (последние, таким образом, вообще выпадают из подсчетов). Вне поля их зрения остаются и частота употребления одних и тех же имен и всякая связь имен с конкретными лицами. Для «уточнения» датировки авторы предлагают брать три текста: А (датируемый), В (с такой же, как у А, «ономастограммой»), Х (из «шкалы»). Теперь, по их мнению, если «множество имен тройки А, В, Х мало, по сравнению с множеством общих имен пар А, Х и В, Х, то текст А одновременен с текстом В. Тексты А и В, удовлетворяющие условиям этого критерия, — заключают авторы, — мы будем называть ономастоподобными» (с. 23). Аргументируя, они предполагают, что «текст А (т. е. датируемый) относится к интервалу III—XV вв.» (с. 21 сл.). Без этого предположения «методика», по заверению авторов, «может установить лишь событийную одновременность данного текста с одним из текстов шкалы» (с. 22). Больше того, они утверждают, что «если... текст А уже имеет в исторической науке датировку, то расхождение ее с датировкой текста В будет указывать на ложность этой датировки» (с. 23).

Познакомимся же с их образцами «ономастографических» датировок. «Греческую историю» Ксенофонта они датируют концом XII в. — «она ономастоподобна (и, значит, одновременна) текстам Никиты Хониата» (с. 25 сл.); плутархова биография Агесилая — тоже XII в. (она «ономастоподобна» и «одновременна» текстам Евматия Макремволита), но плутархову биографию Александра они датируют VI в., сопоставляя с текстами Прокопия Кесарийского; Илиада «также ономастоподобна текстам Евматия Макремволита» (с. 25). М. М. Постников и А. Т. Фоменко приходят к следующему выводу: «методика ономастограмм распределяет античных авторов по средним векам по каким-то нетривиальным правилам, а не относит их к эпохе Возрождения, как это делал Морозов» (с. 26). В действительности же вовсе не «методика» относит датируемых ими авторов к средневековью, а их априорное условие — относить все тексты к III—XV векам.

«Ономастограмма» текстов Прокопия Кесарийского, жившего в VI в., упоминается М. М. Постниковым и А. Т. Фоменко среди тех, которые послужили им критерием для датировок, и, значит, датировки Прокопия они считают надежными (ср. текст В на с. 23). Между тем в «Войне с готами» Прокопий дважды цитирует Гомера. Правда, обе цитаты — из Одиссеи, авторы же датируют Илиаду XII веком. Но напомним, что они уже писали о принадлежности гомеровских поэм «одному лицу». Таким образом, если согласиться с ними, то придется предположить, что византийские авторы, и в частности Прокопий, систематически цитировали еще не написанные книги, знали сочинения писателей грядущих веков! Альтернатива этому одна: «новые методики» не выдерживают первого же столкновения с используемым ими материалом и дают фантастические результаты, хотя сами авторы называют их «простыми, надежными и наглядными» (с. 20). Почему же математизированные методики не выдерживают элементарной проверки и явно несостоятельны? Вернемся к цитированной выше статье И. Грековой. «В изобилии появляются, — пишет она, — работы, где применяется математический аппарат, а науки нет и в помине. Порок этих работ — отсутствие математического, качественного анализа явления, подлинной постановки задачи. Этот аппарат оказывается приложен «к решению вздорной, на-

думанной, уродливо поставленной задачи, не имеющей никакого отношения ни к чему»¹⁷.

Имеется еще одна «методика» — «династические параллелизмы», которую М. М. Постников и А. Т. Фоменко объявляют «одним из самых удивительных и в то же время наиболее фундаментальных наблюдений Морозова» (с. 26). Фактически А. Т. Фоменко (при участии А. С. Мищенко) принадлежит лишь попытка «формализации» одного из его наблюдений: «обнаружение среди древних династий параллельных (изоморфных) пар» (с. 26) и сведение этого материала в таблицы. Из трех таких «параллелизмов», приведенных авторами, остановимся на одном: «Сравнение Римских империй II и III». Что здесь имеется в виду? Авторы считают, что «Римская империя, фактически созданная Суллой и Помпеем, практически полностью распалась в III веке после Каракаллы... Римская империя была восстановлена в конце III в. Аврелианом и Диоклетианом и просуществовала до начала V века» (с. 29). Н. А. Морозов, а вслед за ним авторы «новых методик» берут из истории Римской империи два отрезка — первый с 83 г. до н. э. по 217 г. н. э., который назван ими «II Римской империей» (левая часть таблицы Морозова) и второй, с 270 по 526 г. — «III Римская империя», по их обозначению (правая часть таблицы). Тем самым время с 217 по 270 г. остается в их трактовке буквально «пустым местом».

Подобная произвольная периодизация нужна для формализованного сопоставления событий и лиц II и III империй, которое якобы должно дать полную симметрию. Посмотрим, как она достигается. Вот пример: «Люций Сулла правил 4 года — Люций Аврелиан — 5 лет

(82—78 гг. до н. э.)

(270—275 гг.)

Смута 1 год (78—77 гг.)

— Смута 1 год (275—276 гг.)

Марий Квинт Серторий правил 6 лет (78—72 гг. до н. э.)

— Проб — 6 лет (276—282 гг.)

Смута — 2 года (72—70 гг.)

— Смута 2 года (282—284 гг.)

Гней Помпей правил 21 год (70—49 гг. до н. э.)

— Диоклетиан — 21 год (284—305 гг.) и т. д.» (с. 30).

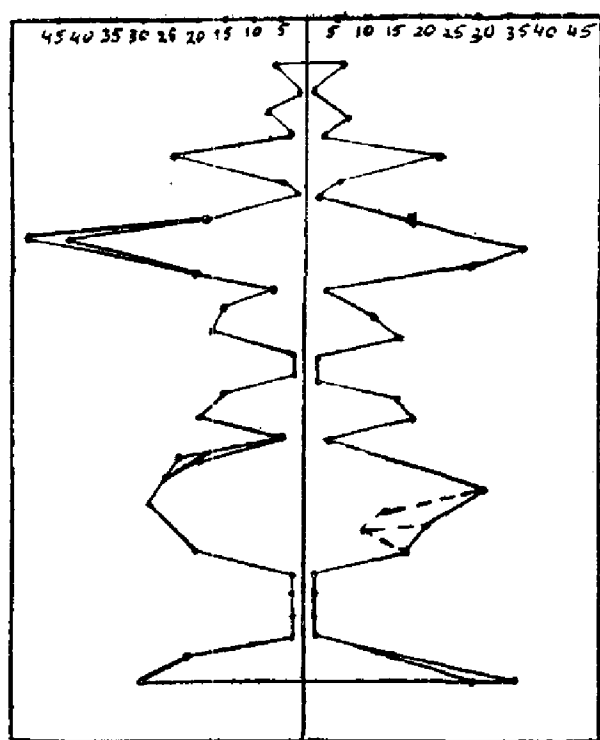
Здесь что ни фраза, то фактическая ошибка. Сулла был диктатором 2,5 года, а не 4 (с конца 82 г. до 79 г., когда он добровольно сложил свои полномочия). Серторий включен в таблицу произвольно — это был наместник Испании, он не имел никаких магистратур в Риме и нельзя сказать, что он там «правил». Поэтому сравнение его с императором Пробом неправомерно. Для того, чтобы получить 21 год, которые правил Диоклетиан, авторы приписывают его «аналогу» Помпею тоже 21 год единоличного правления — 70—49 гг., не учитывая, что с 70 г. Помпей вместе с Крассом был римским консулом, до 62 г. он воевал на Востоке (в том числе с Митридатом VI, не имея никаких магистратур в Риме), затем входил в состав 1-го триумvirата и погиб в войне с Цезарем. Диоклетиан был единоличным императором 21 год, а Помпей диктатором — всего около 1,5 года. Перечень подобных ошибок можно было бы продолжить.

В правом ряду, в «III империи», также допущен произвол в подборе «параллелизмов». Некоторые императоры вообще выпадают из списка, в том числе такие, как непосредственный преемник Диоклетиана Галерий (293—311 гг.), Лициний (308—324 гг.), Констант (337—350 гг.). И здесь же другие императоры, правившие совместно или одновременно, включаются в ряд как следовавшие друг за другом правители, например, Валентиниан I (364—375 гг.) и Валент (364—378 гг.) или Гонорий (395—423 гг.) и Аркадий (395—408 гг.), причем первый был правителем Западной Римской империи, а второй — Восточной. Иногда

¹⁷ Грекова И. Ук. соч., с. 225.

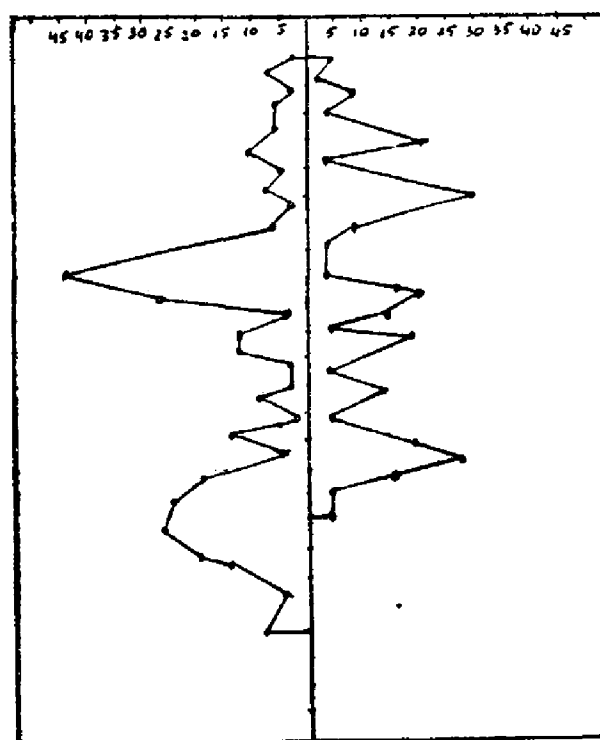
один из соправителей вообще не император, как полководец Аэций, который в правом ряду предшествует Валентиниану III. За последним помещен другой полководец—временщик Рецимер (Рицимер), на время деятельности которого приходится правления нескольких императоров, не попадающих в этот ряд. В результате такого подхода между Диоклетианом и Констанцием Хлором появляется «смутный период» в 4 года, хотя разрыва в датах между их правлениями нет, а между Констанцием Хлором и Константином возникает 18-летний период «тетрархов», хотя оба эти императора правили подряд, один за другим.

Сравним для наглядности график Н. А. Морозова, принятый также М. М. Постниковым и А. Т. Фоменко, который ими дается для «II и III Римских империй», и график, составленный с учетом всех исторических данных, чтобы наглядно продемонстрировать, как авторы «новых методик» обращаются с историческими фактами в своем стремлении добиться симметрии (см. график).

II Римская империя (82 г. до н. э. — 217 г. н. э.) | III Римская империя (270 г. н. э. — 526 г. н. э.)

Сравнение их графиков, предложенное Морозовым — Постниковым — Фоменко.

II (82 г. до н. э. — 217 г. н. э.) | III (270 г. н. э. — 476 г. н. э.)

Сравнение графиков подлинных событий «II» и «III» Римских империй.

Авторы вслед за Н. А. Морозовым ведут сопоставление не только дат, но лиц и событий с целью их определенной формализации, которая была разработана А. Т. Фоменко на основе специально составленного им «анкет-кода», включающего следующие пункты¹⁸: 1) пол (мужской, женский); 2) Т — длительность жизни; 3) П — длительность правления; 4) социальное положение (царь, император, полководец, политик, общественный деятель, ученый, религиозный вождь, папа, епископ); 5) смерть правителя; 6) стихийные бедствия во время его правления; 7) астрономические явления во время правления; 8) войны во время правления; 9) число войн; 10) основные временные характеристики войн и т. д., всего 34 пункта. Сопоставление в данном случае велось следующим образом: Люций Сулла «аналог» Люция Аврелиана. Оба они Люции,

¹⁸ Фоменко А. Т. Некоторые статистические закономерности распределения плотности информации в текстах со шкалой, с. 117 сл.

оба — римские императоры (хотя на самом деле Сулла — диктатор, а не император), оба поднялись на вершину власти, оба были самыми удачливыми полководцами, оба правили Римом. Отмеченных черт достаточно, чтобы Аврелиан рассматривался как «аналог» Суллы. Подобный «параллелизм» авторы стараются отыскать, сопоставляя биографии других деятелей «II и III Римских империй». Это нужно им для того, чтобы доказать, будто римская история была сочинена средневековыми хронистами по определенному трафарету в XI—XIII веках.

Авторы «новых методик» полагают, что А. Т. Фоменко (при участии А. С. Мищенко), «развив и формализовав» методы Н. А. Морозова, получил «объективную методику» (с. 26). В чем же ее преимущества перед морозовской? Уже Н. А. Морозов указал-де на «определенный событийный... параллелизм» струй» (т. е. левого и правого рядов таблицы), а А. Т. Фоменко «проследил его более последовательно и на базе некоего полуформального алгорифма»,.. который будто бы «распространяется очень глубоко, доходя иногда до полного тождества биографий, соответствующим образом формализованных» (с. 31). Н. А. Морозов «не владел общей методикой», а А. Т. Фоменко нашел новое значение для слова «династия», под которым он понимает «последовательность фактических правителей какой-нибудь страны безотносительно к их титулатуре и родственным связям» (с. 26). Последовательность чисел, выражающих длительность правлений династий, Фоменко называет династическим потоком, а ее подпоследовательности, получающиеся отбрасыванием тех или иных соправителей, — династическими струями... и т. д. (с. 26—27). К династиям относятся, оказывается, «епископы и папы в Риме, сарацины, первосвященники в Иудее, грекобактрийцы, экзархи в Равенне, все династии Египта, Византии, Римской империи, Испании, России, Франции, Италии, Османской империи, Шотландии, Лакедемона, Германии, Швеции, Дании, Израиля, Вавилона, Сирии, Сициона (?), Иудеи, Португалии, Парфии, Боспорского царства, Македонии, Польши, Англии»¹⁹. Здесь перечисляются все эпохи и народы; неясно также, почему сарацины или грекобактрийцы считаются династиями и т. д. На основе такой формализации строится «глобальная хронологическая карта древней и средневековой Европы и Средиземноморья на интервале с 2000 года до н. э. по 1800 г. н. э.»²⁰, куда А. Т. Фоменко помещает всю историю человечества, начиная с египетского фараона Аменемхета III (2050 г. до н. э.) и кончая Французской буржуазной революцией конца XVIII века.

Не обошли авторы «новых методик» своим вниманием и такую отрасль исторической науки, как археология. Не учитывая масштабов раскопок, проводимых во всем мире, и количества находок, исчисляемых миллионами вещей, они все их объявляют либо подделками, либо поздними, неправильно датированными вещами. Например, они считают что пирамиды были построены в средние века, затем закопаны и найдены в новое время, равно как римский Колизей и греческий Парфенон. Они подвергают сомнению локализацию древних городов, в частности Вавилона. При этом игнорируется огромное количество вещей и точно локализованных надписей, датированных монет и документов, найденных там при раскопках, а Вавилон объявляется незначительным поселением в пустыне, находившимся то ли в Месопотамии, то ли в Египте, то ли в Италии.

Так же отнеслись авторы «новых методик» к материалам нумизматики. Они утверждают, что «если смешать в кучу все имеющиеся сейчас древние монеты, то отсутствует какая-либо методика, позволяющая установить, какие монеты этой кучи древнее других». А между тем

¹⁹ Там же, с. 121.

²⁰ Там же.

имеется и методика, и научная классификация, и типология, разработанные наукой нумизматикой, существующей уже сотни лет. К тому же около половины античных монет имеет точную датировку, надчеканенную самими древними. А если на монете выбит год ее чекана — бесполезно спорить о том, к какому времени она относится. Некомпетентны авторы и в палеографии, изучающей древние рукописи. И их бы в этом никто не упрекнул, если бы они не высказывали чрезвычайно категорические суждения по данному вопросу: они, например, считают, что ничто не мешало позднесредневековому любителю книг с «древней внешностью» заказать себе книгу, написанную «древним почерком».

Таким образом, авторы «новых методик» ставят своей целью пересмотреть хронологию древней истории. Для этого источникам вопреки «перебрасывается» тот или иной исторический период на 10, а то и 15 веков вперед, как они это сделали с Фукидидом. Они составляют «частотные матрицы» и строят «частотные графики», исходя из неприемлемого положения, что «чаще цитируются тексты, близкие по времени к цитатору, а более отдаленные тексты цитируются реже» (с. 15). На этой основе они пытаются определять время жизни «цитаторов», перенося различных исторических деятелей из эпохи в эпоху. Так же поступают они с именами античных, византийских и средневековых авторов, исходя из своей «методики ономастограмм», согласно которой тот или иной исторический деятель упоминает более близкие ему по времени имена. Применяя этот подход, они пытаются заново датировать время жизни «ономастоподобных» (по их терминологии) личностей. За эталон при этом берется история Византии, хронологию которой они почему-то считают подлинной, и всех античных авторов «перетягивают» на 15—17 веков вперед, получая таким путем фантастические результаты. Они вводят «принцип» династических параллелизмов для Римской империи, согласно которому получается, что история Рима была «выдумана» по какому-то литературному шаблону средневековыми монахами. Для подтверждения этой мысли они «передатируют» время правления известных исторических деятелей, переносят их из I во II тыс. и обратно. Все эти построения ничего общего не имеют с марксистской исторической наукой, которая хронологию рассматривает в тесной связи с общей тканью процесса исторического развития общества.

Авторы «новых методик» считают свои взгляды на древнюю историю новаторскими, а всю современную историческую науку в этой области объявляют «шаткими построениями историков». Однако зависимость их взглядов от концепции Н. А. Морозова, которую они сами подчеркивают, свидетельствует о том, что они стоят на уровне развития общественных наук, существовавшем в конце XIX века. Более того, они всерьез полагают, что можно «придумать» какой-либо период истории человечества. «Формализуя» хронологию, вырывая ее из общей ткани исторического процесса, принимая ее как самоцель, они забывают, что история человечества развивалась как объективная реальность, вне нашего сознания. Таким образом, «новые методики анализа статистического материала» объективно направлены против основных принципов марксистской исторической науки, искажают историю человечества.

* * *

В июне 1981 г. Отделение истории АН СССР в присутствии М. М. Постникова, А. Т. Фоменко, А. С. Мищенко и Е. М. Никишина провело заседание, в котором приняли участие сотрудники Институты всеобщей истории, истории СССР, востоковедения, археологии, этнографии АН СССР, а также астрономы из Государственного астрономического института им. Штернберга. Специалисты по истории древнего Востока, древней Греции и Рима, средневековья, археологии и эпиграфии-

ке, астрономии пришли к единодушному мнению о порочности постановки вопроса, содержащейся в работах М. М. Постникова и А. Т. Фоменко. Было отмечено, что нельзя хронологию вырывать из общей ткани исторического процесса и «формализовать» ее. В корне неправильно то, что авторы пытаются отождествлять, допуская большое количество натяжек, исторические явления и события, произвольно выхватываемые ими из контекста истории государств и народов и относящиеся к различным эпохам и формациям. Выступавшие на этом заседании указывали на громадное количество ошибок, искажений текстов, на подтасовку фактов, незнание элементарных азов исторической науки. Было отмечено, что нельзя давать ту или иную трактовку сочинений античных авторов только на основе переводов, поскольку эти авторы писали по-латыни и по-гречески.

На заседании было высказано недоумение, почему математики М. М. Постников и А. Т. Фоменко, вторгаясь в область древней и ранне-средневековой истории, ни разу не проконсультировались со специалистами в этих областях науки. Присутствовавшие на обсуждении астрономы не поддерживали «астрономических» датировок авторов «новых методик». Археологи и эпиграфисты выступили против их утверждения о том, что все «древние» предметы, обнаруживаемые в настоящее время при раскопках, были кем-то закопаны нарочно в средние века. В выступлениях указывалось, что с позиций, занимаемых М. М. Постниковым и А. Т. Фоменко, совершенно невозможно объяснить совпадение данных античных авторов и надписей с материалами археологических раскопок.

К сожалению, из обсуждения их работ в Отделении истории АН СССР М. М. Постников, А. Т. Фоменко, А. С. Мищенко и Е. М. Никишин не сделали правильных выводов, игнорировали все, что было сказано историками, востоковедами, археологами и астрономами. Уже после этого заседания они, настаивая на своей ошибочной концепции, выступали с докладами и лекциями перед специалистами различных областей науки, избегая, однако, при этом историков-античников и медиевистов.

ВОСПОМИНАНИЯ

НАЧАЛО КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ

Е. В. Дороднов

Город моей комсомольской юности, который поднялся в таежном и болотистом крае трудом поколения 30-х годов, в этой пятилетке, как и полвека назад, стал Всесоюзной ударной стройкой. На берега Амура снова прибыли отряды молодежи с путевками Ленинского комсомола на строительство новых промышленных предприятий. А в 30-е годы комсомольские стройки и комсомольские путевки проходили первые испытания. Немало трудностей пришлось преодолеть создателям первенцев индустрии первой пятилетки — Днепрогэса, Магнитки, Кузбасса, Горьковского автозавода, тракторных предприятий в Харькове, Сталинграде, Челябинске, многих других заводов и фабрик. И все же большинство этих новостроек возводилось в обжитых местах, вблизи от путей сообщения. В более сложных условиях пришлось трудиться молодым людям, которые в 1932 г. получали путевки ЦК ВЛКСМ с адресом «На новостройки Дальнего Востока». Им предстояло осваивать таежный край, создавать там тяжелую промышленность.

Председатель Госплана и заместитель председателя СНК и СТО СССР В. В. Куйбышев подчеркивал в 1932 г., что новые гиганты социалистической индустрии будут строиться там, где еще простирались белые пятна на картах геологов¹. Партия и правительство имели в виду в первую очередь Советский Дальний Восток. Заместитель председателя Госплана СССР В. И. Межлаук обращался к юношам и девушкам страны: «Комсомол должен явиться пионером в развитии края». Эту же мысль высказал вице-президент АН СССР В. Л. Комаров: «Здесь, в этом диком и заброшенном крае, недра и поверхности которого неисполнены богатств, комсомол должен сыграть одну из решающих ролей», создать «постоянные промышленные кадры на Тихоокеанском побережье»². Несколько позже Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев писал, что на дальневосточный комсомол партией возложены большие задачи: по существу этот отряд комсомола держит экзамен на звание лучших, боевых и квалифицированных помощников партии, и этот экзамен он должен сдать как перед партией, так и перед всем Ленинским комсомолом³. И экзамен был с честью выдержан. В Сибири, на Дальнем Востоке Ленинский комсомол не просто участвовал в сооружении первенцев социалистической индустрии, а «был ответственным за все»⁴.

Не скрою, когда мои сверстники отправлялись в дальний путь через всю страну, они полностью не представляли себе размаха планов партии по укреплению экономического, оборонного потенциала Дальнего Востока, перестройки там всего уклада жизни. И это понятно. Первые призывы составляли в основном юноши в возрасте 17—20 лет. Многие из них были малограмотными. Не случайно в то время одной из форм политического и общего образования служили громкие читки газет и книг. Скажем, с некоторыми выступлениями партийных и государственных деятелей, о которых говорилось выше, автор этих строк мог познакомиться лишь спустя много лет после их опубликования. Нас, молодых людей 30-х годов, звали в дорогу комсомольский задор, страстное желание служить Родине, превратить ее в передовую индустриальную державу. Одолевая трудности на дальневосточной земле, мы убеждались, что земля эта давно нуждалась в людях, проникались уважением к ней и стремились

---

¹ Куйбышев В. В. Узнаем свою страну. Комсомольская правда, 20.III.1932.

² Комсомольская правда, 22.IV.1932.

³ Там же, 5.IV.1932.

⁴ Дальневосточный Комсомольск, 18.IV.1967; см. также Дороднов Е., Хлебников Г. Подвиг на Амуре. Хабаровск. 1971, с. 269—270.

принести ей больше пользы. Мы трудились с убежденностью и верили, как писал поэт-дальневосточник И. Омудевский: «Пройдут года — и ты, страна родная, во всей красе могучей расцветешь!»

Партия сказала: в самые сжатые сроки построить судостроительный и авиационный заводы на Дальнем Востоке. Были определены их места: селение Пермское, нанайские стойбища Пиван и Дземги Нижне-Тамбовского района⁵. От Хабаровска до места строительства — около 400 км, никаких дорог, только таяжные тропы. Все грузы можно переправлять лишь в летнее время, по Амуру. Речной флот малочислен. А заводы намечалось построить к 1 января 1933 г.⁶, причем почти год ушел на выбор площадок. В 1932 г. объекты еще не были обеспечены ни строительным материалом, ни рабочей силой. По просьбе Дальневосточного крайкома партии туда прибыла комиссия Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР. Она вошла с рядом предложений о помощи Пермским новостройкам (так первоначально назывались стройки судостроительного и авиационного заводов)⁷. ЦК партии, рассмотрев эти предложения, 13 ноября 1932 г. утвердил объем работ для Дальпромстроя (название стройки судостроительного завода) на следующий год, предусмотрев в 1933 г. начало промышленного строительства⁸.

6 мая 1932 г. отплыли от Хабаровска вниз по Амуру два парохода и буксирная баржа — бывший дом отдыха. На них находились первые строители. Первые 900 комсомольцев открывали для себя и для страны малоизвестный уголок нашей необъятной Родины, чтобы заложить там еще один центр социалистической индустрии. Почти $\frac{2}{3}$ из них имели комсомольский стаж менее 3 лет⁹. На Амуре было еще много льдин, и флотилия медленно продвигалась по реке. К месту назначения она прибыла на пятые сутки. Началась разгрузка.

На берегу Амура стояли полсотни крестьянских изб, одна большой дом и несколько нанайских фанз. Этого жилья для 5586 коммунистов и комсомольцев, прибывших на стройки в течение мая и июня 1932 г., было явно недостаточно¹⁰. В день прибытия начальник строительства издал приказ: «Сегодня из Хабаровска пароходами «Колумб», «Коминтерн», баржей «Клара Цеткин» в с. Пермское на строительную площадку Амурского судостроительного завода прибыл первый эшелон рабочих, инженерно-технических работников и служащих треста «Дальпромстрой» для организации первоочередных работ по освоению строительной площадки для Амурверфи». Первоочередной задачей объявлялось обеспечение прибывших жильем и питанием; предлагалось использовать под жилье «жилые и надворные постройки села, включая и чердачные помещения, а также соорудить палаточный городок на 2000 мест, организовать двухразовое питание, для чего приспособить 5 армейских походных кухонь»¹¹. Жили в амбарах, банях и даже конюшнях. Рядом с Пермским раскинули привезенные с собой палатки. Но на всех их не хватило, и тогда взялись копать землянки. Так возник Копай-город. Расселялись землячествами: москвичи, киевляне, ивановцы. Люди получили над головой крышу и были защищены от ветров, которые на Амуре особенно яростные. Ропота почти не было слышно: все или по крайней мере почти все понимали главную задачу — в сжатые сроки дать стране заводы-гиганты.

Трудовой накал был необычайным с первых дней. Только сошли комсомольцы на берег Амура, как состоялось комсомольское собрание. На повестке дня главный вопрос — «Штурм тайги». «Перед нами тайга. Надо ее раскорчевать и на ее месте построить завод. За этим нас сюда послали. Работать будем по-ударному. Наша бригада вызывает на социалистическое соревнование бригаду Николая Бычкова», — говорил комсомолец Николай Зубков. «Вызов на ударный труд принимаем!» — заявили члены бригад Федора Малышева, Александра Гаврилова, Ивана Смирнова, Анатолия Никитина. На стройки прибывали новые партии рабочих. Расширялся Копай-город. Большое

⁵ Позывные истории. Ученые записки по истории ВЛКСМ. Вып. 2. М. 1970, с. 326.

⁶ Партийный архив Хабаровского крайкома КПСС (ПАХК), ф. 2, оп. 1, д. 301, л. 179; Вопросы истории Дальнего Востока. Вып. II. Хабаровск. 1972, с. 192.

⁷ Вопросы истории Дальнего Востока, с. 193.

⁸ Там же, с. 197.

⁹ Позывные истории, с. 322.

¹⁰ ПАХК, ф. 2, оп. 1, д. 344, л. 422.

¹¹ Город на заре. М. 1972, с. 26—27.

распространение получили шалаши. На берегу Амура было много тонкомерного леса, пригодного для «шалашестроения». Переплетенные ветвями и обмазанные глиной, крыши-стены шалашей защищали от непогоды, и в них было даже теплее и уютнее, чем в палатках, особенно в тех, которые натягивались из обыкновенного полотна, а не специального брезента. До 300 шалашей вписались в пестрый пейзаж будущего города¹².

На Дальпромстрое застрельщиком социалистического соревнования и ударничества стали бригады Ивана Сидоренко (он прибыл со строительства Харьковского тракторного завода, где установил рекорд по укладке бетона) и Григория Андрианова. Коммунист Г. В. Андрианов всю жизнь посвятил будущему дальневосточному городу. Ему было присвоено звание почетного гражданина Комсомольска-на-Амуре. Уже 4 июля 1932 г. в краевой газете «Тихоокеанский комсомолец» появилась заметка за подписью членов бригады Андрианова «Как мы добились успеха». Вот что писали герои тех дней: «В обеденный перерыв и в дни отдыха в бараке мы часто обсуждали вопросы рационализации производства, и эти небольшие производственные совещания во многом помогли... Например, мы применили для корчевки пней рычаги, то есть вагу с подушкой. Корчевку деревьев средней толщины до 20—25 см в диаметре проводили следующим порядком: привязывали к дереву веревку, за нее брались 6—7 человек и качали дерево. В это же время два человека подрубают корни... В бригаде твердая комсомольская дисциплина... Наша бригада не имеет ни одного прогула. Все плановые задания в июне выполнены с перевыполнением на 75 процентов».

К социалистической индустриализации страна приступила лишь за несколько лет до описываемых событий. Популярными орудиями труда оставались топор, пила, лопата и кирка. Для подъема груза на второй и третий этажи применялся «кран-укосина», который действовал с помощью человеческих мускулов. О современных башенных кранах даже не мечтали. Для обслуживания одного каменщика имелись специальные бригады подсобников, которые на себе таскали на третий и четвертый этажи кирпич, раствор, пиломатериалы. Вот почему народная сметка рождала новые и новые приемы и усовершенствования, которые выручали в самые сложные моменты. Так на строительстве Комсомольска возник оригинальный способ зимнего сплава леса. В зиму 1933/34 г. делового леса было заготовлено достаточно. Но он лежал на правом берегу Амура. Как его доставить? Автомашин нет, лошадей не сыщешь по всей округе. Пытались создавать «санные обозы»: сами впрягались в сани и волокли лиственницу к месту стройки. Но разве много увезет человек? В сани для перевозки одной лиственницы впрягались втроем и вчетвером. Тогда возникла мысль: прорубить канал во льду. С большим упорством вгрызались люди в толщу зимнего панциря Амура. Все шло как нельзя лучше. Но вот налетела пурга. Пришлось вычерпывать снег из канала. Только утихла стихия и начался сплав, как снова пурга. И опять нужно было пробивать трассу. В те дни сведения с ледового канала публиковались как боевые оперативные сводки. 6 апреля 1934 г. был устроен субботник, на который вышли все строители, служащие и их семьи. В тот день по каналу пропустили 2500 бревен¹³.

Большое значение для ускорения строительства имело социалистическое соревнование, движение ударничества. Ряды комсомольцев-ударников Дальпромстроя быстро росли: в июле 1932 г. их было 40% от всех комсомольцев-производственников, в августе — 51, сентябре — 69, октябре — 75, ноябре — 82%. Имелось и несколько хозрасчетных бригад, в числе которых выделялась бригада Петра Кривоносова. Он и поныне живет в Комсомольске-на-Амуре.

1 июня 1932 г. Далькрайком партии, крайком ВЛКСМ направили в ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ докладную записку, в которой, сообщая о приеме и размещении 6 тыс. комсомольцев, отмечали, что в большинстве своем у прибывших настроение хорошее, по существу они являются крепким, здоровым ядром и большой организующей силой для новостроек, а также надежным подспорьем партийной организации в выполнении задач, стоящих перед краем¹⁴. В 1934 г. на одном из пленумов Далькрайкома партии

¹² Комсомольня края моего. Хабаровск. 1968, с. 75—76.

¹³ Амурский ударник, 3, 6.IV.1934.

¹⁴ ПАХК. ф. 2, оп. 1, д. 344, л. 427.

начальник строительства судостроительного завода Б. К. Викторов говорил, что «комсомольцы совершенно в убийственных условиях, съедаемые гнусом, в болоте боролись с тайгой и побороли ее. Это крепкий костяк совершенно надежных, крепко привязанных к строительству людей». В другой раз он отмечал: «Самые сложные и самые трудные участки Дальпромстроя всегда занимали комсомольцы. В чрезвычайно тяжелых условиях зимней стужи, в десятках километров от населенных пунктов они рубили, трелевали лес. В сорокаградусные морозы комсомольцы работали по 12 часов на строительстве общежитий»¹⁵.

Цементирующей силой трудового коллектива являлись коммунисты. На строительство города прибыли посланцы многих союзных республик, краев и областей. ЦК партии дал указание местным партийным организациям при формировании отрядов для новостроек Дальнего Востока обязательно включать в их состав коммунистов. Так, секретариат Северо-Кавказского крайкома партии 11 марта 1932 г. решил направить туда 16 рабочих-коммунистов¹⁶. Из Ленинграда в числе первых прибыли коммунисты Федор Малышев, Николай Бычков, Иван Смирнов, из Горького — Михаил Шурайц, с Днепрогэса — Иван Игрецов, по направлению ЦК партии — Я. П. Варенцов, Е. Е. Желтоухов, начальник строительства Р. К. Золотарев и др.

Постановлением Президиума ВЦИК от 10 декабря 1932 г. селение Пермское Нижне-Тамбовского района Дальневосточного края было преобразовано в город Комсомольск-на-Амуре. Автор этих строк прибыл туда по второй мобилизации ЦК ВЛКСМ, в 1934 году. В ясный сентябрьский полдень подплыли мы к городу, о котором думали всю дорогу (а в пути находились более 20 дней). Пассажиры высыпали на палубу, отчего пароход накренился левым бортом. Каждый вглядывался в берег. Но там стояло лишь несколько деревянных домов. Нас привезли в поселок и поселили в только что построенных бараках, пока еще без окон и дверей. Не успели многие найти себе топчаны, как наступили сумерки. Обнаружилось, что в нашем жилье нет и света. Не скрою, сердце екнуло. И вот в эту минуту в бараке появился кудрявый парень, чуть нас постарше, и широко улыбнулся. «Хорошо ли устроились?» — услышали мы его вопрос. «Отлично!» — выкрикнул мой товарищ. «Не барак, а черт-те что...» «Почему нет света? Окна когда застеклят? Где набить матрацы? Где начальство? Поесть где можно?» Парень в дверях слушал гвалт, не изменяя позы. Когда же узнал, что мы голодны, он стал серьезным. «А ну, братва, айда за мной! Да захватите, если у кого есть, ложки. Их у нас тут не хватает». Мы не заставили себя ждать. В бараке осталось только трое дежурных. Столовая помещалась в здании барачного типа. В большом помещении стояли длинные, но узкие столы и скамейки. Нам подали суп с перловкой. Он был налит в миски, сделанные из консервных банок. На второе была отварная рыба. Что за рыба, никто из нас не знал. Заметив смущение, наш вожак сказал: «Кета. Превосходнейшее кушанье».

«Теперь и поговорить можно,— обратился к нам уже знакомый паренек, как только мы вернулись в барак.— Будем знакомы: Иван Сидоренко, секретарь комитета комсомола,— отрекомендовался он.— Я многое уже слышал от вас. Вы недовольны здешней жизнью. Дворцов, конечно, здесь нет. Скучновато и питание. Два года назад, ступив на эту землю, мы попали в худшие условия. Перед нами стояла сплошная тайга. Мы построили бараки и пустили лесозавод. Есть столовая и клуб. Первые бои с тайгой увенчались успехом. Мы ждали вас как надежное подкрепление, смелых бойцов. Включайтесь в работу, и мы поборем все трудности». Беседа затянулась. Трудно сказать, как прошла бы наша первая ночь, не приди к нам Сидоренко.

Наутро объявили: идти в баню. У избышки из толстенных бревен выстроилась очередь. За дверью предбанника скрылось два десятка счастливых. Не прошло и 20 минут, как все узнали, что это бывшая конюшня. Мыться в ней не представляло удовольствия. Помнится, как зашумели ребята. Быстро образовался круг, в центре которого стоял широкоплечий мужчина с орденом Ленина на гимнастерке. Это был начальник строительства К. Д. Кузнецов. Он утром обошел все бараки и с группой сталинградцев оказался у бани. Стал в очередь. Когда поднялся шум, Кузнецов сказал: «Зря кипятитесь... Другой бани нет. Затем вы и приехали сюда, чтоб строить

¹⁵ Комсомолия края моего, с. 80.

¹⁶ Вопросы истории Дальнего Востока, с. 188.

заводы, клубы, бани... Я иду мыться последним. Кто желает составить мне компанию?» Наступило молчание. Потом дружный смех и шутки. В центре веселья был сам Кузьма Дмитриевич — мастер быстро разрядить обстановку. Он всегда находился в гуще людей. Не было такого дня, когда бы после работы он не зашел то в одну, то в другую квартиру или не посетил бы молодежного общежития. Он не только знал нужды строителей, но часто давал указания оборудовать квартиру передовика или помочь чем-то иным.

Однажды на совещании комсогов строительства авиационного завода (его начали сооружать позднее) зашел разговор о трудностях связи с прорабствами и бригадами. Особенно плохой была связь с лесобазами и лесозаводом. Между Дземгами и Старой Площадкой ходил, и то редко, один автобус, переоборудованный из грузовой машины. Телефоны были не на всех участках. «Оперативное руководство и постоянная связь с людьми — великое дело. Правильно поднимаете вопрос», — сказал Кузнецов. «А что если сядете вы на велосипеды?» «А где их взять?» — послышалась реплика из зала. «Это уж моя забота», — ответил Кузьма Дмитриевич. И через несколько дней мы получили веломашин. Двойкую пользу они нам сослужили. Днем по делам, на самые дальние точки могли поехать, а вечерами и особенно по выходным дням проводили соревнования по велоспорту.

Как-то Кузнецов зашел в нашу контору жилучастка и говорит: «Комсорг, как думаешь, если построить комсомольский дом? Всех активистов в него поселить? Дружить будете лучше, да и доброе дело, вдруг придет хорошая мысль, обмозговать можно коллективно, без задержки». Мы горячо поддержали предложение и вскоре справили новоселье. Дом строили сами во внеурочное время, сами его оштукатурили. Самые хорошие, светлые воспоминания оставили у нас годы жизни в «комсомольском доме». Они связаны, в частности, с постоянным общением с Кузнецовым.

Комсомольцы 30-х годов, положившие начало городу на Амуре, сумели преодолеть трудности и выполнить свой долг перед Родиной, воспитать в себе лучшие качества советских патриотов, главным образом потому, что их труд и повседневную жизнь направляли коммунисты. В мае 1932 г. Дальневосточный краевой комитет партии утвердил организационные бюро по созданию партийных, комсомольских и профсоюзных организаций на Пермских новостройках. В июне крайком партии направил туда бригаду печати¹⁷. Она взяла на учет всех коммунистов, приступила к формированию партийных и комсомольских организаций. В июне на Дальпромстрое было создано 12 партийных ячеек, объединявших 110 членов и 175 кандидатов в члены партии. 8—9 июля состоялось первое партийное собрание, которое избрало партком, идейно возглавивший строительство будущего города в Правосилинской части. 24 июня состоялась 1-я партконференция, избравшая партком, который таким же образом возглавил строительство города в Левосилинской части¹⁸. Город разделен ныне на два района — Ленинский и Центральный. Их границей служит горная речка Силинка.

Много сложных задач предстояло решать партийным организациям. Одна из них — закрепление кадров. Не все выдерживали трудности, встречались и дезертиры. Однажды в комитет ВЛКСМ Дальпромстроя (он был избран 6 июня 1932 г.) принесли письмо. Комсомолец писал матери в Вятку: «Мама, прошу вас, родненькая, как-нибудь позаботьтесь о моем высвобождении»¹⁹. Вечером комсомольский вожак Сергей Поликарпов сидел в одном из шалашей и с жаром говорил об этом письме: «Всех нас, комсомольцев, подводит. Что подумают наши отцы и матери, если будут получать такие письма?» «Так и подумают», — зло заметил чумазый паренек. «Знаю, что трудна жизнь, — сказал Поликарпов. — Значит, выход один — бежать?» «Бегню бы надо добрую, — сказал кто-то». «Баня будет, но как быть с грязью в шалашах, землянках?» «Покончить надо с грязью. — Это сказал Михаил Шурайц. — Давайте объявим поход за чистоту, против грязи». «Дельное предложение», — согласился Поликарпов.

Бригада печати крайкома партии начала выпускать на Дальпромстрое много-

¹⁷ Там же, с. 190.

¹⁸ Там же, с. 191.

¹⁹ Амурский ударник, 9.VII.1932.

тиражную газету. Первый номер вышел 1 июля 1932 года. Ее называли «Амурский ударник», но первые номера имели двойное название: «Амурский ударник — Тихоокеанская звезда» (многотиражку издавала выездная редакция краевой газеты «Тихоокеанская звезда»). Вот сюда и пришел со своими мыслями и впечатлениями от разговора Поликарпов. Через несколько дней строители держали в руках номер многотиражки с призывом: «В поход на грязь, клопа и вошь!»²⁰. Первыми откликнулись и навели чистоту в своих жилищах трудовые коллективы бригад коммунистов Андрианова и Шурайца. Культпоход охватил всю стройку.

Поликарпову не давала покоя фраза, брошенная парнем, когда в бараке состоялся разговор о письме. Он пошел в партком. Заместитель секретаря парткома А. О. Окулич, выслушав комсомольского вожака, посоветовал: «Поговори с ребятами. Быть может, они подскажут выход... Скажем, провести бы мысль о самозакреплении за стройкой до конца строительства завода». И вот Поликарпов снова у комсомольцев. Неторопливо шла беседа о ходе корчевки тайги, о нехватке инструмента и спецовок, о скудости продовольственного пайка.

«Все это верно,— говорит Поликарпов.— Но пустить завод надо в срок, преодолеть все трудности. А стройку покидает почти по двести человек в месяц. Так и на пуске завода присутствовать некому будет». «А завод святой дух построит»,— сострил один из парней. Раздался смех. «Мы с вами и построим. А вот удержать слабых поможете вы»,— сказал Поликарпов. «Это каким образом? За штаны, что ли, будем держать каждого?» «Вот ваша бригада приехала построить завод?» «Зачем бы мы в противном случае тащились в такую даль?» «Так вот, давайте и напишем в газету: закрепляемся за стройкой до пуска завода в строй». «А что, дельное предложение». «Так что, договорились?» Поликарпов извлек из кармана ученическую тетрадку и предложил написать заметку в газету. Она получилась короткой: «Учитывая важность построить Амурский судостроительный завод, мы, бригада плотника Игнатьева в количестве 18 человек, прибывшие на Дальний Восток с Днепроostroя, закрепляемся на стройке до 1 августа 1933 года. Вызываем последовать нашему примеру бригады Бузыкина, Здобнева, Новикова»²¹.

Опубликовав заметку, газета призывала: «Могучей волной самозакрепления поддержим инициативу передовых бригад». Партийный комитет и комитет ВЛКСМ одобрили этот почин. В тот же день коммунисты и комсомольские вожаки провели беседы в бригадах, на участках, среди инженерно-технических работников о важности самозакрепления на стройке. В каждом номере газеты «Амурский ударник» печатались материалы о самозакреплении отдельных лиц и коллективов. С 26 сентября 1932 г. на страницах газеты публиковался «красный список», в который заносились рабочие и специалисты, решившие не покидать свой трудовой пост на Амуре до окончания строительства судостроительного завода. «Стройка мне много дала,— писал бригадир плотников коммунист Алексей Смородов.— Буду честно работать здесь до того дня, когда первые огни индустриализации, зажженные в тайге комсомольцами, станут большим индустриальным пламенем гигантского завода». «Много еще трудностей у нас,— говорилось в письме комсомольца-шофера Михаила Тарлинского,— но останусь здесь до конца стройки. Правда, хочется учиться, но надо построить завод. Наша стройка научила жить и работать в коллективе, болеть за общее дело. Надеюсь увидеть законченные цехи нашего завода на том месте, где мы по пояс в воде прокладывали дороги и расчищали площадку»²².

21 ноября 1932 г. бюро партийного комитета Дальпромстроя, обсудив вопрос о самозакреплении кадров, с удовлетворением отметило, что движение, начатое по инициативе комсомольцев, превратилось в общерабочее. На 10 ноября 1932 г. закрепились за стройкой до пуска завода 71% общего числа рабочих и 59% специалистов²³. Число комсомольцев, давших слово не покидать стройку до первого заводского гудка, составило 92% всей организации Дальпромстроя. Многие первостроители Комсомольска-на-Амуре связали свою жизнь навсегда с судьбой этого города. И по-

²⁰ Там же, 15.VII.1932.

²¹ Там же, 28.VII.1932.

²² Вопросы истории Дальнего Востока, с. 193—194.

²³ Там же, с. 194.

ныне живут там свыше 800 ветеранов, первых его строителей. Они еще продолжают трудиться на заводах, стройках и в учреждениях.

Тайга отступала под натиском мужественных и смелых людей. Комсомольцы стали пионерами освоения Советского Дальнего Востока. И город, построенный ими на берегах Амура, получил имя первостроителей. Решение о переименовании Пермского в Комсомольск было принято 1-й комсомольской конференцией Дальпромстроя и поддержано краевыми директивными органами, а Президиум ВЦИК, как отмечалось, законодательно закрепил преобразование селения в город. Он был сразу же выделен в самостоятельную административную единицу с подчинением городского Совета Дальневосточному крайисполкому²⁴. Когда пришло сообщение о постановлении ВЦИК, слет комсомольцев-ударников Дальпромстроя направил в ЦК партии и ЦК ВЛКСМ телеграмму. В ней, в частности, говорилось: «Наше желание, проникнутое упорной борьбой с тысячелетними таежными устоями за создание нового индустриального очага Дальневосточного края, воплощается в действительность — занесен на карту СССР новый город Комсомольск». От имени комсомольцев новостроек слет заверил центральные и краевые партийные, советские и комсомольские органы в том, что, преодолевая все трудности, комсомольцы построят в срок индустриальный гигант — Амурский судостроительный завод и образцовый социалистический город Комсомольск-на-Амуре²⁵.

Строители понимали, что город пока был в названии, мечтой. Но к декабрю 1932 г. в Правосилинской части стояли дома с. Пермского и было возведено 59 утепленных барачков. Жильем было обеспечено 6 тыс. человек. Работали лесозавод, механический комбинат, склады, овощехранилище, временная электростанция, радиотелефон, больница, поликлиника, кинотеатр, был и вечерний комвуз²⁶. В Левосилинской части было сооружено 29 глиняных плетеных барачков летнего типа и 13 барачков утепленных, 6 барачков с комнатной системой для семейных рабочих и ИТР, столовая, хлебопекарня, временная фабрика-кухня, две бани-прачечные, временная лесопилка. Было раскорчевано и расчищено под жилье уже 26 га, под промышленное строительство — 105 гектаров²⁷.

Начало сооружения Амурского судостроительного завода в Комсомольске относится к 1933 году. Правительство установило повышенные нормы снабжения продовольствием его строителей (до 1935 г. снабжение осуществлялось по продовольственным и промышленным карточкам). ЦК ВКП(б) подчеркивал особую ответственность партийных организаций и коллектива рабочих и ИТР за выполнение плана²⁸. Главным участком, от которого зависел успех подготовки к промышленному строительству, явились лесозаготовки. Ждать весеннего сплава было нельзя, заготовить лес на месте — вот боевая задача. На Пивани имелся лесозаготовительный участок, но он не мог обеспечить возросших потребностей строек, к тому же не выполнял план. Партийные комитеты Дальпромстроя и Авиастроя приняли решение о мобилизации коммунистов и комсомольцев на лесозаготовки²⁹. 2-я конференция ВЛКСМ Дальпромстроя в соответствии с решением парткома постановила направить в лес 40% членов организации. В связи с подготовкой к 15-й годовщине РККА был объявлен «поход за бревном обороны»³⁰.

Партийный и комсомольский комитеты разработали и вручили каждому коммунисту и комсомольцу, направляемому на Пивань, «Социалистическую путевку». Она призывала: «Коммунисты и комсомольцы правого берега! Вам парткомом и комитетом ВЛКСМ доверена почетная и ответственная задача: дать стройке основной строительный материал — лес, чтобы в день великого праздника трудящихся всего мира Первого мая заложить первые заводские корпуса, развернуть с весны широким фронтом промстроительство. Будьте застрельщиками борьбы за выполнение и перевыполнение плана лесозаготовок! Идите в авангарде колонн, штурмующих тайгу... Ваш путь

²⁴ ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 45а, д. 37, л. 12.

²⁵ Тихоокеанская звезда, 18.XII.1932.

²⁶ Там же, 24.XII.1932.

²⁷ ПАХК, ф. 2, оп. 1, д. 353, л. 191.

²⁸ Вопросы истории Дальнего Востока, с. 188, 197.

²⁹ ПАХК, ф. 240, оп. 1, д. 27, л. 13.

³⁰ Амурский ударник, 10.II.1933.

должен быть путем без поражений. Впишите в славную историю амурского гиганта поэму об энтузиастах, победивших тайгу, — новые яркие страницы. Смело вперед! Стройка ждет леса. Борьба за него — борьба за завод»³¹.

18 февраля 1933 г. партийно-комсомольское собрание Пиванского лесоучастка заслушало доклад начальника участка Н. Г. Прутовых о плане работ. Единогласно был принят план заготовки 100 тыс. кубм леса. Для его выполнения повышалась выработка на одного человека с 5,6 до 6,6 кубм в день. Начальник участка Никита Прутовых и парторг Иван Утин осматривали деланки, проверяли, все ли в порядке с инструментом, питанием. У парторга еще забота — о громких читках газет, политбеседах, самодеятельности. Ребята хоть и уставали, а почти каждый вечер читали стихи Маяковского, Пушкина, Светлова, пели, шутили. Но были и такие, кто не выдерживал трудностей. «Гнильца появилась, — делился увиденным с парторгом начальник участка Прутовых. — Сегодня Стрельченко не только не вышел на работу, но и уговорил троих лесорубов. Сидят в бараке и играют в карты. Приказал выйти на работу. Трое пошли, а Стрельченко не тронулся с места». Вечером у коммунистов состоялся серьезный разговор. Обсуждали поведение кандидата в члены партии Стрельченко. Он жаловался, что мало хлеба, холодно в бараках, тяжело работать по 10 часов в день. Никакие слова товарищей он не принимал в расчет. Тогда, сказали коммунисты, скатертью дорога из партии и со стройки.

28 февраля комитет ВЛКСМ Дальпромстроя проверил, как выполняется «Социалистическая путевка». 13 комсомольских бригад выполняли повышенные задания на 109—186%³².

Значительных результатов добились коммунисты и комсомольцы Авиастроя. Они трудились по звеньям на заготовке и трелевке леса. До их прибытия рабочие выполняли на рубке не более 72% нормы, на вывозке лошадьми — 65%. Коммунисты и комсомольцы вели заготовку и вывозку леса от зари до зари, а иногда и при лунном свете. Возглавлял коллектив коммунист А. Печаткин. В среднем выработка этого трудового коллектива поднялась на заготовке до 150%, а на вывозке — до 200%³³. В феврале—марте 1933 г. из 500 лесорубов, абсолютное большинство которых составляли коммунисты и комсомольцы, только 18 не выполнили повышенных норм, установленных партийно-комсомольским собранием Пиванского лесоучастка³⁴.

5 апреля 1933 г. состоялся слет ударников Дальпромстроя. Он принял решение начать промышленную эстафету. Партийный комитет одобрил эту инициативу. Партком и комитет ВЛКСМ утвердили «Социалистическую путевку на право кладки первого камня в фундамент первых промышленных корпусов». 90% комсомольцев-производственников участвовали в соревновании за получение такой путевки. «Копали котлованы, — вспоминает Алексей Смородов, — киркой, лопатой, разбивали кувалдой, а землю отвозили тачкой. Грунт был твердый. И вот для того чтобы быть в передовых, после окончания работы, когда ребята уходили на отдых, мы с Колей Макаренко, тоже бригадиром, как два «медвежонка», таскали остатки выкорчеванного леса в котлованы и кострами разогревали грунт, чтобы хоть как-нибудь облегчить труд своих членов бригады. В барак приходили в 11—12 часов ночи, а рано утром вместе со всеми шли снова на работу. Так продолжалось четыре месяца»³⁵. Из 43 комсомольских бригад 38 не только выполнили, но и перевыполнили задания, определенные «Социалистической путевкой». Коллектив Дальпромстроя за 13 месяцев раскорчевал 255 га тайги, осушил 13,5 га болот, проложил 12 км дорог³⁶.

Закладка первого промышленного предприятия города — судостроительного завода состоялась 12 июня 1933 года. Право положить камни в его фундамент завоевали бригадиры ударных комсомольских бригад А. Смородов, И. Клеянкин и М. Дурнев. Они от имени рабочих подписали и акт закладки. Дни были ясные и солнечные. На площадке собрались строители и гости. Приехали секретарь крайкома партии Лакрентьев, председатель крайисполкома Крутов, представители воинских частей во

³¹ Там же, 24.II.1933.

³² Там же, 27.III.1933.

³³ ЦАХК, ф. 240, оп. 1, д. 20, л. 33.

³⁴ Тихоокеанский комсомолец, 28.VII.1933.

³⁵ Вопросы истории Дальнего Востока, с. 198.

³⁶ Тихоокеанский комсомолец, 28.VII.1933.

главе с командующим Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии В. К. Блюхером. В торжественной обстановке открывается митинг. Молодые строители дают клятву, что гигант индустрии Дальнего Востока и социалистический город будут построены. Затем Блюхер, секретарь крайкома ВКП(б), руководители крайисполкома и строики под бурные возгласы «Ура!» кладут первые камни в фундамент Амурского судостроительного завода³⁷.

Постепенно мы выросли, набирались знаний и опыта, приходило понимание большой важности политической и культурно-воспитательной работы, которую вели партийные и комсомольские организации. На Дальпромстрое имелось немало неграмотных и малограмотных. Были организованы пункты по ликвидации неграмотности и малограмотности, работали 30 комсомольцев-культурмейцев. Затем в связи с прибытием рабочих по оргнабору число малограмотных и неграмотных возросло. Значительная часть этих людей представляла нерусские национальности. Было создано 10 ликбез-пунктов, действовавших на их родных языках. Между прочим, на стройке выпускалась даже стенная газета на татарском языке³⁸.

В ноябре 1932 г. с опозданием на два месяца начался учебный год в трех начальных школах. Обучалось 348 детей. Тогда и сформировался первый пионерский отряд, насчитывавший 65 человек. Школьники младших классов составили первые 6 отрядов октябрят. За год состоялись пионерский сбор, два заседания совета отряда и был налажен выпуск стенгазеты³⁹. В числе 15 учителей, которые вели обучение и воспитание школьников, только один имел высшее образование, пятеро — среднее педагогическое, остальные — комсомольцы с семилетним образованием. В числе их был и будущий писатель А. М. Грачев⁴⁰. В 1935 г. в Комсомольске были построены два кирпичных школьных здания. В то время автор этих строк являлся комсоргом жилищно-строительного участка Авиастроя. Мы взяли стройку школы под контроль. Все лето плотники, каменщики, штукатуры, занятые на этом объекте, и те, которые приходили вечерами с других объектов, на совесть трудились и к началу учебного года на «отлично» справились со своей задачей. В том же году открылись первые школы рабочей молодежи (тогда они назывались рабфаками). Мы с большой охотой и подъемом сели за парты. Через три года начали работу два вечерних техникума. Их слушателями тоже стали юноши и девушки, штурмовавшие тайгу.

В первом же учебном году была создана сеть партийного и комсомольского просвещения. Здесь пришлось преодолеть немало трудностей. Ведь молодежь трудилась на стройке не менее 10 часов в сутки. Часто и этого времени было мало. Рабочие то и дело переводились с участка на участок. Не хватало бумаги, карандашей, не было помещений. Практически несколько лет подряд занятия политкружков проходили в бытовках или вновь строящихся домах вокруг печек-«буржоек». Помню, в 1936 г. мы заинтересовались качеством занятий около этих «буржоек». Обсудили вопрос на заседании бюро комсомольской организации и вошли с ходатайством в парторганизацию жилучастка, чтобы нам предоставили контору участка для политзанятий комсомольцев.

Многое в быту мешало нормальной работе по повышению политических знаний строителей. И все-таки политучеба велась. Огромную теоретическую и практическую помощь в этом оказали пропагандистские группы ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ, прибывшие на стройку⁴¹. У нас до сих пор сохранилась память об этих людях — П. М. Другисе, И. Ф. Гуляеве, И. С. Шарикове, А. В. Кипаренко. Это они и их товарищи уже в течение первой зимы провели большую работу по подготовке кадров пропагандистов, партийных и комсомольских вожakov. На краткосрочных курсах партийных и комсомольских группиров, секретарей ячеек, пионервожатых обучалось 230 человек. Прогруппы принимали живое участие в подготовке и проведении союзных дней, вечеров партийно-комсомольского

³⁷ Строители трех городов. Документы, очерки, статьи, воспоминания первостроителей. Хабаровск. 1967, с. 55.

³⁸ Амурский ударник, 12.VI.1933.

³⁹ ПАХК, ф. 240, оп. 1, д. 22, л. 97.

⁴⁰ Амурский ударник, 17.V.1933.

⁴¹ ПАХК, ф. 240, оп. 1, д. 24, л. 73.

актива, рабочих по специальности, вечеров вопросов и ответов⁴². Эта конкретная помощь ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ дала возможность создать достаточно продуманную сеть партийно-комсомольского политического просвещения. Действовали 24 школы новичков, 18 начальных политшкол, 4 кружка текущей политики и 4 кружка по изучению истории партии, один кружок ленинизма⁴³. Успеваемость в сети партийного и особенно комсомольского просвещения была сначала невысока. Как отмечал в своем решении партком Авиастроя в мае 1934 г., такие показатели объяснялись низким общеобразовательным уровнем слушателей, большой текучестью кадров пропагандистов, недостаточной обеспеченностью учебными пособиями⁴⁴. Затем дело улучшилось.

«Поход на грязь», начатый первостроителями Комсомольска, вскоре перерос в краевой культпоход. Проводились месячники санитарной чистоты, рейды по улучшению бытовых условий и санитарному состоянию строительных площадок, походы за образцовое общежитие, клуб, кинотеатр, баню, парикмахерскую и столовую. Летом 1935 г. комсомольцы Дальпромстроя во внерабочее время посадили сад «Ударник», впоследствии ставший городским парком культуры и отдыха. Комсомольчане стали проводить читательские конференции по произведениям русских и советских писателей. Вести культурно-массовую работу было трудно, не хватало культинвентаря и спортивных принадлежностей, не было даже шашек и шахмат, музыкальных инструментов. Комсомольцы, прибывшие из Ленинграда и Ленинградской области, обратились в марте 1934 г. в Ленинградский горком и обком ВЛКСМ с письмом, просили помочь им книгами, музыкальными инструментами, всем, что необходимо для организации культурно-массовой работы⁴⁵. Почти одновременно в ЦК ВЛКСМ поступило письмо писателя А. А. Фадеева. После поездки в Комсомольск-на-Амуре он с горечью отмечал, что люди, являющиеся «подлинными руководителями гигантского индустриального строительства всесоюзного значения», «лишены почти всех элементарных культурных условий жизни, которыми располагает... любой комсомолец Союза»⁴⁶. В апреле ленинградские обком и горком ВЛКСМ взяли шефство над Комсомольском-на-Амуре и направили туда два вагона культ- и спортивного инвентаря⁴⁷.

Значительную работу партийная и комсомольская организации проводили по военно-патриотическому воспитанию. Крупным событием стало открытие в 1933 г. в городе аэроклуба, который подготовил в предвоенные годы сотни летчиков, тысячи парашютистов, планеристов. Воспитанники аэроклуба А. П. Маресьев и П. С. Шендюк в годы Великой Отечественной войны были удостоены звания Героя Советского Союза. В 1937 г. спортсмены города юности совершили велопробег Комсомольск-на-Амуре — Москва. Расстояние в 9500 км они преодолели за 85 дней. Это были инженер авиационного завода А. Тимохов (командир), токарь того же завода Н. Бычков (политрук), мастер того же завода А. Гаврилов, модельщик судостроительного завода С. Сырнев и их тренер А. Княжевский⁴⁸.

Масштабы экономического и социального развития города росли с каждым днем. В 1935 г. вступил в строй авиационный завод, завершалось сооружение первой очереди судостроительного завода. Совнарком СССР в мае 1935 г. принял постановление о сооружении в Комсомольске первенца дальневосточной металлургии — завода «Амурсталь». Важных решений требовала проблема капитального жилищного строительства. В 1934 г. население города составляло уже 24 тыс. человек. В то же время город жил разрозненно: между Право- и Левосилинской частями не было даже автомобильной дороги. Учитывая перспективы развития Комсомольска, ЦК партии весной 1935 г. принял постановление о создании горкома партии⁴⁹.

Прав был один из начальников строительства: в дьявольски трудных условиях рождался Комсомольск-на-Амуре. Мы жили в шалашах и землянках, в палатках и

⁴² Там же, д. 27, лл. 66—68, 71.

⁴³ Там же, д. 22, л. 90.

⁴⁴ Там же, д. 33, л. 61.

⁴⁵ Тихоокеанский комсомолец, 4.VI.1934.

⁴⁶ Фадеев А. Повесть нашей юности. Хабаровск. 1971, с. 98—99.

⁴⁷ Тихоокеанский комсомолец, 4.VI.1934.

⁴⁸ Правда, 7.IX.1937.

⁴⁹ Вопросы истории Дальнего Востока, с. 200.

бараках, недосдавали и довольствовались весьма скромной обувью и одеждой. Когда не хватало той, которую выдавали по промкарточкам, шили самодельные башмаки с деревянной подошвой и не сетовали на судьбу. Мы болели цингой, простывали на амурском ветру во время работы на ледовом канале, и нас не могли обогреть печки-«буржуйки». Мы испытывали буквально голод в культуре. Центральные газеты и письма от родных приходили к нам на 20-е сутки, а зимой и того позднее. Почти 5 лет, до открытия железнодорожной ветки Волочаевка — Комсомольск, материалы, продукты и прочее завозились осенью по Амуру, а зимой дороги не было. «Как бы на память потомству, в отдаленной глуши, среди непроходимых лесов, на величественной реке Амур комсомольцы построили город своего имени — Комсомольск»⁵⁰, — писал М. И. Калинин.

По прошествии полувека можно с гордостью сказать, что решение Коммунистической партии и Советского правительства об ускоренном развитии производительных сил Дальнего Востока было правильным и своевременным. Создание в 30-е годы в тайге тяжелой промышленности стало основой развития края и укрепления обороноспособности дальневосточных границ страны. Коллектив авиационного завода в 1942 г. был отмечен высшей правительственной наградой — орденом Ленина⁵¹. Амурские судостроители создавали первоклассные корабли. А когда потребовалось перед войной с империалистической Японией построить дизель-паромы, чтобы обеспечить сквозное движение по стальной магистрали Хабаровск — Советская Гавань, то наши корабли в рекордно короткие сроки их соорудили. За этот трудовой подвиг они были награждены в 1945 г. орденом Трудового Красного Знамени⁵².

К знамени нашего города прикреплен орден Ленина. Этой награды Комсомольск удостоен в 1967 г. за «мужество и трудовой героизм, проявленные первостроителями Комсомольска-на-Амуре, и за успехи, достигнутые трудящимися города в развитии хозяйства и культуры»⁵³. Такой же наградой отмечен строительный трест № 6. Первенцы города — завод им. Ленинского комсомола (быв. судостроительный) и авиационный завод им. Гагарина стали трижды и дважды орденоносными предприятиями. Трудовой энтузиазм 30-х годов переняло нынешнее поколение. Комсомольск в девятой и десятой пятилетках удерживал переходящее Красное Знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Посетив наш город, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев сказал: «Для каждого советского человека Комсомольск-на-Амуре не просто крупный промышленный, научный и культурный центр на востоке страны. Это город необычайной биографии. Многие из нас помнят поистине незабываемое время 30-х годов, когда промышленное освоение Дальнего Востока стало всенародным делом, одной из важнейших задач строительства социализма»⁵⁴.

В одиннадцатой пятилетке и в период до 1990 г. в Комсомольске предстоит осуществить такие планы экономического и социального развития, которые практически означают второе рождение города, удвоение его промышленного потенциала и населения. Его новостройки объявлены Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Комсомольск-на-Амуре в июне 1982 г. «за большие заслуги трудящихся города в социалистическом строительстве, отмечая их важную роль в развитии производительных сил Дальнего Востока, вклад в обеспечение победы над немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне», награжден орденом Октябрьской Революции»⁵⁵.

⁵⁰ Калинин М. И. О коммунистическом воспитании. М. 1956, с. 296—297.

⁵¹ Дороднов Е. В. Знакомьтесь: Комсомольск-на-Амуре. Хабаровск. 1980, с. 59.

⁵² Амурские корабли. Хабаровск. 1970, с. 5.

⁵³ Правда, 12.VI.1967.

⁵⁴ Поездка Леонида Ильича Брежнева по Сибири и Дальнему Востоку. Март — апрель 1978 года. М. 1978, с. 45.

⁵⁵ Правда, 10.VI.1982.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

КРАХ БУРЖУАЗНОГО РЕСТАВРАТОРСТВА В СССР

(НАЧАЛО 20-х ГОДОВ)

Ю. В. Мухачев

С окончанием гражданской войны в СССР классовая борьба в стране приобрела новые формы. Исход ее решался в основном уже не оружием, а иными средствами, и не на фронтах гражданской войны, а в области экономики и идеологии, хотя борьба с антисоветскими мятежами, нэпманами и кулачеством и требовала подчас возврата к былым формам действия¹. Контрреволюция предпринимала отчаянные попытки перегруппировать свои силы и надеялась найти более эффективную тактику для антисоветских выступлений. Стратегия же ее и цели оставались прежними: свержение диктатуры пролетариата и реставрация буржуазно-помещичьей власти. Советскому государству с первых дней своего существования пришлось иметь дело с богатым арсеналом средств вражеских вылазок. В. И. Ленин в брошюре «Очередные задачи Советской власти» (апрель 1918 г.) отмечал: «Нельзя забывать ни на минуту, что буржуазная и мелкобуржуазная стихия борется против Советской власти двояко: с одной стороны, действуя извне, приемами Савинковых, Гоцов, Гегечкори, Корниловых, заговорами и восстаниями, их грязным «идеологическим» отражением, потоками лжи и клеветы в печати кадетов, правых эсеров и меньшевиков; — с другой стороны, эта стихия действует изнутри, используя всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распущенности, хаоса»².

Находившиеся в эмиграции представители мелкобуржуазных и буржуазных контрреволюционных партий возвращались порой к тактике и политике конца 1917—первой половины 1918 года³. Это было связано с изменением соотношения классовых сил в стране, обусловленным ликвидацией крупной и средней буржуазии, помещиков и усилением колебаний мелкой буржуазии. В то же время они пытались учесть уроки своих поражений и по-новому взглянуть на социально-экономические процессы в Советской России, возлагая теперь надежды на обострение противоречий между рабочими и крестьянством, уповали также на раскол внутри РКП(б), возможную дезорганизацию советского государственного аппарата, наличие у части трудящихся собственнической психологии и мелкобуржуазной идеологии.

Идейно-теоретическая разработка измененных методов антисоветской борьбы нашла отражение в докладе «О новой тактике», сделанном П. Н. Милюковым на заседании парижской группы партии кадетов 5—7 мая 1920 г., затем в его докладе «Что де-

---

¹ Трифонов И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа. Чч. I—II. Л. 1964—1968; Малашко А. М. К вопросу об оформлении однопартийной системы в СССР. Минск. 1969; Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М. 1975; Подболотов П. А. Крах эсеров-меньшевистской контрреволюции. Л. 1975; Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Конец басмачества. М. 1976; Донков И. П. Антоновщина: замыслы и действительность. М. 1977; Федюкин С. А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу. М. 1977; Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. М. 1978; Чередниченко В. Анатомия зрады. Київ. 1978; Щетинов Ю. А. Сорванный заговор. М. 1978; Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М. 1981, и др.

² Ленин В. И. ПСС. Т. 36, с. 196.

³ Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М. 1977, с. 289.

лать после Крымской катастрофы? (К пересмотру тактики партии народной свободы)», представленном на обсуждение парижского комитета партии кадетов 21 декабря 1921 г., а также в ряде других документов и материалов — от кадетского (Н. И. Астров, В. Д. Набоков, П. П. Юренев и др.) до псевдосоциалистического (В. М. Чернов, П. А. Сорокин, С. С. Маслов и др.) толка⁴. Подобный пересмотр тактики был характерен и для лидеров контрреволюции, продолжавших подпольно действовать внутри Советской России, о чем свидетельствуют резолюция представителей городских комитетов кадетов Сибири и Дальнего Востока, решения X совета партии правых эсеров и другие документы⁵.

Эта новая тактика⁶ предусматривала как вооруженные выступления, спровоцированные и организованные контрреволюцией, так и активные подрывные действия экономического и идеологического характера, рассчитанные на буржуазную эволюцию советского строя. Соответственно этому новая тактика проявлялась в двух основных формах: попытки координации уже имевшихся к началу 1921 г. кулацких и организации других внутренних антисоветских мятежей; использование легальных возможностей нэпа, проведение «тихой» контрреволюции, предусматривавшей проникновение в государственный и общественный аппарат управления⁷. В своих конкретных проявлениях обе формы новой тактики сочетались, причем вторая создавала условия для активизации первой. Но акцент в действиях постепенно переносился с одних методов на другие. Так, наиболее рельефно ставка на мятежи проявилась в 1921 г., «тихая» контрреволюция была более характерна для 1922 года.

Используя усталость народных масс в результате войны и голода, недовольство крестьян политикой «военного коммунизма» и их стремление к свободной торговле, контрреволюция попыталась организовать в 1921—1922 гг. «малую войну»⁸. Ленин охарактеризовал ее как «форму менее военную, но в некоторых отношениях более тяжелую и более опасную для нас»⁹. Ее опасность заключалась в возможности участия в ней среднего крестьянства. «В 1921 году, после того как мы преодолели важнейший этап гражданской войны, и преодолели победоносно, мы наткнулись на большой, — я полагаю, на самый большой, — внутренний политический кризис Советской России. Этот внутренний кризис обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих, .. когда большие массы крестьянства, не сознательно, а инстинктивно, по настроению были против нас»¹⁰. Лидеры антисоветских сил ожидали контрреволюционного поворота мелкого собственника, чтобы направить его в русло борьбы против Советской власти¹¹. Планы белоэмигрантских центров предусматривали создание в СССР подпольных организаций, а также засылку из-за рубежа отрядов для организации повстанческого движения¹². Ниже освещается именно эта сторона дела, а также внутренние заговоры.

С конца 1920 г. за границей развернулась активная деятельность эмигрантских организаций по подготовке антисоветских мятежей. На протяжении 1921 г. (ча-

⁴ Коллекция ЦГАОР СССР.

⁵ Общее дело, Париж, I.VI.1921; Революционная Россия, Прага, II.VIII.1921.

⁶ Ее разработка началась еще в годы гражданской войны. Так, речь о ней шла на Августовском совещании ЦК партии кадетов и их Ноябрьской конференции 1919 г. в Харькове, затем на заседаниях весной 1920 г. в Париже (Последние новости, Париж, 9.IX.1921). Подробнее см.: Мухачев Ю. В. «Новая тактика» российской контрреволюции и ее провал в 1920—1922 гг. В кн.: Исторические записки. Т. 99. М. 1977; Мухачев Ю. В., Шкаренков Л. К. Крах «новой тактики» контрреволюции после гражданской войны. М. 1980.

⁷ От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917—1937 гг. Т. I. М. 1981, с. 267—271.

⁸ Гусев К. В. Ук. соч., с. 340.

⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 4.

¹⁰ Там же. Т. 45, с. 282.

¹¹ Трифонов И. Я. Ук. соч., Ч. I, с. 42; Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М. 1977, с. 273; Комин В. В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Ч. I. Калинин. 1977, с. 61; Щетинин Ю. А. Ук. соч., с. 10—11.

¹² См. помимо вышеназванных работ: Богданов М. К. Разгром западносибирского кулачко-эсеровского мятежа в 1921 г. Тюмень. 1961; Бархновский Г. Ф. Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921—1924 гг.). Л. 1978.

стично и в 1922 г.) в различных сельских районах Советской России вспыхивали восстания, в городах действовало контрреволюционное подполье. Из зарубежных центров поступали деньги, инструкции, оружие, засылались эмиссары и руководители антисоветских акций. В приграничных странах формировались из остатков белогвардейских армий банды, которые переправлялись на советскую территорию.

Выделялись в то время своей активностью правые эсеры. Они осуществляли идейно-политическое и военно-организационное руководство многими мятежами и бандами¹³. В конце гражданской войны и первые годы нэпа получил даже широкое распространение термин «эсерово-бандитизм»¹⁴. Особую роль эсеров в этом повстанческом движении неоднократно подчеркивал В. И. Ленин¹⁵. В «Директиве Политбюро для печати» (май 1921 г.) он писал: «Ухудшение продовольственного положения надо всецело приписать действиям банд, оперировавших до последнего времени в Тамбовской губернии, в некоторых Заволжских районах и в Сибири. Организованные и руководимые эсерами банды, действуя по заранее намеченному плану, грабили государственные ссыпные пункты и маршрутные поезда с продовольствием, портили железнодорожные пути, имеющие продовольственное значение, и, наконец, систематически истребляли продовольственную агентуру... И этим сокращением подвоза хлеба... мы обязаны эсерам, меньшевикам и кадетам, пытающимся взорвать Советскую власть изнутри»¹⁶.

В отчете о работе ЦК РКП(б) за период между IX и X ее съездами был сделан вывод, что «имена как заграничных лидеров эсеров, так и находившихся в России членов партии эсеров связаны с теми кулацкими выступлениями, которые имели место в Тамбовской, Воронежской и Тюменской губерниях... Они надеются поднять в России восстание и на гребне этого крестьянского движения вернуться к власти»¹⁷. ЦК партии эсеров, действовавший в Советской России подпольно, еще в июле 1920 г. в директивном письме своим местным организациям предложил приступить к созданию «союзов трудового крестьянства» с задачей объединения антисоветских элементов в деревне и подготовки их к восстанию¹⁸.

В Париже представители эсеров и меньшевиков создали Внепартийно-демократическое объединение, исполнительным органом которого являлся Административный центр. В его совет входили Н. Д. Авксентьев, И. М. Брушвит, В. М. Зензинов, А. Ф. Керенский, Ф. Е. Махин. В феврале 1921 г. центр образовал особый отдел под руководством полковника Махина и с участием полковника В. Н. Вороновича, Е. Ф. Роговского и других военспецов. Эта разведывательная и диверсионная организация ставила задачей подготовку мятежей¹⁹. Наиболее благоприятным районом для этого центр считал Запад (к югу от линии Москва — Рига). Как свидетельствует выписка из постановления «Комитета группы социалистов-революционеров Северо-Западной области», там создавалась ударная группа²⁰. Ей в помощь была развернута в Эстонии, Латвии и Литве подготовка кадров под непосредственным руководством Махина²¹. По распоряжению французского генштаба его представитель в Ревеле оказывал им всемерную поддержку. Инспекторские поездки в Финляндию и буржуазные прибалтийские республики совершали эсеровские лидеры Чернов и Зензинов. Была предпринята попытка перевода редакции газеты «Воля России» в Ригу, ближе

¹³ Из истории ВЧК. 1917—1921 гг. Сб. док. М. 1958, с. 455.

¹⁴ Луначарский А. В. Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров. М. 1922; Попов П. Что должен знать каждый рабочий о процессе социалистов-революционеров М. 1922; Платонов А. Работа эсеров за границей. М. 1922; Мещеряков В. Партия социалистов-революционеров. Чч. I—II. М. 1922.

¹⁵ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 42, с. 349; т. 43, с. 138.

¹⁶ Ленинский сборник XXXIV, с. 411.

¹⁷ Известия ЦК РКП(б), 7.III.1921, с. 7.

¹⁸ Обвинительное заключение по делу ЦК и других организаций партии социалистов-революционеров. М. 1922, с. 40—41.

¹⁹ Революционная Россия, 21.VIII.1921.

²⁰ Правда, 18.VI.1922.

²¹ Судьба части этих эмигрантов потом претерпела изменения. Кое-кто из них позднее участвовал в антифашистском движении Сопротивления. В их числе был и Махин, который в 1939 г. вступил в Коммунистическую партию Югославии, а затем сражался в рядах Народно-освободительной армии Югославии (Шкаренков Л. К. Ук. соч., с. 102).

к месту планируемых выступлений. Однако демарш советских дипломатов сорвал планы создания там антисоветского центра.

Активную деятельность развил Административный центр и в Карелии. Его причастность к подготовке и организации белофинской интервенции 1921—1922 гг. подтверждается рядом документов, в частности перепиской между Черновым и буржуазным карельским деятелем Тюни. Ни руководители эсеровской партии, ни поддерживавшие их кадеты во главе с Милюковым, заседавшие совместно с ними в Исполнительной комиссии бывших членов Учредительного собрания, созданной в январе 1921 г., не возражали против карельской авантюры²². Хотя контрреволюционные отряды состояли там преимущественно из финнов, активно действовали в них и русские белогвардейцы²³.

Административный центр принял также участие в организации антисоветских выступлений на Северном Кавказе и в Причерноморье, где находились эмиссары Вороновича, пребывавшего с августа 1921 г. в Константинополе. Воронович включился в работу Временного комитета народного союза освобождения Юго-Востока, целью которого было объединение контрреволюционного подполья Дона, Кубани, Терека, Ставрополя, Причерноморья и Астрахани²⁴. Он развернул сбор шпионской информации о дислокации и численности войск Красной Армии на Кавказе²⁵. Не случайно особое о том его донесение от 22 ноября 1921 г. имеет также пометку секретаря центра В. Фабриканта: «Перевести на французский язык в 3 экземплярах»²⁶. Эта деятельность Административного центра была одобрена заграничной делегацией ЦК партии правых эсеров на заседании 2 января 1922 года²⁷. Вопреки демагогическим заявлениям, «опровергавшим» их сотрудничество с буржуазией, эсеры составляли с нею единый антисоветский фронт. Через Административный центр их лидеры поддерживали контакты с Русским политическим комитетом Б. В. Савинкова, Союзом возрождения казачества и врангелевским Союзом возрождения России. Стремясь использовать кадры разгромленных белогвардейцев, центр проектировал создание Союза офицеров-республиканцев²⁸. Центр получал финансовые дотации от французских ведомств, чехословацкого правительства и бывшего посла Временного правительства в США Б. А. Бахметьева.

С этими действиями правых эсеров смыкалась деятельность меньшевиков. В телеграмме Секретного отдела ВЧК от 25 июня 1921 г. местным органам отмечалось, что «установлен целый ряд фактов взаимных услуг между правыми эсерами и меньшевиками, главным образом в области связи со своими партийными организациями. Конкретно эти услуги заключаются в том, что отъезжающие с партийными поручениями из центра на места или с мест в центр эсеры получают явки к меньшевикам, а меньшевики к эсерам, попутно перевозят литературу. Печатники-меньшевики выполняют заказ эсеров, печатают воззвания, листовки и прочее»²⁹. Объективный смысл деятельности мелкобуржуазных партий заключался в расчистке пути для буржуазной реставрации. Подобно тому, как в экономике из мелкотоварного производства ежедневно рождается капитализм, а из мелкой буржуазии вырастает крупная, так и мелкобуржуазные партии в политике прокладывали дорогу политической победе крупного капитала, выступая в роли мавра буржуазной контрреволюции.

В январе 1921 г. активизировался Русский эвакуационный комитет, созданный Савинковым в Варшаве (позднее — Русский политический комитет). В секретном документе, посланном военному министру Франции и государственным деятелям Англии и Польши, Савинков писал: «Русский эвакуационный комитет пришел к убеждению, что... только массовое восстание под руководством людей на местах,

²² Коллекция ЦГАОР СССР.

²³ Хесин С. С. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1921—1922 гг. М. 1949.

²⁴ Правда, 18.VI.1922.

²⁵ Платонов А. Страничка из истории эсеровской контрреволюции. М. 1923, с. 25—26.

²⁶ Коллекция ЦГАОР СССР.

²⁷ Правда, 9.VIII.1922.

²⁸ Работа эсеров за границей. По материалам Парижского архива эсеров. М. 1922, с. 5—6.

²⁹ В. И. Ленин и ВЧК. Сб. док. (1917—1922 гг.). М. 1975, с. 469.

людей, знающих психологию крестьянства, может положить конец большевистской власти», и отмечал, что для подготовки такого восстания следует пересмотреть белоэмигрантскую политическую программу с учетом интересов крестьянства, установить связи между отдельными повстанческими районами, сформировать ударные отряды из остатков белых армий и создать центр общего их руководства в Польше³⁰. Савинков образовал для этого Информационное бюро, во главе которого поставил своего брата Виктора. II отдел польского генштаба присвоил бюро код: агентство «Волк». Разведывательно-информационные отделения агентства были размещены в пунктах, расположенных вдоль советской границы (Глубокое, Столбцы, Лунинец, Тарнополь, Ровно, Львов и др.)³¹. Чтобы поднять значение организации в глазах западных правительств и их спецслужб и обеспечить себя субсидиями с их стороны, «волчьи» сведения зачастую специально фабриковались сотрудниками агентства.

Получение денежных средств, иная поддержка со стороны Франции и Польши позволили Савинкову создать антисоветскую организацию Народный союз защиты родины и свободы (НСЗРиС), целью которого, как отмечалось в докладе директора департамента полиции Польши от 10 июня 1921 г., являлось «организованное как-кой угодно ценой восстание в России для свержения большевиков»³². На советскую территорию направлялись организаторы мятежей, преимущественно из белогвардейских офицеров. Так, в апреле 1921 г. была послана в Поволжье группа агентов в 192 человека³³. Весною же начали функционировать Западный областной комитет НСЗРиС (охвативший своей деятельностью Гомельскую, Смоленскую и Минскую губернии), Южный и Черноморский областные комитеты. Их особенностью являлось наличие у них независимых друг от друга параллельных организаций. Такая структура объяснялась и конспирацией, и стремлением объединить в союзе любые анти-советские элементы — от эсеров до монархистов.

Стараясь превратить НСЗРиС во всероссийскую организацию, Савинков заключил соглашения о координации действий с петлюровским правительством т. н. Украинской народной республики, белорусскими националистами, Кубанской радой и Донским казачьим кругом, а военный представитель Врангеля в Варшаве генерал М. М. Махров принимал участие в заседаниях савинковского комитета. Эти контакты дополнялись тайными соглашениями с французскими спецслужбами и буржуазным правительством Польши. Секретная переписка Савинкова, исчезнувшая из варшавской гостиницы «Брюль», где располагалась его штаб-квартира, и частично попавшая на страницы печати, свидетельствует, что соглашение с Польшей включало образование «самостоятельной Белоруссии» под польским протекторатом с передачей Польше западных уездов Волынской и Подольской губерний, предусматривало восстановление польско-русской границы 1772 г. и предоставление Польше права пользоваться портом Одессы, строить там доки для ее военного флота и войсковые казармы, а также передачу ей в эксплуатацию железнодорожной линии Ровно—Шепетовка—Казатин—Одесса³⁴. Так за помощь со стороны зарубежной реакции Савинков расплачивался обещанием раздела родины. Впоследствии он открыто признался, что «без опоры на иностранцев мы воевать не могли»³⁵.

После неудачных попыток белоэмиграции поднять в Советской России общее восстание весной 1921 г. во время посевной кампании, его начало было перенесено на осеннее время сбора урожая и внесения крестьянством продовольственного налога. 13—16 июня состоялся «всероссийский» съезд савинковского союза³⁶. В его работе приняли участие представители французской, английской, американской, итальянской военных миссий в Варшаве, офицеры разведки министерства иностранных дел и военного министерства Польши. План восстания предполагал одновре-

³⁰ Новый путь, Рига, 28.III.1921; см. также Шкаренков Л. К. Ук. соч. с. 46—47.

³¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. IV. М. 1966, с. 34—35.

³² Коллекция ЦГАОР СССР.

³³ Правда, 24.VII.1921.

³⁴ Новости жизни, Харбин. 1923, № 280.

³⁵ Дело Б. Савинкова. М. 1924, с. 39.

³⁶ Подробнее см. Коровин В. В., Русанов Э. П. Дело Бориса Савинкова.— История СССР, 1967, № 6, с. 144.

менно с внутренним выступлением продвижение ударных отрядов, сосредоточенных на советской границе, в трех направлениях: на Петроград, на Полоцк — Смоленск — Москву, на Минск — Гомель — Орел³⁷. Было решено широко применять как индивидуальный террор против партийных и советских руководителей на местах, так и массовый — путем расстрелов активистов и отравления воинских частей. Были предусмотрены также диверсии в народном хозяйстве с целью усиления экономического кризиса и голода. «Мы должны выжечь свободное место, чтобы на нем начать строить сначала» — вот лозунг, провозглашенный на съезде³⁸.

Всероссийский комитет НСЗРиС стремился восстановить деятельность Западного областного комитета, ликвидированного ВЧК в мае 1921 г., и активизировать работу Черноморского комитета. Отдельные организации союза действовали в Москве, Петрограде, Туле, Самаре, Харькове, Киеве, Одессе. Продолжалась переброска через границу ударных групп и отрядов. По соглашению со II отделом польского генштаба они снабжались его пропусками и переправлялись на советскую территорию. При этом Варшава требовала, чтобы террористы начинали действовать не ближе 50—70 верст от польской границы, создавая иллюзию местного их происхождения³⁹.

В конце 1921 — начале 1922 г., придя к убеждению, что ставка на вовлечение крестьянства в широкое антисоветское движение не оправдалась, Савинков вновь стал считать главным оружием индивидуальный террор⁴⁰. В январе 1922 г. на границе был арестован бывший подполковник В. Свежевский, который по заданию Всероссийского комитета НСЗРиС пробирался в Москву с целью организации покушения на Ленина⁴¹. Провалились попытки террористических актов и против советской делегации, направлявшейся на Генуэзскую конференцию. Вскоре прекратилось субсидирование Всероссийского комитета НСЗРиС западными державами и эмигрантскими финансово-промышленными кругами. Деятельность же его организаций на советской территории была пресечена органами ВЧК. В связи с этим Савинков был вынужден передать свои связи на финской и польской границах в распоряжение возникшей в 1921 г. в Париже диверсионно-шпионской организации Центр действия⁴².

Активно выступал и врангелевский Союз возрождения России. Довольно крупным его звеном являлся Областной комитет Союза возрождения России в Петрограде (иначе: Петроградская боевая организация, ПБО). Ее возглавляли проф. В. Н. Таганцев, белогвардейские офицеры В. Г. Шведов и Ю. П. Герман. Связь с центром осуществлялась через группу в Финляндии, в которую входили бывший ректор Петроградского университета Д. Д. Гримм и глава Русского Красного Креста в Финляндии проф. Цейдлер. Центр в Париже и группа в Финляндии выполняли по отношению к ПБО координирующие функции в соответствии с «просьбами» американской, английской и французской разведок, занимались финансовой помощью ПБО, проводили среди эмигрантов вербовку агентов, которых снабжали оружием, антисоветской литературой и перебрасывали в Петроград. Так, Париж дал около 10 млн. руб. в царской валюте и еще 2 млн. руб. поступили от бывшего владельца кожевенного завода в Петрограде Д. Лурье. Для активизации подготовки восстания в Петроград прибыл резидент Союза возрождения России белогвардейский офицер П. Б. Лебедев⁴³. Была усилена переброска завербованных эмигрантов из Финляндии. Одновременно готовился взрыв поезда Л. Б. Красина, чтобы, не допустив его поездки за границу, сорвать установление торговых отношений между Советской Россией и западными державами⁴⁴.

Параллельно с ПБО готовили антисоветское восстание и другие организации. Одной из них руководили белогвардейские офицеры Н. Лион и Степанов, пребывав-

³⁷ Известия ВЦИК, 24.VII.1921.

³⁸ Правда, 24.VII.1921.

³⁹ Дело Б. Савинкова, с. 27.

⁴⁰ Шкаренков Л. К. Ук. соч., с. 50—53.

⁴¹ Дело Б. Савинкова, с. 30.

⁴² Об этой организации см.: Дело Киевского областного центра действия. Стенографический отчет судебного процесса. Харьков. 1927; Голянков Д. Л. Ук. соч., с. 180—186.

⁴³ Правда, 31.VIII.1921.

⁴⁴ Последние новости, Париж, 7.IX.1921.

шие в основном в Гельсингфорсе, где пользовались покровительством офицеров французского консульства Вегье и Вокье; другой — комитет под руководством контр-адмирала С. В. Зарубаева, связанный с группой генерала Ключева и центром барона Вилькена в Финляндии⁴⁵. Представитель последнего капитан 1-го ранга Сахаров приезжал в июле 1921 г. в Петроград для подготовки организации к решительным действиям. Врангелевцы пытались расширить и объединить антисоветские выступления и на юге страны. Находившиеся в начале 1921 г. в Константинополе председатель белогвардейского Терского казачьего правительства Букановский и бывший терский войсковой атаман Вдовенко посылали на Северный Кавказ уполномоченных для формирования вооруженных отрядов. Начальник врангелевской контрразведки в Константинополе Ерарский установил контакт с терской организацией эсеров.

Для активизации «зеленого» движения на Северный Кавказ были направлены полковники Серебряков и Зеленский. На их документах стояли визы британской военной миссии в Константинополе. Непосредственными их задачами являлись создание повстанческих отрядов и налаживание связи для передачи информации за границу. Зеленский возглавил Комитет центрального действия Пятигорского района; Серебряков, связавшись с терской организацией эсеров и террористической группой полковника Лаврова, сколотил вооруженные формирования «народных войск» Северного Кавказа, которые в мае 1921 г. насчитывали четыре полка⁴⁶. В Ейском районе был сформирован отряд полковника Жукова. Все они начали боевые действия, но были разбиты Красной Армией в мае — июле 1921 г., а остатки их укрылись в глухих местах.

В августе 1921 г. из Константинополя на Северный Кавказ прибыла новая делегация врангелевских офицеров, которые попытались объединить разрозненные силы контрреволюционного подполья и повстанческого движения. Через месяц возникло Кубанское временное повстанческое правительство и была сформирована Кубанская повстанческая армия генерала Пржевальского. В сентябре—октябре Союз возрождения России совместно с Административным центром готовил восстание, которое должно было начаться в Баку, для захвата нефтепромыслов. Одновременно планировалось наступление Кубанской повстанческой армии на Ставрополь и Ростов⁴⁷. В то же время должны были подняться восстание врангелевцы в Крыму и Причерноморье. Наиболее активными были одесская группа во главе с бывшим начальником тактической разведки врангелевского штаба, уполномоченным для связи с украинскими организациями, Романюком и группа полковника Евстафьева. Обе они имели связи с подпольными атаманами Заболоцким и Кошевым.

Пытался развернуть свою деятельность в 1921 г. и Всеукраинский центральный повстанческий комитет, созданный петлюровским Главным повстанческим комитетом. Это подполье насчитывало несколько тысяч человек. Подрывную работу проводил областной центр Украинской военной организации, связанной с германской разведкой⁴⁸. Контроль над ее деятельностью осуществлял полковник абвера Гемпп.

Летом 1921 г. ВЧК ликвидировала контрреволюционные организации в северо-западном районе и на юге. В сентябре была разгромлена «армия» Пржевальского на Северном Кавказе, так что с осени 1921 г. там действовали лишь мелкие и раздробленные группы контрреволюционеров. Провалом закончилась и осенняя интервенция, предпринятая Петлюрой на Украину. Его рейды оставляли за собой следы чудовищных зверств и погромов, петлюровцы встречали со стороны народных масс гнев и ненависть. Действуя в изоляции и преследуемые частями Красной Армии, остатки петлюровских формирований бежали за границу. Переход Советского государства к нэпу и своевременная ликвидация мятежей привели к полной изоляции и эсеров, и меньшевиков. Рухнули надежды контрреволюции на свержение Советской власти путем крестьянских восстаний. Диктатура пролетариата еще раз доказала свою прочность, свое единство с широкими массами трудящихся.

Следующим этапом деятельности контрреволюционеров явилось приспособление своих действий к нэповским условиям. Решив, что переход к нэпу есть начало воз-

⁴⁵ Правда, 31.VIII.1921.

⁴⁶ Там же, 23.VI.1922.

⁴⁷ Там же, 14.XII.1922.

⁴⁸ Чередниченко В. Ук. соч., с. 41—53.

рождения капитализма, лидеры контрреволюции стремились ускорить последнее и ориентировались на массированное идеологическое наступление против Советской власти. Смысл этой «тихой» контрреволюции заключался в создании обстановки идейно-политического разброда, используя который можно было бы идти к реставрации былых порядков. Кадеты осенью 1921 г. писали, что в конце апреля 1921 г., когда «новый курс» партии большевиков, по их мнению, еще не успел полностью определиться, кадетский «ЦК противопоставил большевистским расчетам... чрезвычайно осторожный план постепенного овладения умами народных масс»⁴⁹. Не случайно одним из главных направлений РКП(б) в идеологической борьбе стало тогда разоблачение и преодоление реставраторских идей, политическое упрочение диктатуры пролетариата. Ленин отмечал: «Мы поднялись до самой высокой и вместе с тем до самой трудной ступени в нашей всемирно-исторической борьбе»⁵⁰.

Используя легальные возможности нэпа в антисоветских целях, враги Советской власти особенно старались расширить и укрепить свое влияние в местных ее органах, включая сельсоветы и волостные исполкомы, профсоюзы и кооперацию, в т. ч. сельскохозяйственную и кустарно-промысловую. В управленческом аппарате многих народнохозяйственных органов прослойка коммунистов среди служащих была тогда еще невелика. В начале 1923 г. среди руководящего состава Госторга коммунистов насчитывалось 19%, Внуторга — 4%, центральных учреждений «Хлебопродукта» — 9%, Госбанка — 12%⁵¹. Враги злостно искажали торговую, налоговую, кредитную, кооперативную и снабженческую политику Советской власти, в ходе землеустройства стремились расширить кулацкие хозяйства. Бывший министр продовольствия Временного правительства А. В. Пешехонов, работая в Центральном статистическом бюро Украины с группой своих сообщников, занижал в отчетах наличие хлеба в республике, что приводило к нарушению продовольственной политики правительства. Ленин писал тогда, что Пешехонов — «хуже всякого белогвардейца»⁵². В январе 1922 г. Пешехонов был отстранен от работы, а в июле за участие в деятельности Союза возрождения выслан за границу. Таких лиц в советском аппарате было немало.

Бывшие владельцы петроградского завода «Треугольник» пытались подорвать работу предприятия, чтобы легче получить его в концессию. Группа спецов, выполняя указания прежних владельцев «Треугольника», находившихся в Гельсингфорсе, фабриковала сведения об убыточности заводов «Проводник», «Богатырь» и «Каучук», подготавливая почву для их закрытия, и сосредоточивала как можно больше сырья на складах «Треугольника»⁵³. Во избежание проверки ими неоднократно похищались из «Главрезины» документы. При обыске квартиры одного из вредителей были обнаружены книги, куда заносились копии донесений для старых хозяев с заголовком: «Нашему правлению в Петрограде»⁵⁴. Еще сложнее была обстановка в сфере торговли, ибо нэпманы направляли основные свои ресурсы именно в товарооборот⁵⁵. Злоупотребления и преступления в этой сфере получили особенно широкое распространение. В частности, в Москве и Петрограде в 1922 г. был раскрыт ряд валютных подпольных контор «черных биржевиков»⁵⁶.

Буржуазная пресса подняла шум, заявляя, что большевики возвращаются к политике «военного коммунизма». В связи с этим Ленин в интервью корреспонденту английской газеты «Observer» 27 октября 1922 г. подчеркнул: «На самом деле арестованы исключительно деятели так называемой черной биржи, и в руках наших властей имеются данные, устанавливающие связь этих биржевиков-валютчиков с некоторыми сотрудниками иностранных миссий в Москве, причем эти данные устанавливают не только продажу платины, золота (слитков), но и организацию контрабандной переправы этих ценностей за грани-

⁴⁹ Последние новости, 13.IX.1921.

⁵⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 44, с. 103.

⁵¹ Тринадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М. 1963, с. 116, 153.

⁵² В. И. Ленин и ВЧК, с. 431.

⁵³ Правда, 26.XI, 3.XII.1921.

⁵⁴ Там же, 3.XII.1921.

⁵⁵ Дмитриенко В. П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. 1921—1924 гг. М. 1971, с. 131—148.

⁵⁶ Известия, 27.X.1922.

ц у»⁵⁷. Той же осенью была разоблачена деятельность подпольной группы торговцев и спецов, которая, прикрываясь легальной формой торгового посредничества, захватила в свои руки аппарат Орехово-Зуевского текстильного треста⁵⁸. Члены группы организовали собственные предприятия («Русбалт», «Меркурий», «Продтекстиль», «Производбыт», «Взаимная польза»), на которых скапливались товары треста, приобретенные накануне повышения цен. В 1922 г. трестом было продано государственным учреждениям товаров на 1 млрд. руб., а одному лишь торговому обществу «Меркурий» — на 5 млрд. рублей⁵⁹.

Подобные примеры типичны для начала 1920-х годов. Советское государство карало попытки буржуазии выйти за официально разрешенные рамки предпринимательства. Ленин, указывая на необходимость привлечения буржуазии к строгой ответственности за злоупотребления, отмечал, что следует заставить ее «считаться не только с буквой, но и с *духом* нашего, коммунистического законодательства, не допускать *ни тени* отступления от наших законов»⁶⁰. В 1922 г. прошел ряд процессов в Верховном трибунале и народных судах. В феврале 1923 г. по делу Центросоюза была осуждена большая группа частных торговцев⁶¹. Была пресечена вредительская деятельность буржуазных спецов на Свирско-Волховском строительстве, руководимая главным инженером В. П. Шаверновским; группы инженеров, возводивших в Москве мачту Шаболовской радиостанции так, чтобы она вскоре рухнула; специалистов Электротреста во главе с заместителем его председателя Шварцем; была вскрыта антисоветская деятельность спецов во многих других организациях.

Классовые противники диктатуры пролетариата тщились также подорвать руководящую роль коммунистов в Советах и профсоюзах. Меньшевики, призывая «пробить брешь в наименее хорошо защищенном месте вражеской системы»⁶², выступали за немедленное и повсеместное проведение перевыборов органов государственной власти. Им вторил тогдашний сменовеховец И. Г. Лежнев: в статьях «Великий синтез» и «Эмансипация Советов» он призывал интеллигенцию идти в Советы с собственной программой⁶³. На пленуме Моссовета левый эсер И. З. Штейнберг, выступая в прениях по докладу о процессе над партией правых эсеров, призывал депутатов к организации свободных от РКП(б) Советов и профсоюзов⁶⁴. На V Всероссийском съезде профсоюзов левый эсер Рябинин призывал делегатов стать на путь создания синдикально-кооперативных организаций⁶⁵. В конце 1922 г. эсеры-максималисты предприняли попытки сагитировать рабочих московских заводов Гужон, АМО и др. за «независимые» Советы и профсоюзы⁶⁶. Все эти выступления координировались с линией эмигрантских контрреволюционных организаций.

РКП(б) нацелила трудящихся на отпор «тихой» контрреволюции. Всероссийское совещание заведующих агитпропотделами губкомов партии в июле 1921 г. потребовало от парторганизаций разоблачения тактики антисоветских сил, усиления борьбы по искоренению их влияния в Советах и профсоюзах. Была развернута широкая пропагандистская работа. В октябре 1922 г. в связи с предстоящими перевыборами Советов в центральных газетах была напечатана серия статей, вскрывающих действия меньшевиков, эсеров, кадетов, выступавших под маской беспартийности. В одной из статей отмечалось: «Сейчас буржуазия, нэпманы, купцы и торговцы, промышленники, посредники, ростовщики, прогрессивные «батюшки», квалифицированные интеллигенты сменовеховского толка, мечтающие о «соучастии во власти», — все они, с верой и надеждой чающие перерождения этой власти, будут из кожи лезть вон, чтобы использовать все возможности и под разными личинами пролезать на выбор-

⁵⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 243.

⁵⁸ Правда, 5.XI.1922.

⁵⁹ Там же, 3, 5.XI.1921.

⁶⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 44, с. 397, 399—400.

⁶¹ Дмитриенко В. П. Ук. соч., с. 148.

⁶² Социалистический вестник, Берлин, 1921, № 17, с. 6.

⁶³ Новая Россия, Петроград, 1922, № 2, с. 4.

⁶⁴ Правда, 7.VI.1922.

⁶⁵ Злобина В. М. Борьба партии большевиков против мелкобуржуазного влияния на рабочий класс в первые годы нэпа (1921—1925 гг.). М. 1975, с. 65—66.

⁶⁶ Рабочая Москва, 6.XII.1922.

ные собрания, а через них и на выборные советские должности, означающие власть»⁶⁷.

РКП(б) предупреждала: «Перевыборы в Советы не должны служить лазейкой для использования легальных возможностей, обволакивания Советской власти ее врагами и сомнительными друзьями»⁶⁸. Как известно, во время Кронштадтского мятежа враги усиленно выдвигали лозунг «Советы без коммунистов». Но все попытки завоевания Советов контрреволюционными элементами потерпели провал. В Петроградском Совете в 1921 г. на 1,5 тыс. депутатов-коммунистов приходился 1 эсер, в Московском на такое же количество коммунистов в 1922 г. — 2 эсера и 1 меньшевик, на X Всероссийском съезде Советов 2084 делегата были коммунистами, 125 — беспартийными, представители же меньшевиков, правых и левых эсеров не были избраны вообще⁶⁹.

Одним из направлений деятельности «тихой» контрреволюции являлись попытки разложения Коммунистической партии, изоляции большевиков от народных масс. С этой целью применялись различные акции: от попыток проникновения в партию и использования внутрипартийных разногласий до всякого рода провокаций. X съезд РКП(б) отметил, что разложение старых классовых группировок и псевдосоциалистических партий дало приток этих элементов в ряды партии, и предостерег: «Они, обладая уже опытом своей прежней работы, .. могли быстро подвигаться по иерархической советской, военной, профессиональной и партийной лестнице»⁷⁰. Особенно активно в этом отношении проявляли себя меньшевики. Руководство их подпольной деятельностью осуществляло Центральное Бюро РСДРП, которое имело постоянную связь с петроградской, харьковской, киевской, одесской, другими местными их организациями⁷¹. Идейно-политическую поддержку они получали от коллег по партии за рубежом. Один из активистов меньшевистской эмиграции Д. Далин призывал интенсивно проникать в ряды РКП(б), поскольку «ликвидация большевизма могла быть только процессом самоликвидации: разложением и распадом РКП»⁷². На подобной же позиции стояла Заграничная делегация РСДРП. В одном из ее документов, определявшем задачи меньшевиков в то время, обосновывалась необходимость «помочь скорейшему и наиболее безболезненному преодолению... полосы большевистского фазиса русской революции»⁷³. Ю. О. Мартов, Р. А. Абрамович и Ф. И. Дан предлагали ускорить сплочение оппозиционных элементов среди большевиков и использование их в целях развала РКП(б).

Ставку на перерождение советского строя, ослабление Коммунистической партии делали и буржуазные идеологи. Кадет Л. Галич, известный своими публикациями еще в дореволюционной «Речи», призывал на страницах белоэмигрантской прессы к проникновению в ряды РКП(б), ибо без «трещин в самом коммунизме» не будет и перерождения Советской власти⁷⁴. Лидер берлинской группы кадетов В. Д. Набоков, отмечая, что в партию большевиков «хлынул в огромном количестве мелкобуржуазный элемент — чиновники, служащие, бывшие приказчики и т. п.», в связи с этим надеялся, что «прежний мускулистый, выдерживающий самые сильные удары, организм партии стал ослабевать»⁷⁵. Парижская группа кадетов во главе с Милюковым ожидала некоей «междоусобицы» среди коммунистов. На ее закрытом заседании 5 декабря 1921 г. говорилось: «Из России идут весьма достоверные сведения, что там готовится взаимоистребление большевиков и что уже истощены их наиболее активные силы»⁷⁶.

Касаясь подобных взглядов, Ленин отмечал: «Конечно, белогвардеец в «Русской Мысли» (кажется, это был С. С. Ольденбург) был прав, когда, во-первых, ставил ставку по отношению к их игре против Советской России на раскол нашей партии и когда,

⁶⁷ Правда, 5.X.1922.

⁶⁸ Там же, 18.XI.1922.

⁶⁹ Гимпельсон Е. Г. Из истории образования однопартийной системы в СССР. — Вопросы истории, 1965, № 11, с. 29—30.

⁷⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 2, с. 208.

⁷¹ Подболотов П. А. Ук. соч., с. 19.

⁷² Коллекция ЦГАОР СССР.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Правда, 18.III.1921.

⁷⁵ Руль, Берлин, 18.XI.1921.

⁷⁶ Коллекция ЦГАОР СССР.

во-вторых, ставил ставку для этого раскола на серьезнейшие разногласия в партии»⁷⁷. Владимир Ильич подчеркивал, что партия могла упрочить свое влияние и вести за собой многомиллионные массы трудящихся лишь при условии постоянного разоблачения всех разновидностей оппортунизма, при условии непреклонного укрепления единства своих рядов и изгнания из партии чуждых элементов. Он призывал к решительной борьбе с проникающими в коммунистическую партию бывшими меньшевиками и эсерами, еще не доказавшими на деле своего права принадлежать к партии победившего пролетариата⁷⁸. Важную роль в укреплении единства партии сыграла чистка ее рядов, проведенная по решению X съезда РКП(б) в августе — декабре 1921 года. Партия освободилась от многих «примазавшихся». Упрочению РКП(б) способствовало и осуществление резолюции XI партсъезда «Об укреплении и новых задачах партии»⁷⁹. Это нанесло сильнейший удар по врагам Советской власти и социализма.

Использование легальных возможностей напа буржуазией проявлялось и в ходе работы различных съездов и конференций специалистов. Показательны в этом отношении съезды агрономов и членов сельскохозяйственной кооперации. На проходивший летом 1921 г. I Всероссийский съезд сельхозкооперации прибыли представители 25 губерний: 32 делегата — эсеры, 25 — кадеты, 21 — беспартийный, 2 — коммунисты. Эсеровская и кадетская группы образовали затем единый блок. В таком же духе проходил Всероссийский агрономический съезд, на котором обсуждение вопросов землеустройства и помощи крестьянству вылилось в охаивание экономической политики Советской власти; получило поддержку мнение, что «только принцип хозяйственной свободы, самостоятельности и инициативы является надежным отправным положением экономической политики»⁸⁰. Делегаты определили желательность изменений экономической линии государства в сторону развития кулацких хозяйств и приняли программу буржуазного реставраторства⁸¹. Сходные лозунги звучали и на других съездах⁸².

Одновременно антисоветские силы вели организацию своих постоянных легальных центров. Одним из первых таких мероприятий явилась деятельность оппозиционных сил под эгидой Всероссийского комитета помощи голодающим (Всероспомгол). В него вошли наряду с членами РКП(б) и сочувствующими деятелями науки и культуры буржуазные интеллигенты, которых государство пыталось привлечь к деловому сотрудничеству. Среди них — кадеты С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, Н. М. Кишкин, бывший царский министр Н. Н. Кутлер, бывший председатель Государственной думы Ф. А. Головин, ректор Зоотехнического института проф. М. М. Щепкин и др. Большинство их пыталось саботировать мероприятия государственных органов и проводило антисоветскую политику⁸³, в связи с чем Всероспомгол получил ироническое прозвище «Прокукиш» (по начальным слогам фамилий Прокоповича, Кусковой и Кишкина). Ленин, подчеркивая антисоветскую сущность их действий, иногда именовал его просто «Кукиш»⁸⁴.

Неудивительно, что антисоветские силы пытались превратить «Прокукиш» в один из центров сплочения контрреволюции внутри страны. Характерны в этом отношении условия помощи голодающим, поставленные Милюковым. Кадетский лидер рекомендовал обуславливать эту помощь вхождением в местные Советы, чтобы постепенно прибрать власть к рукам⁸⁵. В буржуазной прессе печатались статьи с требованием передачи власти Всероспомголу, помещались провокационные указания⁸⁶.

Буржуазные деятели Всероспомгола проводили тайные собрания и устанавливали связь с антисоветскими группами внутри страны и за границей. В инструкции для

⁷⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 344.

⁷⁸ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 43, с. 98—106; т. 44, с. 396 сл.

⁷⁹ КПСС в резолюциях и решениях. Т. 2, с. 335—345.

⁸⁰ На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. М. 1923, с. 73.

⁸¹ Сельскохозяйственная жизнь, I. III. 1922.

⁸² Федюкин С. А. Ук. соч., с. 79—81.

⁸³ Чемерисский И. А. Из истории классовой борьбы в 1921 г. (Всероссийский комитет помощи голодающим). В кн.: Исторические записки. Т. 77. М. 1965, с. 191—196.

⁸⁴ В. И. Ленин и ВЧК, с. 501, 506.

⁸⁵ Последние новости, 23.VIII.1921.

⁸⁶ Рубинштейн П. Л. Внешняя политика Советского государства в 1921—1923 гг. М. 1958, с. 113.

загранделегаций, разработанной «Прокукишем», указывалось: «Делегация действует за границей самостоятельно, она имеет право непосредственных сношений с правительствами иностранных держав, с различными учреждениями и лицами»⁸⁷. В августе 1921 г. лидеры этой оппозиции в ультимативной форме потребовали выезда за границу их сотрудников, которые должны были организовать представительство в Лондоне. Один из членов комитета, характеризуя политическую линию «Прокукина», отмечал в дневнике: «И мы, и голод — это средство политической борьбы»⁸⁸. Естественно, Советское государство не могло допустить деятельность контрреволюционных объединений. В правительственном сообщении о роспуске комитета указывалось, что большинство членов Всероспомгола оказалось в плену политических расчетов, не имеющих ничего общего с истинной помощью голодающим, а вокруг самого комитета велась игра белоэмигрантских группировок и правительств европейских держав⁸⁹.

Враги Советской власти пытались действовать также через научные учреждения и вузы. Особой активностью отличались Вольная философская ассоциация и XI промышленно-экономический отдел Русского технического общества. Имела место антигосударственная деятельность части профессорско-преподавательского состава некоторых вузов. В начале 1922 г. был опубликован ряд статей, в которых анализировались причины и цели саботажа со стороны профессоров, выступавших за автономию высшей школы⁹⁰; вскрывалась тактика такой профессуры, не желавшей учить студентов «в синих блузах и красноармейских гимнастерках» и мечтавшей о «буржуазных юристах, инженерах, агрономах, врачах, химиках, педагогах», через которых можно будет воздействовать на Советскую власть; подчеркивалось, что «дирижируют этим профессорским оркестром кадеты из «Последних новостей»⁹¹.

В Москве, Петрограде, Киеве, других крупных городах были сосредоточены основные «внутренние» кадры таких кругов. Там имелись частные издательства, выпускались различные журналы, сборники статей и альманахи несоветского содержания («Мысль», «Мысль и слово», «Экономист», «Экономическое возрождение», «Артельное дело» и пр.). Об «Экономисте» Ленин писал, что тот является «органом современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т. п.»⁹². В идеологическом наступлении на завоевания рабочего класса приняли участие философы Н. О. Лосский, Э. Л. Радлов, П. А. Сорокин, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, экономист Д. С. Зернов, деятели Русского технического общества Е. Л. Зубашев и П. И. Пальчинский, публицист А. С. Изгоев и многие другие. Разрабатывались идеи «либерального социализма», «строя трудовой демократии» и «особой роли интеллигенции», развернулась проповедь идеализма и мистицизма. Летом 1922 г. за активную деятельность, направленную на распространение буржуазной идеологии и реставрацию капитализма, была арестована большая группа профессоров и литераторов. После расследования свыше 160 из них были высланы за границу, а журналы типа «Мысль» и «Экономист» закрыты⁹³, чтобы «реставрация капитализма из сферы умозрительной» не перешла бы «непосредственно в область политики»⁹⁴.

Принципиальная деятельность РКП(б) по организации идеологической работы среди трудящихся и решительная борьба с враждебной деятельностью привели к резкому сужению влияния буржуазного реставраторства уже в первые годы нэпа и способствовали разгрому «тихой» контрреволюции. Чем активнее разворачивалось социалистическое строительство и чем шире в него вовлекались трудящиеся массы, тем яснее обозначалась бесплодность попыток контрреволюции помешать движению страны по пути созидания нового общества.

⁸⁷ Цит. по: На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией, с. 67.

⁸⁸ Правда, 8.IX.1921.

⁸⁹ Там же, 30.VIII.1921.

⁹⁰ Там же, 17.II.1922.

⁹¹ Там же, 22.II.1922.

⁹² Ленин В. И. ПСС. Т. 45, с. 31.

⁹³ Правда, 31.VIII.1922.

⁹⁴ Федюкин С. А. Ук. соч., с. 6.

ПРИКАЗ ТАЙНЫХ ГОСУДАРЕВЫХ ДЕЛ

О. Ф. Козлов

Центральный государственный аппарат России второй половины XVII в. состоял из Боярской думы и приказов, большая часть которых сформировалась еще в конце XVI века. К середине XVII столетия их насчитывалось около 80. Располагались они, как правило, в Московском Кремле, а во главе их стояли думные чины: бояре, окольные, дьяки. Но существовал приказ, который находился непосредственно в царском дворце. Возглавлял его сам царь Алексей Михайлович, имевший в этом учреждении свой стол. Там он рассматривал поступающие в приказ дела, отдавал распоряжения дьякам и подьячим, входившим в его штат. То был Приказ тайных государевых дел.

Тот факт, что им непосредственно ведал глава государства, давно привлек к нему пристальное внимание историков. Высказывались мнения, что этот приказ был канцелярией для личной переписки царя, содержание которой не должно было быть известно боярам¹. Были и иные суждения: что данное учреждение было создано для расследования злоупотреблений, возникших во время денежной реформы 1662 г., когда серебряные деньги заменялись медными (время возникновения приказа было отнесено к 1672 году²); что причиной образования приказа послужили городские восстания 1648—1650 гг.³; что нужно было во имя упрочения самодержавия ограничить компетенцию Боярской думы в государственном управлении⁴.

Точка зрения на Приказ тайных дел стала более определенной после того, как в 1840 г. в России было опубликовано сочинение подьячего Посольского приказа Григория Котошихина, бежавшего за границу в 1664 году. По его свидетельству, в этом приказе числились один дьяк и 10 подьячих; «и ведают они и делают дела всякие царские, тайные и явные; и в тот приказ бояре и думные люди не входят и дел не ведают, кроме самого царя». Подьячие сопровождали послов, участвовали в посольских съездах, в военных походах, «и царю, приехав, сказывают». По словам Котошихина, приказ был создан для того, «чтобы его царская мысль и дела исполнялись все по его хотению, а бояре и думные люди о том ни о чем не ведали»⁵. Из этого сочинения видно, что приказ был учреждением, выполнявшим личные распоряжения царя и осуществлявшим тайный контроль за деятельностью послов и воевод.

Так сложилось мнение, что приказ, возникнув как отделение приказа Большого дворца для управления личными вотчинами Алексея Михайловича, с 1657 г. выполнял надзор и непосредственное руководство государственными землями; туда же поступали челобитные на несправедливые действия приказных и воевод⁶. Это мнение неточно: дела, поступающие в этот приказ из других, были отнесены к документации, которая являлась его собственным делопроизводством. Когда ошибка выявилась, высказали суждение, что данный приказ надзирал за делопроизводством других при-

¹ Карамзин Н. М. Соч. Т. VIII. СПб. 1835, с. 125.

² Берх В. Н. Царствование царя Алексея Михайловича. Ч. 1. СПб. 1831, с. 268—269.

³ Арсеньев К. И. Об устройстве управления в России в XV—XVIII вв. В кн.: Материалы для статистики Российской империи. СПб. 1839, с. 6.

⁴ Медовиков П. Историческое значение царствования Алексея Михайловича. М. 1854, с. 168; Градовский А. Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб. 1866, с. 22.

⁵ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб. 1904, с. 85.

⁶ Гурлянд И. Я. Приказ великого государя тайных дел. Ярославль. 1902, с. 79, 95, 116.

казов, требуя представления всей их документации⁷, и выполнял функции распорядительного органа⁸. Наконец, его записные и приходно-расходные книги были широко использованы в исследовании о царских вотчинах, где показано, что при разрешении ряда вопросов военной и внутренней политики приказу принадлежала руководящая роль⁹.

Как видно, никто из занимавшихся прежде историей этого приказа не связывал его появление с развитием русской государственности второй половины XVII в., когда осуществлялся переход от сословно-представительной монархии к абсолютизму. Такую его роль охарактеризовали сравнительно недавно, рассмотрев его функции в связи с бюрократизацией государственного аппарата, появлением в законодательной практике «именного указа» и личных докладов царю руководителей важнейших учреждений, введением контроля за финансами и попыткой контролировать государственный аппарат через Приказ челобитных¹⁰.

Образование Приказа тайных государевых дел может быть отнесено к 1654 г., когда дьяк Т. Перфильев, вернувшись из Киева, куда ездил с секретным поручением к Б. Хмельницкому, стал именоваться «в государеве имени дьяком», получил в свое распоряжение двух подьячих¹¹ и в том же году стал называться дьяком тайных дел. Напомним, что еще в 1649—1650 гг. при Алексее Михайловиче состоял «верховный подьячий» В. Ботвиньев, выполнявший особые задания царя. Так, в 1654 г. ему было поручено составить роспись дворов служилых людей по данным Поместного приказа, пользуясь «тайной азбуккой»¹². Дьяк в «государеве имени» подписывал указы, выходившие из Приказа тайных государевых дел, поскольку был облечен особым доверием царя. Указы эти имели своеобразный вид: скреплялись тремя красными печатями, расположенными треугольником, между которыми вписывались слова «в государеве имени дьяк», а под печатями ставились имя и фамилия дьяка.

Среди думных и приказных дьяков дьяк тайных дел занимал исключительное положение. Его денежный оклад составлял 300 руб., поместный — 250 четв. земли¹³. В списках должностных лиц, присутствовавших на придворных приемах и различных торжествах, всегда отмечался «дьяк в государеве имени». Так, в «дневальной записке» от 7 сентября 1664 г., составленной по случаю объявления думским чином и высшему духовенству наследником престола царевича Алексея, среди присутствовавших назван дьяк тайных дел Ф. Михайлов¹⁴.

Если исходить из описи документов приказа, составленной в 1676 г. в дни его ликвидации, и дошедших до нас записных книг, можно заключить, что приказ был создан тогда, когда возникла необходимость в слаженной деятельности всех звеньев государственного аппарата. Такая необходимость была вызвана войной за воссоединение Украины с Россией и борьбой с Швецией за выход к Балтийскому морю. Остро стоял тогда вопрос о снабжении армии продовольствием, боеприпасами, снаряжением. Одной из функций, которую выполнял приказ на первых порах, являлась организация снабжения войск хлебом. Из отписки патриарха Никона царю видно, что на монастыри была в то время возложена обязанность снабжать армию хлебом, сухарями и крупами. Половину они должны были доставить в Смоленск, где создавалась основная продовольственная база¹⁵. Но не все монастыри сносили с выполнением обязанности, а Ипатьевский и Богоявленский монастыри Костромского уезда в 1658 г. не поставили должного количества хлеба.

⁷ Самоквасов Д. Я. Русские архивы и царский контроль приказной службы в XVII в. М. 1902, с. 23.

⁸ Самоквасов Д. Я. Царский контроль приказной службы в XVII в. В кн.: Архивное дело в России. Кн. 2. М. 1902, с. 103.

⁹ Заозерский А. И. Царская вотчина XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. М. 1937, с. 241.

¹⁰ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М. 1968, с. 64—65.

¹¹ Дворцовые разряды. Т. 4. СПб. 1855, ст. 44.

¹² Заозерский А. И. Ук. соч., с. 241.

¹³ Гурлянд И. Я. Ук. соч., с. 125—126, 129—130.

¹⁴ Белокуров С. А. Дневальные записи Приказа тайных дел 1655—1683 гг. М. 1908, с. 253.

¹⁵ Акты Московского государства, изданные Академиею наук (АМГ). Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол (1635—1659). СПб. 1894, с. 421.

Для взимания недоимки в Костромской уезд был послан из приказа стольник Н. М. Алфимов, чтобы затем доставить хлеб в Вязьму, а оттуда — в Смоленск и Шклов. В отписке от 3 февраля 1660 г. Алфимов доносил в приказ, что хлеб на крестьянских подводах доставлен в Вязьму. Подводы были взяты с монастырских крестьян воеводой Н. Г. Огаревым, которому из приказа была послана специальная грамота¹⁶. Кроме письменного распоряжения, Алфимов получил устный приказ: «Чтоб... в том хлебном взяты крестьянам оскорбленья не было», а брать хлеб только у зажиточных крестьян¹⁷. В 1662 г. стряпчий Н. Лызов был послан собирать хлеб с патриарших, миропольчих, епископских вотчин и доставить его на стругах в Смоленск. Аналогичные указы были получены ярославским и устюжским воеводами¹⁸. Для снабжения хлебом армии непосредственно на театре военных действий приказ осуществлял закупки. В августе 1660 г. он приобрел в вотчинах боярина Б. И. Морозова 10 тыс. четей ржи и осуществил их перевозку на днепровскую присталь по Оке и Угре¹⁹. В том же году для закупки хлеба был направлен в Нежин стрелецкий сотник У. Брюхов, которому было выдано 1500 рублей²⁰.

Приказ заботился и о расширении сети продовольственных баз. 12 ноября 1661 г. кн. Ю. А. Долгорукому из приказа была направлена царский указ о создании хлебных магазинов в Быхове и Могилеве. В том же году по грамоте из приказа отпущено в полк Ю. А. Долгорукого 500 четей ржи и 200 четей овса²¹. О масштабах снабженческих операций, проводимых приказом, может дать представление переписка в связи с подготовкой к военным действиям против Крыма. Было составлено 7 росписей, в каждой указано количество муки ржаной и гречневой, сухарей, толокна и сала на 4 месяца. Поскольку в росписях названо разное число людей, для снабжения которых предназначались запасы, можно заключить, что предполагалось сформировать 6 отрядов: два до 12 тыс., два — по 30 тыс. и по одному соответственно в 22 тыс. и 12 тыс. человек. Запасы предполагалось сосредоточить в Севске и Путивле. Для похода закуплено 12 400 лошадей. Из 7-й росписи (вероятно, окончательной) видно, что войско формировалось в составе 25 тыс. конных и 40 тыс. пеших. Хлебные магазины на 7 тыс. человек создавались также в Киеве; из запасов Сибирского приказа поставлялись порох и свинец, которые сосредоточивались в Путивле, Севске и Брянске²².

В приказ стекалась документация о наличии хлеба, его расходе и остатках в различных городах. Сюда поступали воеводские отписки о запасах, отпуске хлеба из государственных хранилищ в Ярославль, Ростов, Суздаль, Смоленск, Вязьму и Дорогобуж, состоянии десятинной пашни, передавались сметные списки и росписи о том, сколько уродилось хлеба в 1665—1672 гг., доносили о хлебном жалованье служилым людям²³. И до и после Андрусовского перемирия 1667 г. приказ выполнял функции специального учреждения по снабжению армии хлебом. В 1668 г. вятскому воеводе было указано собрать стрелецкий хлеб и выслать в Москву. Спустя три года отдано распоряжение Хлебному приказу передать в Пушкарский на жалованье пушкарям и воротникам 1500 четей ржи. В 1670 г. в связи с организацией войска для подавления разинского движения велено было создать в Астрахани хлебные запасы²⁴.

Приказ собирал также сведения о состоянии крепостей, наличии в них стрельцов, артиллерии и боеприпасов, составлял столбцы из воеводских отписок и росписей о запасах пушек, пороха, свинца в крепостях и войсках. Для воеводских донесе-

¹⁶ Сторожев В. Н. К истории сельскохозяйственного быта костромских Ипатьевского и Богоявленского монастырей. — Чтения в Обществе истории и древностей российских, кн. 1, 1894, с. 3, 7, 15.

¹⁷ Там же, с. 34.

¹⁸ Дела Тайного приказа. Кн. I. — Русская историческая библиотека (РИБ). Т. XXI. СПб. 1907, ст. 31—32.

¹⁹ АМГ. Т. 3. Разрядный приказ. Московский стол (1660—1664). СПб. 1901, с. 52—53.

²⁰ РИБ. Т. XXI, ст. 971.

²¹ Там же, ст. 970, 996.

²² Там же, ст. 388—390.

²³ Там же, ст. 22—23, 31, 35.

²⁴ Там же, ст. 1446, 1507, 1524.

ний, поступавших с Украины, в приказе был заведен «малороссийских шкап», где хранились наряду с воеводскими отписками сметные списки и росписи о состоянии укреплений украинских городов и имевшихся в них запасах хлеба, пороха и ядер. Приказ посылал подьячих для проверки снабжения армии орудиями и боеприпасами. В 1661 г. подьячие А. Афанасьев и Ю. Никифоров представили росписи о вооружении войск, расквартированных на Украине. В описи дел приказа отмечены подобные росписи за 1656—1670 годы²⁵. Ежемесячные ведомости о запасах пороха, свинца и орудиях в полках поступали от воевод А. Н. Трубецкого и Б. А. Реннина (например, за 1659 г.), но нерегулярно. Представлялись аналогичные помесечные ведомости и из Разрядного приказа. Возможно, их сравнивали для выяснения обеспеченности войск. Помесечно Разряд присылал и сведения об отпуске пороха, свинца и фитиля²⁶.

На основании поступавших сведений приказ отдавал распоряжения и следил за их выполнением²⁷. Помимо того, он ведал учетом служилых людей и комплектованием полков. В нем были собраны смотренные списки городовых дворян, детей боярских, стольников, стряпчих, московских дворян и жильцов. Царь сам рассматривал эти списки и определял пригодных к службе в рейтарские, драгунские и солдатские полки, как свидетельствует опись 1676 г.: «розмета на списках писмо государевой руки»²⁸. Кроме царя, «размечал» их по полкам и городам думный дьяк С. Заборовский. Из Стрелецкого приказа в Приказ тайных государевых дел поступали помесечные ведомости о составе московских стрелецких полков и списки беглых стрельцов. Из них делались погодные выборки²⁹. Для разбора служилых людей на местах приказ посылал своих уполномоченных. В 1664 г. стольники А. и М. Еропкины получили задание расписать в Тамбове детей боярских по конным и пешим полкам, сообщив о результатах проделанной работы в приказ. С подобным же поручением в 1668 г. был отправлен в Севск к кн. Г. С. Куракину конюх З. Григорьев. В 1670 г. полуголова московских стрельцов В. Лаговской проверял наличие стрельцов в Саратове, Самаре и понизовых городах³⁰. Приказ комплектовал воинские части, сыскивал беглых стрельцов, драгун и рейтар³¹.

Приказ руководил также военными действиями, собирал информацию о расположении своих и вражеских частей. С этой целью составлялись столбцы из отпусков царских грамот и ответных воеводских отписок, включая допросы пленных³². Из отписок воевод составлялись для царя докладные выписки³³. В 1659 г. кн. И. Лобанов-Ростовский, командовавший войсками под Быховом, сообщал в приказ, что из показаний плененных лазутчиков, пробиравшихся в Быхов, известно о приближении неприятеля. Псковский воевода кн. Ф. Г. Ромодановский писал в 1664 г., что из показаний пленных польских солдат и офицеров известно, что гетман Санега собирается в «Печерские и Изборские места войною»³⁴, что кн. Д. М. Барятинский, которому из Разряда было предписано занять Опочечский и Островский уезды, с полками не прибыл на место назначения и что туда же не пришел кн. Н. А. Хованский, поскольку людей у него мало и защищать Псков с уездами он не сможет; а заканчивалось письмо просьбой: «И о том, что укажешь нам, чтоб нам от тебя в опале не быть, если что учинится за малолюдством». 29 июня Ромодановскому из приказа была послана царская грамота, которой предписывалось вести тщательную разведку расположения отрядов Сяпег, «чтоб над неприятелем промысл учинить всякими мерами»³⁵.

Приказ ставил перед воеводами задачи оперативно-стратегического характера, посылал им указы с требованием активных действий, выступал как бы центром по координации действий крупных воинских соединений, ведал формированием

²⁵ Там же, ст. 19—20.

²⁶ Там же, ст. 45, 50.

²⁷ АМГ. Т. 3, с. 37, 33.

²⁸ РИБ. Т. XVI, ст. 46.

²⁹ Там же, ст. 122.

³⁰ Там же, ст. 153—154, 1446, 1523—1524.

³¹ Там же, ст. 155, 119, 985—986, 1538.

³² Там же, ст. 40, 47.

³³ Там же, ст. 48, 64—65, 408—409, 471, 528—550, 884—939.

³⁴ АМГ. Т. 2, с. 572, 673.

³⁵ Там же, с. 572.

отдельных отрядов³⁶. 27 февраля С. Змееву была отправлена грамота со стадным конюхом Д. Петровым, где было написано, что велено ему «итти в Нежин с большим береженьем, а буде за вестьми пройти будет не мочно, и им итти во Брянск, а изо Брянска итти в Нежин, как будет мочно». В том же году отряд Змеева, осажденный в Быхове, приказано было «похвалить и обнадежить», уверив в том, что «ратные люди и хлебные и всякие припасы будут на выручку вскоре»³⁷.

Воеводы сообщали в приказ о внешнеполитических событиях. 5 июля 1657 г. было получено письмо, пересланное воеводой Царевича-Дмитриева города, от неизвестного лица из Гданьска. В нем сообщалось, что 20 датских кораблей направились к о. Эзель. По мнению автора письма, население острова не окажет сопротивления датчанам. Далее сообщалось, что датчане высадились под Ригой и польский король хочет заключить мирный договор с курфюрстом Пруссии. В 1657 г. виленскому воеводе А. Л. Ордину-Нащокину была послана грамота за приписью дьяка приказа Д. Башмакова с заданием узнать, вступила ли Дания в войну с Швецией и не появились ли датские войска под Ригой. Спустя год Ордин-Нащокин извещал, что он узнал о предстоящем съезде немецких князей во Франкфурте-на-Майне для избрания короля Венгрии императором Германии и что шведский губернатор Риги пытается выяснить, сколь благоприятна обстановка для заключения мира между Россией и Швецией. В этом же письме Ордин-Нащокин высказал суждение, что разрешение балтийского вопроса возможно только путем дипломатического урегулирования, т. к. «промысел ратьми издержан»³⁸.

Воеводы не всегда точно и вовремя исполняли указы. В этих случаях из приказа им посылалась царская грамота с выговором. Так, кн. Г. Г. Ромодановскому в 1668 г. было велено передать полк рейтар под команду стольника С. Змеева. Князь не выполнил распоряжения и получил вскоре грамоту, в которой царь, называя его «врагом креста Христова» и «сыном сатаны», спрашивал: «Воспомяни, окоянной, кем взыскан, от ково пожалован, на ково надеется? Ково не слушаешь? Пред кем лукавствуешь?»³⁹. Грамота заканчивалась повторением прежнего распоряжения. Подавались в приказ на воевод челобитные, по которым назначалось расследование. В 1658 г. за приписью тайного дьяка Д. Башмакова был дан указ капитану солдатского строя И. Захарову схать в Борисоглебск и тамошнего воеводу Ф. Бапанкова «за ослушание бить батоги нещадно»⁴⁰. Капитаны солдатского строя Л. Желтухин и И. Темерязев в 1660 г. подали челобитную на гродненского воеводу Б. Апрелева, обвиняя его в том, что он не принял мер к защите города и сдал его без боя. Из приказа была послана грамота воеводе в Смоленск о расследовании; если сказанное в челобитной подтвердится, смоленский воевода должен был казнить Апрелева. Повторный розыск не дал четких показаний, и из приказа было дано распоряжение казнить и воеводу, и бивших на него челом капитанов. Однако по случаю дня рождения царевича казнь отменили, а обвиняемых послали рядовыми в полк к боярину Н. А. Хованскому⁴¹.

Кроме военно-административных дел, в ведении приказа были вопросы внешней политики. Там были собраны выписки из «докончальных и перемирных грамот» между Россией и Польшей с 1503 по 1602 г., туда поступала информация (например, «Куранты о всяких вестях» за 1656—1670 гг. или перевод польской книги о событиях 1661 г. в Польше и Германии), там хранились статейные посольские списки, сосредоточивались отпуски посольских грамот⁴². В определенной степени приказ выступал как учреждение, руководившее внешней политикой России. Особенно эта сторона деятельности проявилась во время подготовки Андрусовского перемирия, а также Валиесарского договора со Швецией в 1658 году. Документы по подготовке

³⁶ Там же. Т. 3, с. 57, 507, 587; РИБ. Т. XXI, ст. 470, 962—963.

³⁷ РИБ. Т. XXI, ст. 978—981, 988.

³⁸ АМГ. Т. 2, с. 586, 591, 604—607.

³⁹ Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. II. СПб. 1861, с. 772, 777.

⁴⁰ АМГ. Т. 2, с. 600.

⁴¹ Там же. Т. 3, с. 43—45.

⁴² РИБ. Т. XXI, ст. 5, 12—14, 18.

Андрусовского договора составили несколько тетрадей⁴³. В приказе делались выписки из статейных списков думного дворянина А. Л. Ордина-Нащокина, ведшего в 1663 г. переговоры с литовским канцлером о передаче Смоленска и северных городов Русскому государству; из статейного списка о переговорах с польскими эмиссарами «о титлах Малые и Белые России, чтобы теми титлами польскому королю не писатца».

В приказе сосредоточивалась дипломатическая переписка, посольства снабжались необходимыми документами. Регулярно поступающие отписки послов давали приказу возможность контролировать и направлять их деятельность. С этой целью в состав посольства назначался один из подъячих приказа. Например, в 1662 г. подъячий Ю. Никифоров в составе русского посольства был направлен в Англию. По-видимому, приказ руководил и подготовкой посольств, т. к. в нем утверждался список лиц, назначаемых в посольства. Были также посланы указы в Сибирский приказ, Большой приказ и на Лебяжий двор о подготовке подарков для Карла II Стюарта⁴⁴. Послам в Англию кн. П. С. Прозоровскому и И. А. Желябужскому, кроме «любительской грамоты к Англическому Карлусу» с собственноручной подписью царя, были даны «тайные статьи» для руководства в переговорах с английским правительством, а подъячему — инструкция о «досмотре градских крепостей» (очевидно, по пути следования). Среди документов приказа имеются отписка, присланная Прозоровским от 25 августа 1662 г., о прибытии посольства в Ригу и найме корабля и два статейных списка, один из которых составлен Прозоровским и Желябужским, а другой — подъячим⁴⁵. Через приказ шла переписка царя с иностранными монархами по вопросам внешней политики. Например, в описи 1676 г. указаны две тетради, в которых содержатся «черновые листы» от 1668 г. к польскому королю Яну-Казимиру «о мирном постановлении по Андрусовскому посольскому договору»⁴⁶.

Для получения сведений о событиях в Западной Европе приказ стремился иметь там резидентов. Одним из них долго был И. Гебдон. Впервые он упоминается в 1647 г. как толмач при английских купцах. Спустя пять лет он вместе с двумя иностранными купцами был послан в Голландию и Австрию для закупки различных товаров и с поручением изловить самозванца Т. Анкудинова, выдававшего себя за сына царя В. Шуйского. Гебдон нашел его в Гданьске, следовал за ним и настиг его в Любеке в 1654 году. В 1656 г. Гебдону было пожаловано звание «гостя и комиссариуса». Через два года приказ посылает его в Голландию закупить оружие и пригласить в Россию на службу военных специалистов. В 1660 г. он был назначен русским резидентом в Голландии. Кроме присылки известий о европейских делах, он должен был закупить 20 тыс. мушкетов; пригласить на службу в Россию фортификаторов и таких лиц, «которые б умели из болот воду высушать; также б и из рвов воду мельницами вымолоть или выпустить в иные рвы или речку»; купить книги по военному делу, получить в Амстердаме денежный заем. Хотя городские власти отказались подписать такой договор, Гебдону удалось занять определенную сумму денег у банкиров бр. Фоглер и К. фон Кленка⁴⁷.

Приказ заведовал производством сыска по делам, которые относились к числу должностных и государственных преступлений, и посылал для того уполномоченных или предусматривал образование следственной комиссии⁴⁸. Через приказ царь руководил допросом С. Т. Разина. Там составлялись расспрошенные статьи, туда поступали записи пыточных речей и очных ставок. Но большинством следственных дел, составлявших предмет особых забот приказа, были дела о непристойных словах про царя и умысле на его «здоровье и честь». Наиболее крупным было дело ворожеи Феньки. Для его расследования в 1675 г. составили комиссию, в которую вошли бояре Н. Н. Одоевский и А. С. Матвеев, думный дьяк Л. Иванов, дьяк тайных дел Н. Полянский. Последнему велено было следить, чтобы ворожею пытали «накрепко» и людям,

⁴³ Там же, ст. 649.

⁴⁴ Там же, ст. 337—341.

⁴⁵ АМГ. Т. 3, с. 505; РИБ. Т. XXI, ст. 341.

⁴⁶ РИБ. Т. XXI, ст. 364.

⁴⁷ Гурлянд Н. Я. Иван Гебдон, комиссариус и резидент. Ярославль. 1903, с. 6—8, 47—48, 16—21.

⁴⁸ РИБ. Т. XXI, ст. 119—120; АМГ. Т. 3, с. 500, 505; см. также: Пересветов Р. По следам находок и утрат. М. 1963, с. 148—150, 210.

которых она назовет, давали с нею очные ставки. Докладывать царю о следствии было поручено кн. Н. И. Одоевскому.

По отношению к другим приказам Приказ тайных дел занимал особое положение. Из Стрелецкого и Иноземского он получал сведения о количестве беглых и руководил их сыском. Отношения с Разрядным отличались некоторым параллелизмом, однако указы Тайного, как правило, содержали добавочные статьи⁴⁹. Сложным делом был сбор денег на стрелецкие полки, чем ведали приказ Большого дворца, Новгородская и Устюжская чети. В 1672 г. из Приказа тайных государевых дел последовал указ о передаче сбора стрелецких денег из четей в Стрелецкий приказ, чети же должны собирать «доимочные деньги» и отсылать их туда же. В соответствующие приказы для исполнения были посланы грамоты «за красными печатями»⁵⁰.

Приказ не только контролировал и направлял действия воевод, но делал это оперативнее, чем если бы Разрядный по текущим делам (требующим специального решения) докладывал Боярской думе. В 1665 г. кн. Ф. С. Куракину был дан указ, чтобы он писал в приказ только «о самых тайных делах и которые в том приказе ведомы»⁵¹. Уже в конце его существования во главе приказа была поставлена дьячья коллегия. Указом 1675 г. было велено сидеть и «ведать тайные дела приказу: думным дьякам Челобитного приказу Дементию Башмакову, да Стрелецкого приказу Ларивону Иванову, да Тайных дел дьяку Ивану Леонтьеву сыну Полянскому»⁵². Итак, была создана коллегия из трех дьяков, каждый заведовал определенным приказом.

Во главе Челобитного приказа стоял пользовавшийся особым доверием царя Башмаков, в прошлом дьяк Приказа тайных государевых дел, с 1674 г. — глава Челобитного приказа, занимавшего особое место, поскольку сюда поступали челобитные лиц, недовольных приказными властями, и здесь судились должностные лица приказов. Наряду с обычными челобитными туда направлялись и изветные — доносы, изобличавшие должностные преступления администрации. В известной мере Челобитный приказ выполнял роль контролирующего учреждения. Иванов с 1663 по 1669 г. последовательно был дьяком Новой чети, Оружейной палаты, приказа Большого дворца, а с 20 января 1670 г. возглавил Стрелецкий приказ⁵³. Как правило, последним ведали лица, близкие царю и пользовавшиеся его доверием. До Иванова его возглавляли Б. И. Морозов и И. Д. Милославский, а приказ играл важную роль в выполнении карательных функций.

К этим двум учреждениям как раз и примыкал Приказ тайных государевых дел, через который шла переписка царя с иными приказами; сюда поступали дела, подлежащие царскому рассмотрению; наконец, отсюда исходили царские указы. Таким образом, дьячья коллегия стала учреждением, которое позволяло царю осуществлять контроль над всей приказной системой и претворять в жизнь именные указы. Это был исполнительный орган для текущего управления делами, состоявший из представителей верхушки приказной бюрократии. Приказ тайных государевых дел, возникнув по личной инициативе Алексея Михайловича как учреждение, выполнявшее отдельные поручения царя по дипломатическим и поместным делам, с 1654 г. стал военно-административным и внешнеполитическим ведомством, которое было необходимо в чрезвычайных условиях для более слаженного и централизованного руководства. С 1665 г. в его деятельности стала преобладать карательная функция, что можно объяснить ростом антиправительственных и антикрепостнических настроений в стране. Соответствующие дела должны были составить основной предмет ведения дьяческой коллегии, образованной в 1675 году. Но последняя не просуществовала и года, т. к. в связи со смертью Алексея Михайловича приказ в 1676 г. был упразднен.

⁴⁹ Дворцовые разряды. Т. 3. СПб. 1852, ст. 1428—1429; РИБ. Т. XXI, ст. 974; Заозерский А. И. Ук. соч., с. 266.

⁵⁰ РИБ. Т. XXI, ст. 1579—1580.

⁵¹ Там же, ст. 1032.

⁵² Дворцовые разряды. Т. 3, ст. 1398—1399.

⁵³ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М. 1975, с. 208.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Научных советах АН СССР

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Под таким названием прошла 12—14 мая с. г. межгородская конференция, организованная Центральным советом философских (методологических) семинаров при Президиуме АН СССР, Научным советом АН СССР по комплексной проблеме «Экономические закономерности развития социализма и соревнования двух систем», Институтом философии АН СССР и Московским городским советом философских (методологических) семинаров Дома политического просвещения МК и МГК КПСС. В ней приняли участие историки, философы, экономисты и юристы научно-исследовательских учреждений и вузов ряда городов, специализирующиеся по теории социально-экономических формаций и перехода от одной формации к другой, а также специалисты других профилей.

Конференция открылась вступительным словом чл.-корр. АН СССР С. Р. Мик�ли н с к о г о, охарактеризовавшего значение рассматриваемой проблематики в свете обострения идеологической борьбы двух систем. Затем на пленарном заседании были заслушаны доклады: акад. А. М. Румянцев. Современная эпоха — эпоха перехода от капитализма к коммунизму; Ю. К. Плетников. Общественное развитие как естественноисторический процесс; В. В. Куликов. Общее и особенное в смене способов производства; В. П. Шевченко. Теория общественно-экономических формаций и анализ неравномерности общественного развития; В. Ж. Келле. История общества как процесс индивидуального развития человека; Н. А. Симония. Проблема переходного периода в формационном развитии Востока.

Далее работа конференции проходила в двух секциях: философской («Проблемы социального познания») и историко-экономической («Смена стадий общественного развития, проблема переходных периодов и переходных общественных отношений»). Для историков наибольший интерес представляли выступления во второй секции, где были обсуждены доклады, не только предусмотренные программой, но и предложенные дополнительно в ходе заседаний, а также развернулся творческий обмен мнениями по ряду вопросов.

Одним из таких вопросов является «обязательность» формаций. Э. Н. Лоо не (Тарту) обобщил случаи пропуска известных марксизму формаций народами земного шара, показав два основных варианта: в результате саморазвития и в результате перенятия иной формации у другого народа. Второй вариант, в свою очередь, допускает возможности — добровольную, когда имеется руководящая таким переходом авангардная партия и обеспечена помощь со стороны более передового народа, и насильственную, осуществляемую в ходе завоевания страны и последующей перестройки бытующих в ней укладов. Имеется необходимость более глубокого теоретического исследования одновременно трех категорий, относящихся к такому пропуску: формаций исходной, пропускаемой и достигаемой. Даже если пропускается только одна формация, то и в этом случае вместо обычной революции имеет место как бы «двойная» революция, которая переносит общество сразу на две эпохи вперед. Между тем особенности именно таких «двойных», «тройных» и т. п. революций слабо исследованы¹.

¹ Здесь докладчик развивает точку зрения, которую он начал формулировать значительно раньше (Лоо не Э. Н. Методологические заметки о теории общественно-экономических формаций. — Ученые записки Тартуского университета. Труды по философии, 1969, т. XII, вып. 225).

Сущность перехода от одной формации к другой на докапиталистических стадиях развития в связи с наличествующими элементами старой и новой формаций охарактеризовала Л. В. Данилова, которая рассмотрела случаи, когда такие элементы нельзя отнести строго к какой-то одной формации². Подобная картина возникает при взаимодействии разнотипных обществ, и тогда складываются производные формы, встраивающиеся в новую общественную систему, но не обязательно внутренне присущие ей. Так, в освободившихся странах, втянутых в мировой рынок, их наследие прошлого настолько деформировано включением в новейшие отношения, что некоторые из этих стран целиком становятся на определенное время «производными типами». Возникают синкретические общества, основанные на вторичных и третичных производственных отношениях. Массовое появление производных типов наблюдается, например, с утверждением капитализма, который особенно сильно перестроил структуру остальных регионов на своей периферии.

Пути конкретных формационных переходов рассматривались в других выступлениях. Четыре из них касались первобытнообщинной проблематики. В. М. Бахтa осветил неолитическую революцию как отражение перехода от присваивающей экономики к производящей в процессе овладения охотниками и собирателями земледелием и животноводством и выделил пять факторов, существенно перестраивающих при этом первобытное общество: наличие интервала (земледелец и животновод потребляют добытое не сразу, а с растяжкой во времени, что обуславливает возможность непроизводительной деятельности), возникновение оседлости (заменяет родовые связи территориальными) и цикличности (приводит к функциональному распределению рабочей силы, которое перестраивает социальный механизм), рост производительности труда (появляется избыточная продукция, которая порождает натуральный обмен), расширение спектра деятельности (возникают новые, нехозяйственные сферы общественного труда — административные и духовные). На этой основе разворачивается имущественное и социальное расслоение, классовая структура вытесняет родовую.

Пolemизируя с В. М. Бахтой, В. А. Шнирельман считает, что в данную схему, в целом приемлемую, надо внести два корректива: при эволюции человечества по этому пути не было совпадения процессов во времени, ибо еще с палеолита действовал закон неравномерности развития разных обществ³; не всегда переход к производящему хозяйству сразу сопровождался прогрессом, ибо порою высокопродуктивное присваивающее хозяйство, например усложненное собирательство, оказывалось более эффективным.

Г. Н. Алимурзаев (Ростов н/Д) возражал против тезиса об имущественном и социальном расслоении именно на вышеупомянутой стадии. Эту стадию он делит на второй и третий этапы начального расслоения: сосредоточение в руках общественной верхушки материальных средств и осуществление ею прямого насилия над соплеменниками. Первый же этап он переносит далее в глубь веков, когда внутри рода шла дифференциация малых семей по природно-биологическим возможностям, а между родами — по принципу своих и чужих⁴.

В. Н. Пл Ю ш е ч к и н обобщил различные формы перехода от бесклассового общества к классовому. Он напомнил, что всякая социальная революция состоит из нескольких последовательных звеньев процесса: переворот в производительных силах, создание экономической базы нового способа производства, перестройка производственных отношений, переворот в общественном сознании, изменение политической надстройки,

² Данное явление может быть связано и с тем обстоятельством, что на всех докапиталистических ступенях социального развития преобладают в производительных силах чисто естественные факторы (Данилова Л. В. Природные и социальные факторы производительных сил на докапиталистических стадиях общественного развития. В кн.: Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. М. 1981, с. 119—120).

³ Это справедливо для всех континентов. Например, о такой неравномерности в странах Индокитая см. Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. М. 1976, гл. I.

⁴ Об экономическом обосновании данной мысли см. Алимурзаев Г. Н. Особенности первобытного производства и его связи с окружающей средой. В кн.: Общество и природа.

а затем показал, как реализовывался этот процесс в ходе самой длительной из таких революций — сословно-классовой, которая завершает собой существование доклассового общества.

Два выступления касались переходных явлений в древней истории стран Востока. Г. Ф. Ильин остановился на оценке современной наукой характера стран Древнего Востока в следующих аспектах: какие там существовали антагонистические классы, какой из них господствовал и в чем здесь отличие от античного мира; каковы основные отличия восточной древности от восточного средневековья, почему пережитки рабства сильнее сохранялись в наиболее отсталых средневековых странах, почему зародившиеся на Востоке «мировые религии» широко распространялись только в средние века и почему Восток отстал в ту эпоху от Европы. Он доказывал на индийских материалах, что единственно верные ответы на эти вопросы может дать только концепция рабовладельческой древности⁵, что на Древнем Востоке существовало много настоящих рабов⁶ и что его производительные силы были гораздо менее развиты, чем в средние века.

Т. В. Степугина пришла к идентичному выводу на китайских материалах: в древнем Китае (период Хань) основную часть непосредственных производителей составляли рабы-нубэй и в частном хозяйстве, и в государственном. Осуществлялось массовое порабощение «по закону» и за долги. Ни арендные⁷, ни феодально-крепостнические отношения там не преобладали, а первые феодально-зависимые крестьяне — буцун и ишикэ появились только в I тыс. н. э., так что и тут можно заметить отчетливую грань между древним, рабовладельческим и средневековым, феодальным обществами⁸.

Большой интерес вызвала полемика в связи с вопросом о наличии т. н. единой докапиталистической формации. Е. М. Медведев развивал идею, что имела место как раз последняя, но она была многоукладной и проходила в своей эволюции те стадии, которые в ином истолковании выглядят как самостоятельные формации, а реально суть субформации: рабовладельческая, феодальная или же свойственная «азиатскому способу производства». Правильнее считать эту единую формацию феодальной⁹. Ю. М. Кобищанов обосновывал теорию «большой феодальной формации»¹⁰. Ей присущи следующие признаки: сочетание мелконатурального и условно-крупного непромышленного производства, рентная форма разделения труда, простая кооперация мелких производителей и эксплуатация их путем внеэкономического при-

⁵ Сейчас в советской историографии этот взгляд имеет наибольшее число сторонников (см. Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М. 1975, заключение).

⁶ Многие исследователи, однако, считают, что дело заключается вообще не в численности рабов, а в том факте, являлся ли рабский труд определяющим в экономической основе общественного бытия (Конрад Н. И. Запад и Восток. М. 1966, с. 33).

⁷ Опираясь на примерно совпадающие источники, В. П. Илюшечкин доказывает полное преобладание в Китае той поры именно арендных отношений (Илюшечкин В. П. Аренда в системе частнособственнической эксплуатации древнего и средневекового Китая. В кн.: Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. М. 1964; см. также его же. Рентный способ эксплуатации в добуржуазных обществах древности, средневековья и нового времени. М. 1971).

⁸ Идея о наличии названной грани проведена у нас в большинстве общих трудов и учебных пособий (История стран зарубежной Азии в средние века. М. 1970, гл. 1—9; Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. История Индии. М. 1973, с. 77—91, 121—131; История Китая с древнейших времен до наших дней. М. 1974, гл. 5, и др.). Но в конкретных исследованиях нередко можно встретить отказ признать существование упомянутой грани (Берзин Э. О. История Таиланда. М. 1973, гл. I—II; Илюшечкин В. П. Проблема второй основной стадии развития общества в свете истории Китая. В кн.: Китай. Общество и государство. М. 1973; Иофан Н. А. Культура древней Японии. М. 1974, с. 36, и др.).

⁹ Более обстоятельное изложение его мнения см.: Медведев Е. М. Генезис феодальной формации в Индии. В кн.: Очерки экономической и социальной истории Индии. М. 1973.

¹⁰ Другая точка зрения сводится к тому, что поиск единой докапиталистической антагонистической формации неправилен в принципе (Коростовцев М. А. Рабовладельческая формация в свете исторического материализма. В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М. 1975, с. 88; Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М. 1980, с. 108).

нуждения, иммунитетные нормы, общинно-кастовые системы, параллельное развитие преобладающих феодальных отношений и дополнявших их рабовладельческих, многоукладность экономического базиса¹¹.

К. З. Ашрафян, возражая Ю. М. Кобищанову, говорила, что нельзя считать Древний Восток феодальным, равно как в приложении к нему не выдерживают критики также концепции государственно-общинной, политарной, рентной и кабальной формаций; что понятие о последовательной смене рабовладельческой и феодальной формаций остается наиболее научным¹², но применительно к Востоку нуждается в обогащении теорией длительного сосуществования элементов восходящих и нисходящих общественных отношений. Н. Г. Гавриленко (Горький) предложил решать такие проблемы обязательно на совокупных материалах разных регионов, поскольку всякое общество есть результат сочетания всемирно-исторического процесса и развития конкретной формации¹³. Е. Т. Бородин считает, что дискуссия не придет к окончательному выводу, пока не будут выяснены и сопоставлены формы простого воспроизводства общественной жизни (в отличие от расширенного) в разных регионах и в трех аспектах: воспроизводство материальных благ, рабочей силы, производственных отношений.

Рассматривались также переходные явления в конкретных феодальных регионах. А. Я. Шевеленко коснулся трех типов генезиса феодализма: «классического» в Галлии, «восточного» в Индонезии и сугубо специфического на Мадагаскаре, а затем сопоставил их. Галльский вариант знал четыре стадийных этапа: доримский, романский, «варварский» и собственно раннефеодальный, который членился территориально на четыре подтипа романо-германских (остготский в Провансе, вестготский в Аквитании, бургундский, франкский в Нейстрии) и один романо-бриттский (в Арморике). Индонезийский вариант характеризовался существенно иным соотношением напластований — веддоидо-негритосского, протомалайского, девтеромалайского и индийского, как во времени, так и в пространстве, а также по результатам миграций, их последствий и социального симбиоза. Мадагаскарский вариант, порожденный сочетанием разнотипных элементов из обществ Индонезии, Индостана, Арабистана и Африки, обладает особыми отличиями. Тем не менее сравнение этих типов по главным чертам развития свидетельствует о непреложности кардинальной линии становления феодализма.

С. Ф. Орешкова характеризовала Османскую империю докапиталистического периода как контактную зону с множеством укладов феодальной формации. В разное время верх брал то один, то другой, причем иногда архаичный господствовал над более передовым, а государство, маневрируя, следило за сохранностью феодальных порядков в целом. Там существовал ряд переходных этапов без стадии развитого феодализма, после чего последовал быстрый развал империи, которая представляла собой пример социально-политического образования «длительной переходности». Л. В. Маркова говорила о слабом использовании историками этнических материалов, иногда существенно меняющих общесторические выводы, и показала их значение применительно к Османской империи XVIII—XIX вв., где покоренные народы порою были носителями более передового уклада, чем феодальные правители: балканские славяне быстрее турок прогрессировали в капиталистическом направлении, особенно в сферах скотоводства, ремесла и отхожих промыслов.

Видное место на конференции заняла проблематика освободившихся стран. Е. П. Дятел (Свердловск) доказывал, что их материально-техническая база принадлежит еще к докапиталистической системе производительных сил, а форма ее общественного использования — уже к капиталистической (кое-где социалистической)

¹¹ Развернутые доказательства докладчика см.: Кобищанов Ю. М. Аксум. М. 1966; его же. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития. В кн.: Африка. Возникновение отсталости и пути развития. М. 1974; его же. Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире. М. 1980.

¹² Ее аргументы на индийском материале см.: Типология развитого феодализма в странах Востока. М., 1975, с. 14 сл.

¹³ Л. Б. Алаев пришел к выводу, что сравнивать надо совокупные материалы не столько на переходных этапах, сколько в уже сложившихся обществах (Алаев Л. Б. К типологии феодализма на Востоке. — Народы Азии и Африки, 1977, № 4, с. 68).

системе производственных отношений, причем торжеству капитализма мешает наличие государственной собственности, а торжеству социализма препятствует привязанность этих стран к мировому капиталистическому рынку. Поэтому их следует выделить в особую категорию стран переходного способа производства. И. В. Алешин полагает, что при определении формации, к которой относятся развивающиеся страны, полезно применять двухэтапный подход. До XIX—XX вв. история передовых стран знала четкое деление на формации, в то время как у отсталых рабовладельческий и феодальный способы производства существовали в нерасчлененном виде, тип же социального организма формировали не они, а внеэкономические факторы (государство, религия, традиции). Империалистическая колониальная экспансия нарушила эту картину. Начались перескоки через естественные стадии развития, возникла разноукладная мозаика. Ныне страны капиталистической ориентации могут приобретать как национальную ориентацию (Бразилия), так и подчиненную (Сингапур, Гонконг). Социалистическая ориентация также имеет варианты в зависимости от того, насколько прочно связаны такие страны с мировой социалистической системой. Таким образом, среди освободившихся стран нарастает формационная дифференциация, и она будет усиливаться по мере дальнейшего их приближения к капитализму или социализму.

М. А. Чешков предлагает, устанавливая формационную принадлежность доколониального, колониального и постколониального обществ развивающихся стран, использовать понятие вторичной формации, охватывающей все классово-антагонистические организмы, и говорить о двух типах таковой: в передовых странах (пятичленная формула развития) и в отсталых. Последний он называет «неартикулированным», устанавливает его признаки (разнородность социальных элементов, господство связей с метрополией и особый вид взаимодействия с ней, определяющая роль внеэкономических отношений) и показывает, как, пользуясь набором этих признаков, следует в различных случаях находить формационную принадлежность в соответствии с тем, какое начало в данной стране сейчас преобладает: коллективистское или собственническое. Таким образом, можно применять и пятичленное деление (первобытнообщинный строй, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, коммунистический) и трехчленное (первичная формация, вторичная и коммунистическая) в зависимости от того, какая сторона дела имеется в виду.

Касаясь направления современного развития освободившихся стран, В. Л. Шейнис высказал точку зрения, что к ответу приводит анализ трех факторов: рынка, государственных действий, общественных движений. Фактор рынка играет свою роль в зависимости от того, дотягивает ли он страну до уровня мировых товарно-денежных отношений и формирования современных классов; фактор государства имеет значение главного гаранта, хотя корректируется тем, какие социальные, этнические, профессиональные и религиозные группы пришли к власти; общественные движения могут вести страну по спирали развития и вверх, и вбок, и назад, и вообще в тупик. Особенно болезненны для таких стран случаи, когда этнический принцип противопоставляется классовому, религиозный — прогрессивной культуре.

Пути становления классов в освободившихся странах детализировал Р. М. Нуреев, считающий, что ключ к пониманию современных черт этих стран лежит в анализе их древней и средневековой истории, адекватной развитию «азиатского способа производства»: рабы, зависимые крестьяне и наемные работники всегда были на Востоке дополнительной трудовой силой, а основным классом непосредственных производителей являлись государственные земледельцы и ремесленники. Поэтому и нынешняя политика в этих странах относительно трудящихся должна определяться с учетом восточной специфики их прошлого. А. Л. Громыко говорил о перспективах социалистических революций в данных странах. Е. Г. Шарпова, оценивая соотношение внутренних и внешних условий осуществления социалистической ориентации в этих странах, отведает решающую роль победе народно-демократической революции, в которую может перерасти национально-освободительная революция и которая подготавливает победу диктатуры пролетариата.

В двух выступлениях шла речь о путях перехода стран Центральной и Юго-Восточной Европы к социализму. Г. П. Мурашко придерживается мнения, что

начало этого перехода падает на время перерастания народно-демократической революции в социалистическую. А. Ф. Носкова полагает, что там демократические и социалистические преобразования переплетались настолько тесно, что их нельзя расчленить во времени; что нужно говорить о начале в этих странах переходного периода от капитализма к социализму сразу же после провозглашения данных преобразований; что, таким образом, это и есть исходная грань социализма; но если в СССР переходный период закончился построением основ социализма, то в упомянутых странах и после переходного периода сохраняются переходные явления (смешанные формы предприятий, мелкотоварное производство и пр.).

Наконец, имели место выступления об особенностях переходов от одного этапа социалистического строительства в СССР к другому. В. П. Данилов называет главным критерием переходного периода соотношение старых и новых производственных отношений, которые могут и сосуществовать, и бороться, и последовательно сменять друг друга. Их сложное сочетание наблюдалось во время нэпа в первичной (торгово-кредитной и простейшей производственной) кооперации крестьян и ремесленников; их смена осуществлялась в ряду кооперативных объединений — потребительских, снабженческо-сбытовых, простейших производственных (машинных, семеноводческих, мелиоративных) и, наконец, коллективных. Что касается госкапитализма (концессии), то его нельзя рассматривать как переходную форму, ибо он не содержал в себе элементов социализма и не перерастал во что-то более прогрессивное, а просто изживался.

В. И. Варенцов остановился на зрелом социализме как длительном этапе на пути к коммунизму в связи с ролью государства в СССР как главного орудия построения социализма и коммунизма. Поскольку действия Советского государства носят в процессе этого построения опережающий характер, оратор говорил о тех сторонах хозяйственного механизма при развитом социализме, которые, по его мнению, еще не соответствуют партийно-правительственным решениям данного этапа и нуждаются в усовершенствовании.

При подведении итогов конференции отмечалась новизна ряда высказанных в ходе обсуждения мыслей. Наиболее значимые из выступлений намечено опубликовать в специальном сборнике статей.

А. Я. Шевеленко

Обзоры

ВАЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ИСТОРИОГРАФИИ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Серьезное изучение истории непролетарских партий России началось сравнительно недавно, но сейчас с полным основанием можно говорить о существенных достижениях в решении этой важной и многоплановой проблемы¹. Советские историки убедительно доказали, что Россия как экономически, так и политически была подготовлена для перехода от буржуазно-демократической к социалистической революции. На ее политической арене действовали все основные партии, имевшиеся в капиталистических странах Запада. По подсчетам Л. М. Спирина, в России в разное время возникло более 70 мелкобуржуазных, буржуазных и помещичье-монархических партий². Все они потерпели идейно-политический и организационный крах, обнаружив

---

¹ См. об этом: Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1981, с. 118—146.

² Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М. 1977, табл. 1—3.

полную неспособность в борьбе за массы противостоять главной политической силе — партии большевиков.

Значительную роль в постановке и разработке многих вопросов истории непролетарских партий России, в координации исследований в этой области сыграли симпозиумы, организованные в 1975, 1979 и 1981 гг. в Калининском Научным советом АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», Институтом истории СССР АН СССР, Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР и Калининским университетом, ректором которого все эти годы был В. В. Комин. Сборники научных трудов первых двух симпозиумов стали заметным явлением в советской историографии Великого Октября.

Закономерно, что первый симпозиум по истории непролетарских партий России и изданный на его основе в двух частях сборник научных трудов³ были посвящены истории банкротства мелкобуржуазных партий в 1917—1922 годах. Всестороннее исследование истории возникновения, развития и крушения мелкобуржуазных партий в России даст возможность глубже понять закономерность победы партии большевиков, возглавившей борьбу российского пролетариата за привлечение на его сторону многомиллионных средних слоев города и деревни. Вопрос о мелкобуржуазных партиях — это вопрос не только о противниках пролетариата, но и о его союзниках в борьбе против капитализма, за социализм.

При разработке этой большой и сложной проблемы особое значение имеет методология исследования. В сборнике со статьями методологического и теоретического характера выступают видные специалисты. Л. М. Спирин рассматривает определение партии как общественно-политического явления, социально-экономические основы образования политических партий, принципы марксистско-ленинской методологии исследования, соблюдение которых, как справедливо подчеркивает автор, позволяет дать научную классификацию большого числа политических партий в России и правильную оценку их деятельности. К. В. Гусев останавливается на малоизученном вопросе о теоретических основах соглашательского блока. Анализируя воззрения меньшевиков и эсеров на революцию в России и перспективы ее развития, он показывает, что их блок стал складываться на почве оборончества еще до Февральской революции, что теоретические основы его лежат в мелкобуржуазном характере обеих партий, их программ и теорий, в таких общих для правого социал-реформизма и левого мелкобуржуазного революционаризма чертах, как неспособность правильно определить место и роль каждого класса в историческом процессе и закономерности развития революции, тяготение к буржуазии и т. д. Актуальной представляется постановка в сборнике вопроса о содержании понятия «банкротство мелкобуржуазных партий в России», поскольку в литературе и сегодня можно встретить на этот счет весьма противоречивые суждения. Посвященная этой проблеме статья А. Н. Лукьянова интересна по своему замыслу и носит в целом конструктивный характер. Однако предложенные им критерии понятия «банкротство мелкобуржуазных партий в России» нуждаются в дальнейшей разработке и обсуждении.

Содержание сборника рельефно показывает, что в последние годы в нашей историографии значительно расширился как спектр изучаемых мелкобуржуазных партий, так и круг рассматриваемых вопросов. Наряду с уже сложившимся устойчивым интересом к истории левых эсеров исследователи уделяют сегодня внимание деятельности практически всех основных мелкобуржуазных партий в России: правых и левых эсеров, меньшевиков, народных социалистов, анархистов, наиболее крупных националистических мелкобуржуазных партий, течений и групп. Опираясь на марксистско-ленинскую методологию и прочный фундамент исторических фактов, критически

³ Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917—1922 гг. Чч. 1—2. М. 1977. Авторский коллектив: Л. М. Спирин, К. В. Гусев, Х. М. Астрахан, М. В. Спиридонов, М. Л. Иткин, Г. П. Макарова, А. С. Ветрова, Н. Ф. Славин, Ю. М. Гамрецкий, Г. И. Злоказов, В. Х. Тумаринсон, З. Л. Серебрякова, А. И. Разгон, В. В. Гармиза, Т. Д. Ионкина, В. М. Черемных, В. И. Старцев, Р. Г. Цыпкина, А. В. Купцов, С. Н. Канев, Е. А. Луцкий, Э. М. Шагин, И. А. Чемерисский, А. Л. Литвин, В. В. Кабанов, В. Н. Сергеев, Ю. И. Шестак, Ю. В. Мухачев, М. М. Червякова, А. Н. Лукьянов, В. И. Миллер. Редакция: акад. И. И. Минац (отв. ред.), К. В. Гусев, В. В. Комин, В. И. Миллер, М. М. Червякова.

используя документы руководящих органов мелкобуржуазных партий, их съездов и конференций, печать, авторы работ, вошедших в сборник, стремятся проследить внутреннее развитие этих партий, выяснить их социальный состав и численность на разных этапах деятельности, показать во всей полноте процесс их разложения и распада.

В этой связи отметим статьи Н. Ф. Славина — об обострении кризиса в партии эсеров после разгрома корниловского мятежа, В. И. Миллера — о военных организациях меньшевиков в 1917 г., Ю. М. Гамрецкого — о численном составе мелкобуржуазных партий на Украине в 1917 г., А. С. Ветровой и М. М. Червяковой — о Бунде, В. В. Гармизы — о некоторых общих закономерностях возникновения, деятельности и ликвидации эсерово-меньшевистских правительств и др. Работа Х. М. Астрахана посвящена малоизвестной стороне истории блока соглашательских партий в марте — октябре 1917 г.: положению в этом блоке, взаимоотношениям партий, входивших в него. Рассматривая отношения между основными партнерами по блоку, меньшевиками и эсерами, автор обращает внимание на парадоксальное несоответствие: эсеры, явно превосходившие меньшевиков и по своей численности и по своему влиянию на массы, занимали в нем на протяжении почти всего 1917 г. подчиненное положение. С доминирующей ролью меньшевиков в мелкобуржуазном блоке связана и другая его особенность, отмеченная в свое время В. И. Лениным, — неоформленность блока. Высказанные Х. М. Астраханом по этому поводу соображения (о ведущей роли меньшевиков в «оснащении» соглашательского блока теорией, об обеспечении эсерами массовой опоры блоку и др.) будут стимулировать дальнейшее изучение этого вопроса.

К числу достоинств сборника относится содержащийся в ряде статей обстоятельный анализ взаимоотношений большевиков с мелкобуржуазными партиями, процессов эволюции некоторых из них влево. Для понимания политической линии большевиков по отношению к мелкобуржуазным партиям методологическое значение имеет работа В. И. Ленина «О компромиссах», которой посвящена статья В. И. Старцева. В последние годы исследователи неоднократно обращались к этой ленинской статье и высказали разные мнения как по поводу времени ее написания, так и о длительности периода, в течение которого было возможно соглашение большевиков с меньшевиками и эсерами. Высказанная В. И. Старцевым точка зрения, что возможность компромисса сохранялась вплоть до прямого отказа меньшевиков и эсеров через свою партийную печать накануне Демократического совещания от сотрудничества с большевиками, дает новый импульс дальнейшему обсуждению этой важной проблемы.

Привлекают внимание статьи Ю. И. Шестака о взаимоотношениях большевиков с левыми мелкобуржуазными партиями и группами в годы гражданской войны, А. И. Разгона — о складывании блока большевиков и левых эсеров в октябре 1917 — январе 1918 г., Э. М. Шагина — о блоке большевиков с левыми эсерами на Дальнем Востоке в 1917—1918 гг., С. Н. Канева — о влиянии политики большевиков на расхождение анархистов, А. В. Купцова — о межрайонной организации объединенных социал-демократов, И. А. Чемерисского — об эсеровской группе «Народ» и др. Содержащийся в этих работах материал убедительно свидетельствует о том, что в своей политике большевики никогда не исключали возможности соглашения с мелкобуржуазными партиями. Они не только учитывали происходившие в мелкобуржуазном лагере процессы, но и активно воздействовали на них в интересах революции. Разоблачение, изоляцию и разгром мелкобуржуазной контрреволюции большевистская партия сочетала с кропотливой работой по привлечению на сторону пролетариата тех мелкобуржуазных партий и групп, которые выражали искреннее желание сотрудничать с Советской властью.

Состоявшийся в 1979 г. второй симпозиум — «Крах непролетарских партий России в 1917—1922 гг.» — и вышедшие в 1980 г. три выпуска его научных трудов⁴ характеризуются рядом отличительных черт, которые позволяют сделать вывод

⁴ Непролетарские партии России в 1917 году и в годы гражданской войны. М. 1980. Авторский коллектив: К. В. Гусев, Л. М. Спирин, И. Ф. Курас, Х. М. Астрахан, Г. И. Ильяшук, О. В. Волобуев, Л. И. Легошин, Г. Д. Алексеева, В. Н. Гинев, Е. В. Иллерицкая, Д. А. Колесниченко, М. В. Спирина, Г. И. Щетинина, Н. Ф. Славин, Ю. В. Аксютин, А. Г. Слонимский, В. А. Кувшинов, А. В. Купцов, А. Л. Литвин, Э. М. Шагин, Н. Г. Думова, А. А. Корников, В. В. Гармиза, Г. З. Иоффе, Т. А. Игнатенко. Ред.

о том, что в последние годы советскими историками сделан новый шаг вперед в решении этой весьма актуальной в научном и политическом отношении проблемы. Прежде всего это постановка многих вопросов методологического и теоретического характера на основе ленинского идейного наследия. Глубокий анализ важнейших из них содержится в статье К. В. Гусева о состоянии разработки и задачах дальнейшего изучения истории непролетарских партий в России. Здесь, в частности, обосновывается правомерность и целесообразность комплексного исследования партий, наиболее активно проявивших себя на общественно-политической арене России, их взаимоотношений и борьбы большевиков со своим антиподом, прямым и главным врагом — кадетами, и с ближайшими, по выражению Ленина, противниками большевизма — меньшевиками и эсерами⁵.

В работе Л. М. Спирина обращается внимание на необходимость фундаментального изучения опыта большевиков по завоеванию на сторону революции трудящихся масс, имеющего практическое значение, ибо, как справедливо подчеркивает автор, стратегия и тактика большевиков по отношению к непролетарским партиям отразила общие закономерности межпартийной борьбы, присущие всем странам. «Суть этих закономерностей, — пишет Л. М. Спирин, — состоит в том, что коммунисты должны вести бескомпромиссную борьбу с главным врагом пролетариата на соответствующем этапе революции, использовать колебания мелкой буржуазии для победы социалистической революции, проводить гибкую тактику по отношению к мелкобуржуазным партиям, привлекать их к строительству социализма вплоть до включения представителей этих партий в правительство при признании ими руководящей роли коммунистов»⁶.

Всестороннее раскрытие этих закономерностей является важной задачей советских историков, и помещенные в сборниках исследования (А. И. Лукьянова — о борьбе большевиков за преодоление колебаний мелкой буржуазии, Ю. И. Шестака — о тактике большевиков по отношению к партии социал-демократов-интернационалистов в 1917—1919 гг., А. В. Купцова — об идейно-политическом и организационном банкротстве центризма в 1917—1919 гг., И. Ф. Кураса — об опыте борьбы большевиков Украины против украинских мелкобуржуазных партий накануне Октябрьской революции, В. А. Полушкиной — об отношении большевиков к левым мелкобуржуазным партиям и группам на Украине в 1919—1920 гг. и др.) показывают, что в разработке этой проблемы имеются уже определенные успехи.

Теоретический характер носит и такая важная проблема, как революционные массы и политические партии России в период подготовки Великого Октября. Изучение партийности трудящихся масс, их тяготения к определенным политическим партиям затрудняется недостатком обобщенных источников, слабой разработанностью понятийного аппарата. И здесь обращение к идейному наследию Ленина не только дает принципиальное решение этой сложной проблемы, но и помогает выявить ее новые аспекты. В этом еще раз убеждает статья Х. М. Астрахана, в которой на ос-

коллегия: Л. М. Спирин (отв. ред.), К. В. Гусев, В. В. Комин, В. И. Миллер, М. М. Червякова, Э. М. Шагин. Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. М. 1980. Авторский коллектив: С. В. Кулешов, В. П. Булдаков, Ю. М. Гамрецкий, В. А. Полушкина, Р. И. Ветров, Б. И. Королев, Н. С. Сташкевич, И. А. Селиванов, А. П. Грицкевич, И. Э. Ронис, Л. А. Хуршудян, К. С. Худавердян, В. К. Григорьев, И. Р. Тагиров, М. И. Абдуллин, М. М. Червякова, А. С. Ветрова, И. А. Чемерисский, А. Я. Лейкин, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова, В. С. Парсаданова, Г. П. Макарова, Н. А. Шиндялов, А. П. Шурыгин, А. В. Безрукова, И. И. Ионенко, Р. С. Цейтлин, Э. И. Черняк, Д. С. Точеный, А. И. Сергеев, Н. Г. Соколов. Редколлегия: К. В. Гусев (отв. ред.), Л. М. Спирин, В. В. Комин, В. И. Миллер, М. М. Червякова, Э. М. Шагин. Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне. М. 1980. Авторский коллектив: А. В. Квакин, И. А. Исаев, В. П. Суворов, А. И. Лукьянов, В. Ф. Неганов, Ю. И. Шестаков, Л. К. Шкаренков, Ц. П. Агаян, Г. С. Азимов, Г. И. Закарнадзе, М. И. Махарадзе, В. И. Миллер, А. Н. Муджирри, Б. З. Плиев, Р. Л. Хуршудян, Л. А. Хуршудян, К. С. Худавердян. Редколлегия: В. В. Комин (отв. ред.), К. В. Гусев, Л. М. Спирин, Н. И. Стурга, В. И. Миллер, М. М. Червякова, Э. М. Шагин. Все три сборника вышли под общей редакцией акад. И. И. Минца.

⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 34, с. 42—43, 44—45; т. 36, с. 496.

⁶ Непролетарские партии России в 1917 году и в годы гражданской войны, с. 30.

нове ленинских высказываний рассматриваются фактически не разработанные в нашей историографии понятия «беспартийная революционность в буржуазно-демократической революции» и «партийность рабочего класса». В самом деле, что мы знаем о конкретных формах «беспартийной революционности», которую Ленин считал «необходимым и неизбежным явлением в эпоху буржуазно-демократической революции»⁷? Не слишком ли прямолинейно и однозначно мы толкуем иногда понятие «партийность рабочего класса» и не суживаем ли тем самым предмет изучения? Конкретно-историческое исследование этих сложных социальных явлений позволит еще полнее раскрыть процесс сплочения в ходе революции рабочего класса, непролетарских трудящихся масс вокруг большевиков.

Другая отличительная черта трех выпусков трудов симпозиума состоит в том, что они отражают значительное расширение проблематики исследований по истории непролетарских партий. Представленные в них работы А. Г. Слонимского о катастрофе русского либерализма, В. А. Кувшинова о партии кадетов весной 1917 г., Н. Г. Думовой о белокадетском правительстве в Крыму, Г. З. Иоффе о помещичье-буржуазной организации «Совет государственного объединения России» и др. свидетельствуют о том, что здесь наметился заметный сдвиг, хотя удельный вес исследований по истории буржуазных и помещичьих партий и организаций все еще не соответствует той роли, какую они играли на общественно-политической арене России. В меньшей степени это относится к главной партии российской буржуазии — кадетам, в большей — к либеральной республиканской (бывшие октябристы) и радикальной демократической (бывшие прогрессисты) партиям, представители которых, как известно, входили в состав Временного правительства.

По-прежнему ведущее положение в сборнике занимают работы о мелкобуржуазных партиях. Интересны по постановке проблемы статьи В. Н. Гинева об истоках идейного соглашения партии эсеров, Г. Д. Алексеевой о крахе эсеровской концепции революции, Д. А. Колесниченко о программе и тактике трудовой народно-социалистической партии, О. В. Волобуева и Т. А. Игнатенко о крахе меньшевистских концепций буржуазной и социалистической революции в России, Е. В. Плерицкой о Лиге аграрных реформ и др. Достижения в изучении истории мелкобуржуазных и буржуазных партий позволяют более полно осветить взаимоотношения между кадетами и блоком меньшевиков и эсеров, рассмотреть теоретические, идеологические и организационные основы этих блоков.

Расширение проблематики исследований по истории непролетарских партий нашло свое выражение и в том, что значительная часть статей посвящена национальным непролетарским партиям, национальной политике буржуазных и мелкобуржуазных партий России и ее национальных районов в 1917 году. Это отрадно, поскольку основательное изучение истории национальных непролетарских партий, по существу, только начинается. Анализ их политики и тактики позволит полнее раскрыть классовую сущность буржуазного национализма, аргументированнее показать антинародный и антинациональный характер его идеологии и практики. Важное значение имеет исследование процесса складывания единой национальной политики буржуазных и соглашательских партий: работы В. П. Булдакова о национальных программах правящих партий России и Г. П. Макаровой о великодержавной политике буржуазных партий в 1917 году.

Статьи сборников отражают различную степень изученности истории непролетарских партий в национальных районах России. Лучше обстоит дело на Украине (работы И. Ф. Кураса, Ю. М. Гамрецкого и др.), в Белоруссии (работы Н. С. Сташкевича, П. А. Селиванова и др.). Усилился интерес к истории буржуазных и мелкобуржуазных партий и организаций Закавказья, о чем можно судить по статьям Ц. П. Агаяна, Г. С. Азимова, Г. И. Закариадзе, М. Н. Махарадзе, В. И. Миллера, А. Н. Муджири, Б. З. Плиева, Р. Л. Хуршудяна, Л. А. Хуршудяна, К. С. Худавердяна. Но обстоятельное изучение истории таких партий, как «Гичак», «Дашнакцутюн», «Мусават» (в особенности) и др., еще впереди.

В обзоре, разумеется, невозможно осветить все вопросы, поднятые в научных трудах симпозиума, равно как нельзя требовать, чтобы эти вопросы были раскры-

⁷ Ленин В. И. ПСС. Т. 13, с. 274.

ты в них с исчерпывающей полнотой. И тем не менее затронутый в них вопрос о критике современной буржуазной литературы по истории непролетарских партий заслуживал большего внимания. Буржуазные историки не оставляют своих попыток дать хотя бы гипотетически утвердительный ответ на вопрос о том, был ли в состоянии эсеро-меньшевистский блок в союзе с буржуазией разрешить коренные проблемы России в 1917 г. и тем самым предотвратить победу Октябрьской революции. Хотя история давно ответила на этот вопрос отрицательно, они вновь пытаются найти «неиспользованные» возможности обанкротившихся буржуазных и мелкобуржуазных партий. Советские историки, показывая несостоятельность подобных попыток, одновременно должны вести аргументированную критику буржуазной историографии, откровенно выступающей в роли апологета непролетарских партий. И симпозиум специалистов, занимающихся самыми различными аспектами этой проблемы, весьма подходящая трибуна для отпора нашим идеологическим противникам.

Рассмотренные труды симпозиумов по истории непролетарских партий России позволяют утверждать, что в советской историографии Великого Октября сложилось новое важное и перспективное направление. Вся проделанная до сих пор в этой области работа, по мнению председателя Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» акад. И. И. Минца, создала прочные предпосылки для перехода к систематическому и комплексному исследованию непролетарских партий России, в ходе которого можно будет всесторонне раскрыть процесс отвоевания большевиками трудящихся масс у своих политических противников.

Хочется надеяться, что и новые труды ставших уже традиционными симпозиумов в г. Калинин будут столь же весомыми.

Г. Л. Соболев

Рецензии

Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои. М. Мысль. 1981. 303 с.

Одной из характерных черт современного этапа изучения отечественной истории начала XX в. является стремление исследователей, опираясь на результаты углубленного анализа отдельных проблем и событий, перейти к обобщению в более широких масштабах развития борьбы классов и политических партий, выделить общие явления, показывающие единство и закономерности, обеспечивающие преемственность и непрерывность революционного процесса. О его высокой интенсивности свидетельствует прежде всего тот факт, что в России на протяжении полутора десятилетий произошли три революции. Одна из задач, которые сейчас решает советская историческая наука, и состоит в том, чтобы показать то общее, что их объединяет, и особенности каждой из них, в частности решение на практике проблемы создания

политической армии революции, проблемы союзников пролетариата в борьбе за социальное переустройство общества, принципы стратегии и тактики большевиков и их развитие применительно к конкретным условиям каждой революции.

В последние годы появились работы, в которых та или иная проблема рассматривается через призму трех революций¹. К их числу относится и книга, подготовленная научными сотрудниками Института истории СССР АН СССР². Она привлекает внимание уже самой постановкой вопроса:

---

¹ См., напр., Гегемония пролетариата в трех русских революциях. М. 1975; Голуб П. А. Большевики и армия в трех русских революциях. М. 1977, и др.

² Авторский коллектив: В. П. Булдаков, А. Е. Иванов, Н. А. Иванова, В. В. Шелухин.

пролетариат и средние городские слои. Проблема расстановки классовых сил на тех или иных этапах буржуазно-демократических и социалистической революций не является новой для советских историков, однако позиции не всех классов и социальных слоев и не на всех этапах изучены одинаково полно. И вопрос о средних слоях принадлежит как раз к числу наименее исследованных.

Долгое время политические позиции средних городских слоев, отношение к ним рабочего класса, политическая линия большевиков по отношению к ним не привлекали серьезного внимания историков. Сказанное не означает, что данный вопрос вообще обойден в литературе. Он затрагивается во многих работах по истории буржуазно-демократических и социалистической революций в России, но в весьма общих чертах и большей частью применительно к их отдельным составным частям. Очень немногочисленные специальные работы о средних слоях вообще и средних городских слоях в особенности посвящены либо отдельным категориям непролетарских слоев трудящихся, главным образом интеллигенции, либо отдельным этапам или аспектам проблемы³. В целом же как определенная и достаточно важная социальная категория городские средние слои почти не рассматривались. Тем не менее авторам следовало бы дать более полный и содержательный анализ историографии проблемы.

Городские средние слои, как это и показано в книге, занимали видное место в социальной структуре общества. И дело не только в их численности, но и в том, что часть этих слоев в силу выполняемых ими функций в общественном разделении труда оказывала существенное влияние на массы. Авторы предприняли попытку «выявить социально-экономические и политические предпосылки участия в борьбе под руководством пролетариата городских средних слоев как на буржуазно-демократическом, так и на социалистическом этапах революции, формы и методы воздействия на эти слои рабочего класса и его партии, общие черты и особенности движения городской демократии на различных этапах» (с. 17). Постав-

ленная задача широка и многосторонняя, но именно такой подход и позволил дать обобщенный анализ места и роли средних городских слоев в революционном процессе и на фактическом материале показать как общие закономерности, так и особенности каждого исторического этапа.

Занимая промежуточное положение между буржуазией и пролетариатом и в экономическом, и в политическом отношении, средние городские слои были и неоднородны, и неустойчивы. Это обстоятельство неоднократно подчеркивается авторами. Но, вероятно, оно и привело к тому, что в книге нет достаточно четкого определения средних городских слоев, их социальных границ. Авторы со ссылкой на основоположников научного коммунизма указывают, что на начальной стадии капитализма средние слои включали мелких промышленников, мелких торговцев, ремесленников и крестьян, а затем появляется новая часть средних слоев — интеллигенция, служащие, студенчество (см. с. 6). Далее в книге сказано, что, помимо студенчества, интеллигенции и служащих, «к городским средним слоям относится также мелкая буржуазия — мелкие промышленники, ремесленники, мелкие торговцы, рантье» (с. 40).

Таким образом, проводится некая грань между мелкой буржуазией и средними слоями. Но где проходит эта грань? Что включается в понятие «средние слои» и по какому признаку? В каком отношении оно находится с понятием «мелкая буржуазия»: идентичны они или одно из них уже, а другое шире? Авторам следовало бы более определенно выразить свою точку зрения по этому вопросу, так же как и свое отношение к методике определения численности средних городских слоев, ибо в разных источниках их доля в составе населения выглядит по-разному. Дело тут, видимо, именно в методике подсчета и признаках, по которым та или иная социальная группа относится к средним слоям. Сказанное важно еще и потому, что буржуазные социологи пытаются изобразить средние слои как некий средний класс, хотя признаками класса, в частности однородной экономической основой, они не обладают.

Три революции в России подтвердили важнейшее положение теории и практики марксизма-ленинизма о гегемонии пролетариата по отношению к непролетарским слоям трудящихся в борьбе за демократию и социализм. То, что рабочий класс под ру-

³ См., напр., Востриков Н. И. Борьба за массы (Городские средние слои накануне Октября). М. 1970; Гречкина Э. Р. Средние слои на пути к социализму. Таллин. 1976; Федюкин С. А. Октябрь и интеллигенция. М. 1977, и др.

ководством большевистской партии сумел решить задачу сплочения непролетарских слоев трудящихся и повести их за собой, стало одним из решающих факторов победы революции и построения социализма. В книге прослеживается путь к решению этой задачи, путь достаточно сложный, поскольку российский пролетариат вел борьбу за социализм в стране с громадным преобладанием мелкобуржуазного населения.

Монография построена по хронологическому принципу. Авторы весьма квалифицированно, четко и обоснованно выделяют в каждом периоде (1905—1907 гг., июнь 1907 г.—февраль 1917 г., март 1917 г.—март 1918 г.) основные события, наиболее характерные черты. Так, при рассмотрении первого периода наибольшее место отводится революционной борьбе «новых», по выражению В. И. Ленина, средних слоев — студенчества, интеллигенции, служащих, их отношению к различным формам и методам борьбы — экономической и политической стачке, активному бойкоту, вооруженному восстанию. Авторы подчеркивают неустойчивость революционности средних слоев, находившейся в прямой зависимости от подъема или спада революционной борьбы рабочего класса. Хорошо показан в книге опыт политической работы большевиков, их левоблокистской тактики.

Несколько слабее, чем предшествующий и последующий, проанализирован материал по второму периоду. Здесь раскрыт тезис Ленина, что и в условиях реакции *«социал-демократия обязана всеми силами стремиться к гегемонии над демократической массой и к развитию в этой массе революционной энергии»*⁴. Освещая вопросы, связанные с отношением классов и партий к участию России в первой мировой войне, авторы справедливо подчеркивают, что в тот период была заложена основа (может быть, правильнее сказать, выявились тенденции) создания в будущем двух блоков — меньшевистско-эсеровского и большевиков с левыми эсерами (с. 151). Большое место отведено в книге вопросам отношения средних городских слоев к Советам, создания демократических организаций средних слоев, с одной стороны, и их участия в формировании, после свержения самодержавия, буржуазных органов власти — с другой.

Рассматривая политические позиции средних слоев в период подготовки и проведе-

ния Великой Октябрьской социалистической революции, авторы характеризуют возросшую политическую активность средних слоев: «Даже обыватель, еще вчера пугавшийся «крамольного» слова «революция», внезапно приобрел вкус к политике и жадно вслушивался в митинговые речи ораторов самых различных партий и направлений»⁵. Активность средних слоев выражалась в их участии в выборах Советов, в создании профессиональных союзов и имела свои положительные и отрицательные стороны. Для достижения решающего перевеса основные противоборствующие классы усиливали борьбу за средние слои, которые большевики оценивали как активный элемент революционного процесса. В книге прослежен процесс роста политического влияния большевиков и падения престижа мелкобуржуазных партий, в частности на материалах выборов в органы местного самоуправления. Их итоги авторы используют для доказательства того, что конечная позиция средних городских слоев зависела от хода противоборства основных классовых сил (с. 218).

В то же время далеко не всегда позиция средних слоев отличалась высоким уровнем сознательности. Авторы приводят данные о т. н. «контрзабастовках», которые предшествовали послеоктябрьскому саботажу, и констатируют расхождение между «верхами» и «низами» средних городских слоев. Цитируемые в книге слова А. В. Луначарского: «В средних... и высших слоях общества, кроме озлобления и пассивного ожидания, кроме смятения и уныния, не было заметно ничего» — нуждаются в более основательных комментариях. Ведь вслед за тем авторы пишут: «Это ничуть не исключило сознательного тяготения части средних слоев в сторону большевиков, вплоть до актов прямой поддержки» (с. 248). Конечно, поведение средних слоев было двойственным, но надо дать более четкую и непротиворечивую характеристику этой двойственности. В подготовительных материалах к книге «Государство и революция» Ленин обратил внимание на слова К. Маркса, что в ходе восстания «надо удерживать моральный перевес... надо привлекать к себе те колеблющиеся элементы, которые всегда идут за более сильным и всегда становятся на более надежную сто-

⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 16, с. 144.

⁵ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3, кн. 1. М. 1967, с. 3.

рону»⁶. Это положение было полностью подтверждено ходом революции.

Переход средних слоев на сторону пролетариата был вызван их убеждением в бесперспективности союза с буржуазией. Однако эти же слои пытались использовать в своих целях и контрреволюция. Говоря о противодействии средних городских слоев новой власти, авторы правомерно ставят вопрос о необходимости проанализировать, какие категории средних слоев выступили против Советской власти, носило ли их выступление самостоятельный характер или было спровоцировано, насколько упорным и длительным было их сопротивление, насколько активный характер оно имело.

В книге речь в основном идет о студентах, интеллигенции, служащих, несколько слов сказано о ремесленниках (интересен, например, материал по г. Кимры — с. 198), но о мелких собственниках, торговцах и некоторых других категориях средних городских слоев в ней почти ничего нет. Известно, что в свое время и «черная сотня» привлекала в свои ряды мелкобуржуазные, мелкособственнические элементы. Этот аспект проблемы — средние слои и реакция — остался в тени, хотя он весьма важен для полного и всестороннего освещения вопроса о средних городских слоях в революции и борьбе большевиков за превращение их в попутчиков и союзников пролетариата.

Позиция средних городских слоев на этапе буржуазно-демократической революции, политика пролетариата и его партии по отношению к ним раскрываются в книге на основе интересного материала, частично но-

вого, частично по-новому интерпретируемого. Например, хорошо показано отношение различных категорий средних городских слоев к большевистской тактике бойкота булыгинской Думы, в котором, в частности, нашло свое выражение «соединение пролетариата с революционной демократией»⁷, участие профессиональных союзов, объединявших непролетарские слои трудящихся в выборах и деятельности Советов в годы первой буржуазно-демократической революции. Привлекает внимание материал о Советах депутатов трудовой интеллигенции, хотя хотелось бы получить более точные сведения об их партийной ориентации. Авторы полагают, что Петроградский Совет депутатов трудовой интеллигенции занимал более правые позиции, чем Московский, но не приводят аргументов, подтверждающих этот вывод (с. 225). Может быть, он основывается на том, что главой столичного Совета был видный кадет? Интересно использованы материалы выборов в Учредительное собрание, например, о попытках создать ориентированную на средние слои «радикально-социалистическую партию» (с. 263—264).

В целом советская историография пополнилась оригинальной, интересной и полезной работой, которая, с одной стороны, представляет собою еще один шаг в исследовании важной и актуальной проблемы развития революционного процесса, а с другой — побуждает к дальнейшему изучению социально-политических процессов в трех российских революциях.

К. В. Гусев

⁶ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 33, с. 307.

⁷ Там же. Т. 11, с. 351.

А. И. ЗЕВЕЛЕВ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, А. И. ЧУГУНОВ. *Басмачество: возникновение, сущность, крах*. М. Наука. 1981. 244 с.

История почти 15-летней борьбы трудящихся масс под руководством Коммунистической партии против басмачества нашла заметное отражение в литературе — в трудах обобщающего характера¹ и в специ-

альных исследованиях о героической борьбе среднеазиатских народов, защищавших Советскую власть от внутренней контрреволюции и интервентов². Однако нельзя считать,

¹ См., напр., Очерки истории Коммунистической партии Туркмении. Изд. 2-е. Ашхабад. 1966; История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент. 1967, и др.

² История гражданской войны в Узбекистане. Тт. 1, 2. Ташкент. 1964, 1970; Назаров М. Х. Коммунистическая партия Туркестана во главе защиты завоеваний Октябрьской революции (1918—1920 гг.). Ташкент. 1969; Иркаев М. История граж-

что изучение этого вопроса полностью завершено. В частности, отсутствовало комплексное освещение проблемы со времени возникновения басмачества до полного его уничтожения, т. е. с 1917 г. до начала 30-х годов. Существующая литература нуждалась в обобщении и историографической оценке не только для подведения итогов проделанной работы, но и для определения новых направлений исследования. Эти проблемы в значительной степени восполняются монографией профессора МГПИИЯ им. Мориса Тореза доктора исторических наук А. И. Зевелева, чл.-корр. АН СССР Ю. А. Полякова и заместителя директора ВНИИДАД профессора, доктора исторических наук А. И. Чугунова, изданной под редакцией акад. И. И. Минца.

Написанная в проблемно-хронологическом плане книга охватывает все основные аспекты темы. Авторы исследуют социально-классовую природу басмачества, раскрывают его истинных вдохновителей и организаторов, освещают героическую историю борьбы с ним Красной Армии и трудящихся Средней Азии. Все происходившее в этом регионе рассматривается во взаимосвязи с общероссийским процессом борьбы за власть Советов, за построение социализма. Серьезное внимание уделяется в книге комплексному показу событий в Туркестане, Бухаре и Хорезме.

Используя архивные и другие источники, авторы показывают, что басмачество представляло собой одну из наиболее острых форм классовой борьбы байства, местной буржуазии и реакционного мусульманского духовенства против диктатуры пролетариата, Советской власти. В книге раскрывается социальная база басмачества: бывшие феодалы, родовая знать, владельцы крупных земельных угодий, бухарские и хивинские чиновники; прослеживаются идейные связи басмачей с буржуазными националистами, которые, «выдавая себя за защитников общенациональных интересов и являясь на деле выразителями интересов эксплуататорских классов... разжигали межнациональную вражду, пытались использовать басмачество для восстановления господства фео-

далов и баев и отрыва Средней Азии от Советской России» (с. 183).

Анализируя причины, по которым к басмачам примкнула определенная часть дехканства, авторы акцентируют внимание на следующих обстоятельствах: неполное осуществление в Туркестане ленинского Декрета о земле в силу слабой политической дифференциации национального крестьянства, в результате чего в первые годы Советской власти основная часть земли и воды продолжала оставаться в руках эксплуататорских верхов; наличие феодально-патриархальных пережитков в быту и взаимоотношениях, что особенно сказывалось в глухих районах Таджикистана, Туркмении и юга Киргизии; искривление линии партии в национальной политике, допускавшееся главным образом шовинистическими, националистическими и эсеровскими элементами, пробравшимися в советские органы Туркестана, Бухары и Хорезма; религиозные предрассудки отсталой и забитой части дехканства; насилие, запугивание, заложничество, широко осуществлявшиеся вожаками басмачей. Вместе с тем в монографии подчеркивается, что «участие определенного количества дехкан в басмаческих отрядах не придало басмачеству характера народного движения. Утверждение о том, что басмачество пользовалось поддержкой большинства коренного населения Туркестана на всем протяжении гражданской войны, является клеветой на народы Средней Азии» (с. 185). Этот вывод глубоко и всесторонне обоснован авторами, проанализировавшими как ранее известные материалы, так и новые документы из партийных и государственных архивов.

Авторы не уходят от ответа и на такой сложный вопрос: почему же басмачество, то затухая, то вспыхивая вновь, просуществовало в отдельных районах столь длительное время? В соответствии с исторической действительностью они приходят к выводу, что главной причиной этого явления был фактор внешний — помощь, которую оказывал басмачеству англо-американский империализм. «Без зарубежной поддержки,— говорится в книге,— басмаческое движение не смогло бы принять такие значительные масштабы и продолжаться столь длительное время» (с. 187). Авторы привлекли новые факты и данные (в том числе и почерпнутые из зарубежной литературы) о предоставлении басмачам из-за границы денег, оружия, снаряжения, обмундирования, а также об участии английских и американских инструкторов

данской войны в Таджикистане. Изд. 2-е, доп. Душанбе. 1971; Ташлиев Ш. Т. Гражданская война и английская военная интервенция в Туркменистане. Тт. 1, 2. Ашхабад. 1974, 1975; Иноятов Х. Ш. Победа Советской власти в Туркестане. М. 1978, и др.

ров и советников в боевых действиях басмачей против Советской власти. В книге приведены до сих пор не публиковавшиеся количественные данные об отдельных формированиях, отрядах и шайках басмачей за весь период их существования.

Центральное место в монографии занимает анализ истории разгрома басмаческих банд в Туркестане, Бухаре и Хиве, где под руководством коммунистов в едином строю сражались против свергнутых эксплуататоров узбекские, туркменские, таджикские, киргизские, казахские, русские, украинские, белорусские рабочие и крестьяне. Военно-политический союз рабочего класса и трудового дехканства стал той решающей социальной и политической силой, которая привела трудящиеся массы к победе над коварным и жестоким врагом. Правда, здесь следовало более рельефно показать организационную, политическую и военную деятельность ревкомов как временных чрезвычайных органов, создававшихся в различные годы в районах, наиболее страдавших от басмачества.

Научная значимость монографии усиливается наличием в ней обстоятельного историографического обзора, в котором проанализирована существующая литература и показан процесс изучения темы советскими исследователями. Это особенно важно потому, что специальных историографических

работ о разгроме басмачества нет³. Авторы осуществили успешную попытку обобщения достижений науки в определении сущности басмачества, разработке истории его возникновения и краха. Приходится, однако, сожалеть, что они не дали хотя бы краткого обзора зарубежной литературы.

Рецензируемая монография — серьезное исследование героической борьбы народов Средней Азии против басмачества, за установление и укрепление власти Советов. Глубокое изучение и всестороннее обобщение опыта этой борьбы приобретает в современных условиях особую политическую актуальность и практическую значимость, поскольку явления, аналогичные басмачеству, имеют место в ряде развивающихся стран Азии и Африки.

В. М. Устинов

³ Отдельные аспекты историографии проблемы отражены в следующих книгах и статьях: Шерстобитов В. П., Орзалиев К. К., Винник Д. В. Очерки истории исторической науки в Советском Киргизстане (1918—1960). Фрунзе, 1961; Зевелев А. И. Историография Советского Туркестана. Ташкент, 1963; Иноятов Х. Ш. Краткая историография гражданской войны в Средней Азии. Ташкент, 1974; Маков Р. М. Некоторые итоги изучения истории Октябрьской революции и гражданской войны в Таджикистане. — История СССР, 1977, № 4, и др.

Стачечная борьба рабочих России на начальном этапе нового революционного подъема. 1910—март 1912. Хроника событий. М. Институт истории СССР АН СССР. 1980. Ч. I. 210 с.; ч. 2, 414 с.

Стачечное движение в России в период империализма привлекает все более пристальное внимание исследователей. И это естественно. Забастовки являются одной из главных форм пролетарской борьбы. Они служат показателем нарастания классовых сражений в стране.

Всестороннее изучение рабочего движения требует создания обстоятельной хроники стачек. К сожалению, таких изданий, основанных на глубоком изучении архивных источников, периодической печати, различных документальных сборников, бюллетеней, а также литературы, мало. Имеющиеся подобного рода труды относятся к

отдельным регионам¹, а также к кануну первой русской революции².

¹ См. Берсенев Л. Ф. Хронология стачек в Забайкалье (июнь 1907 — февраль 1917). — Забайкальский краеведческий ежегодник, Чита, 1971, № 5; Блинов Н. В. и др. Стачечная борьба рабочих Сибири в период империализма: хроника, статистика, историография. Томск, 1978; Журавлев Н. В., Паньков И. П. Хроника революционного движения в Тверской губернии (с 1904 по январь 1918). Калинин, 1941; Попов Ф. Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1907—1917 гг. Куйбышев, 1969.

² Хроника рабочего движения за 1901—1904 гг. В сб.: Рабочее движение в России в 1901—1904 гг. Л. 1975.

Перед нами первая попытка составления обстоятельной хроники стачечного движения в России в начальный период нового революционного подъема³. Оправданными представляются хронологические рамки публикации. Хотя известно, что начало оживления рабочего движения относится к середине 1910 г., но для показа динамики роста революционного процесса правомерно включение в хронику и первого полугодия 1910 г.: становится более понятным, какие сложные этапы, какие трудности преодолевала в то время борьба пролетариата в своем поступательном развитии. К тому же, как отмечала большевистская печать, есть основание считать январь 1910 г. «началом конца той дезорганизации революционных сил, на которую обрекло их поступательное шествие неслыханно кровавой, неслыханно жестокой и истерической контрреволюции»⁴.

Рассматриваемая работа является плодом кропотливого труда. Весьма обстоятельна его источниковая база. Это соответствующие фонды ЦГАОР СССР, ЦГИА СССР, ЦГИА г. Москвы, ЛГИА, более 40 газет и журналов, издания Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района, различные документальные сборники, посвященные рабочему и революционному движению в годы нового революционного подъема, а также имеющаяся литература. В качестве приложений помещены географический указатель и указатель промышленных предприятий и организаций. Квалифицированно составленный научно-справочный аппарат в значительной степени облегчает использование материалов сборника.

Столь солидная источниковая база дала возможность В. П. Желтовой составить обстоятельную статистику стачек. Известно, что нарастание общественно-политического движения в стране В. И. Ленин рассматривал в неразрывной связи с ростом стачечной борьбы. В статье «Жизнь учит» (1913 г.) он писал: «Возьмите кривую, изображающую стачечное движение рабочих за последние восемь лет! И попробуйте нарисовать такую же кривую линию, изображающую рост и упадок всего русского освободительного движения вообще за эти годы. Обе кривые совершенно совпадут. Между всем освободительным движением

в целом, с одной стороны, и рабочим движением, с другой, существует самая тесная, неразрывная связь»⁵. И это подтверждает хроника, которая дает возможность проследить неуклонное оживление и нарастание рабочего движения, численность бастующих, их требования, продолжительность стачек, результаты борьбы. Весьма важно, что в ней названы имена руководителей, вожakov политической борьбы, показано противоборство двух политических сил — большевизма и меньшевизма.

Отрадно и то, что в хронике в какой-то мере прослеживается и участие профсоюзов в стачечном движении. Так, на с. 93 (ч. I) читаем: «г. Москва. Наладчики, приемщики и чернорабочие машинного отделения типографии «И. Н. Кушнерев и К°» (84). Требования: повысить заработную плату, улучшить санитарные условия и др. Забастовкой руководила Московская организация РСДРП. Была установлена связь бастующих и с нелегальным «Профессиональным обществом работников печатного производства им. первопечатника И. Федорова». Во всех типографиях города производились денежные сборы в пользу бастующих. Арестовано 15 рабочих. Требования не удовлетворены». Как видим, профессиональные союзы, в т. ч. действующие нелегально, направляемые революционной социал-демократией, непосредственно участвовали в руководстве забастовкой. В хронике приведены интересные данные об участии профсоюзов в пролетарском движении, в защите классовых интересов рабочих. На с. 36 (ч. I) читаем: «г. Петербург. Портные и надомники мастерской Тедеско (17 из 17). Требование: повысить заработную плату. На собрании рабочих был избран уполномоченный для переговоров с хозяином. Все бастующие — члены союза. Требование удовлетворено» (см. также с. 17, 24, 93, 101, 102 и др.).

Подстрочные примечания дополняют материал статей хроники: дают разночтения источников, сведения об изменении числа стачечников в ходе борьбы. Например, на с. 170 (ч. I): «18 мая забастовало 750 рабочих, 20 мая — все, 26 мая приступили к работе 618 чел.». Или на с. 166 (ч. I), указывая общее количество стачечников завода Кузнецова в Забайкальской области 260 человек, составитель уточняет в подстрочнике, что вначале бастовало 160, а

³ Составитель В. П. Желтова, отв. редактор В. Я. Лаврычев.

⁴ Социал-демократ, 24.XII.1909.

⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 22, с. 299.

на следующий день к ним примкнуло около 100 рабочих вспомогательных цехов.

Насколько широк был круг требований рабочих — экономических, переплетающихся с политическими, — можно судить по требованиям бастующих Московской ситце-набивной фабрики, приводимым в хронике (ч. 1, с. 74): «Увеличить заработную плату, наградные и квартирные; отменить сверхурочные, штрафы и обыски; сохранить роженицам плату за 6 недель и оплачивать больничные дни; предоставлять ежегодно 2-недельный отпуск и др., затем — освободить арестованного рабочего. Забастовка организованная. Арестован рабочий, зачитывающий требования на собраниях рабочих». Далее отмечается, что «требования удовлетворены частично: увеличены заработная плата и квартирные, установлен 9-часовой рабочий день, предоставлен 2-недельный отпуск и т. д.» (там же).

Сведения хроники дают возможность проследить развитие стачечной борьбы в разных регионах страны и различных отрядах рабочих. Составитель обращает внимание на такие факты стачечной борьбы, как дата (начало и конец), место событий, название предприятия, общая численность рабочих, количество забастовщиков, причина выступления, требования бастующих, данные о руководстве стачкой, репрессии предпринимателей и властей, результат выступления и, наконец, источник. Все это позволяет глубоко исследовать рабочее движение, его характер, медленный, но неуклонный рост политических требований, в том числе 8-часового рабочего дня и т. д.

Известно, что полных данных о стачках, в частности за 1910—1914 гг., нет. Официальная статистика учитывала лишь предприятия, поднадзорные фабричной инспекции. Железнодорожники, горняки, трамвайщики, строительные и сельскохозяйственные рабочие не входят в статистику фабричной инспекции. Не распространялся ее надзор и на районы Сибири и Дальнего Востока, Средней Азии и Казахстана, на

некоторые губернии Закавказья. Статистика промышленников включала в подсчет лишь забастовки фабрично-заводских рабочих. Не принимались в расчет и забастовки рабочих тех предприятий, на которых объявлялись локауты. Общеизвестно, что официальная и предпринимательская статистика преуменьшала размах стачечного движения. Это признавала даже буржуазная печать. Поэтому перед исследователями стоит задача восполнить этот пробел. Помочь в этом случае может составление хроник стачечной борьбы на основе широкого круга источников. Для составления еще более обстоятельной хроники, вероятно, следовало бы использовать материалы местных архивов. Известно, что далеко не все данные о рабочем движении имеются в документах центральных архивов. Кроме того, целесообразно было бы использовать и местную печать, особенно наиболее крупных промышленных губерний.

Нельзя не согласиться с утверждением В. П. Желтовой, что обязательным предварительным условием статистики стачек является составление хроники стачек (с. 11, ч. 1).

Хроника выиграла бы, если бы в ней в какой-то мере прослеживалось воздействие стачек на общественную жизнь, отклики на стачки. Это тем более необходимо, что они носили не только экономический характер — в ходе их выдвигались и политические требования, выражавшие интересы широких народных масс. Показ этого дал бы возможность проследить общенародный характер стачек и пролетариата как гегемона общенародной борьбы.

Рецензируемый труд поможет исследователям полнее осветить рабочее движение России в указанные годы. Можно надеяться, что начатая В. П. Желтовой работа получит продолжение с тем, чтобы охватить стачечное движение за весь период нового революционного подъема.

А. Г. Анастасов, Г. А. Козлова

Н. А. СОБОЛЕВА. *Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв.* М. Наука. 1981. 263 с.

Книга старшего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР кандидата исторических наук Н. А. Соболевой невелика по объему. Но автор сумел нарисовать в ней сложнейшую картину рождения, становления и развития российских гербовых символов, начиная с эмблем на княжеских печатях домонгольского времени и кончая царскими гербами кануна Октябрьской революции.

Герб. Для недосвященного человека это просто условный знак какого-то отличия. Но какой знак, какого отличия, о чем и как должен говорить этот знак, какова его структура, цель, значение, программа, юрисдикция, степень важности и в конечном счете ценность как предмета исследования? Эти вопросы оказываются далеко не простыми даже для посвященного. Их сложность увеличивается, как только возникает необходимость не стандартно, а со всей ответственностью донести до читателя такие «неуловимые» понятия, как знак, символ, аллегория. Особенно — символ! Еще совсем недавно это понятие представлялось само собой разумеющимся. Но понадобилось специальное исследование А. Ф. Лосева¹, чтобы почувствовалась его семантическая глубина.

После того, как Н. А. Соболева справилась с этой трудностью, ее ожидала другая, на этот раз методологическая. Ведь серьезных, отвечающих современному теоретическому уровню науки исследований о российской геральдике не существует. Обширность взятой автором темы ставит вопрос: с чего и как начать? Дедукцию здесь применить нельзя, т. к. для этого нечего положить в основу, у истоков герба не было даже представления о нем. Индуктивный метод в чистом его виде тоже дал бы мало,—и для него нужны какие-то определенные исходные понятия, без которых «возведение» может увести в ненужную сторону. В такой ситуации наиболее эффективным остается превращение традиционного историографического обзора в своего рода дедуктивно-индуктивный анализ понятия «герб» и геральдики как науки о гербах, что Н. А. Соболева и осуществила во введении. Это дало четкую смысловую направленность всей работе.

¹ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М. 1976.

В основу исследования положен обширный архивный материал, ознакомление с которым создает впечатление полного его охвата (в пределах сохранности, конечно). Это сводит почти на нет гипотетические рассуждения, столь частые в исторических работах. Предельно точная и детальная документированность всех авторских положений — примечательное качество книги.

Итак: сколь древни российские гербы? Еще совсем недавно некоторые исследователи склонны были считать гербами (или протогербами) эмблемы на домонгольских княжеских или городских печатях. Н. А. Соболева убедительно доказала, что печати с их эмблемами хотя и намного древнее собственно гербов, но отнюдь не могут считаться их родоначальниками. С течением времени эти эмблемы становятся территориальными (или земельными) эмблемами, в качестве каковых и вошли (с некоторыми изменениями) в государственную печать Ивана Грозного. Здесь уже наличествует и двуглавый орел и всадник, поражающий змия, оказавшиеся наиболее стабильными. Остальные же эмблемы «геральдизируются» только во второй половине XVII в. («Титулярник» 1672 г.), но и их еще нельзя назвать гербами городов, т. к. они недостаточно символичны и стилизованы. Чтобы стать гербами, они должны были пройти сложный путь усвоения русскими герботворцами определенной символики, условной стилизации, геральдической композиции и т. д., что растянулось на весь XVIII век. На первый взгляд это кажется странным.

Казалось бы, что железной воли Петра I было достаточно, чтобы раз и навсегда положить твердое основание российским гербам. Но это не так. Автор подробно рассматривает, как медленно, тяжело старая допетровская Русь перестраивалась в регламентированное государство. Прогрессивные идеи наталкивались на их непонимание; вновь образуемые учреждения путались в своих функциях; необходимость оперативных распоряжений упиралась в тысячеверстное бездорожье; повсюду плел сети чудовищный бюрократизм. В таких условиях и внедрялась мало еще кому понятная геральдика, документация которой откладывалась в самых различных местных архивах, так что собрать эти документы, напри-

мер, для очередного законоположения о гербах (городов, городских печатей и т. п.) стоило больших усилий.

Главные трудности в создании гербов, заключает Н. А. Соболева, состояли не в отсутствии интереса к ним. Таковой, несомненно, имел место, но вот усвоение смысла герба, законов герботворчества, законов геральдики давалось на редкость тяжело. Отсюда постоянные изменения в распоряжениях, законоустановлениях, вновь и вновь заставлявшие проделывать египетский труд по собиранию старых материалов и по рассылке новых. И все это по допотопному бездорожью...

Между прочим, при всех этих мучительных родовых трудностях герботворчество, как показано в книге, не было копированием западноевропейского опыта, а носило самостоятельный характер. В сущности, почти все сказанное Н. А. Соболевой о работе «геральдической службы» XVIII в. относится и к большей части XIX века. Если через всю эту двухвековую бюрократическую неразбериху гербы русских городов, губерний и земель все же утвердились в своем истинном юридическом значении, т. е. как социальный институт, а также и по форме — как «опознавательный-правовой знак, составленный по определенным условным правилам, фиксированный верховной властью» (с. 220), то в этом проявилась не только сила законов, но и творческая активность русских геральдистов, прежде всего герольдмейстеров, среди которых были очень яркие, по-своему выдающиеся личности: И. К. Кирилов, В. Н. Татищев, В. Е. Ададуров, М. М. Щербатов, И. С. Бекенштейн, Н. Фадеев, а также многие другие — им Н. А. Соболева посвятила яркие страницы.

Вкратце излагаемая в книге картина русского герботворчества такова. При Петре I укрепление городского самоуправления вызывает необходимость в гербах. После Петра инициатива в этом деле переходит к военному ведомству, но рост старых городов и возникновение новых неуклонно требуют специально городских символических знаков. Массовое городское герботворчество активно развивается при Екатерине II, и хотя после того, как в конце XVIII в. буржуазная революция во Франции нанесла могучий удар европейскому феодализму, интерес к гербам сузился, все же и в XIX в. герботворчество было важным элементом в системе «разработанных правитель-

вом мер по укреплению его идейных позиций» (с. 223). Но это картина внешняя. Существеннее, конечно, внутренняя история русского герботворчества. Тот факт, что суть и структура, а следовательно, и назначение герба дались русским герольдмейстерам далеко не сразу, приводил к многочисленным недоразумениям.

Только к концу жизни Петра I вопрос о природе герба стал во весь рост. Для символического отражения в гербе специфики каждого города потребовалось собрать множество сведений. С переездом Герольдии в Петербург связи с российскими провинциями еще больше затрудняются. Усложнилась и общественная жизнь России. Возросло значение регулярной армии, для знамен которой тоже потребовались гербы. Эта линия воинского герботворчества прослеживается Н. А. Соболевой не менее подробно вплоть до каждого войскового соединения. При этом разбираются различные варианты гербов. Одновременно для нужд того же ведомства продолжается создание городских гербов. Н. А. Соболева рассматривает, как усложнение структуры герба вело к соединению территориальной эмблемы с гербом города не только на знаменах, но и на печатях, монетах, планах, картах и т. д. Подробно рассматривается в книге постепенная концентрация геральдических архивов в Герольдии, без чего стало бы невозможным массовое сочинение городских гербов при Екатерине II.

Н. А. Соболева отмечает, что теперь «городской герб окончательно перемещается из сферы военного ведомства в широкую общественную сферу» (с. 88), тем самым как бы восстанавливается гербосозидательная политика Петра I. Поскольку герботворчество при Екатерине II было связано с переустройством губерний и новым статусом многих городов, то, как пишет автор, герб «никогда раньше не привлекал внимания русского правительства настолько, чтобы быть отмеченным официальным постановлением» (с. 89). И как парадокс в книге отмечается полное невнимание советских историков к этому интереснейшему процессу символизации новой социальной и юридической структуры городов. Естественно, что с этого момента развитие российской геральдики рассматривается в книге особенно подробно. Главное, пожалуй, состоит в констатации заметных изменений в функции гербов.

Герб в эпоху абсолютизма становится не

столько символом городской самостоятельности, сколько просто отличия города от деревни. Поэтому в ряде случаев вновь сочиненные гербы не совпадают с традиционными гербовыми эмблемами. Автор усматривает в этом своего рода «камуфляж» для прикрытия дворянской диктатуры. Может быть, это слишком категорично, т. к. наибольшую прослойку русских городов составляло все же не дворянство, и «бюргерское» самосознание немало значило. Да и символика герба играла на городских чувствах больше, нежели на усадебных. Как бы то ни было, «в течение десяти лет были собраны, сочинены вновь, нарисованы и разосланы по наместничествам несколько сотен городских гербов» (с. 103). При этом было введено усложнение герба, городской герб включал в себя (целиком или частью) герб наместничества.

Не менее подробно рассмотрена в монографии работа по созданию территориальных гербов, то есть гербов земель, губерний, уездов. Здесь автору пришлось преодолеть немало противоречий в архивных материалах. В лавине фактов интересно выделить уточнение структуры гербов при герольдмейстере Б. В. Кёне, который ввел строгие общеевропейские правила геральдики, причем многие старые гербы оказались «негеральдичными». Отсюда новые общероссийские муки по переоформлению гербов. Поистине исполнители всех этих операций представляются подвижниками.

Особый интерес вызывает раздел, посвященный символам российских городских гербов. В связи с намечающимся сейчас интересом к новому, советскому герботворчеству все сказанное Н. А. Соболевой очень актуально. Ею приводится историческая группировка символов, причем рассматриваются и семантически уточняются некоторые спорные до сих пор эмблемы, например «вечевая степень» (Новгород), барс (Псков), дракон (Казань). Здесь хотелось бы высказать соображение: не является ли непонятное изображение коня на рязанском гербе намеком на коня «вещего Олега»? Ведь образ рязанского Олега издавна волновал рязанцев. Впрочем, конь мог символизировать и особое развитие на рязанщине коневодства. Далее. Не является ли изображение хищного зверя на болгарском гербе намеком на волка? Волк был тотемом тюрков. Таких вопросов возникает немало. Видимо, Н. А. Соболева несколько преуменьшила значение местных корней в эмблемах. Зато

ей высказана мысль, кажется, еще не приходившая в голову исследователям, а именно: в российском герботворчестве образы зверей (кроме льва и единорога) символизировали в основном нехристианские народы России. С этих позиций произведен интереснейший анализ печати Ивана Грозного, выступающей как «теоцентрическая модель мира» (с. 166). В XVII в. символы, естественно, расширяются, главным образом за счет местных промыслов и заимствований из западноевропейских «Эмблемат», что и отразилось в «Титулярнике» 1672 года.

Исследовав исчерпывающим образом символику территориальных эмблем XVI—XVII вв., Н. А. Соболева совершенно свободно чувствует себя в анализе символов XVIII—XIX вв., отделяя новое от старого и устанавливая источники всех эмблем. В итоге она дает классификацию геральдических сюжетов, в которой первое место заняли символы местных хозяйственных особенностей, второе — местная флора и фауна и третье — «Говорящие гербы». Церковные символы оказались на предпоследнем (девятом) месте. Приложенные к исследованию три таблицы представляют наглядную сводку территориальных эмблем XVI—XVII вв., эмблем, фигурирующих в качестве «старых» российских городских гербов. Расположение материала в алфавитном порядке, описание эмблем, указание предметов, на которых они изображены, перечисление временных изменений и, наконец, дата и окончательная форма утвержденного герба — все это превращает таблицы в неоценимый справочник.

Российские гербы в трактовке Н. А. Соболевой представляют богатейший источник. Общественно-политической своей стороной российская геральдика обращена к разумному восприятию ее разнообразных символических возможностей, в которых среди чуждых нам идей самодержавия содержатся идеи особенности города (местности), особой ценности и, может быть, красоты этих сторон жизни России. Последнее невольно пробуждает и патриотические чувства — краеведческие, следопытские, земляческие и т. п. Поэтому интерес к гербам велик и в своей научно-источниковедческой устремленности и в человеческо-нравственной потенции. Иначе говоря, книга Н. А. Соболевой отвечает самым высоким гражданским запросам.

Г. К. Вагнер

В. Л. ЯНИН. *Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование)*. М. Наука, 1981. 296 с.

История формирования господствующего класса феодальной России, его политическая структура и социальная организация — одна из традиционных тем в историографии. Разработка этих вопросов на материале центральных земель Великороссии была начата Н. П. Лихачевым, С. Б. Веселовским и др.¹ Комбинированный анализ земельных актов и родословных книг, данных ономастики и топонимики дал возможность раскрыть структуру отношений и связей боярских родов, историю государственного аппарата и состав феодальных группировок, на которые опиралось правительство на разных этапах своей деятельности.

Изучение этих вопросов по другим землям Руси, в том числе и по Новгороду Великому, до последнего времени отставало как из-за недостатка источников (полное отсутствие родословных росписей), так и потому, что методика их использования нуждалась в значительном совершенствовании. Когда вставал вопрос о судьбах новгородского боярского землевладения или требовалось реконструировать ведущие политические группировки боярских родов, традиционными методами было практически невозможно проследить их родословия.

Сдвиги в изучении рассматриваемых вопросов были достигнуты в 60—70-х годах, а особенно значительный — в работе чл.-корр. АН СССР В. Л. Янина. Метод исследования генеалогии в его работе опирается на синтез данных, извлеченных из всей суммы имеющихся источников разного происхождения, вещественных и письменных, раскрывающих в руках автора те свои стороны, которые оставались не замеченными предшествующими исследователями.

Сплошное изучение топографии всех берестяных грамот, найденных на раскопках разных концов Новгорода, сопоставление ее с расположением остатков построек, а также анализ культурного слоя, набора бытовых предметов позволили реконструировать генеалогию ведущих родов новгородского

боярства — Мишиничей-Онцифоровичей, Кузьминых-Караваевых, Фефилатьевых, Матфеевичей, прусских бояр (с. 21—38, схемы №№ 1—4, 11, 17, 22, 25, 28 и др.). Частные наблюдения, сделанные в более ранних работах автора², об изначальности крупного родового владения боярских кланов в Новгороде превратились в более широкий вывод: городская земля Новгорода находилась в собственности крупнейших боярских родов (с. 33, 54, 55).

Комбинированное сопоставление формуляра актов феодального землевладения разных периодов и территорий, учет характера межсоциального состава «рядцев», данных микротопонимики, показания других источников позволили выявить целые гнезда владений бояр Славенского конца в Шенкурской и Кокшенгской волостях (с. 80—81, 89—92, 99, 103, 111), уточнить социальную атрибуцию Мартемьяновых (182—194) и их предков, в которых В. Л. Янин видит житых людей, представителей небоярского феодального землевладения, чьи потомки в связи с дроблением вотчин при семейных разделах перешли в разряд своеземцев.

Возникновение этой сословной категории, доказывает В. Л. Янин, не связано с судьбами боярских вотчин. «Основой их возникновения является измельчание в ходе наследственных разделов феодальных вотчин другой группы земельных собственников отнюдь не боярского происхождения» (с. 200). Этот вывод, аргументированный материалом родовых владений Мартемьяновых и житего Якова, означает пересмотр представлений о своеземцах как о черносошных крестьянах, сделавшихся аллодистами вследствие распада внутриобщинных связей (А. Л. Шапиро), и как о представителях боярских мелких родов, обедневших в результате разделов прежде значительных вотчин (С. Б. Веселовский и др.).

Изучение истории копорских князей, двинских бояр и Валитов дало автору дополнительный аргумент для вывода о замкнутости новгородского боярства, составлявшего непополняемую касту аристократов, кото-

¹ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб. 1888; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Тт. 1—2. СПб. 1889—1891; Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVII вв. М. 1936; его же. Феодальное землевладение Северо-Восточной Руси. М.-Л. 1947.

² Янин В. Л. Новгородские посадники. М. 1962, с. 370—375; его же. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Тт. 1—2. М. 1970; его же. Очерки комплексного источниковедения. М. 1977, с. 150—182, 230—239.

рые «были обязаны своей сословной принадлежностью только происхождению от родоплеменной старейшины древнейшего периода новгородской истории, от той сословной верхушки, которая консолидировалась в замкнутую касту еще на протогосударственной стадии» (с. 213, 215—216, 229). В феодальной собственности этой касты находилась почти вся городская земля Новгорода. Сельская округа Новгорода Великого вплоть до границ Новгородской земли к середине XIV в. была продолжением городских усадеб новгородских феодалов или же быстро превращалась в такое продолжение. Ко времени включения Новгородской республики в единое Русское государство в ней сохранились лишь остатки древнего общинного землевладения (с. 202, 206).

Логическим завершением исследования служит развернутая характеристика становления и развития вотчинной системы в Новгородской земле. Источники демонстрируют «определенную систему изменений в отношении новгородского общества к вотчинному землевладению». Изучив систему суда владычных наместников, усвоившего около середины XIV в. функции регулятора земельных отношений, В. Л. Янин высказывает предположение о связи этого нововведения с «важным качественным этапом развития вотчинной системы» — «практическим завершением освоения основного фонда черных земель вотчинниками» (с. 207—209, 272—273).

С названным хронологическим рубежом хорошо согласуются многочисленные семейные разделы сложившихся к тому времени обширных (равных целому погосту) боярских вотчин (Мишиничей, Онаньиничей, потомков посадника Федора Тимофеевича и др.) и вотчин небоярского происхождения (Немых, Опариных, Босоволковых и др.). Чересполосица участков в некогда едином владельческом массиве «возникает как следствие перераспределения земель в ходе наследственных разделов» (с. 212).

На основе комплексного исследования источников в труде выясняется вопрос о времени и путях возникновения крупной вотчины. Наблюдения над летописным, актовым и сфрагмистическим материалом позволили датировать «широкий процесс развития вотчинной собственности феодалов» XII—XIII веками (с. 272, 241, 249). Ее первые шаги были связаны «с процессом новой организации государственного землевладения, открывшей путь и к становлению вот-

чинной системы», — развитием княжеского домена (с. 281, 245—246). Наиболее ранние и значительные вотчинные владения в то время формировались «в значительной степени путем государственной раздачи черных волостей как частным лицам, так и духовным учреждениям» (с. 246, 241).

Вместе с государственными пожалованиями в XII—XIII вв. существовал и другой путь становления вотчинной системы — покупка земель у общин. В источниках первой половины XII в. этот путь противопоставлен пожалованиям. В XIII—XIV вв., когда новгородские бояре и житые люди накопили значительные денежные средства, покупка земель у общин стала важнейшим источником роста вотчинного землевладения. Опираясь на традиционные письменные источники и сообщения берестяных грамот, в том числе еще не опубликованных, В. Л. Янин выясняет происхождение денежных средств, уплаченных будущими вотчинниками за землю: участие в дележе государственных доходов с корпоративной собственностью на землю; клановое боярское городское землевладение и связанная с ним вотчинная эксплуатация ремесла и торговли, неотделимых от городской усадьбы на всех этапах ее истории; ростовщические операции (с. 250—251).

Накопление средств боярами в XI—XIII вв. послужило основой для решительного наступления на черную волость в XII—XIII вв., когда боярское государство утверждалось на фундаменте вотчинной системы. Завершился этот процесс в первой половине XIV в., когда наступил новый этап — преимущественного перераспределения вотчинного фонда путем семейных разделов, захватов, сделок, между вотчинниками и т. д. (с. 246, 252—256). С отмеченными социально-экономическими сдвигами тесно увязываются реформы государственной власти в боярской республике, «начавшиеся в конце XIII в., завершившиеся в 1354 г. и создавшие ту форму государственности, которая символизирует расцвет боярского Новгорода» (с. 256).

Такое решение вопроса представляется интересным и перспективным. Оно включает Новгородскую землю в общенациональный контекст Европейского региона, рассматриваемого как единый ареал феодального развития, и в социально-политическую структуру Великой Руси, где в XIII—XIV вв. происходило «наиболее быстрое образование частного землевладения» и «подавляющая

масса земель попала в гражданский оборот»³. Важной в методологическом плане представляется характеристика феодальной системы в «довотчинный период», когда «ни князь, ни бояре в Новгородской земле не были вотчинниками» (с. 273). Опираясь на анализ грамот, фиксирующих совокупности фискальных норм в разное время и на различных типах вотчинных земель, приобретенных у черных общин (Шенкурская волостка) и бывших некогда частью княжеского домена (с. Буйце, Лопастичи и др.), В. Л. Янин подтверждает вывод, сделанный им выше на другой основе, что «фонд черных земель и в XIV—XV вв. и в XII—XIII вв. находился в распоряжении государства, представляя собой корпоративную собственность веча» (с. 276, см. также с. 274).

По решению веча, представительного от концов органа бояр-усадьбовладельцев, целые погосты передавались в длительные, а порой и наследственные кормления отдельных боярских родов (с. 277—279).

В этих «реликтах древних порядков» В. Л. Янин обнаруживает следы существования боярской государственной собственности на землю, тесно связанной с окняжением земли и образованием раннефеодального государства. Первоначальные основы ее закладывались при Ярославе Владимировиче, когда впервые государственный доход целиком остался в Новгороде и распределялся между новгородцами. В окончательном виде государственная боярская собственность на землю могла сложиться с появлением в конце XI в. специального боярского института — посадничества, способ-

ного контролировать систему фиска (с. 279—281).

Уточняя социальную характеристику государственного землевладения довотчинного периода и определяя его как «синоним корпоративного боярского владения землей», автор развивает марксистское понимание раннефеодального периода на материалах Северо-Запада Руси. И можно согласиться с ним в определении довотчинного периода «как такой формы феодальной эксплуатации земельных владений, при которой государственный налог и рента в значительной части становятся предметом раздела между членами землевладельческой корпорации» (с. 279). В ряде районов, как это показывает В. Л. Янин, государственные поборы совмещались с сеньориальными. Оплачиваемый крестьянством аппарат власти в первую очередь использовался для организованного насилия над теми же крестьянами в интересах феодалов, тогда как «защита», получаемая ими от него, была ничтожна. Эти положения, равно как и другие выводы исследования, должны быть подвергнуты сравнительно-историческому анализу на общерусском материале, что способствовало бы разработке типологии русских средневековых государств периода раздробленности.

Важная для всех, кто интересуется русской историей, книга В. Л. Янина отличается профессионализмом и глубиной творческой разработки важнейших вопросов феодального периода, ясным и логически стройным стилем изложения. Всем своим содержанием она доказывает, что проблемы ранней отечественной истории могут изучаться только путем комплексного освоения всего фонда письменных и материальных источников.

Ю. А. Кизилев

³ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, с. 75, 152.

Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Материалы Всесоюзной конференции. Л. Наука. 1981. 265 с.

Этот сборник статей с таким скучным «архивным» названием впервые в советской науке небывало широко представляет общие взгляды современных археографов на свою работу. Правда, эти взгляды не отражены в заголовках разделов и не под-

черкнуты в названиях статей. Судя по оглавлению, книга сохраняет внешний вид служебно-отраслевых изданий, каких появляется немало: на этот раз печатаются материалы первой Всесоюзной археографической конференции, проведенной в Ленин-

граде в 1979 году*. Статьи сборника не претендуют на обобщения: они в основном посвящены обсуждению деловых, практических вопросов, составляющих суть археографии (поиски рукописей, их сохранение, описание и издание). Однако при всей занятости авторов пестрой археографической практикой и ее осмыслением содержание этих статей позволяет проследить и важные общетеоретические темы.

Главная из них — археография и наука. Пафос 30 с лишним статей сборника заключается в единодушном утверждении: труд археографа — это труд ученого. Девизом археографов служат высказывания акад. Д. С. Лихачева: «Описание без исследования невозможно, как и исследование без описания... Надо сперва изучить рукопись, а потом ее издавать, а не наоборот»; «всякий описывающий рукопись является ее исследователем» (с. 251, 255). С. О. Шмидт рисует образец археографа «редкой осведомленности и преданности своему делу», который поддерживает активный контакт «со специалистами, работающими в научно-исследовательских институтах, высших учебных заведениях, других хранилищах», использует «опыт работы ученых-медиевистов», в том числе и «описания, сделанные видными учеными в прежние годы», и сам создает «описания научно-исследовательского характера» (с. 8, 10, 15, 17 и др.). Для Д. Н. Альшица археограф — это не сосед ученого и не начинающий исследователь, а ученый без всяких скидок: достижимы «серьезные результаты только в той области специальных знаний, в которой данный археограф занимается как исследователь» (с. 174); в археографическом описании С. В. Чирков видит отражение целого «типа научной культуры» (с. 141). Во всех подобных кредо археографов, похвалах им, требованиях к ним отражается, по-видимому, объективное положение ве-

шей: археография прочно вписывается в систему науки наших дней.

В сборнике можно найти и пояснения к положению археографии в науке. Его авторы охотно указывают на взаимодействие археографии не вообще с ее старинными друзьями — палеографией, историей, литературоведением, лингвистикой, а именно с новыми, не всегда сформировавшимися научными направлениями. Например, в такой традиционной дисциплине, как палеография, сейчас возникает новая область, пока не имеющая названия, — изучение письма нового времени; и вот А. Д. Люблинская нацеливает археографов на классификацию множества «индивидуальных почерков, национальных типов курсива» нового времени (с. 118). От той же палеографии начинает отпочковываться филиграноведение с богатыми возможностями применения ЭВМ; соответственно А. А. Амосов побуждает археографов обеспечить «переход отечественной филигранологии от эмпирического знания к науке современного уровня» и создать «язык отечественной филигранологии» (с. 75, 77).

В традиционных дисциплинах — литературоведении и языкознании — местами ощущается тяготение к возрождению когда-то цельной филологии; свидетельство тому — современное стиховедение. И археография тут как тут: на проблемы стиховедения сборник откликается открытием А. А. Турилова, который обнаружил комплекс литургических стихотворений великого белорусского просветителя Ф. Скорины: ведь «о его занятиях гимнографией до сих пор не было известно, и вопрос об этом никогда не вставал перед исследователями» (с. 244). Стихосложение, конечно, неотделимо от истории поэзии; по этому поводу И. Ф. Мартынов делает любопытный вывод: «Никакие методические советы не заменят археографу глубокого знания отечественной поэзии» (с. 213). Стихосложение способствует развитию исторической филологии; и на фонологическую тему в сборнике есть статья; Т. В. Шпекторова убеждает археографов: «При издании рукописных источников необходимо передавать графико-орфографические особенности с наивозможной точностью» (с. 250).

Сборник демонстрирует разностороннюю научную актуальность археографии. Авторы его считают свою дисциплину причастной фактически ко всем отраслям и ответвлениям истории духовной культуры, включая

* Авторы: предисловие — М. В. Кукушкина; об описании рукописных книг — С. О. Шмидт; I раздел: А. А. Амосов, А. П. Жуковская, Л. И. Киселева, О. А. Князевская, М. В. Кукушкина, И. Н. Лебедева, А. Д. Люблинская, О. И. Подобедова, С. В. Чирков, Н. Б. Шеламанова, Я. Н. Шапов, Д. П. Эрастов; II раздел: В. Н. Алексеев, Д. Н. Альшиц; В. П. Бударагин, Н. П. Визирь, Т. П. Воронова, О. Е. Глаголева, И. В. Лёвочкин, Г. В. Маркелов, А. Ш. Мнацаканян, Б. Н. Морозов, Н. Н. Розов; III раздел: Н. Ю. Бубнов, Д. С. Лихачев, О. П. Лихачева, И. Ф. Мартынов, В. В. Морозов, А. А. Турилов, Т. В. Шпекторова.

и новейшие. Так, у нас сравнительно недавно стали входить в силу кодикология, история книги, книговедение, история читателя. Статьи сборника особенно часто касаются вопроса о взаимной пользе кодикологии и археографии. С точки зрения Л. И. Киселевой, естественно, чтобы археографами были «максимально учтены запросы кодикологии»; археографов, вероятно, должен ободрить принцип: «Для кодикологии нет мелочей» (с. 123, 127). Н. Ю. Бубнов хотел бы, чтобы «косое внимание было обращено на литературные «циклы» сочинений, встречающихся в рукописных сборниках» (с. 222). О. И. Подобедова была бы удовлетворена, если бы археографы отмечали «некоторые этапы формирования кодекса» вообще (с. 97). И. Ф. Мартынов добавляет: археография «дает богатейший материал для истории русского читателя» (с. 210). Того же мнения и О. П. Лихачева, изучающая старопечатные издания. Пожеланий в статьях много, и за ними видна открытость границ между археографией, кодикологией, книговедением.

В сборнике можно найти подтверждение открытости границ и между археографией и ныне плодотворно развивающейся культурологией, историей культуры. Например, В. П. Бударагин с Г. В. Маркеловым и Н. Ю. Бубнов призывают археографов продолжить дело покойного В. И. Малышева — «выявление местных рукописно-книжных традиций» и «родовых крестьянских библиотек» (с. 186, 187), иными словами, призывают изучать «параллельную культуру» крестьянско-демократического направления (с. 216). В. Н. Алексеев, обзревая культурные центры старожильского населения Сибири XIX—XX вв. вплоть до наших дней, констатирует: «Древняя книга в Сибири живет» (с. 184). А ведь, кроме того, археографию подключают к библиотечковедению, истории создания хранилищ, собраний и коллекций (статьи А. Ш. Мнацаканяна, Т. П. Вороновой, Б. Н. Морозова). Сборник представляет археографию как универсальное источниковедение всех гуманитарных наук: «В описании должны быть сведения, одинаково необходимые исследователям разных специальностей» (И. В. Лёвочкин, с. 160); описания и каталоги должны быть «удовлетворительны... для значительно более широкого круга исследователей... занимающихся различными аспектами истории культуры, международных культурных связей» (Я. Н. Шапов, с. 39).

Сам сборник непосредственно выполняет универсально-источниковедческую функцию. Каких ценнейших справок тут только нет! Библиография зарубежной археографической периодики (Л. И. Киселева, Н. И. Лебедева); филигранологии (А. А. Амосов); изданных описаний древнерусских рукописей у нас и за границей, особенно за последние 20 лет (М. В. Кукушкина, Я. Н. Шапов); факсимильных изданий (Л. П. Жуковская, Д. П. Эрастов); обзоры неизданных описаний рукописей ГИМ (И. В. Лёвочкин); лицевых рукописей (О. И. Подобедова, В. В. Морозов); рукописных фондов от Москвы до Новосибирска (Б. Н. Морозов, О. Е. Глаголева, В. Н. Алексеев) и многое другое.

Вырисовывается в сборнике и вторая крупная общая тема: археография и общество. Вот, казалось бы, нейтральный вопрос — о поисках старинных книг: их, «лежащих подчас штабелями», находят альпинисты в пещерах и библиотекари в периферийных музеях (см. статьи Н. Н. Розова и А. Ш. Мнацаканяна, с. 144 и 200); Д. Н. Альшиц даже формулирует мобилизующий принцип: «Каждое научное описание рукописного собрания может стать одновременно и археографической экспедицией в его недра» (с. 173); В. П. Бударагин и Г. В. Маркелову «хотелось бы еще раз напомнить о принципе сплошного археографического обследования» населения (с. 187); Н. Б. Шеламанова и Я. Н. Шапов пишут об открывающихся перспективах поисков кириллических рукописей как в союзных республиках, так и в зарубежных странах. Здесь археографам приходится затрагивать вопросы политические и социальные — о взаимоотношениях с людьми, далекими от науки, с администрацией учреждений, с населением отдаленных районов и пр. Авторы выражают свои широкие социальные впечатления, когда ссылаются на усиление общественного внимания к работе археографов и на «наблюдающееся возрастание у населения интереса к наукам и знаниям гуманитарного характера» (Л. П. Жуковская, с. 57).

Авторы высказываются за активную общественно-просветительскую позицию археографа — хранителя и издателя рукописей: «Надо наблюдать за читателями, учить их» (Д. С. Лихачев, с. 255); издавать «для более широкого круга читателей» (Л. П. Жуковская, с. 57); «сделать факсимильное издание более совершенным источником,

чем сам подлинник» (Д. П. Эрастов, с. 66); стараться, чтобы «издательские работники» и «художники-ретушеры овладели некоторыми знаниями в области древней рукописной книжности» (Л. П. Жуковская, с. 58). И как итог звучат слова С. О. Шмидта: «Можно говорить не только об археографической культуре — культуре собирания, описания и издания документальных памятников, но и об археографии как явлении культуры» (с. 19). В сборнике намечена перспектива общественно ответственной деятельности археографов.

Благодаря богатству размышлений авторов сборник получился изданием, переходным от узко практического к теоретическому. На очереди теперь книга по теории археографии, не схоластическая, а отражающая разносторонность практики и резко повысившийся уровень теоретического сознания археографов. Создать такую книгу в нынешних обстоятельствах вовсе не легко. Неизбежны разногласия. Их содержит и сам сборник. Например, в способах описания рукописей существуют склонность к обстоятельнейшему описанию, перерастаю-

щему в исследование, и противостоящее стремление к описанию сжатому («Полнота описания должна быть «краткой» — И. В. Лёвочкин, с. 159). Отмечаются тенденции к откладыванию добротных описаний на будущее. Причины подобных различий в отношении археографов к своему делу не всегда безобидны: сторонники подробного описания обычно ориентируются на науку и интересы ученых, сторонники кратких описаний больше думают о предварительном археографическом информировании общества; ориентация археографов зависит от атмосферы учреждений, где они работают. Разделенностью археографов по разным учреждениям отчасти и вызывается различие во взглядах. Организационные рекомендации, изложенные в сборнике, призваны помочь теоретико-археографической работе.

Археографическая комиссия АН СССР и Библиотека АН СССР, подготовив рецензируемый сборник, выполнили неотложное и многообещающее дело.

А. С. Дёмин

Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Том четвертый — Великий Октябрь и международный рабочий класс (1917—1923). М. Мысль. 1980. 732 с.

В четвертом томе коллективного труда «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории»¹ основное внимание

¹ Главная редакционная комиссия: Б. Н. Пономарев — председатель, Т. Т. Тимофеев — зам. председателя, А. Н. Соболев — зам. председателя, О. Т. Богомолов, В. М. Водолагин, В. В. Вольский, А. А. Галкин, Ю. М. Гарушанц, Г. Г. Дилигенский, Е. М. Жуков, В. В. Загладин, Г. Ф. Ким, А. Л. Нарочницкий, С. С. Салычев, М. И. Сладковский, П. Н. Федосеев, С. С. Хромов, А. С. Черняев, А. Н. Шлепаков, Я. Б. Шмераль. Редакционная коллегия тома: В. В. Загладин — отв. ред., Я. С. Драбкин, А. А. Искендеров, М. П. Ким, К. К. Шириня. Руководители авторского коллектива: В. В. Загладин, Я. С. Драбкин. Основной авторский коллектив: Е. Г. Гимпельсон, Я. С. Драбкин, В. З. Дробижев, А. А. Искендеров, В. В. Загладин, Н. П. Калмыков, Ю. Н. Розалнев, С. С. Салычев, И. Н. Ундасынов, К. К. Шириня, И. С. Яжборовская. Над отдельными главами работали: М. А. Бирман, В. И. Глушин, И. В. Григорьева, М. Д. Ере-

авторского коллектива сконцентрировано на трех группах проблем: а) роль рабочего класса в коренном повороте в судьбах человечества — Великой Октябрьской социалистической революции и начале социалистического строительства в России, б) расширение фронта борьбы мирового пролетариата, в) изменения, которые в результате всего этого произошли не только в объективных условиях и задачах борьбы рабочего класса, но и в нем самом, в развитии международного рабочего движения. Рассмотрение указанных проблем потребовало умелого сочетания исторического и

щенко, Р. М. Капланов, А. Д. Колпаков, Н. В. Курков, Т. Л. Лабутина, Ю. А. Львунин, В. Л. Мальков, А. А. Матюгин, К. Ф. Мизнано, Л. И. Минаев, А. П. Москаленко, Л. Н. Нежинский, С. П. Пожарская, Ю. А. Поляков, Т. А. Салычева, А. Л. Семенов, П. П. Топеха, Ф. И. Фирсов, В. М. Холодовский, А. А. Язькова.

логического подходов, системного анализа динамичной борьбы трудящихся, впервые развернувшейся во всемирном масштабе.

Авторский коллектив смог успешно справиться со своими задачами благодаря глубокому осмысливанию идей В. И. Ленина с учетом всего последующего развития, широкому использованию достижений советской и зарубежной марксистско-ленинской историографии, тщательному изучению значительного круга оригинальных источников, особенно документов рабочих организаций, критической оценке буржуазной, социал-реформистской и левацкой литературы. Это позволило значительно продвинуть разработку марксистско-ленинской концепции важнейшего периода международного рабочего движения, добиться существенных результатов, имеющих как научно-теоретическое, так и идейно-политическое значение.

Октябрьская революция и последующее развитие Республики Советов — до конца 1923 г., рассматриваемые как стержень мирового развития и эпицентр социальных потрясений, занимают в томе центральное место. Характеризуя роль российского рабочего класса в подготовке и победе социалистической революции, авторы убедительно показали, что он мог стать ее главной силой и гегемоном только благодаря своей революционной партии. Наряду с доказательством объективной зрелости России для перехода к социализму в книге прослежено формирование революционной ситуации, созревание субъективного фактора революции — слияние в общий поток под руководством большевиков борьбы рабочего класса за власть, народных движений за прекращение империалистической войны, за передачу земли крестьянам, за ликвидацию национального угнетения. В томе показаны как работа большевиков в массах, способствовавшая приобретению трудящимися собственного политического опыта и привлечению на сторону большевиков большинства народа, так и значение революционной теории, особенно идей Ленина, выяснившего пути подхода и перехода к социалистической революции. При этом справедливо указывается, что «выдвинутые Лениным в преддверии Октября идеи о соотношении демократии и социализма, об экономических и социально-экономических проблемах перехода от капитализма к социализму не только не утратили своей актуальности в наши дни, но, на-

против, приобрели новый смысл, новое звучание» (с. 55).

Существенным вкладом в разработку марксистско-ленинской концепции рабочего движения является выяснение международного значения, которое имели уроки начального этапа строительства рабоче-крестьянского государства, революционных преобразований в экономике, борьбы за претворение в жизнь ленинского плана строительства социализма. Укрепление роли рабочего класса и его революционной партии, социалистического сектора хозяйства и рост влияния социалистической идеологии убедительно опровергают периодически подновляемые различными противниками социализма измышления об Октябрьской революции как «беспочвенной случайности», результате «заговора», «насилии над большинством» и «причине народных бедствий». Еще очевиднее становится несостоятельность попыток обвинять большевиков в «авантюризме», «узурпации» власти, возлагать на них ответственность за гражданскую войну.

Весьма актуален важнейший урок того, что происходило тогда в нашей стране — необходимость для рабочего класса умения защищать революцию. Убедительно раскрыты авторами условия победы трудящихся России над белогвардейцами и интервентами. Среди них наряду с героизмом масс решающее значение имели деятельность партии пролетариата, «которая на протяжении этих огненных лет непрерывно искала и находила пути выхода из положений, которые не раз угрожали катастрофой» (с. 310), последовательно добивалась укрепления и расширения союза рабочего класса с крестьянством, а также интернациональная поддержка трудящихся зарубежных стран. В томе показано огромное значение происшедшего впервые в истории превращения рабочего класса в господствующий класс, ставший в тяжелейших условиях руководящей силой страны, сосредоточения в его руках государственной власти, ключевых позиций в экономике, роста его активности, сознательности и организованности. Раскрыта сложность этого процесса, показано, что в годы гражданской войны и разрухи «положение рабочего класса было наиболее трудным» (с. 468).

Важное научно-теоретическое и идейно-политическое значение имеет анализ авторами выработки и осуществления большевистской партией под руководством Ленина

новой экономической политики. Авторы раскрывают интернациональное значение принципов и уроков этой политики для решения сложных проблем союза пришедшего к власти рабочего класса с различными средними слоями в период социалистической перестройки общества (с. 478—481). Эти принципы и уроки, подтвержденные опытом социалистических революций 40-х годов и последующих лет, имеют огромное значение для всех стран, вступающих на путь социалистического переустройства.

В томе широко раскрыт тезис о том, что внешняя политика Советского государства с первых ее шагов, с ленинского Декрета о мире стала орудием борьбы за перестройку международных отношений в интересах народов, за их последовательную демократизацию. Выражением коренных интересов рабочего класса стала ленинская концепция мирного сосуществования стран с различным социальным строем. Успехи в восстановлении экономики и создание благодаря ленинской национальной политике Союза ССР позволили, как показывают авторы, активизировать внешнеполитическую деятельность Советского государства, развернуть ленинскую программу укрепления мира и разоружения. Советский опыт решения национального вопроса «стал маяком для угнетенных народов мира, борющихся за национальную независимость, продемонстрировал великие преимущества социализма перед капитализмом в этой области», — говорится в томе о значении образования СССР (с. 604).

Существенным вкладом авторов в теорию является анализ ленинской концепции мирового революционного процесса, важнейшей составной частью которой стал разработанный Лениным в последние годы его деятельности план построения социализма в СССР. Богатейший опыт и уроки Октября и первых этапов социалистического переустройства России рассматриваются в томе с учетом последующего мирового развития. Это дало возможность полно и четко выявить в опыте и уроках того важного периода истории нашей страны общезначимое — характерное для всех последующих социалистических революций, особенное — свойственное некоторым из них, и единичное — присущее только первой победоносной социалистической революции.

Выявляя глубокие изменения, происшедшие в международном рабочем движении в начале открытой Октябрем эпохи, автор-

ский коллектив создал впечатляющую картину борьбы рабочего класса всех стран мира. В ней отражены обусловленные неравномерностью развития капитализма и самого рабочего класса, его активности, сознательности и организованности различные темпы продвижения рабочего класса и рабочего движения, революционной борьбы пролетариата во времени, по регионам и странам. В томе обстоятельно охарактеризованы основные черты революционного подъема 1918—1920 гг., последовавшего за ним временного спада и революционных боев 1923 г. в европейских странах. Авторы характеризуют особенности рабочего движения многих стран и специфику крупных выступлений трудящихся масс. Именно движение рабочих масс в первую очередь находится в центре внимания авторского коллектива, и рассматриваемый в томе его этап подтверждает ленинскую мысль, что «единственной действительной силой, вынуждающей перемены, является лишь революционная энергия масс»².

Большой интерес представляет раздел об уроках революционного подъема 1917—1920 годов. В нем уточнены оценки и соотношение различных процессов и движений. Для цельного представления о развитии международного рабочего движения того периода существенное значение имеет, в частности, данная в томе характеристика битв пролетариата в Латинской Америке, в Азии и борьбы трудящихся Африки. Авторами освещена активизация рабочего класса в широко развернувшемся национально-освободительном движении народов колоний, полуколоний и других зависимых стран, что существенно дополнило марксистско-ленинскую концепцию истории международного рабочего движения тех лет.

Значительное место отведено в томе характеристике, выяснению значения и уроков революционных выступлений авангарда рабочего класса Германии, первому в истории антифашистскому восстанию в Болгарии, массовому забастовочному движению в Польше в 1923 г., а также антиимпериалистической революции 1920—1923 гг. в Ирландии. «Поражениями рабочего класса Германии, Болгарии и Польше в революционных боях осенью 1923 г. — указывается в томе, — закончилась полоса перехода рабочего класса Европы от попыток прямого штурма капиталистического строя к его осаде» (с. 642).

² Ленин В. И. ПСС. Т. 30, с. 282.

Характеризуя превращение рабочего класса в ведущий класс эпохи, авторы вместе с тем показывают формирование основных движущих сил современного мирового революционного процесса — социализма, упрочение которого даже в одной стране имело всемирное значение, рабочего движения в странах капитализма, а также национально-освободительного движения, взаимодействие этих движущих сил, в котором ведущая роль принадлежит рабочему классу.

Марксистско-ленинская концепция истории рабочего движения начала современной эпохи дополнена в томе обстоятельным анализом принципиально нового в интернациональной солидарности трудящихся — взаимодействия первой победоносной социалистической революции и порожденной ею Республики Советов, с одной стороны, и революционного движения других стран — от Западной Европы и соседних с Россией азиатских государств до самых отдаленных стран Латинской Америки, Азии и Африки — с другой. Авторами убедительно показано, что «победа Октябрьской революции коренным образом изменила место России в революционном процессе» (с. 129). Ее революционное движение, уже в начале XX в. ставшее авангардом мирового революционного движения, теперь открыло всем народам путь перехода к социализму. Раскрывая непосредственное воздействие Октября и Советской России на мировое революционное движение, авторы проследили их влияние на повышение сознательности и активности трудящихся масс, на идейно-политические установки и деятельность рабочих организаций, на борьбу революционной и оппортунистической тенденций в рабочем движении, на прогрессивные силы в капиталистических странах, колониях, полуколониях и других зависимых странах.

Не менее обстоятельно рассмотрена в томе поддержка, которую оказывали Октябрьской революции, Советской России трудящиеся Западной Европы и других регионов мира. При этом показана важность как их прямой поддержки — движения «Руки прочь от Советской России!», выступлений за ее признание и нормализацию отношений с нею, помощи голодающим и в восстановлении народного хозяйства, так и косвенной — сковывавшей силы империализма борьбы за улучшение положения трудящихся, за демократизацию, за нацио-

нальную независимость, особенно когда эта борьба выливалась в массовые движения, в революции. Все это дает представление о возрастании значения и действительности пролетарского интернационализма, о новом этапе его развития. Наиболее полно это проявилось в развитии революционного — коммунистического — направления в международном рабочем движении.

В томе рассмотрен процесс завершения размежевания революционных, левых социал-демократов с различными оппортунистическими течениями, их идейно-политического сближения с большевиками, формирования и укрепления коммунистических партий в странах Европы и других континентов. «Выход на политическую арену коммунистических партий, — подчеркивают авторы, — знаменовал начало нового этапа в развитии рабочего движения этих стран» (с. 291). Создание и укрепление по инициативе Ленина Коммунистического Интернационала означало возникновение и развитие конкретно-исторической формы интернационального единства коммунистов всех стран, соответствующей тогдашнему историческому этапу. «Централизация, — пишут авторы, — была в первые годы существования Коммунистического Интернационала действительно необходимой. Она являлась источником сил и уравнивала определенные слабости молодых компартий» (с. 381). Вместе с тем в томе показано, что большевистская партия последовательно добивалась повышения активности и роли братских партий, правильного сочетания в их деятельности интернациональных и национальных интересов, коллективной выработки и осуществления общей линии международного коммунистического движения. Характеризуя развитие Коминтерна, авторы подчеркивают значение его конгрессов и пленумов ИККИ, указывают своеобразие каждого, уточняют их характеристику и место в деятельности коммунистов всего мира.

В томе показано, что Коминтерн внес крупный вклад в разработку теории и стратегии борьбы рабочего класса, верно наметил перспективы решения важнейших проблем, стоявших перед ним. В установках Коминтерна главное место заняли принципы диктатуры пролетариата, пролетарский интернационализм и демократический централизм, чем революционные рабочие партии отличались от всех других. С помощью Коминтерна компартии вооружились ленин-

скими идеями о многообразии путей перехода к социализму и государственных форм власти рабочего класса, о необходимости и способах вовлечения в социалистические революции подавляющего большинства населения, о решающем значении собственного политического опыта масс для их участия в революционном переустройстве общества. Большое внимание уделено авторами проблеме соотношения борьбы за демократию с борьбой за социализм, новым возможностям использования в интересах рабочего класса буржуазно-демократических свобод. В томе показано, какое важное значение имели для коммунистического движения ленинские идеи об использовании компромиссов, о сочетании легальной и нелегальной деятельности, мирной и вооруженной борьбы.

Авторский коллектив проследил, как Коминтерн по инициативе Ленина взял курс на союз Советской России и рабочего класса всех стран с национально-освободительным движением, на всемерное развитие национально-освободительной борьбы и усиление в ней роли рабочего класса, компартий, выдвинул лозунг единого антиимпериалистического фронта и указал новую перспективу развития освободившихся стран — возможность перехода к социализму, минуя капитализм. Выяснив сущность и конкретно-историческое значение разработанной по инициативе Ленина тактики единого рабочего фронта, авторы обрисовали сложный путь ее реализации и развития до выдвижения Коминтерном лозунгов борьбы за создание в капиталистических странах рабочих и рабоче-крестьянских правительств, показали ответственность оппортунистов за срыв единства действий рабочих организаций.

Освещая вопрос об идейно-теоретическом и организационно-политическом укреплении коммунистического движения, авторский коллектив не обошел сложностей и трудностей этого процесса. В томе показаны пути преодоления правых и левацких тенденций, против которых неустанно выступал Ленин. Убедительно объясняя объективные условия и субъективные причины имевшихся в деятельности Коминтерна и компартий недостатков и ошибок, авторы тем самым выбивают оружие из рук антикоммунистов, социал-реформистов и маоистов, искажающих историю коммунистического движения и роль Коминтерна. Коммунистическое движение тех лет, несмотря

на его относительную слабость, предстает перед читателем как магистральный путь развития борьбы рабочего класса и всех трудящихся.

Исследуя развитие социал-реформистского направления в международном рабочем движении и различные левацкие течения, авторы показывают, что именно правые социал-демократы и центристы, погубившие в 1914 г. II Интернационал, ответственны за углубление раскола международного рабочего движения после Октября. Их отношение к социалистической революции в России, их линия в революционном движении зарубежных стран, их отношение к национально-освободительному движению, раскольническая деятельность в международном движении, как явствует из содержания тома, не соответствовали подлинным интересам рабочего класса. Оппортунисты «были едины в категорическом отрицании значения опыта русской революции для стран Запада» (с. 166).

Анализ позиций различных оттенков социал-реформизма доказывает их идейно-теоретическую несостоятельность в важнейших вопросах борьбы трудящихся тех лет. Он также обнажает особую опасность выдвинутой социал-реформистами «демократической альтернативы» Советской власти, диктатуре пролетариата вообще. Рассмотрение политики социал-реформистов приводит авторов к заключению, что в странах, которые были охвачены революциями, социал-реформисты оказались по другую сторону баррикад и по-разному — иногда вплоть до вооруженного подавления выступлений трудящихся — помогали буржуазии спасать капиталистический строй. Вместе с тем, отмечается в книге, «значительные массы пролетариата сохраняли восприимчивость к успокоительным вещаниям социал-реформистских авторитетов, к их разлагающей проповеди ожидания «лучших времен» (с. 287—288).

Оценивая последствия деятельности социал-реформистов — организаторов Лондонского и Венского Интернационалов, а также Международной федерации профсоюзов, авторы подчеркивают, что в 1920 г. «раскол, порожденный политикой правых лидеров бывшего II Интернационала и поддержанный их восприимчивыми, ослаблял наступательную силу международного рабочего движения» (с. 403). В томе раскрыта подрывная деятельность оппортунистов в выступлениях рабочего класса капитали-

стических стран в 1923 году. Лидерам этого направления удалось тогда добиться консолидации сил оппортунизма, создать Рабочий социалистический интернационал (с. 649—651), социал-реформистская платформа которого «сочеталась с антикоммунизмом и прямым антисоветизмом» (с. 652).

Авторы охарактеризованы левачьи течения в международном рабочем движении—анархистское, анархо-синдикалистское и другие, временная активизация которых также дезориентировала часть трудящихся, осложняла борьбу рабочего класса и укрепление коммунистического движения. Содержащийся в томе анализ соотношения различных направлений в рабочем движении 1917—1923 гг. свидетельствует: выявленная Лениным закономерность, что большевизм развивается в борьбе против правых и левачества, в полной мере проявилась в международном коммунистическом движении того времени.

В томе подняты многие важные вопросы, значение которых гораздо шире рамок рассматриваемого периода. Наиболее характерной в этом отношении является глава о международной роли ленинизма. В ней убедительно показано историческое место ленинизма, который представляет собою «марксизм XX в., той исторической эпохи, когда рабочий класс стал способен осуществить свою всемирно-историческую миссию, когда он приступил к социалистической перестройке жизни человечества» (с. 669). Здесь освещена роль ленинизма в защите и развитии всех составных частей марксизма. «После Октября,—отмечают авторы,—начался новый период деятельности Ленина, совершенно исключительный по своей напряженности и плодотворности» (с. 669). Им были раскрыты закономерности революционного перехода от капитализма к социализму, сделаны выводы о необходимости и возможности мирного сосуществования стран с различным социальным строем и перехода освободившихся стран к социализму, минуя капитализм. «Разработки Ленина содержат общезначи-

мые, фундаментальные принципы социалистической политики в различных сферах жизни. В них заключено такое богатство идей относительно форм и методов борьбы за социализм, что они дают путеводную нить для любых условий, для любой страны» (с. 672).

Ленинизм живет и развивается, остается в центре современной идейной борьбы. Рассматривая новейшую литературу, авторы аргументированно доказали несостоятельность и вред различных буржуазных, социал-реформистских и левачьих искажений значения ленинизма, Октября и опыта международного рабочего движения 1917—1923 годов. В томе убедительно раскрыты новейшие попытки сузить ленинизм, выдать его за региональную разновидность марксизма, ограничиться признанием его роли в прошлом, отрицая значение для настоящего и будущего, противопоставить ленинизм марксизму, уподобить его судьбу истории других учений. «Марксизм-ленинизм,—закljučают авторы,—не имеет аналога в истории ни по масштабу охваченных проблем, ни по степени практической реализации сделанных выводов, ни по устойчивости своего воздействия на мировой революционный процесс» (с. 713).

Нарисованная в томе картина международного рабочего движения 1917—1923 гг. обладает огромным научно-теоретическим и идейно-политическим зарядом. Представляя собой крупный шаг вперед в разработке марксистско-ленинской концепции первого этапа современного международного рабочего движения, она вместе с тем имеет существенное значение для усиления идейно-теоретической борьбы против антикоммунизма и всякого рода искажений уроков Октября и ленинизма. Проделанная авторским коллективом работа—важная веха в изучении и освещении некоторых узловых проблем международного рабочего движения. Материалы тома, несомненно, будут способствовать дальнейшему углубленному изучению его истории.

И. М. Кривогуз

Г. С. ЧЕРТКОВА. *Гракх Бабеф во время термидорианской реакции.*
М. Наука. 1980. 208 с.

В связи с 200-летием со дня рождения Г. Бабефа заметно вырос интерес к его личности и деятельности. Бабувистским движением занимаются не только французские ученые. В ФРГ, Англии и Италии также издаются работы о Бабефе и его сподвижниках. Большой вклад в изучение бабувизма внесли советские историки¹. Их усилиями совместно с французскими коллегами одновременно в Москве и Париже было предпринято издание сочинений Бабефа².

Книга научного сотрудника Института всеобщей истории АН СССР кандидата исторических наук Г. С. Чертковой является обобщающей работой о деятельности Бабефа во время термидорианской реакции — этого решающего периода в формировании его коммунистического мировоззрения, в развитии его политических взглядов и завершении идейной эволюции. Автор использовал широкий круг первоисточников и литературы, тщательно изучил архив Бабефа, находящийся в ИМЛ при ЦК КПСС, его переписку с Ш. Жерменом в период аррасского заключения обоих (хранится в личном архиве недавно скончавшегося французского историка М. Домманже, любезно предоставившего фотокопии документов советским исследователям). Привлечены автором и печатные источники, в частности газета Бабефа «*Jougnal de la liberté de la presse*», впоследствии — «*Le Tribun du peuple*», сохранившиеся памфлеты и брошюры, написанные им во время термидорианской реакции.

Анализируя поведение Бабефа в первые недели после переворота 9 термидора, его журналистскую и политическую деятельность, связи с различными политическими группировками, Г. С. Черткова основное внимание концентрирует на выявлении причин, по которым оторванный от парижской жизни Бабеф не сумел сразу правильно осмыслить сущность переворота. Она рассматривает отношение Бабефа к якобинцам и Ро-

беспьеру, термидорианцам и Конвенту. Бабеф предстает перед читателем как страстный антиробеспьерист. Автор убедительно аргументирует, почему Бабефа нельзя изображать правым термидорианцем, с которыми его разделяли глубокие расхождения в оценке Робеспьера. Г. С. Черткова доказала, что даже в самых ранних выступлениях против него Бабеф отстаивал интересы совершенно других классовых групп.

Другой важной проблемой, которая затронута в книге, является отношение Бабефа к левым силам. Говоря о его связях с «Электоральным клубом», автор отмечает не только поддержку, оказанную Бабефом его членам, но и подчеркивает те основные разногласия, которые были между ними (в оценке деятельности Робеспьера до 1793 г., максимума). Обобщая свои размышления, Г. С. Черткова придерживается того мнения, что Бабеф не только в первые годы Французской буржуазной революции, но и в период термидора, даже в самых сложных ситуациях, шел самостоятельным путем. Эта независимость, отмечает она, проявилась и во время термидорианской реакции (с. 47). Короткий период (сентябрь 1794 — февраль 1795 г.) имел весьма важное значение в идейной эволюции «Трибуна народа». Человек трезвого ума, зоркой проницательности, он постепенно осознал подлинную сущность установившегося во Франции режима. По мнению Г. С. Чертковой, идейная эволюция Бабефа развивалась как в политических взглядах, так и в области тактических форм борьбы.

Автор подробно изучил четыре сохранившиеся брошюры Бабефа: «Хотят спасти Каррье», «Битые платят штраф», «Путешествие якобинцев во все четыре части света», «О системе уничтожения населения». Написанные в разгар острой политической борьбы, они имеют ярко выраженную антиякобинскую направленность. П. П. Щеголев, К. П. Добролюбский³ и другие исследователи рассматривали их, как всего лишь очередные нападки на Робеспьера и якобинцев. Г. С. Черткова обнаружила, что самая интересная из этих брошюр — «О системе уничтожения населения» — во второй ее части носит печать проякобинской направленности, что свидетельствует, по ее мнению,

¹ Щеголев П. П. Заговор Бабефа. Л. 1927; Добролюбский К. П. Термидор. Очерки по истории классовой борьбы во Франции в 1794—1795 гг. Одесса. 1949; Далин В. М. Гракх Бабеф накануне и во время Великой Французской революции. М. 1963, и др.

² Бабеф Г. Сочинения. В 4-х тт. Тт. 1—3. М. 1975—1977; Babeuf G. Oeuvres. T. 1. P. 1977.

³ Щеголев П. П. Ук. соч.; Добролюбский К. П. Ук. соч.

об уяснении Бабефом действительных причин якобинского террора (с. 92).

Антинародные действия термидорианского Конвента (заккрытие Якобинского клуба, посягательства на «Электоральный клуб») привели Бабефа к убеждению, что для защиты интересов народа необходимо создать «могучий центр» («Centre de force»). В дальнейшем «Трибуна народа» приходит к концепции «мирного восстания», а впоследствии и к осознанию необходимости вооруженного выступления. Проследившая этот сложный путь, Г. С. Черткова вскрыла основу эволюции взглядов Бабефа, «его умение извлечь уроки из опыта революции, учиться у народа» (с. 76). Именно антинародная политика термидорианской клики, считает автор, помогла Бабефу окончательно изжить свои первоначальные заблуждения.

Период аррасского заключения (февраль — октябрь 1795 г.) имел в жизни Бабефа особое значение. К началу его, по меткому определению Ж. Лефевра, Бабеф, «уже придерживаясь теории коммунизма, еще не был коммунистом в действии»⁴. Завершение его идейной эволюции как коммуниста, по убеждению Г. С. Чертковой, произошло именно в аррасской тюрьме. Основным источником для изучения этого сложного периода явилась переписка «Трибуна народа» с Жерменом, вернее, письма Жермена к нему (49 писем!), поскольку из писем Бабефа уцелело лишь одно, правда, исключительно важное, от 28 июля 1795 года. Историки бабувистского движения либо не касались этой переписки, либо ограничивались немногими ссылками на нее⁵. Г. С. Черткова впервые тщательно изучила и широко использовала этот ценный и богатый источник,

помогающий объяснить завершающий этап идейной эволюции Бабефа. Это позволило ей четко увидеть «план» Бабефа: создание «общества всеобщего счастья». В книге изложены узловые пункты теории Бабефа, показаны его взгляды на роль торговли, промышленности, сельского хозяйства в будущем коммунистическом обществе. Автор анализирует также представления Бабефа о путях перехода к новому обществу, подчеркивая признание «Трибуном народа» необходимости переходного периода, диктатуры и т. д. Г. С. Черткова сумела отчетливо показать, что основные идеи Бабефа, которые впоследствии легли в основу «Заговора во имя равенства», сложились во время аррасского заключения (с. 195).

Говоря о предпосылках идейной эволюции Бабефа к утопическому коммунизму, Г. С. Черткова основное внимание уделяет тем урокам, которые Бабеф извлек из своего жизненного опыта. К сожалению, она не касается вопроса об идеологических истоках его воззрений — учениях французских просветителей (в частности Ж.-Ж. Руссо) и утопистов-коммунистов XVIII столетия. В этом плане спорен вопрос о влиянии Морелли на Бабефа. В. П. Волгин считал, что до революции Бабеф не был знаком с учением Морелли. Это мнение разделяют В. М. Далин и Р.-Б. Роуз. Данная проблема заслуживает специального рассмотрения. Не в период ли термидора состоялось знакомство Бабефа с учением Морелли?

Все даты в книге Г. С. Чертковой указаны по французскому революционному календарю, хотя в историографии Французской буржуазной революции конца XVIII в. принято одновременно указывать и даты обычного календаря. Автор лишь в некоторых местах (с. 15, 22, 64) следует этому принципу, что создает определенные трудности для массового читателя.

Ценная работа Г. С. Чертковой существенно углубляет исследование бабуизма.

В. А. Погосян

⁴ Leichvire G. La France sous le Directoire. P. 1978, p. 184.

⁵ См., напр.: Mazauric C. Babeuf et la Conspiration pour l'égalité. P. 1962; Bergman K.-H. Babeuf. Gleich und Ungleich. Köln. 1965; Rose R.-B. Gracchus Babeuf. The First Revolutionary Communist. Lnd. 1978.

Е. Е. ЧЕРТАН. *Великие державы и формирование Румынского независимого государства*. Кишинев. Штиинца. 1980. 283 с.

Изучение истории социалистических государств Восточной Европы — одно из направлений советской исторической науки, на котором советские историки за последние 15—20 лет добились значительных успехов. Ряд изданных за это время капитальных трудов посвящен разработке проблем истории Румынии. В их числе и монография заведующего кафедрой всеобщей истории Кишиневского пединститута кандидата исторических наук Е. Е. Чертана, значительно расширяющая наши представления о международных аспектах обретения Румынским государством независимости во второй половине XIX в., внешних и внутренних факторах, сопутствовавших этому процессу.

Бесспорным достоинством работы является то, что автор, исследуя внешнеполитическую историю Румынского государства накануне и в период завоевания им независимости в ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг., не ограничивается освещением и анализом внешней политики румынских правящих кругов. Он ведет это исследование, вписывая его в широкий фон политической и дипломатической истории европейских держав, кризиса Османской империи, развития национально-освободительного движения балканских народов и усиления противоречий европейских держав на Балканах. Другим важным аспектом исследования служит попытка выявления диалектики соотношения внутренних и внешних факторов, на разных этапах оказывавших неодинаковое влияние на формирование Румынского государства. Весьма удачна и хорошо аргументирована полемика, которую автор ведет с представителями буржуазной науки — современными западными авторами, историками буржуазно-помещичьей Румынии, представителями русской дворянской и буржуазной историографии (с. 7—20).

Е. Е. Чертан опирается на широкий круг источников — материалы дипломатических архивов и публикации СССР, Румынии, ГДР, Франции. Их использование позволило автору в ряде случаев критически подойти к работам своих предшественников, преодолеть известную фрагментарность в освещении проблем внешнеполитической и дипломатической истории Румынского государства в период борьбы за его независимость,

сформулировать выводы о позиции европейских держав по этому кругу вопросов.

Особый интерес представляет анализ позиции Франции, существенно корректирующий сложившиеся в буржуазной литературе представления о ее «неизменно позитивном», «традиционно» покровительственном отношении к борьбе балканских народов за освобождение и национальную независимость. Используя архивные документы, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, автор показывает весьма двойственную и конъюнктурную позицию, которую занимали правящие круги Франции по поводу конкретных акций, постепенно расширявших суверенные права Румынского государства, а затем — обретения им полной независимости. Непоследовательность позиции Наполеона III подтверждается, например, его готовностью во второй половине 60-х годов XIX в. одобрить план передачи объединенных румынских княжеств Австро-Венгрии в обмен на уступку Венции Сардинскому королевству (с. 111, 137). Эта тенденция французских правящих кругов, поддержанная английскими политиками, как это показано в монографии, особенно усилилась после вступления на румынский престол Карла I Гогенцоллерна, проводника интересов Пруссии. После 1866 г., как подчеркивает автор, западные державы «не только отказались от поддержки формирования Румынского независимого государства, но и стали демонстративно рассматривать Румынию в качестве составной части Османской империи... не останавливаясь даже перед подстрекательством Турции на оккупацию Румынии и на вмешательство в ее внутренние дела» (с. 219). По разным причинам негативную и, по существу, тормозившую достижение полной независимости Румынии позицию занимали Австро-Венгрия, Германия и Италия.

Политика России в вопросе о независимости Румынии достаточно основательно изучена советскими историками¹. Тем не

¹ См. Виноградов В. Н. Россия и объединение румынских княжеств. М. 1961; Гросул В. Я., Чертан Е. Е. Россия и формирование Румынского независимого государства. М. 1969; Залышкин М. М. Внешняя политика Румынии и румыно-русские отношения 1875—1878 гг. М. 1974; Гросул В. Я. Революционная Россия и Балканы (1874—1883). М. 1980, и др.

менее рецензируемая работа вносит ряд уточнений в конкретные аспекты этой проблемы. Раскрывая свойственную классовой природе царизма направленность его политики, Е. Е. Чертан вместе с тем показывает объективную заинтересованность России в освобождении балканских народов от османского ига, усилении своего политического влияния в Юго-Восточной Европе. Этим и объяснялась, в частности, известная последовательность поддержки русской дипломатией борьбы румынского правительства за постепенное расширение суверенных прав и обретение независимости, что в свое время было специально подчеркнуто Ф. Энгельсом². В ряде случаев автор упоминает и о поддержке борьбы за независимость Румынского государства прогрессивной русской общественностью, хотя этот сюжет, по нашему мнению, заслуживал бы более обстоятельной трактовки в книге, особенно в выводах.

В тесной взаимосвязи с обрисованным в монографии фоном большой европейской политики автор анализирует внешнюю политику румынских правящих кругов, показывает ее характерные черты — стремление вести борьбу за независимость дипломатическими средствами, играя на противоречиях между великими державами, лавируя между ними. Однако, как это подчеркнуто в монографии, в конечном счете Румыния, как и остальные

балканские государства, «смогла завоевать полную и окончательную политическую независимость лишь вооруженным путем, принимая активное участие в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.» (с. 221).

По сравнению с другими главами книги большей фрагментарностью страдает ее заключительный раздел, трактующий позицию европейских держав в период Восточного кризиса середины 70-х годов XIX в. и провозглашения независимости Румынии. Автор лишь в самом общем виде обрисовывает применительно к этому периоду акции западных государств (с. 193—214), хотя именно их позиция и деятельность в связи с вопросом о достижении Румынией независимости меньше (по сравнению с позицией России) изучены и освещены в нашей литературе. Между тем имеющийся в распоряжении автора документальный материал позволяет в большей степени сконцентрировать изложение именно на этом, главном для него аспекте проблемы. Некоторые из высказанных автором положений и приведенных фактов нуждаются в дополнительных комментариях, например, вопрос о действительном характере режима «капитуляций» (т. е. соглашений между Портой и Дунайскими княжествами в средние века).

В целом же монография представляет собой шаг вперед в исследовании истории Румынии и европейской дипломатической истории XIX века.

А. А. Язькова

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 22, с. 44.

А. С. МАНЫКИН. *История двухпартийной системы США (1789—1980)*. М. Изд-во Московского университета. 1981. 234 с.

На протяжении всей истории Соединенных Штатов двухпартийная система являлась одним из важнейших элементов политической системы этой страны. Две буржуазные партии, сменяющие друг друга у руля государственной власти, и сегодня служат оплотом политического господства американских монополий. Несмотря на периодические сбои в работе двухпартийного механизма, он до сих пор оказывает правящему классу помощь в преодолении многочисленных социально-политических кризисов, в нейтрализации антимонополистического движения. Не случайно В. И. Ленин

называл двухпартийную систему «одним из самых могучих средств помешать возникновению самостоятельной рабочей, т. е. действительно социалистической партии»¹.

В США создана целая библиотека по проблемам двухпартийной системы: собственно существование последней — одна из причин возникновения и роста самой дисциплины «политическая наука». Все это побуждает к серьезному исследованию соответствующих вопросов. Научная значимость и политическая актуальность всестороннего изу-

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 22, с. 193.

чения с марксистских позиций истории данного института очевидна. Книга, подготовленная старшим научным сотрудником МГУ, кандидатом исторических наук А. С. Маныкиным, как спецкурс, — существенный шаг в этом направлении. Она представляет собой соединение исследования и учебного пособия. Этот курс в течение ряда лет читается на Историческом факультете МГУ для студентов, специализирующихся по истории США.

В книге четко определяется предмет истории двухпартийной системы, показаны ее как общие, так и отличительные черты в сравнении с обычной гражданской и политической историей. Подробно анализируются автором такие кардинальные проблемы, как классовый характер двухпартийной системы, социальная база ее составных компонентов, эволюция организационной структуры буржуазных партий, их место в политическом процессе и т. д. Рассматривая зависимость эволюции двухпартийной системы от социально-экономического развития страны, расстановки и соотношения классовых сил, А. С. Маныкин справедливо подчеркивает важное значение в судьбе этого института закономерностей, имманентно присущих самому двухпартийному комплексу. Главная среди них — взаимодействие «согласия» (консенсуса) и «альтернативы» в политическом курсе и платформах двух основных партий.

В работе убедительно и всесторонне показано, как конкретно двухпартийная система охраняет политическое господство буржуазии, каким образом ей удавалось интегрировать в свою структуру разнообразные движения протеста (от антирабовладельческих группировок в 30—40-е годы прошлого столетия до леворадикальных движений антимонополистического толка 60-х — начала 70-х годов нашего века). Автор исследует причины, породившие необычную по западноевропейским стандартам организационную структуру американских партий: их децентрализацию, большую автономность звеньев на уровне штатов. Это отвечает в конкретных американских условиях запросам правящих кругов США, потребностям их борьбы с левыми силами.

Все существенные теоретические проблемы ставятся и решаются в книге главным образом в хронологическом порядке, ибо автором прослеживаются основные моменты истории двухпартийной системы — от ее зарождения в конце XVIII в. вплоть до на-

шего времени. При этом подробно излагаются ведущие направления борьбы первых американских партий — джефферсоновских республиканцев и федералистов в конце XVIII — начале XIX века. Можно видеть, как в ходе ее зарождается, помимо субъективного желания лидеров соперничавших организаций, момент системности во взаимоотношениях двух партий. Становление системного механизма, в сущности, происходит в 30—40-е годы XIX в., когда на политической арене борьбу за власть вели демократы и виги. В те годы интенсивно развивается организационная структура, совершенствуются методы работы с электоратом, более сложной и разнообразной становится техника ведения избирательных кампаний. Именно тогда двухпартийная система впервые продемонстрировала свои возможности в деле интеграции различных движений протеста. Наконец, расширилось само содержание понятия двухпартийной системы, хотя последняя так и не сумела найти решения главного для американского общества тех лет вопроса — о судьбе рабства, что, собственно, и предопределило ее крах.

В нашей историографии, пожалуй, впервые период гражданской войны и Реконструкции рассматривается с точки зрения выяснения его места в истории двухпартийного института. А. С. Маныкин отмечает, что вторая американская буржуазная революция, происходившая в форме гражданской войны, внесла принципиальные коррективы в характер взаимоотношений двух ведущих буржуазных партий. Вероятно, это был единственный случай истории политических партий США, когда принцип системности, по существу, исчез из взаимоотношений демократов и республиканцев. В книге подробно рассматриваются перипетии борьбы республиканцев и демократов в конце XIX — первой четверти XX века. Наиболее удачна глава шестая, где благодаря тщательному изучению разнообразных источников нарисована яркая картина становления современного двухпартийного тандема: демократы — республиканцы. В основе процесса создания очередной двухпартийной комбинации лежало форсированное развитие государственно-монополистического капитализма (ГМК) в 30—40-е годы. Под воздействием ГМК в механизме двухпартийной системы происходят сложные, многогранные изменения, вызванные постепенным переходом обеих партий на государственно-монополистическую платформу. Наконец, в последней главе прослеживаются ос-

новные направления партийно-политической борьбы в США с середины 50-х годов до избирательной кампании 1980 года.

Работа базируется на обширной литературе (как советской, так и американской). Многие разделы потребовали от автора оригинальных исследований, изучения протоколов конгресса, разнообразных партийных документов, переписки видных государственных деятелей, прессы различных направлений.

Конечно, не все в книге равноценно. В первую очередь это относится к главе по истории двухпартийной системы в 20-е годы. Стоило бы уделить больше внимания партийно-политической борьбе по вопросам разрядки в период администрации Дж. Картера. В ряде случаев, особенно в главах по ранней истории США, были бы целесообразны некоторые пояснения, комментарии, ибо многие описываемые там события вряд ли хорошо известны широкому читателю. Сле-

довало бы отвести больше места вопросу об отношении обеих партий к СССР, особенно в период Великой Отечественной войны. Нельзя не сказать об отдельных спорных формулировках, например, в оценке Б. Голдуотера — едва ли его выдвижение объясняется «субъективными факторами» (с. 243), а Уотергейт не так бесследно прошел для США, как полагает автор, утверждая: «Уотергейтский скандал упоминается разве что на страницах учебников по истории» (с. 263).

Труд А. С. Маныкина отвечает на многие важные, принципиальные вопросы истории буржуазных партий США. Книга написана в рамках изучения США на Историческом факультете МГУ в специальной лаборатории под руководством проф. Н. В. Сивачева. Она свидетельствует о значительных успехах одного из важных центров советской американистики.

Н. Н. Яковлев

Великобритания. М. Мысль. 1981. 429 с.

В общественном сознании всегда значительное место занимало исследование современной истории. Особая сложность и вместе с тем актуальность ее изучения, от глубины и оперативности которого зависит многое в практической деятельности общественных сил и в характере принимаемых ими решений, требуют концентрации усилий ученых различных областей обществоведения. О плодотворности такого сотрудничества свидетельствует, в частности, вторично предпринимаемое Институтом мировой экономики и международных отношений АН СССР капитальное издание по современной истории развитых капиталистических стран. Серия «Экономика и политика стран современного капитализма» (1972—1973 гг.) включала семь книг страноведческого характера по США, Японии, Великобритании, ФРГ, Франции, малым странам Западной Европы, Италии. В новой серии «Современный монополистический капитализм» предусмотрена, кроме того, книга по экономике и политике Канады и Австралии.

Авторы рецензируемого издания¹ пишут:

«В работе в продолжение и развитие опубликованной в 1972 г. книги «Великобритания» рассматриваются социальные и политические проблемы британского общества: его социально-классовая структура, положение и борьба трудящихся, сдвиги во внутриполитической жизни» (с. 8.) Конкретный анализ экономики, социальных проблем и политики предварен содержательной вводной главой. В ней дана обобщенная характеристика эволюции британского империализма после второй мировой войны, падения его роли в иерархии капиталистических государств. Здесь изложены концепция книги, подход авторского коллектива к оценке нынешних мировых позиций Великобритании и в известной мере перспективы их дальнейших изменений: «Если в минувшее десятилетие наблюдалась тенденция к сравнительно быстрому ослаблению международных позиций Англии в мире, то такая тенденция отнюдь не является необратимой. Не исключено, что решительный отход от устарелых стратегических концепций, унаследованных от имперского прошлого, при-

¹ Авторский коллектив: М. К. Беляев, Ф. Э. Бурджалов, В. П. Глушков, И. Е. Городецкая, Г. В. Колосов, Н. Н. Кричигина, С. П. Мадзоевский, В. В. Песчанский,

С. П. Перегудов, Н. В. Шелобская, Г. В. Челюскина, Е. С. Хесин. Ответственные редакторы С. П. Мадзоевский и Е. С. Хесин.

нятие более энергичных мер по повышению эффективности производства и приспособлению его к меняющимся условиям мирового рынка, перемещение центра тяжести всего комплекса основных внешних экономических и политических связей страны, наконец, отказ от следования в фарватере политики США, направленной на обострение напряженности в мире, — все это может со временем привести к известной стабилизации места и роли Великобритании на международной арене» (с. 29—30).

Иначе говоря, авторы исходят из наличия альтернативы современной тенденции к ослаблению роли Великобритании в мире, причем реализация этой альтернативы зависит в значительной мере от характера экономической политики правящих кругов страны. С этих, бесспорно верных и реалистических, позиций в книге рассматриваются коренные проблемы английской экономики, начиная с низкой эффективности использования производительных сил (при достаточно высоком качестве производственной базы), сдвигов в отраслевой структуре промышленности (особенно в связи с ростом добычи нефти в Северном море), концентрации капитала на уровне компаний (а не предприятий!) и кончая изменениями в механизме государственно-монополистического регулирования и в социальных отношениях, экономическими последствиями кризиса 1974—1975 гг. и влиянием факта вступления в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) на экономику Великобритании и на ее место в мировых хозяйственных связях.

Детальное освещение этих и многих других проблем, основанное на обильном документальном и статистическом материале, обогащает читателя полезными сведениями, позволяющими конкретно представить сложный процесс развития британской экономики. Впрочем, при обработке статистических источников следовало бы по возможности обеспечить сопоставимость приводимых цифр, с тем чтобы читатель мог установить между различными явлениями такие связи, которые авторами специально не рассматриваются. Таблицы расходной и приходной статей бюджета (с. 121, 127) даются в текущих ценах, что, если учесть масштабы и темпы инфляции, не так уж много дает читателю. Стоит ли сопоставлять расходы на социальные нужды в 1956/57 и в 1980/81 гг. (соответственно 1080 и 20514 млн. ф. ст.), если за

эти годы покупательная способность английской валюты снизилась? В книге сообщается, что она упала с 1950 г. в 4,7, а с 1960 г. — в 3,3 раза, однако нет информации, во сколько раз она снизилась с 1951 по 1980 год. Сравнительные данные приводятся по 1959—1979 гг. (с. 34), 1965—1975 гг. (с. 35), 1963—1975 гг. (с. 52), 1967—1977 гг. (с. 83), 1966—1980 гг. (с. 235). В большинстве случаев значения соответствующих показателей можно пересчитать с тем, чтобы они относились к одной и той же базе.

В книге рассматривается «развитие английского общества в 70-х — начале 80-х годов» (с. 6); соответственно и статистика должна отражать эволюцию различных процессов на протяжении этих лет, а также сдвиги по сравнению с неким четко зафиксированным единым «исходным рубежом». В связи с этим возникает более общий вопрос о правомерности выделения в качестве предмета исследования хронологического отрезка, рубежи которого научно не обоснованы. Понятия типа «30-е» или «70-е» годы, разумеется, вызывают определенные ассоциации, но они не могут заменить периодизации. Когда речь идет о современной истории, «верхний» рубеж неизбежно подвижен, и анализ вполне правомерно доводится до самого момента завершения исследования. По начало исторического отрезка, подлежащего изучению, его «нижний» рубеж требует, по нашему мнению, научного обоснования и лишь случайно может совпасть с началом десятилетия. Таким исходным моментом современного этапа развития Великобритании следует, очевидно, считать не 1970, а 1974—1975 гг.: глубокий экономический кризис, закрепление членства в ЕЭС (референдум 1975 г.), смена правительства, сдвиги в консервативной партии и т. д.

Значительный вклад вносит книга в изучение социальной структуры английского общества, политики основных партий и внутренней борьбы в них. Высказанная во «Введении» мысль о «нарастающей поляризации политических сил» (с. 6) убедительно подтверждается конкретным материалом, свидетельствующим о росте влияния левых сил в лейбористской партии и об усилении праворадикальных элементов в консервативной партии. Вызывает, однако, сомнение попытка объяснить укрепление позиций правого радикализма возросшим влиянием «мелкобуржуазного в своей основе актива консерваторов» (с. 296). Здесь же, впрочем, спра-

ведливо подчеркивается, что ключевые позиции остаются в руках «прямых представителей правящего класса» (с. 297). И все же уместно напомнить, что преувеличение роли «мелкобуржуазности» в различных разновидностях правого радикализма в прошлом нередко препятствовало пониманию его классовой природы.

В книге четко раскрываются как общие, объединяющие политику прав лейбористского руководства и верхов консервативной партии, так и существенные различия между политикой тори и лейбористов. В частности, отмечается, что «при каждой смене у руля правления консерваторов и лейбористов правительственный аппарат экономического регулирования подвергается существенной перестройке» (с. 103). Особенно четко это стремление показать реальные различия в политике двух основных партий прослеживается в одной из наиболее удачных глав — о внешней политике. Анализ различных ее аспектов проводится с учетом континуитета, но без его абсолютизации: «В 70-х годах... разница между лейбористским и консервативным вариантами внешней политики была достаточно значительной, чтобы повлиять если не на сущность, то на конкретные контуры дипломатии Лондона во всех основных регионах, в которых она действовала» (с. 361—362). В книге хорошо показано, как это важное и новое явление в британской внешней политике сказалось на англо-советских отношениях. Вообще, думается, анализ внешней политики Великобритании 70-х годов дает основания для вывода о переходе от практики «абсолютного континуитета» к тому, что можно было бы назвать «ограниченным континуитетом». Иначе говоря, сохраняется единая цель внешнеполитической стратегии (защита интересов британского империализма), но резко усиливаются тактические расхождения и приходящие к власти правительства все меньше чувствуют себя связанными конкретным внешнеполитическим курсом предшественников.

Важным достоинством книги является то, что социальные и политические аспекты освещаются не только в специальных главах, но и в контексте экономического анализа. Действительно, экономическая политика в условиях государственно-монополистического капитализма занимает такое существенное место в деятельности государства, а собственно экономические процессы настолько зависимы от политики, что дать адекватную

картину социально-экономического и политического развития страны можно только при постоянном учете взаимосвязи между этими сторонами единого процесса. Именно благодаря этому авторам удалось решить сложную задачу «дать всесторонний анализ современного положения Великобритании в мире, основных экономических, социальных, политических черт британского общества» (с. 8).

Этот анализ был бы еще глубже, а выводы и прогнозы — убедительнее, если бы учитывалось и то, как интересы различных классов и социальных групп преломляются в их сознании, преобразуясь в непосредственные побудительные мотивы поведения. Мотивы эти невозможно объяснить без учета идеологии, социальной психологии, всего духовного облика изучаемых общностей. Даже то обстоятельство, которое справедливо рассматривается в книге как главная причина отставания Великобритании от других империалистических государств, а именно низкий темп капиталовложений, имеет в значительной мере социально-психологические истоки. Сказываются и пережитки имперских, колониалистских настроений в среде большого бизнеса, а отсюда — ориентация на вывоз капитала и боязнь конкуренции американских и японских монополий, и ненависть к «деспотизму тред-юнионов», и страх, порожденный перспективой дальнейшей национализации.

Тем более это относится к борьбе этатизма и антиэтатизма в межпартийных отношениях и, что очень актуально именно в сегодняшней ситуации, внутри консервативной партии. А избавление от «мании величия» во внешней политике? Отказ от активных позиций «к востоку от Суэца»? Поворот «к Европе»? Сколько психологических барьеров лежало на пути к таким решениям!

Говоря о социально-классовой структуре, авторы в самом общем виде упоминают о психологических различиях между отдельными слоями господствующего класса (с. 220—221), менеджеров (с. 228—229), «белых воротничков» (с. 234—236). Однако книга значительно выиграла бы, если бы социально-психологические аспекты и, более того, вся сфера духовной культуры рассматривалась в ней как необходимый элемент комплексного изучения страны на современном этапе.

Впрочем, отсутствие этого элемента в исследовании говорит скорее о слишком медленном преодолении общепризнанного от-

ставания в изучении истории культуры. Если же исключить этот аспект, то в известной степени рецензируемую книгу можно рассматривать как образец комплексного анализа социально-экономической и политической ситуации в рамках определенного историче-

ского отрезка. Примененная авторами методика вполне может быть использована для аналитического освещения более ранних этапов исторического процесса.

Л. Е. Кертман

М. А. ЧЕШКОВ. *Критика представлений о правящих группах развивающихся стран*. М. Наука. 1979. 243 с.

Важное место в литературе, посвященной социально-политическому становлению развивающихся стран, занимает исследование правящих групп. Это вызвано множеством объективных причин и прежде всего тем, что направленность социальных процессов вообще и классовой дифференциации в частности, отличаясь в этих странах большим своеобразием, обуславливает особую роль лиц и групп, занимающих высшие посты в государственном аппарате, политических и общественных организациях, армии и управлении. Серьезный вклад в изучение социальной основы, роли и функции правящих групп в освободившихся странах на разных этапах их развития внесли марксистские исследователи, в том числе автор рецензируемой книги, доктор исторических наук М. А. Чешков (ИМЭМО АН СССР), который одним из первых обратился к данной тематике, продемонстрировав при этом глубокое понимание сути анализируемого явления¹.

Критическое рассмотрение представлений о правящих группах развивающихся стран несоциалистической ориентации автор предваряет изложением собственных исходных позиций, которые могут быть кратко представлены в виде следующих пунктов. 1) Особенность природы правящих групп в развивающихся странах лучше всего прослеживается при их рассмотрении не как конгломерата индивидов, занимающих высшие посты, а как социальной общности. 2) Эта общность характеризуется тем, что является в исторической тенденции носителем одновременно двух видов власти,

которые были выделены К. Марксом: власти собственников и власти государственной². 3) Применительно к правящим группам развивающихся стран оба вида власти должны исследоваться слитно, ибо их носителем является единое социальное образование. М. А. Чешков предлагает именовать это образование «правящие (политические) и господствующие (экономические) группы» (ПГГ). 4) Поскольку «ПГГ» представляют собой неотъемлемый элемент эксплуататорских господствующих классов, они не могут быть универсальными даже в масштабах развивающегося мира. Поэтому при рассмотрении этих групп следует сразу же вычленять те развивающиеся страны, структура которых воспроизводится на принципах капитализма и под его определяющим воздействием и где сами правящие и господствующие группы ориентируются на капиталистическую модель развития. 5) Понятие «ПГГ» может использоваться и для характеристики правящих групп тех стран, где соотношение укладов основных социально-политических сил и ориентация развития еще четко не определились. Оно применимо также для анализа таких ситуаций, при которых правящие группы складываются в ходе революции сверху. 6) Поскольку понятие «ПГГ» отражает соединение двух видов власти, оно позволяет исследовать классовую природу групп, действующих в развивающихся странах, в их специфическом бытии. Для марксистского анализа этот аспект особенно важен, ибо такой анализ не может удовлетвориться указанием на самые общие закономерности, а стремится выявить особенности их проявления (с. 8 — 10).

¹ См. Чешков М. А. «Элита» и класс в развивающихся странах. — *Мировая экономика и международные отношения*, 1970, № 1.

² См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4, с. 297.

Некоторые из аспектов проблемы, как признает автор, требуют еще дальнейшей разработки. В частности, в советских исследованиях по современному развивающемуся миру определились два основных подхода к вопросу об отношении правящих групп к господствующим классам. Относительная самостоятельность данных групп от еще не сложившихся частнособственнических классов считается бесспорной. Однако при сопоставлении этих групп с формирующимися более или менее зрелыми классами эта автономность понимается по-разному. Одни полагают, что по мере развития капитализма автономия правящих групп в соответствующих странах уменьшается, ибо эти группы во все большей степени выступают как представители интересов формирующегося класса буржуазии. Другие считают, что с развитием капитализма она даже возрастает. Обосновывается этот вывод тем, что в ходе развития местная буржуазия (в силу зависимости от мирового капитала) с трудом консолидируется в единый класс, в то же время возрастает роль государственного сектора, превращающегося в экономическую основу новых правящих групп. Существует также точка зрения, согласно которой автономия правящих групп объясняется устойчивой многоукладностью, характерной для развивающихся обществ и вытекающей отсюда множественностью господствующих классов. Ее основу ищут также в общественных функциях государственной власти, которая во многих развивающихся странах обладает большей степенью независимости от базиса, чем при классическом капитализме, в господстве традиционных или модифицированных форм мелкого производства, в особом «равновесии» противостоящих классовых сил и т. д. (с. 7). Очевидно, что исследования в этой области должны быть продолжены.

Хорошее владение материалом делает критику М. А. Чешковым основных направлений немарксистской теоретической мысли по рассматриваемому комплексу вопросов особенно убедительной и интересной. Автор отмечает, что после длительных и бесплодных блужданий многие из западных исследователей стали подходить к анализу и поиску решения ключевых проблем, таких, как вопросы классовой природы и экономической основы «ПГГ», их отношений с буржуазией и народными массами, формирование данной общности в связи с зависимым и автономным развитием, исторические предпо-

сылки и современная роль национального государства. В конкретных исследованиях широко разрабатывается проблематика кадрового состава «ПГГ». Расширилось понимание предмета исследования: появилось стремление рассматривать «ПГГ» в их обусловленности процессами, происходящими в мировой капиталистической системе в целом, во всеобщности их специфических черт (с. 192). В то же время к моменту завершения книги еще нельзя было говорить о качественном переломе в анализе этой проблемы. Знание о правящих группах остается в основном социологическим и политологическим. Ему явно не хватает политэкономического подхода, и в немногих исследованиях, пытающихся его осуществить, упор делается не на производственные, а на распределительные процессы. Вопросы классовой природы «ПГГ» ставятся либо абстрактно, либо по аналогии с капиталистическим развитием в прошлом (там же).

М. А. Чешков выделяет три основные теоретико-идеологические конструкции, рассчитанные на объяснение свойств, системы отношений с основными классами общества и классовой природы «ПГГ» развивающихся стран с капиталистической ориентацией. Эти конструкции, как подчеркивает автор, хотя и не тождественны основным направлениям теоретических исследований в западной немарксистской науке, однако непосредственно связаны с ними. В национально-этатистской конструкции «ПГГ» рассматриваются как носители самостоятельного (или автономного) и сбалансированного развития. Свойственная «ПГГ» способность к развитию объясняется либо восстановлением исторической (доколониальной) преемственности, либо, и ныне все чаще, саморазвивающимся и углубляющимся процессом движения развивающихся стран от политической к экономической, научной и культурной самостоятельности. ПГГ выступают в этой трактовке лишь как общенациональные лидеры или воплощение национальной государственности. Представления о качественном сходстве колониального и постколониального обществ отвергаются. Проблема классовой природы «ПГГ» или снята или полностью сдвинута в сферу анализа их отношений с частнособственническими классами, особенно с иностранной буржуазией. Отношения этих групп с массами рассматриваются как некий «консенсус» (согласие), основанный на общем признании необходимости глубоких структур-

ных реформ. Существуют и разновидности данной конструкции. В некоторых из них особо подчеркивается ведущая роль технократов или ученых по отношению к политикам или администраторам. В научном отношении эта конструкция весьма уязвима, ибо проходит мимо важных сущностных связей, и прежде всего их классовой природы. В идеологическом плане она во все большей степени превращается в форму апологетики стабилизирующихся «ПГГ» в странах капиталистической ориентации. Ее позитивным элементом остается пока общая ориентация на антиимпериалистические действия и на более или менее глубинные преобразования социальных структур.

Вторую конструкцию автор характеризует как неокOLONиалистскую (с. 194). В последние годы она все активнее перестраивается, сближаясь с национально-этатистской конструкцией. Это сближение выражается в вынужденном признании равноправности самостоятельных и равноценных моделей развития и в таком же отношении к «ПГГ» соответствующих развивающихся стран как к важным центрам политической и экономической власти в мировой системе капитализма. Проявлением сближения можно считать также сдвиг в сторону целостного видения «ПГГ», правда, с особым упором на роль и значимость гражданской и военной бюрократии. Отношения этих групп с массами рассматриваются исключительно в контексте частичного перераспределения доходов и устранения наиболее отсталых структур власти, по преимуществу в деревне. Признание за государственным или административным аппаратом функции предпринимателя сопровождается попытками оценить отношения между «ПГГ», государственным сектором и государственным предпринимательством в рыночных категориях. Рассмотрение в рамках этой конструкции отношений государства и частного капитала выдает стремление ограничить государственную деятельность или сферой надстройки или задачами регулирования и координации экономики. Вариантом этой конструкции являются неокOLONиалистские представления либерального толка. В них превалирует резко критическое отношение к «ПГГ» в развивающихся странах, «как к чисто властной, или политической общности, руководствующейся своими узкими групповыми интересами» (там же). Идеологически это направление прикрывает стремление к реставрации прежних империалистических позиций в странах,

освободившихся от колониального господства.

Третья, леворадикальная конструкция изображает «ПГГ» в странах капиталистической ориентации как носителей зависимого развития, а то и стагнации. Эти группы нередко характеризуются как паразитарные образования — в силу их зависимости или от международной финансовой олигархии или от местных частнособственнических классов. При этом полностью игнорируются интересы рассматриваемых групп как социальных общностей (с. 193—196).

Завершается книга изложением соображений автора о дальнейшем направлении исследований. В этой связи он указывает в первую очередь на проблему соотношения экономических и неэкономических факторов в характеристике природы государственного сектора и общих процессов социальной и классовой дифференциации, происходящих ныне в развивающихся странах. Особенно важно, считает он, выявить действительные возможности и границы идеологии «ПГГ». Необходимо также углубить исследование взаимосвязи между доколониальными и современными развивающимися обществами, которое позволило бы расчленить особые и общие черты исторических формирований в их динамической связи.

Рассмотрение проблемы в книге в более широком социальном и политическом контексте раздвинуло ее рамки настолько, что многие важные вопросы оказались намеченными лишь пунктирно. Особенно это касается тех частей работы, где излагается авторская позиция. Неоправданно жестки границы, с помощью которых М. А. Чешков отчленяет исследования правящей элиты в странах развитого капитализма от изучения «ПГГ» в развивающихся странах капиталистической ориентации (с. 5—6 и др.). Обоснованный упор на специфику явления не должен превращаться в отрицание общих социально-экономических закономерностей ни в общем, ни в конкретном случае. Книга выиграла, если бы в ней, наряду с теоретико-методологической частью, присутствовал конкретный материал, позволяющий более рельефно представить себе изучаемый социальный феномен. При всем том благодаря рецензируемой монографии в исследовании верхушечных групп в развивающихся странах, а также идеологической борьбы, которая ведется в связи с их изучением, сделан существенный шаг вперед.

А. А. Галкин

НОВЫЕ КНИГИ

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924. Т. 12. Декабрь 1921—январь 1924. М. Политиздат. 1982. XXVI, 733 с., илл. 1 руб. 60 коп. 62 000 экз.

Строки великой жизни. Даты жизни и деятельности В. И. Ленина, связанные с Башкирией. Предисл. и подгот. материала Ю. А. Узикова. Уфа. Башкирское книжное изд-во. 1982. 191 с., илл. (Башкирская Лениниана). 60 коп. 3000 экз.

История СССР

Абдулатипов Р. Г., Бурмистрова Т. Ю. *Ленинская политика интернационализма в СССР: история и современность.* М. Мысль. 1982. 268 с. 1 р. 30 000 экз.

Абдулин М. *Борьба без компромиссов.* Критика буржуазных концепций разрешения национального вопроса в республиках Поволжья и Урала. Казань. Татарское книжное изд-во. 1982. 254 с. 60 коп. 2000 экз.

Агарунов Я. М. *Героические свершения азербайджанских нефтяников в годы Великой Отечественной войны.* Баку. Азербайджанское книжное изд-во. 1982. 107 с. 20 коп. 4000 экз.

Актуальные проблемы истории социалистического строительства в Молдавии. Кишинев. Штиинца. 1982. 261 с. 2 руб. 60 коп. 1100 экз.

Амбарцумов Е. А. *Ленин и путь к социализму.* М. Молодая гвардия. 1982. 318 с. (Молодогвардейская Лениниана). 60 коп. 41 000 экз.

Антипенко Н. А. *На главном направлении.* Воспоминания. Минск. Беларусь. 1982. 368 с., илл. 1 руб. 90 коп. 50 000 экз.

Бойцы вспоминают. А. П. Попов, А. К. Годовых, Н. П. Старков и др. Пермь. Книжное изд-во. 1982. 221 с. 50 коп. 10 000 экз.

Боровский Я. Е. *Мифологический мир древних киевлян.* Киев. Наукова думка. 1982. 104 с. 25 коп. 25 000 экз.

В катакомбах Аджимушкай. Документы. Воспоминания. Статьи. Сост. Б. Е. Серман. 4-е изд., перераб. и доп. Симферополь. Таврия. 1982. 268 с., илл. 1 руб. 40 коп. 50 000 экз.

Вартанов Р. Г. *Социализм. Ступени развития.* Ереван. Айастан. 1982. 399 с. 3 руб. 2000 экз.

Великий Октябрь и Турция. Сборник статей. Отв. ред. А. М. Шамсутдинов. Тбилиси. Мецниереба. 1982. 240 с. 1 руб. 65 коп. 1000 экз.

Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный. Чечено-Ингушское книжное изд-во. 1982. 367 с. 1 руб. 50 коп. 3000 экз.

Вопросы истории КПСС. Некоторые вопросы организаторской и идеологической деятельности КПСС. Межведомственный сборник. Вып. 13. Минск. Изд-во БГУ. 1982. 176 с. 1 руб. 50 коп. 1000 экз.

Восемнадцатая в сражениях за Родину. Боевой путь 18-й армии. М. И. Повалий, Ю. В. Плотников, И. М. Ананьев и др.

Предисловие П. Жилина. М. Воениздат. 1982. 528 с., илл. 1 руб. 90 коп. 65 000 экз.

Время, события, люди. Приморье, 1917—1980. Владивосток. Дальневосточное книжное изд-во. 1980. 399 с. 1 руб. 10 коп. 5000 экз.

Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941—июль 1944). Документы и материалы. В 3-х т. Минск. Беларусь. 1982. Т. 3. Всенародное партизанское движение в Белоруссии на завершающем этапе (январь—июль 1944). Сост. З. И. Белуга, Г. Н. Шевела, К. М. Гоцман и др. 792 с. 1 руб. 40 коп. 8000 экз.

Гвоздиков И. М. *Салават Юлаев.* Исследование докум. источников. Уфа. Башкирское книжное изд-во. 1982. 222 с. 60 коп. 10 000 экз.

Горовский Ф. Я. *Советский народ как интернациональная общность.* Киев. Вища школа. 1982. 223 стр. 2 руб. 10 коп. 3000 экз.

Дейч Г. М. *В те далекие годы.* В. И. Ленин и Н. К. Крупская в письмах к родным. М. Советская Россия. 1982. 224 с. 50 коп. 25 000 экз.

Дневник и письма Сергея Лазо. Подгот. к печати А. С. Лазо. Кишинев. Картя молдовеняскэ. 1982. 253 с. 50 коп. 15 000 экз.

Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1980 г. М. Наука. 1981. 238 с. 1 руб. 90 коп. 3750 экз.

Дружба и братство русского и украинского народов. В 2-х т. Т. 2. Киев. Наукова думка. 1982. 471 с. 2 руб. 60 коп. 4000 экз.

Дюрягин Г. М. *Сквозь пламя войны.* Предисл. Ю. М. Прокофьева. Казань. Татарское книжное изд-во. 1982. 144 с. 25 коп. 19 000 экз.

Елфимов Ю. Н. *Маршал индустрии.* Биограф. очерк о А. П. Завенягине. Челябинск. Южно-Уральское книжное изд-во. 1982. 200 с. 35 коп. 7000 экз.

Звездный. Сборник сост. Н. Андреев, М. Барабанщиков, В. Митрошенков. М. Московский рабочий. 1982. 207 с., илл. 1 руб. 90 коп. 50 000 экз.

Зинченко Ю. И. *Боевое взаимодействие партизан с частями Красной Армии на Украине, 1941—1944.* Киев. Наукова думка. 1982. 186 с. 65 коп. 7000 экз.

Иванов В. А. *У подножия Рифейских гор.* Археолог. очерки. Уфа. Башкирское книжное изд-во. 1982. 125 с. 15 коп. 5000 экз.

Изменение социальной структуры народов СССР. Вопросы истории и историографии социальных преобразований 20—30-х годов. М. Изд-во МГУ. 1982. 128 с. 85 коп. 3310 экз.

Изотовские университеты. Статьи, очерки, хроника. Сост. В. С. Логачева. Донецк. Донбасс. 1982. 127 с., илл. 25 коп. 3000 экз.

Иконников Ю., Тарасов А. *Связные истории.* М. Молодая гвардия. 1982. 303 с., илл. 60 коп. 100 000 экз.

Историография истории КПСС в период восстановления и развития народного хозяйства 1921—1925 гг. М. Изд-во МГУ. 1982. 216 с. 1 руб. 90 коп. 2200 экз.

Касьяненко В. И. *Советский образ жизни. Проблемы исследования.* М. Мысль. 1982. 215 с. 85 коп. 47 000 экз.

Каталог книг издательства «Наука», 1978—1980. Сост. И. Л. Куракина. М. Наука. 1982. 288 с. 2 руб. 80 коп. 2400 экз.

Киев революционный, боевой, трудовой. Киев. Вища школа. 1982. 319 с., илл. 5 руб. 40 коп. 8500 экз.

Климин И. И. *Аграрная политика КПСС (1917—1937 гг.). Действительность и буржуазные вымыслы.* Л. Изд-во ЛГУ. 1982. 137 с. 1 руб. 50 коп. 2000 экз.

Коми АССР в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. Сборник документов и материалов. Сыктывкар. Коми книжное изд-во. 1982. 240 с. 55 коп. 3000 экз.

Луковцев В. С. *Минуя тысячелетия.* О социалистическом развитии народностей Севера. М. Мысль. 1982. 176 с. 70 коп. 30 000 экз.

Майоров Я. М. *Магистраль мужества.* М. Воениздат. 1982. 191 с., илл. (Военные мемуары). 1 руб. 65 000 экз.

Мельников Е. А. *В едином строю интернационалистов* Из истории советских секций междунар. организации рабочего класса, 1919—1939 гг. Л. Изд-во ЛГУ. 1982. 163 с. 1 руб. 60 коп. 2106 экз.

Молдован Д. *Сергей Лазо.* Кишинев. Картя молдовеняскэ. 1982. 121 с. 35 коп. 50 000 экз.

Морская доблесть. Сборник статей и очерков. Сост. Ю. И. Чернов, А. А. Воронин. М. Воениздат. 1982. 208 с., илл. 75 коп. 65 000 экз.

Московкин В. Ф., Тарасов Е. П. *Солдат революции.* О Н. И. Подвойском. М. Политиздат. 1982. 112 с., илл. (Герои Сов. Родины). 20 коп. 200 000 экз.

Нечкина М. В. *Функция художественного образа в историческом процессе.* Сборник работ. М. Наука. 1982. 319 с. 1 руб. 30 коп. 16 800 экз.

Новиков А. Н. *Партийное руководство комсомолом в период подготовки и проведения коллективизации.* М. Высшая школа. 1982. 104 с. 1 руб. 30 коп. 1355 экз.

Образование Якутской АССР, 1917—1923 гг. Сборник документов и материалов. Якутск. Книжное изд-во. 1982. 208 с. 65 коп. 5000 экз.

Осипов В. *Политрук Клочков.* 2-е изд., испр. и доп. Саратов. Приволжское кн. изд-во. 1982. 199 с. (Их имена в истории края). 55 коп. 20 000 экз.

Пшеняник Г. А. *В небе Северного Кавказа.* Воспоминания. 2-е изд., испр. и доп. Нальчик. Эльбрус. 1982. 176 с., илл. 30 коп. 2000 экз.

Ракитов А. И. *Историческое познание. Системно-гносеологический подход.* М. Политиздат. 1982. 303 с. 1 руб. 30 коп. 50 000 экз.

Русский город. Исследования и материалы. М. Изд-во МГУ. 1982. 224 с. 1 руб. 40 коп. 9000 экз.

Сафонов М. И. *Записки начальника штаба.* О 157-й стрелковой бригаде и 301-й стрелковой дивизии в боях за Кавказ и Кубань в августе 1942 и 1943 гг. Саратов. Приволжское книжное изд-во. 1982. 104 с. 15 коп. 10 000 экз.

Сафонов П. *Годы сближаю разные...* Воспоминания первостроителя Комсомольска-на-Амуре. Хабаровск. Книжное изд-во. 1982. 126 с. 20 коп. 5000 экз.

Сахаров А. Н. *Дипломатия Святослава.* М. Международные отношения. 1982. 329 с. 1 руб. 10 коп. 80 000 экз.

Сборник документов для практических занятий по источниковедению истории СССР. Вып. 3. Эпоха социализма. М. Высшая школа. 1982. 272 с. 75 коп. 15 000 экз.

Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий. Эпоха социализма. Вып. 6. 1960—1980 гг. М. Высшая школа. 1982. 328 с. 75 коп. 15 000 экз.

Титов Г. *Голубая моя планета.* М. Воениздат. 1982. 320 с., илл. 90 коп. 150 000 экз.

Товарищ Артем. Воспоминания о Ф. А. Сергееве (Артеме). Сост. И. П. Донков, Ц. В. Зорина. 2-е изд. Харьков. Прапор. 1982. 294 с., илл. 95 коп. 10 000 экз.

Троицкий С. М. *Россия в XVIII веке.* Сборник статей и публикаций. М. Наука. 1982. 255 с. 1 руб. 30 коп. 11 700 экз.

Усманов А. Н. *Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству.* 2-е изд., испр. и доп. Уфа. Башкирское книжное изд-во. 1982. 336 с. 80 коп. 5000 экз.

Уфимцы — соратники В. И. Ленина. Сост. Б. А. Кузнецова. Уфа. Башкирское книжное изд-во. 1982. 159 с., илл. (Башкирская Лениниана). 65 коп. 3000 экз.

Фонвизин М. А. *Сочинения и письма.* В 2-х т. Иркутск. Восточно-Сибирское книжное изд-во. 1982. Т. 2. Сочинения. 431 с. (Полярная звезда). 2 руб. 90 коп. 50 000 экз.

Фронтальная печать о воинах из Якутии. Сборник статей, очерков, корреспонденций, заметок, сообщений. Сост. Д. Д. Петров. Якутск. Книжное изд-во. 1982. 116 с., илл. 45 коп. 7000 экз.

Чебан А. П. *Невидимая застава.* Послесл. В. Е. Фесенко. Киев. Политиздат Украины. 1982. 128 с. 40 коп. 65 000 экз.

Чекисты Карелии. Статьи, очерки, рассказы. Петрозаводск. Карелия. 1982. 292 с., илл. 60 коп. 20 000 экз.

Чекисты на защите столицы. Документы и материалы об участии сотрудников Московского управления госбезопасности в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой. Сост. А. С. Байдов, И. Е. Поликаренко, В. Г. Ушаков. М. Московский рабочий. 1982. 320 с., илл. 95 коп. 20 000 экз.

Черненко Е. В. *Скифские лучники.* Киев. Наукова думка. 1981. 167 с., илл. 1 руб. 50 коп. 5000 экз.

Шуф П. *Близится эра...* Страницы истории пионерской организации Узбекистана. Ташкент. Укитувчи. 1982. 200 с., илл. 60 коп. 5000 экз.

Юров А. Т. *КПСС в борьбе за развитие материально-технической базы сельского хозяйства (50-е годы).* Ростов н/Д. Изд-во

Рост. ун-та. 1982. 167 с. 1 руб. 70 коп. 1000 экз.

Ятченко Н. *Не должно повториться!* Воспоминания узника Штуттгофа и Дахау. М. Московский рабочий. 1982. 144 с. 25 коп. 30 000 экз.

Всеобщая история

Аветисян Г. А. *Под знаменем пролетарского интернационализма*. Ереван. Изд-во Акад. наук. АрмССР. 1982. 236 с. 2 руб. 80 коп. 3000 экз.

Археология Старого и Нового Света. Сборник. М. Наука. 1982. 224 с., илл. 1 руб. 80 коп. 3000 экз.

Белашенко Т. К. *США: 200 лет — 200 войн*. 2-е изд., доп. М. Восниздат. 1982. 223 с., илл. (Империализм. События. Факты. Документы). 60 коп. 65 000 экз.

Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. *Брак и семья у народов Югославии*. Опыт историко-этнографического исследования. М. Наука. 1982. 239 с. 95 коп. 5500 экз.

Библиография арабских рукописей. Сост. И. Б. Михайлова при участии А. Б. Халидова. М. Наука. 1982. 392 с. 4 руб. 20 коп. 1350 экз.

Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. Сборник статей. Отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин. М. Наука. 1982. 317 с. 2 руб. 30 коп. 5000 экз.

Георгий Димитров — выдающийся революционер и теоретик. Редкол. А. И. Соболев (СССР), Ф. И. Фирсов (СССР), Д. Сирков (НРБ), П. Боев (НРБ). М. Политиздат. 1982. 432 с., илл. 2 руб. 50 коп. 50 000 экз.

Звягельская И. Д. *Роль военной верхушки в формировании государственной политики Израиля*. М. Наука. 1982. 160 с. 50 коп. 6000 экз.

Земсков И. Н. *Дипломатическая история второго фронта в Европе*. М. Политиздат. 1982. 319 с. 1 руб. 40 коп. 100 000 экз.

Ким Г. Ф. *От национального освобождения к социальному*. Социально-политические аспекты современных национально-освободительных революций. М. Наука. 1982. 296 с. 1 руб. 90 коп. 3200 экз.

Люблинская А. Д. *Франция при Ришелье*. Французский абсолютизм в 1630—1642 гг. Л. Наука, Ленинградское отделение. 1982. 275 с. 1 руб. 50 коп. 9750 экз.

Мировое коммунистическое движение. М. Политиздат. 1982. 496 с. 1 руб. 20 коп. 95 000 экз.

Плетнева С. А. *Кочевники Средневековья*. Поиски исторических закономерностей. М. Наука. 1982. 188 с. 1 руб. 20 коп. 3300 экз.

Постигая революцию. Димитров и молодежь. Сборник. Сост., вступительная статья В. Н. Гребенникова. М. Молодая гвардия. 1982. 271 с., илл. 80 коп. 50 000 экз.

Проблемы коммунистического движения. Марксизм-ленинизм — творческое интернациональное учение коммунистов всего мира. Ежегодник, 1981. М. Мысль. 1982. 342 с. 1 руб. 30 коп. 25 000 экз.

Рабочий класс в мировом революционном процессе. Ежегодник, 1982. М. Наука. 1982. 335 с. 2 руб. 60 коп. 4550 экз.

Райцес В. И. *Жанна д'Арк. Факты, легенды, гипотезы*. Л. Наука, Ленинградское отделение. 1982. 200 с., илл. (Научные биографии). 40 коп. 100 000 экз.

Сунд Л. В. *Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80—90-е годы XIX в.* Л. Наука, Ленинградское отделение. 1982. 158 с. 1 руб. 50 коп. 1400 экз.

Хаванов Е. И. *Коминтерн и молодежь*. Из опыта молодежной политики коммунистического Интернационала. Саратов. Изд-во Сарат. ун-та. 1982. 150 с. 1 руб. 50 коп. 1000 экз.

Шпотов Б. М. *Фермерское движение в США. 1780—1790-е годы*. М. Наука. 1982. 215 с. 1 руб. 90 коп. 1300 экз.

Книги, переведенные с иностранных языков

Бенгстон Г. *Правители эпохи эллинизма*. Пер. с нем. М. Наука. 1982. 391 с. (По следам исчезнувших культур Востока). 1 руб. 40 коп. 10 000 экз.

Жоффр Ф. де. *Нормандия — Неман*. Воспоминания летчика. 2-е изд. Пер. с франц. Предисловие Г. Захарова. М. Воениздат. 1982. 176 с., илл. 85 коп. 65 000 экз.

Массэ А. *Ислам*. Очерк истории. 3-е изд. Пер. с франц. М. Наука. 1982. 191 с. 95 коп. 15 000 экз.

Новинский М. *В рядах двух армий*. Воспоминания. Пер. с польск. М. Воениздат. 1982. 198 с. 80 коп. 65 000 экз.

Штарке К. *Студенты. Становление личности*. Пер. с нем. Послесловие и общ. редакция В. Т. Лисовского. М. Прогресс. 1982. 135 с. (Социализм. Опыт. Проблемы. Перспективы). 50 коп. 20 000 экз.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

Народы Азии и Африки № 2, 1982. Кошелев П. Я. Экономическое сотрудничество СССР с африканскими государствами; Климко Г. Н., Рогач А. И. Смешанные компании международных корпораций

в развивающихся странах; Владимиров В. В. Политика «открытых дверей» в Египте и местная буржуазия; Кочакова Н. Б. Эволюция традиционных политических структур Нигерии в колониальный период;

Фридман Л. А., Воронин С. В. Наемный труд и рабочий класс в освободившихся странах; Лунин Б. В. Из семейной хроники русских востоковедов; «Круглый стол» журнала. Массовое сознание в развивающемся мире (участвовали: Ерасов Б. С., Замошкин Ю. А., Полонская Л. Р., Лукин В. П., Хорос В. Г., Илларионов Н. С., Старостин Б. С., Мальковская И. А., Биргауз Е. А., Гусева Н. Р., Кляшторная В. Б., Куббель Л. Е., Брудный А. А. От редакции Куценков А. А.).

Советское славяноведение № 1, 1982. Виноградов В. Н. Восточный вопрос и англо-русские отношения в 30-е годы XIX века; Пиримкулов Ш. Д. К вопросу о политико-воспитательной работе Союза польских патриотов в СССР в республиках Средней Азии и Казахстана (1943—1946); Хотькова Е. С. Из истории борьбы за идейное и организационное единство чехословацкого молодежного движения (1939—1945); Романенко С. А. Формирование мировоззрения и политическая деятельность братьев А. и С. Радичей (1887—1900); Флоря Б. Н. Русское посольство в Стамбуле в 1613 г. и Речь Посполитая.

Советское славяноведение № 2, 1982. Билунов Б. Н. 37 лет по пути социализма в тринадцативековой истории Болгарии; Гибанский Л. Я. Вопрос о Болгарии, Румынии и Венгрии на Крымской конференции; Михутина И. В. О месте крестьянских партий в политической эволюции стран Центральной и Юго-Восточной Европы между первой и второй мировыми войнами; Греков И. Б. Заключительная часть Троицкой летописи и проблема авторства летописного свода 1409 года; Северная О. А. Художественная интеллигенция Болгарии в культурном строительстве (1944—1948).

Вестник древней истории № 2, 1982. Дьяконов И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империя»; Проблема типологии; Лундин А. Г. О происхождении алфавита; Лордкипанидзе Г. А. Греко-колхские взаимоотношения в VI—IV вв. до н. э.; Ильинская Л. С. Элимы в античной традиции и в археологии; Селецкий Б. П. Источники финансирования Суллы в период войны с Митридатом Евпатором; Шелов-Коведяев Ф. В. Новый декрет из Херсонеса; Акопян А. М. Клад медных парфянских монет из Апарана; Тирацян Г. А. Армянская тиара; опыт культурно-исторической интерпретации; Большаков А. О. Из истории египетской идеологии Старого царства; Козырева Н. В. Спор из-за наследства жрицы из старовавилонского города Ларса; Онайко Н. А., Дмитриев А. В. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры; Манасерян Р. Л. Процесс образования державы Тиграна II; Соломоник Э. И. Неизданная статья академика С. А. Жебелева «Торгово-консульская служба в древнегреческих колони-

ях Северного Причерноморья»; Буданова В. П. Передвижения готов в Северном Причерноморье и на Балканах в III в. (по данным письменных источников).

Советская этнография № 3, 1982. Першиц А. И. Проблемы аксиологических сопоставлений в культуре; Моногарова Л. Ф. Структура современной городской семьи таджиков (по материалам городов Ура-Тюбе и Исфара); Руденский Н. Е. Численность и расселение венгерских групп в Европе за пределами Венгрии; Тишков В. А. Индейцы Канады во второй половине XX в.; Волчок Б. Я. К проблеме интерпретации протоиндийских изображений и символов; Шамладзе В. М. О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства. Кавказа; Нитобург Э. Л. Население Гренады; Грусман В. М., Яглинская Э. С. Показ отдельных аспектов советского образа жизни в Государственном музее этнографии народов СССР; Горленко В. Ф. Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII—первой половины XIX в.; Токарев С. А. О культе гор и его месте в истории религии; Гурвич И. С., Ляпунова Р. Г. Поездка в США советских этнографов; Роуз Ф. Г., Шепс Б. Традиция и эволюция живописи на коре в районе Оэмпелли, западный Арихемленд.

Советская археология № 2, 1982. Сергин В. Я. О происхождении и развитии палеолитических поселений; Третьяков В. П. К вопросу об «археологической непрерывности» (по материалам орудий труда эпохи мезолита и неолита); Рындина Н. В., Конькова Л. В. О происхождении больших усатовских книжалов; Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия во II—IV вв. (некоторые проблемы исследования); Фехнер М. В. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе; Смирнов А. С. Новые неолитические памятники Брянского Подесенья; Цветкова И. К., Кравцов А. Е. Керамика неолитической стоянки Владычинская-Береговая I; Корневский С. Н., Петренко В. Г. Курганы майкопской культуры у поселка Иноземцево; Могильников В. А., Куйбышев А. В. Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г.; Абрамова М. П. Новые материалы раннесредневековых могильников Северного Кавказа; Михеев В. К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша; Афанасьев Г. Е., Николаенко А. Г. О салтовском типе сырдутного горна; Уманский А. П., Неверов С. В. Находки из погребений IX—X вв. в долине р. Алея на Алтае; Исламова И. В. Селище Шурское II близ Ростова Великого; Даркевич В. П., Пущко В. Г. Старорязанские клады (раскопки 1979 г.).

Рабочий класс и современный мир № 2, 1982. Развитие рабочего класса в условиях социализма и укрепление дружбы народов; Уинстон Г. Диалектика национального и интернационального в антиимпериалистической борьбе; Коваль Б. И. Интернационализм и социалистический образ жизни; Минайлов В. И. Революционные тра-

диции рабочего класса, их роль в социалистическом переустройстве общества; Сивачев Н. В. Кризис государственно-монополистических методов регулирования трудовых отношений; Плетнев Э. П. Непоследовательная позиция или неуклонный саботаж?; Васильчук Ю. А. Противоречия развития НТР в условиях господства ТНК; Забелина Т. Ю. Структура и положение индустриального пролетариата Бразилии; Вульф В. Я. «Новый консерватизм» 80-х годов; Лапицкий М. И. Профсоюзы США в новых условиях; Галкин А. А. Расстановка сил в современной социал-демократии; Гусенков В. С. О некоторых идейно-политических установках Французской социалистической партии (К итогам съезда ФСП в 1981 г.); Чернуха З. В. ФКП и зарождение стратегии союза левых сил во Франции в 30-х годах; Андреев Ю. А. Португалия: армия в апрельской революции; Туркин В. Н. Борьба профсоюзов Японии за обновление общества; Пронина Т. С. Культурный уровень рабочих НРБ и их свободное время; Фоменко В. А. Форум западноберлинских коммунистов; Усенин В. И. Социальное обеспечение: этапы развития.

Средние века. Т. 44, 1981. Институт всеобщей истории Академии наук СССР. Могильницкий Б. Г. В. И. Ленин об историческом методе; Ролова А. Д., Курбатов Г. Л. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. И. Рутенбурга; Шаркова И. С. Список научных работ члена-корреспондента АН СССР, доктора исторических наук, профессора В. И. Рутенбурга;

Корсунский А. Р. Религиозный протест в эпоху раннего средневековья в Западной Европе; Котельникова Л. А. Городское землевладение в Центральной Италии в VIII—XI веках; Бессмертный Ю. Л. К вопросу о положении женщины во франкской деревне IX в.; Мильская Л. Т. Аграрное развитие Каталонии и окружающая среда (XII—начало XIII в.); Серовайская Ю. Я. Доходы от королевских заповедных лесов в бюджете английского казначейства (середина XII—начало XIII в.); Барг М. А., Авдеева К. Д. Дворянское землевладение в Англии XIV в.; Брагина Л. М. Гражданский гуманизм в творчестве Маттео Пальмиери; Репина Л. П. Potentiores и meliores Лондона в начале XIV в.; Девятайкина Н. И. Петрарка о достоинстве человека; Маркова С. П. Йоркская компания мерсеров и купцов-авантюристов в XV—XVI вв. (К истории торгового капитала в Англии).

Византийский временник. Т. 42, 1981. Институт всеобщей истории Академии наук СССР. Сметанин В. А. Проскафимены поздневизантийского времени; Удадьцова З. В. Культурные связи Древней Руси и Византии; Литаврин Г. Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников; Медведев И. П. Предварительные заметки о рукописной традиции Земледельческого закона. 2. Рукописи XIII—XIV вв.; Чекалова А. А. Иешу Стилит или Прокопий? (к во-

просу о манере изображения греческими и сирийскими авторами войны между Византией и Ираном в 502—506 гг.); Чичуров И. С. Феофан Исповедник — публикатор, редактор, автор? (в связи со статьей К. Манго); Иванов С. А. Византийско-болгарские отношения в 966—969 гг.; Карпов С. П. У истоков политической идеологии Трапезундской империи; Соколова И. В. Об эпиграфике византийских печатей VIII—IX вв.; Самодурова З. Г. Краткая анонимная хроника из греческой рукописи Государственного Исторического музея; Фонкич Б. Л. Греческие писцы эпохи Возрождения. 3.; Измайлова Т. А. Рукопись 1200 г. (Матепадаран, № 2589); Каковкин А. Я. Коптский тканый медальон с изображением мученичества св. Феклы; Романчук А. И., Быков М. Я. Рисунки средневековых кораблей из крепости Каламита; Николаев В. Д. Свидетельство хроники Псевдо-Симеона о руси-дромитах и поход Олега на Константинополь в 907 г.; Кривов М. В. Последние Гассаниды между Византией и халифатом; Джагацпаян Е. Д. Еще раз о турецком завоевании Фессалоники в конце XIV в.

Палестинский сборник. Вып. 27/90/, 1981. История и филология. Российское палестинское общество Академии наук СССР. Примаков Е. М. Проблема Палестины в XX в.; истоки, эволюция, перспективы; Лундин А. Г. Список жрецов Амма; Шифман И. Ш. Царская власть и государственность; Колесников А. И. О термине «марзбан» в Сасанидском Иране; Старкова К. Б. Фрагменты «Плача» из 4-й пещеры Хирбет-Кумрана (4, 179); Алексеев А. А. «Песнь песней» по русскому списку XVI в. в переводе с древнееврейского оригинала; Пайкова А. В. Отражение некоторых гностических представлений в памятниках сирийской повествовательной литературы; Гранстрем Е. Э. К истории заговоров и апокрифических молитв в византийской письменности (неизвестный сборник греческих врачевальных молитв); Мещерская Е. Н. Сирийские заклинательные сборники из Матенадарана; Залесская В. Н. Об одной группе коптских бронзовых изделий VI—VII вв.

Вестник общественных наук Академии наук Армянской ССР № 1, 1982. Исаханов Р. Социально-экономический комплекс региона бассейна озера Севан; Папазян А. Сады и садовые участки по армянским и персидским купчим; Тирацян Г., Карапетян И. Раскопки Армавира в 1979—1980 гг.

Вестник общественных наук Академии наук Армянской ССР № 2, 1982. Калантарян А. Раскопки Двина в 1978—1979 гг.; Косян А. Уточнения в чтении одной дефектной надписи из Аргиштихинили; Докладные записки Н. Я. Марра в Археологическую комиссию. 1909—1915 гг. (публикация Пескаревой К., Баликян О.).

Вестник общественных наук Академии наук Армянской ССР № 3, 1982. Макеев Н.

О создании и деятельности Армянской секции Бакинской организации РСДРП (1906—1908 гг.); Геворкян Ц. Подготовка партийно-советских руководящих кадров в Армении (1941—1952); Саркисян А. Из истории деятельности политотделов совхозов Армении; Жанполадян Р. О ремеслах в Двине (IX—XIV вв.); Маргарян А. К истории Гарнийской битвы; Каковкин А. Серебряный ковш XIV в. из Александрополя; Микаелян В. Погосян В. Армянин Уанис Петро — мамелюк Наполеона (публикация).

Известия Академии наук Белорусской ССР. Серия общественных наук № 1, 1982. Токарев М. В. От Института белорусской культуры до Академии наук республики (к 60-летию Инбелкульту); Литвинкович М. И. Рабочий класс — авангард партизанского движения Белоруссии в годы Великой Отечественной войны; Лещенко Р. Ф. Идентификация терминов, которыми обозначали выходцев из Белоруссии и Русского государства.

Известия Академии наук Казахской ССР № 1, 1982. Ихланов Ж. О. Начало планомерного развития народного хозяйства Казахстана; Кулманов Д. И., Козыбаева А. К. Формирование активности коммунистов в свете требований XXVI съезда КПСС; Жамансарин Н. Ш. Профсоюзы и рост общественно-политической активности сельских тружеников Казахстана; Климочкина Н. Я. Из истории партийного руководства народными университетами (октябрь 1917—1920 гг.); Марьяшев А. Н., Мотов Ю. А. Крепостные стены позднесредневекового Туркестана; Со Всесоюзной научно-теоретической конференции «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Казахстана».

Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук № 1, 1982. Методологические вопросы развития социализма в свете решений XXVI съезда КПСС; Белова Л. А. Новые стоянки каменного века на Нижнем Узбое; Пилипко В. Н. О времени основания древнего поселка в Керки.

Общественные науки в Узбекистане. Академия наук Узбекской ССР № 1, 1982. Настольная книга каждого ученого и педагога (О «Воспоминаниях» Л. И. Брежнева); Камиллов К. К. Повышение роли Советов в свете решений XXVI съезда КПСС; Турсунов Х. Т. Глубже изучать историю национально-освободительных движений в Средней Азии; Бедринцев А. К. Системный подход к формированию территориально-производственных комплексов Узбекистана; Файзиев А. А. Комплексный подход как метод научного познания; Ртвеладзе Э. В. Об ареале и хронологии сасанидских завоеваний в Северной Бактрии — Тохаристане (по данным нумизматики); Абдуллаев Ш. М. Участие УзССР в становлении хозяйственного сотрудничества СССР со странами — членами СЭВ;

Рашидова А. И. Роль СредазЭКОСО в развитии экономики УзССР (1926—1934); Тихонин М. Зооморфное изображение — налест с городища Канка; Хуршут Э. «Тарих-Кипчак-хани» и его списки.

Общественные науки в Узбекистане. Академия наук Узбекской ССР № 2, 1982. Фазылов С. Повышение эффективности использования производственных фондов в колхозах Узбекистана (По материалам Бухарской области); Тетенева Л. Г. Усиление ведущей роли рабочего класса в Советах УзССР; Головачев И. И. Победа колхозного строя и рост материального и культурного уровня жизни колхозного крестьянства Средней Азии в годы довоенных пятилеток; Ахунбабаев Х. Г. Согдийская надпись на хуме из Афрасиаба; Волошина Г. А. О рукописях по истории и литературе Афганистана из фондов Института востоковедения АН УзССР.

Общественные науки в Узбекистане. Академия наук Узбекской ССР № 3, 1982. Каримов А. К. Изучение и использование земель древнего орошения; Шарифжанова Г. Ш. Социально-экономические факторы роста производительности труда (на примере легкой промышленности); Саматов Ш. Б. Возрастание роли духовной культуры в условиях развитого социализма; Абдурахманов Ф. Р. О характере творческой активности масс в условиях развитого социализма; Филанович М. И. Новое о средневековой городской культуре Ташкента; Ахтямова Ю. С. Национально-государственное строительство в Средней Азии в «трудах» зарубежных фальсификаторов.

Общественное движение в Центральные губернии России во 2-й половине XIX — начале XX в. Сборник научных трудов Рязанского государственного педагогического института. Рязань. 1981. Степанова Е. С. Крестьянское представление о свободе в период первой революционной ситуации в России (по материалам Рязанской губернии); Будаев Д. И. Из истории либерального движения в период революционной ситуации 1859—1861 годов в провинции (по материалам Смоленской губернии); Попов И. П. Деятельность земства Рязанской губернии в области народного образования в 60—80-е годы XIX века; Пирумова Н. М. К вопросу о контактах революционеров с земскими либералами в годы второй революционной ситуации; Будаева О. Д. Деятельность смоленского земства в области народного образования в конце XIX — начале XX века; Локшин А. Е. Газета «Русские ведомости» в общественной жизни Москвы в период политической реакции 80-х и первой половины 90-х годов XIX века; Смесова О. А. Революционное движение учащихся средних специальных учебных заведений на рубеже XIX — XX веков; Чекурин Л. В. А. И. Черепнин — руководитель Рязанской ученой архивной комиссии.

Хроникальные заметки

◆ Научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения акад. Б. Д. Грекова, состоялась в апреле 1982 г. в Полтаве. В ней приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Киева и других городов страны. Вступительным словом конференцию открыл директор Института археологии АН СССР акад. Б. А. Рыбаков. В докладах академика-секретаря Отделения истории АН СССР акад. С. Л. Тихвинского, директора Института всеобщей истории АН СССР чл.-корр. АН СССР З. В. Удальцовой, председателя правления Украинского общества охраны памятников истории и культуры акад. АН УССР П. Т. Тронько и др. шла речь о вкладе Б. Д. Грекова в утверждение позиций марксизма в исторической науке.

◆ Зональная межвузовская научная конференция «Пролетариат Центрального промышленного района в 1907 — феврале 1917 гг.» проходила 18 — 21 мая 1982 г. в Иваново. В конференции приняли участие сотрудники Института истории СССР АН СССР, Института истории АН БССР, Института марксизма-ленинизма и Института общественных наук при ЦК КПСС, Московского института народного хозяйства им Г. В. Плеханова, ряда университетов, учебных и отраслевых институтов, Высшей школы профсоюзного движения, Центрального музея Революции СССР, областных архивов. Были заслушаны выступления по составлению методических пособий для изучения рассмотренной темы и по подготовке статистических приложений.

◆ В Уральском университете (Свердловск) в марте с. г. состоялась 1-я научная конференция студентов и молодых ученых, исследующих историю фабрик и заводов. В ней участвовали историки Петрозаводска, Сыктывкара, Кургана, Нижнего Тагила, Перми, Свердловска, Челябинска и других городов. Обсуждались вопросы истории российского пролетариата и становления социалистической индустрии. Особое место заняли проблемы расширения круга документальных свидетельств по истории фабрик и заводов, а также культуры жителей горнозаводских центров XVIII—XIX веков.

◆ Археографическая комиссия АН СССР и группа по подготовке «Истории крестьянства Европы в средние века» Института всеобщей истории АН СССР 26 мая 1982 г. провели в Москве заседание, посвященное 80-летию со дня рождения ныне покойной А. Д. Люблинской. Вступительное слово произнес председатель комиссии С. О. Шмидт. Были прочитаны доклады: Ю. Л. Бессмертный — А. Д. Люблинская — историк-медиевист; В. Н. Малов — Последняя монография А. Д. Люблинской; В. Л. Романова — А. Д. Люблинская — палеограф и архивист; Л. И. Киселева — Из архива А. Д. Люблинской.

◆ Очередные Тихомировские чтения, организуемые Археографической комиссией, состоялись 1 июня 1982 г. в Москве и были посвящены охране документальных памятников (к 5-летию Закона СССР об охране

и использовании памятников истории и культуры). Вступительным словом открыл чтения С. О. Шмидт. Были заслушаны доклады: А. И. Шкурко — Документальные памятники в музеях РСФСР. Охрана и использование; А. С. Прокопенко — Деятельность Государственной инспекции архивов Главархива СССР по обеспечению сохранности документальных памятников; В. Д. Шмитков — Центральный архив ВЛКСМ и задачи собирания и использования документальных памятников в целях коммунистического воспитания молодежи; П. А. Колесников — Опыт работы по учету и научному описанию документальных памятников в Вологодской области; С. В. Житомирская — Общественные музеи и архивы «рядовых людей».

◆ С 18 по 21 мая с. г. в Таллине состоялась IX Всесоюзная конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии, организованная Институтом истории АН ЭССР и Тартуским университетом. В ее работе участвовали специалисты Москвы, Ленинграда, союзных республик, а также ученые ГДР, Дании, Финляндии, ФРГ и Швеции. Вступительное слово произнес академик-секретарь Отделения общественных наук АН ЭССР акад. АН ЭССР Ю. Ю. Кахк. На пленарном заседании были заслушаны доклады: Х. А. Пиримяэ (Тарту) — Роль Тартуского университета в истории культуры XVII — начала XVIII в.; Г. В. Шатков — Идея мира в скандинавских литературах; А. Я. Гуревич — Сага и истина; М. М. Вабар (Тарту) — Комплексно-географическая и междисциплинарная скандинавистика. Работали секции: экономики и географии, новейшей истории, новой истории, истории средних веков, археологии и этнографии, литературоведения и искусствоведения, языкознания. С заключительным словом выступил Х. А. Пиримяэ, остановившийся на очередных задачах «Скандинавского сборника». X конференция намечена на 1984 год.

◆ В Псковском музее-заповеднике в марте 1982 г. состоялся научный семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли». В его работе участвовали археологи и историки Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Риги и других городов. Участники семинара проинформировали о раскопках, проведенных в Пскове в прошлом сезоне. Затем были прочитаны доклады О. К. Волочковой, М. И. Зуева и К. М. Плоткина — О проекте экспозиции дореволюционного периода истории нашего края в Псковском музее-заповеднике, С. В. Белецкого — Княжеская власть в Пскове в XIV—XV веках; В. Д. Белецкого — Печати псковских посадников; А. В. Чернецова и А. А. Турилова — Псковский книжник XVI в. Иван Рыков; А. А. Александрова — Следы язычества на Псковщине, а также о результатах изучения истории ряда городов и земель нашей страны в средние века.

◆ В Киеве в Государственном музее кни-

ги и книгопечатания СССР ученые, музейные работники, книголюбцы Москвы, Ленинграда, Украины провели 21—23 апреля с. г. научно-теоретическую конференцию, посвященную 1500-летию столицы республики. Тему «Киев и книга» раскрывали выступления, в которых говорилось о значении города как одного из центров издательского дела, об украинской советской литературе, журналистике, книжных связях Украины.

◆ О каждом члене семьи Ульяновых написано немало. Их облик воссоздают воспоминания, популярные и научные труды. Издательство политической литературы выпустило в свет книгу, дающую обобщенный портрет этой семьи, собрав воедино художественные, документальные и публицистические очерки о всех ее членах («Семья Ульяновых». М. 1982).

◆ Монография Р. Г. Абдулатипова и Т. Ю. Бурмистровой «Ленинская политика интернационализма в СССР: история и современность» (М. Мысль. 1982) содержит анализ пролетарского интернационализма как закономерности общественного развития, идеологии, политики и мировоззрения рабочего класса, социально-политической роли идей интернационализма в подготовке и победе пролетарской революции, образовании первого в мире многонационального социалистического государства и построении в СССР зрелого социализма.

◆ В исследовании К. Х. Ханазарова «Решение национально-языковой проблемы в СССР» (Изд. 2-е, доп. М. Политиздат. 1982) обобщается советский опыт в этой области, рассматриваются вопросы дальнейшего совершенствования языков в условиях развитого социализма. Автор рассказывает о том, как русский язык стал языком межнационального общения, какую он играет роль в дальнейшем укреплении единства многонационального советского общества, развитии и взаимообогащении национальных культур.

◆ Авторы книги «Проблемы коммунистического движения. Марксизм-ленинизм — творческое интернациональное учение коммунистов всего мира» (М. Мысль. 1982) показывают общее и особенное в деле творческого применения этого учения к конкретной обстановке, различным условиям жизни компартий, их методы деятельности в зависимости от общественно-политической ситуации в своих странах.

◆ В. В. Загладин в своей книге «Историческая миссия социалистического общества» (М. Политиздат. 1981) показывает, что проведение социалистических преобразований и дальнейшее совершенствование нового общества суть современные формы осуществления всемирно-исторической миссии рабочего класса, а отношение к реальному социализму есть пробный камень классовой позиции представителей любых политических сил и идейных течений.

◆ Монография Н. Б. Лебиной «Рабочая молодежь Ленинграда: труд и социальный облик. 1921—1925 гг.» (Л. Наука. 1982) касается формирования политических, нравственных и профессиональных черт молодого поколения рабочих в годы восстановления народного хозяйства. В ней анализируются

проблемы престижности рабочего труда, профессиональное самоопределение молодежи, ее роль и место в промышленности города в 1921—1925 годах.

◆ В. С. Луковцев («Минуя тысячелетия: о социальном развитии народностей Севера». М. Мысль. 1982) освещает исторический путь народностей Советского Севера от патриархально-родового строя к развитому социализму, показывает становление социалистического образа жизни в этом регионе.

◆ Вопросы социально-экономического развития советской деревни последнего 15-летия, меры, осуществленные Коммунистической партией в целях подъема сельскохозяйственного производства, охарактеризованы в книге А. П. Тюриной «Социально-экономическое развитие советской деревни. 1965—1980» (М. Мысль. 1982).

◆ Сибирское издательство «Наука» выпустило монографию В. Б. Базаржапова «Национальные районы Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (Новосибирск. 1981). Это обобщающее исследование по истории Бурятии, Якутии, Тувы, Хакасии, Горного Алтая, Усть-Ордынского и Агинского бурятских, Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого, Эвенкийского, Таймырского, Корякского и Чукотского автономных округов. Автор анализирует развитие народного хозяйства национальных регионов Сибири и Дальнего Востока, показывает труд рабочих и колхозников в глубоком тылу, помощь фронту, сплоченность народов огромного края.

◆ Работа А. А. Киселева, А. И. Краснобаева и А. В. Барабанова «Гигант в Хибинах» (Мурманск. 1981) посвящена истории производственного объединения «Апатит» им. С. М. Кирова в 1929—1979 гг., самоотверженному труду тысяч людей, решению сложных производственных и социальных проблем в условиях Заполярья.

◆ В сборнике научных трудов Иркутского университета «Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.)» (вып. 6. Иркутск. 1981) раскрываются многообразная деятельность нескольких поколений политических ссыльных — петрашевцев, народников, большевиков, их воздействие на общественно-политическую и культурную жизнь края.

◆ Вышел в свет сборник «Вехи единства», посвященный 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России (Грозный. 1982). В нем характеризуются русско-чечено-ингушские отношения, прогрессивное значение акта 1781 года.

◆ Н. В. Хессин, автор книги «Н. Г. Чернышевский в борьбе за социалистическое будущее России» (М. Мысль. 1982) пишет об экономических и политических взглядах Чернышевского, о том новом, что внес он в обоснование идеи перехода России к социализму.

◆ Франц Далем (1892—1981 гг.), деятель международного коммунистического и рабочего движения, один из руководителей Компартии Германии, в воспоминаниях «Накануне второй мировой войны. 1938 г. — август 1939 г.», вышедших в двух томах (М. Политиздат. 1982), рассказывает о борьбе

КПГ за объединение прогрессивных сил против гитлеровской диктатуры в Германии и ее политики развязывания второй мировой войны,— борьбе, которая велась немецкими коммунистами в подполье и в эмиграции.

◆ В книге А. Ахмедова «Социальная доктрина ислама» (М. Политиздат. 1982) раскрывается несостоятельность концепций о путях общественного развития, нашедших отражение в различных версиях «исламского социализма». Автор дает отповедь тем мусульманским деятелям, которые выступают с позиций антикоммунизма.

◆ Процесс становления государственности, многовековая борьба народа Афганистана за свободу и независимость, против попыток английских колонизаторов подчинить себе страну прослеживается в работе «История Афганистана с древнейших времен до наших дней» (М. Мысль. 1982). Наибольшее место отведено социально-экономическим и политическим преобразованиям, осуществленным в результате революции 1978 г., а также дружественным советско-афганским отношениям.

◆ Видный историк и писатель Н. А. Равич (1899—1976 гг.) активно работал в сфере популяризации исторических знаний, возглавляя Комиссию по художественно-исторической литературе при Правлении Союза писателей РСФСР. Он придерживался убеждения, что «художественно-историческая литература может успешно развиваться только в том случае, если она будет опираться на советскую историческую науку... Чтобы стать историческим писателем, нужно обладать не только большим литературным мастерством, но и высокой научной подготовкой». На страницах его исторического романа «Две столицы» (М. Советский писатель. 1982) раскрывается конфликт двух миров: нарождавшейся передовой, антикрепостнически настроенной интеллигенции и противостоявшего ей самодержавия. Автор излагает факты истории «просвещенного абсолютизма» и в их числе такие, как разорение типографии Н. И. Новикова, арест и ссылка А. Н. Радищева, рисует портреты исторических деятелей того времени, использует подлинные документы эпохи. Роман отражает раздумья автора — мастера популяризации, показывает истоки традиций российской гражданственности, патриотизма и свободолюбия.

◆ В издательстве «Московский рабочий» третьим, переработанным и дополненным изданием вышла книга С. Н. Боровкова «Заповедная звенигородская земля» (М. 1982) об одном из древних русских районов, его истории и памятниках, связанных с жизнью и творчеством А. С. Пушкина, А. И. Герцена, А. П. Чехова, И. И. Левитана, П. И. Чайковского, С. И. Танеева, А. М. Горького, М. М. Пришвина, С. С. Прокофьева и Д. Д. Шостаковича.

◆ В. А. Троицкий в книге «Записки Харитона Лаптева» (М. Мысль. 1982) рассказывает об исследователе Таймыра, участнике Великой Северной экспедиции 1733—1743 гг., о том, как были открыты многие острова, создана первая достоверная карта Таймыра и дано описание полуострова.

◆ Работа Н. К. Керемова «Путешествия Бакуви» (М. Мысль. 1982) касается жизни и деятельности азербайджанского путешественника и географа XV в., оставившего труд, в котором описывается территория от Китая до Андалусии, от Ирландии до Африки.

◆ В Архиве АН СССР (Ленинград) Б. С. Итенберг обнаружил автограф письма (от 1 февраля 1869 г.) народника, экономиста и публициста, переводчика «Капитала» Н. Ф. Даниельсона Г. Н. Вырубову — одному из издателей французского журнала «Позитивная философия». Даниельсон в этом письме защищал учение К. Маркса от нападок позитивистов и отмечал успешную деятельность I Интернационала. Данное письмо, равно как и другое письмо Даниельсона Вырубову от декабря 1868 г., до сих пор приписывалось П. Л. Лаврову.

◆ Ученые отдела археологии Института истории АН БССР обнаружили при раскопках в урочище Левановщина возле Давидгородка захоронение эпохи милоградской культуры, датируемое VI в. до н. э. Милоградцы занимались земледелием, животноводством, охотой, обрабатывали железо, поддерживали торговые контакты со скифами, о чем свидетельствуют находки скифских вещей на милоградских памятниках.

◆ «Алтын-Тобе» («Золотой холм») — поселок в 12 км от Чимкента, на окраине которого расположен холм, скрывающий одно из древнейших на территории Казахстана поселений. При раскопках найдены остатки жилых и хозяйственных помещений со следами очагов, керамические сосуды для хранения зерна, посуда. Верхний слой поселения датируется V—VI веками. Обнаружено семейное захоронение III—IV вв.: рядом с останками людей лежал горшок с изображением вставшей на дыбы лошади.

◆ Раскопки крупного раннесредневекового памятника — крепости Шадуз-кала на северо-западной окраине Мисрианской равнины (Кизыл-Атрекский район) увенчались находками керамических изделий и стеклянных сосудов. Аналогичная форма последних была широко распространена в раннее средневековье. Большой интерес представляют мелкие украшения — бусы из стекла.

◆ Терракотовая статуэтка, найденная при раскопках городища Афрасиаб (окраина Самарканда), пополнила коллекцию Института археологии АН Узбекистана. Она изображает музыканта, прижавшего к груди лютню. Найденные там же серебряные монеты 773—775 гг. позволили установить примерное время ее изготовления.

ОТ РЕДАКЦИИ

В редакцию с обстоятельным письмом, озаглавленным «Фактические ошибки в учебнике по истории СССР», обратились профессор, доктор исторических наук Я. Г. Зимин и Л. И. Олыштынский.

В письме говорится: «В 1979 г. вышла в свет 3-м изданием книга, утвержденная Министерством высшего и среднего специального образования в качестве учебного пособия для вузов, «История СССР 1917—1978», написанная И. Б. Берхиным. Тираж ее 80 тыс. экземпляров, рассчитанный на массовую аудиторию. Очевидно, что учебная литература, безусловно, должна удовлетворять по меньшей мере двум требованиям: во-первых, содержать в себе логичное и стройное изложение утвердившихся в науке взглядов и выводов; во-вторых, быть безупречно точной в оперировании теми или иными фактами, составляющими основу каждого исторического произведения». Далее авторы указывают, что они «не касаются содержательной стороны книги. Это предмет специального анализа и оценки», но хотят обратить внимание на вопрос, связанный с подачей фактического материала. И продолжают: «Даже единичные фактические ошибки в учебнике являются своего рода ЧП». К глубокому сожалению, в учебнике И. Б. Берхина, полагают авторы письма, такие ошибки далеко не единичны.

Во-первых, в письме приводится значительное число примеров неточного указания инициалов и фамилий упоминаемых в учебнике лиц. Так, вместо Э. А. Рахья — в книге написано Э. Л. Рахья (с. 31), вместо А. М. Крымов — А. И. Крымов (с. 34), вместо М. И. Лацис — М. Я. Лацис (с. 65), вместо К. А. Мехоношин — К. Е. Механошин (с. 65). Аналогичные «огрехи» имеют место на страницах 137, 153, 154, 157, 169, 174, 224, 329, 382, 394, 575, и др.

Во-вторых, в учебнике имеется немало ошибок в датировках событий. Например, на с. 56 сказано: «В Крыму Советская власть была провозглашена в марте 1918 г.». Однако в действительности это произошло в январе 1918 года. На той же странице сказано, что в Могилеве власть перешла в руки Совета, как только было получено сообщение о победе вооруженного восстания в Петрогра-

де. Сообщение было получено уже 25 октября, а власть к Совету перешла только в ночь с 18 на 19 ноября. Чрезвычайный VI съезд Советов Туркестана состоялся не в ноябре 1918 г. (с. 164), а 5—14 октября 1918 года.

В-третьих, в книге есть ошибки в приводимых цифрах и фактических данных. Сообщая об организации Северного фронта (с. 115), И. Б. Берхин пишет, что «командующим фронта был назначен М. С. Кедров». Но этот пост он никогда не занимал. На с. 41 сказано: «На Западном фронте в начале сентября 1917 г. насчитывалось 3650 коммунистов, а в октябре — 56 356». Авторы письма приводят со ссылками на надежные источники такие данные: на Западном фронте в сентябре было около 4,5 тыс. членов партии и около 2 тыс. сочувствующих, а в октябре 21,5 тыс. членов партии и 27,2 тыс. сочувствующих. В 1937 г. в СССР было не 4437 сохоров (с. 341), а 3992.

Наличие в книге перечисленных здесь в качестве примеров некоторых из ошибок, встречающихся в ней, признано и самим И. Б. Берхиным.

На одном из заседаний редколлегии были рассмотрены письмо Я. Г. Зимина и Л. И. Олыштынского и объяснения И. Б. Берхина по этому вопросу. Члены редколлегии отметили, что учебное пособие, подготовленное И. Б. Берхиным, получило в свое время в целом положительную оценку в научной печати. Авторы письма не выражают несогласия с трактовкой в учебном пособии концепционных вопросов. Вместе с тем было констатировано, что они, руководствуясь интересами дела, справедливо указали на существенные недоработки при подготовке к печати рукописи книги. Это тем более досадно, поскольку речь идет об учебном пособии. Отмечалось также, что случаи снижения требовательности к проверке фактических данных в выходящих книгах не единичны. В результате недостатка, подобные отмеченным авторами письма, можно встретить и в некоторых других учебниках и книгах, увидевших свет в последнее время. Из этого должны быть сделаны соответствующие выводы при подготовке к изданию научных трудов и учебников их авторами, научными редакторами, издательствами.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Рецензии

David P. SZATMARY. *Shays' Rebellion: The Making of an Agrarian Insurrection*. Amherst. 1980, XVIII+ 184 p.

Дэвид П. САТМАРИ. *Восстание Шейса: Становление аграрного бунта*

Восстание массачусетских фермеров в 1786—1787 гг. под руководством Д. Шейса давно уже привлекало внимание исследователей. Еще в 1788 г. по следам драматических событий Дж. Мино написал «Историю бунтов в Массачусетсе в 1786 г. и последующего восстания». Заботясь о сохранении достойной репутации молодой республики перед лицом Европы, клерк палаты представителей Массачусетса стремился не распространяться о размахе и значении «несчастливого восстания», а больше делал акцент на умеренность и мудрость правительства и народа¹. Вплоть до настоящего времени книга Мино вместе с опубликованными в ней документами оставалась одним из главных источников сведений о восстании Шейса. Следуя за Мино, историки XIX в. (Дж. Фiske, Дж. Холланд и др.) осуждали выступления сельской бедноты, а Э. Маклофлин даже назвал восставших «преступниками, беспокойными, невежественными и глупыми» людьми, которые «объединились, чтобы проверить прочность новой власти Массачусетса»².

Гораздо более доброжелательно к восставшим относились «прогрессистские» историки первой половины XX в., предпринявшие попытку выявить социальные и экономические причины волнений в Массачусетсе. Так, М. Хансен рассматривал восстание Шейса

как естественное проявление недовольства обедневших фермеров политикой «массачусетских консерваторов», Р. Тейлор видел в нем отражение разделения общества на две группы — должников и кредиторов, а Р. Б. Моррис и М. Старки даже усматривали в событиях 1786—1787 гг. своего рода классовый конфликт³.

Появление и широкое распространение в 1950-е годы теории «консенсуса» вновь существенно трансформировало отношение американских историков к восстанию массачусетских фермеров. Л. Харц подчеркивал, что они по сути были «мелкими капиталистами» и «находились скорее внутри, чем вне либерального процесса американской политики»⁴. В целом в своих петициях фермеры в 1786 г. «требовали эволюции, а не революции», — писал А. Воган на страницах популярного журнала⁵. П. Майер, В. Б. Холл отмечали ограниченный характер движения и отсутствие у восставших намерения «уничтожить социальные и политические учреждения своего штата»⁶. По мнению Р. Фира, восстание Шейса не ока-

³ Hansen M. The Significance of Shays' Rebellion.— *South Atlantic Quarterly*, vol. 39, July 1980, № 3, pp. 305—307; Taylor R. Western Massachusetts in the Revolution. Providence. 1954, p. 167; Morris R. B. Insurrection in Massachusetts. In: *America in Crisis*. N. Y. 1952, pp. 21—49; Starkey M. A. Little Rebellion. N. Y. 1955, p. 5 etc.

⁴ Hartz L. The Liberal Tradition in America. N. Y. 1955, p. 78.

⁵ Vaughan A. T. Shays' Rebellion.— *Historical Viewpoints: Notable Articles from American Heritage*. N. Y. 1975, p. 157.

⁶ Maier P. Popular Uprising and Civil Authority in Eighteenth Century America.— *William and Mary Quarterly*, January 1970, Vol. 27, № 1; Hall V. B. Politics Without Parties: Massachusetts, 1780—1791. Pittsburg. 1972, p. 210.

¹ Minot G. R. The History of the Insurrections in Massachusetts. In the Year MDCCLXXXVI, and the Rebellion Consequent Thereon. Worcester. 1788, pp. III—IV. Сатмари ошибочно ссылается на бостонское издание книги, которое в действительности относится к 1810 году. Вустерское издание 1788 г. было недавно вновь перепечатано в серии «The Era of the American Revolution». N. Y. 1971.

² McLaughlin A. C. The Confederation and the Constitution, 1783—1789. N. Y. 1905 (reprint 1962), ch. 10 «Shays' Rebellion (1786—1787)», p. 111.

зало какого-либо существенного влияния на процесс разработки и принятия федеральной конституции 1787 года⁷.

«Консенсусная» интерпретация фермерских движений, и в частности восстания Шейса, не могла не вызвать принципиальных возражений у представителей радикального крыла современной американской историографии. Отдавая себе отчет в необходимости серьезного исследования демократических движений прошлого, А. Янг в заключении к сборнику по истории Американской революции писал: «Мы нуждаемся в более полной картине радикализма 1780-х годов — шейсизма, а не только одного восстания Даниэля Шейса в Массачусетсе»⁸. К сожалению, в своем большинстве американские радикальные историки («новые левые») изучали по преимуществу городские, а не фермерские движения⁹. И только в последние годы положение, наконец, стало меняться. Работая в Сорбонне, Б. Карски занялась «аграрным радикализмом» в конце XVIII века. «Восстание Шейса (1786—1787 гг.) и восстание из-за виски (1794 г.) служат примерами антагонизмов внутри американского общества, которые революция не смогла ликвидировать», — пишет Б. Карски и добавляет, что революция даже радикализовала «аграрное недовольство»¹⁰.

Но если Б. Карски осветила проблему лишь в общих чертах, то преподаватель

университета штата Аризона Д. Сатмари исследовал ее на примере восстания Шейса во всей полноте и с привлечением всех основных архивных и опубликованных источников. Им, в частности, использованы документальные материалы архивов и библиотек Бостона (Массачусетское историческое общество), Вашингтона (Национальный архив, Библиотека конгресса), Нью-Йорка (Нью-Йоркская публичная библиотека и Историческое общество штата), Амхерста, Хартфорда, Дорчестера. Наибольший интерес представляют совершенно новые факты о нападениях восставших на богатых торговцев, сборщиков налогов, чиновников и юристов, приводимые в разделе, озаглавленном «Восстание, социальный бандитизм и окончание вооруженного бунта» (гл. 6).

Большинство прежних американских работ о восстании Шейса касались в основном приостановки повстанцами судебных заседаний, что в прямом смысле даже не представляло собой вооруженного восстания. Более того, изложение событий обычно заканчивалось разгромом основных сил повстанцев у Спрингфилда и Петершема в январе — феврале 1787 года. На основе новых документальных материалов в книге убедительно показано, что с начала 1787 г. в настроениях восставших произошел решительный поворот, и они перешли к прямым нападениям на власть имущих, что выразилось в первую очередь в попытке захватить крупный военный арсенал в Спрингфилде. Более того, неудача под Спрингфилдом и последующее поражение главных сил восставших у Петершема не привели к прекращению вооруженной борьбы. Несколько тысяч инсургентов перешли границы соседних штатов (с. 108), а отдельные отряды шейсистов начали систематически нападать на наиболее ненавистных представителей правящей элиты Массачусетса — купцов, чиновников, юристов, сожгли предприятия Дж. Вудбриджа и У. Мура по производству поташа, грозили физической расправой генералам У. Шепарду и Б. Линкольну и т. д. (с. 112—113).

Напомним, что Декларация независимости 1776 г. торжественно провозглашала право народа на революцию. Но когда она победила и США завоевали независимость, руководители молодой республики (Дж. Вашингтон, Б. Франклин, С. и Дж. Адамсы, Дж. Мэдисон, Г. Нокс, А. Гамильтон, Дж. Джей и др.) практически единодушно осудили «бунтовщиков в Массачусетсе». Только

⁷ Feer R. A. Shays' Rebellion and the Constitution. — *New England Quarterly*, vol. 42, № 3, September 1969.

⁸ The American Revolution: Explorations in the History of American Radicalism. DeKalb. 1976, p. 458.

⁹ Болховитинов П. Н. Теоретические и методологические проблемы Американской революции XVIII в. — *Материалы второго всесоюзного симпозиума советских историков-американистов*. Ч. 1. 1976, с. 66—67. В отличие от американских историков советские специалисты неизменно уделяли фермерским движениям XVIII в. серьезное внимание (Фурсенко А. А. Фермерские выступления накануне войны за независимость США. — *Новая и новейшая история*, 1975, № 5; Куропятник Г. П. Земельный вопрос и революционная ситуация в Северной Америке накануне войны за независимость США. — *Вопросы истории*, 1976, № 8, и др.). Восстанию Д. Шейса посвящена работа: Шпотов Б. М. Фермерское движение в США. 1780—1790-е годы. М. 1982.

¹⁰ Karsky B. Agrarian Radicalism in the Late Revolutionary Period (1780—1795). In: *New Wine in Old Skins*. Stuttgart. 1976, S. 89—90.

Т. Джефферсон высказал сочувствие восстанию Шейса и отметил тяжелое экономическое положение в целом в стране. Более того, он полагал, что «маленькие бунты» должны повторяться каждые 20 лет для того, чтобы очищать государство от ошибок и злоупотреблений. Но, как заметил В. В. Согрин, «эти маленькие бунты», по терминологии просветителя, рассматривались скорее как форма проявления прямой демократии в рамках сложившегося буржуазно-республиканского устройства США, которая должна была существовать рядом с представительной демократией и корректировать ее отступления от принципов народного суверенитета»¹¹.

К иному решению в этом вопросе пришли в январе 1787 г. участники восстания в Массачусетсе. Преследуемые войсками штата и опасаясь за свои семьи и землю, Шейс и его соратники не видели другого выхода, кроме «прямого нападения на правительство». 20 января 1787 г. Шейс, Бардуэль, Пауерс и Биллингс призвали фермеров к оружию для того, чтобы защитить «не только права, но жизнь и свободу народа» (с. 97). Под угрозой нового закабаления и рабства повстанцы обратились к провозглашенному в Декларации независимости праву на революцию. По отзыву современника событий юриста Ф. Амеса, «восставшие обратили против своих учителей доктрины, которые были внедрены для осуществления недавней революции». Для британских наблюдателей события в Массачусетсе приобретали внутреннюю логику и иронию — восстание против недавней революции порождалось ею же самою. «Цель шейсистов переместилась с реформы к революции, — приходит к заключению Сатмари. — В январе 1787 г. некоторые фермеры отреклись от массачусетского правительства и намеревались его свергнуть» (с. 98).

Как мы видим, сами восставшие понимали свои цели несколько иначе, чем их прославленный защитник среди руководителей молодой республики, что в зародыше содержало уже элементы нового антибуржуазного сознания низов, а в конечном итоге и новой антибуржуазной идеологии, призванной обосновать право на революцию против утвердившегося в США буржуазно-республиканского строя.

Самим ходом борьбы трудящиеся подводились к осознанию своего права на революцию. Так и случилось в январе 1787 г., когда для борьбы с повстанцами губернатор, используя предоставленные бостонскими купцами деньги, собрал и вооружил более 4 тыс. человек. Позднее, в 1794 г., первые профсоюзы сапожников, печатников, бондарей, плотников и рабочих других профессий присоединились к демократическо-республиканскому обществу и приветствовали 4 июля как день, который «всегда служит для всех угнетенных напоминанием об их праве восстать и утвердить свои права»¹².

Нельзя не отметить и некоторые существенные изъяны в интерпретации Сатмари характера и причин восстания. Он склонен объяснять их противоречиями между господствующей «коммерческой культурой» прибрежного общества и полунатуральным, аграрным укладом внутренних районов (с. 1—18). Говоря о принципиальном различии «двух миров Новой Англии», Сатмари одновременно подчеркивает, что рабочие, моряки, ремесленники прибрежных городов составляли интегральную часть «коммерческой культуры». Тем самым он не видит серьезных противоречий, которые уже существовали и все более углублялись в прибрежном обществе Новой Англии. Городские низы Бостона, Сейлема и других торговых центров нельзя считать антагонистами фермеров, хотя в отдельных случаях городские ремесленники и могли выступать в поддержку укрепления центральной власти, конституции 1787 г. и т. д.

Излагая ход восстания Шейса, Сатмари по преимуществу ссылается на документальные источники, но обычно не оговаривает достоверность вносимых им исправлений и поправок. Ранее многие исследователи (М. Старки, У. Дайер и др.) писали, что после поражения Шейс переселился в штат Нью-Йорк, а Сатмари указывает, что он обосновался в Вермонте (с. 119). В действительности Шейс бежал сначала в Вермонт, а после того, как его петиция о помиловании в 1788 г. была удовлетворена, переселился в Спарту (Нью-Йорк), где и умер в 1825 году. Справедливо отмечая, что Шейс был всего лишь одним из лидеров восставших, одним из членов «народного комитета» (с. 99), Сатмари, к сожалению, не останавливается на причинах того, почему и сов-

¹¹ The Papers of Thomas Jefferson. Vol. 1—19. Princeton. 1950—1974. Vol. 10, pp. 621, 631, 633; vol. 11, pp. 49, 92, 93, 174, 526, 527; vol. 12, p. 356; Согрин В. В. Идеиные течения в Американской революции XVIII в. М. 1980, с. 162.

¹² Фонер Ф. С. Рабочий класс и Американская революция. М. 1980, с. 252.

ременники и последующие историки всегда связывали восстание с его именем.

Впрочем, если иметь в виду главное, то можно с полным основанием констатировать, что рецензируемая книга наносит решительный удар «консенсусной» интерпретации восстания Шейса и ни один из последующих исследователей фермерских движений США в конце XVIII в. не сможет не учитывать фактического материала, приводимого в ней.

Рецензент «*Journal of American History*» Р. А. Беккер утверждает, что подход автора к восстанию Шейса «более или менее

традиционен»¹³. Это, конечно, не так. Сатмари опровергает старые представления, будто фермерские волнения в США после войны за независимость отличались «умеренностью» и «мягкостью». Многочисленные фактические данные, приводимые Сатмари и другими историками, показывают, что восстание Шейса было по своей сути таким же радикальным аграрным бунтом, как и аналогичные крестьянские восстания в европейских странах.

Н. Н. Болховитинов

¹³ The *Journal of American History*, vol. 68, № 1, June 1981, p. 122.

F. IRSIGLER. Die wirtschaftliche Stellung der Stadt Köln im 14. und 15. Jahrhundert. Wiesbaden. Franz Steiner Verl. 1979. 414 S.

Ф. ИРЗИГЛЕР. Экономическое положение города Кёльна в XIV и XV веках.

За два последние десятилетия в зарубежной исторической науке существенно изменилось значение локальных исследований разных типов, в том числе трудов по экономической истории средневековых городов Европы. В XIX и даже в начале XX в. создавались отдельные работы, но преимущественно отраслевого или историко-описательного жанров. Лучшие из них служили опорными точками для определения общего направления эволюции форм социально-экономического развития. Однако поскольку базой таких обобщений были отдельные, иллюстративные примеры, создаваемые на их основе концепции оказывались весьма уязвимыми, не выдерживали проверки временем и научной критикой.

В настоящее время, когда основные фонды источников, лежавшие «на поверхности», в большинстве своем уже введены в научное обращение, вновь возрос интерес к локальным исследованиям, но уже не разрозненным и случайным, а выступающим в качестве составных звеньев различных тематических серий. Одним из наиболее известных примеров такого рода является предпринятое во Франции сплошное обследование истории ее департаментов, осуществляемое в виде большой серии локальных монографических исследований. Такие и им подобные работы в их сумме позволяют глубже про-

никать в сущность исторического процесса во всем его локальном многообразии, разумеется, при том условии, что многообразие местных проявлений не рассматривается как свидетельство отсутствия общих закономерностей исторического процесса.

Рецензируемое исследование профессора Ф. Ирзиглера, сотрудника отраслевого отдела «Историческое страноведение» Трирского университета (ФРГ), опубликованное как приложение № 65 к журналу «*Vierteljahrsschrift für Sozial-und Wirtschaftsgeschichte*», вписывается в охарактеризованную выше тенденцию развития современной западноевропейской историографии. Кёльн был крупнейшим торгово-ремесленным и кредитным центром Германии периода развитого средневековья. Его торговые связи выходили далеко за пределы имперских земель, а главные отрасли ремесла — текстильная, ювелирная, кожевенная, скорняжная — поставляли свою продукцию в большинство стран Европы. Вследствие этого они превратились в т. н. торговые отрасли. Отличительными их чертами являлись: массовый выпуск продукции (часто преимущественно из привозного сырья), сосредоточение организационно-предпринимательских функций в руках крупных купцов-экспортеров, связанное с этим прямое подчинение средневекового ремесла купеческому капиталу, на-

шедшее свое выражение в системе раздачи и массовой скупки готовых изделий для последующей их реализации на складах бывшего европейском рынке.

Автор обоснованно фиксирует свое внимание на XIV—XV вв. — времени широкого развития и глубокого проникновения товарного хозяйства в недра феодальной экономики. В конце этого периода во многих странах и областях Европы высокий уровень развития товарного хозяйства создал реальные предпосылки для зарождения буржуазных форм производства и обмена. О времени и формах их возникновения идет многолетняя дискуссия. Как показано в монографии, в Кёльне наряду с «коммерциализованными» отраслями существовало и множество обычных средневековых ремесленных корпораций, что значительно усложняло как экономическую, так и социальную структуру этого города.

Исследование опирается на солидную базу источников разного рода: архивные материалы из хранилищ Кёльна, Марбурга и Нюрнберга; специальные публикации актового материала; местные исторические хроники; купеческие счетные книги и т. д. Обширен и круг привлеченной автором специальной литературы. До выпуска в свет монографии Ф. Ирзиглер опубликовал свыше 20 статей и очерков по избранной теме.

Главная задача книги состоит в том, чтобы выяснить количество цехов и их членов, общий объем продукции и сбыта; место в цехах мелких самостоятельных ремесленников, поставщиков сырья, раздатчиков, скупщиков готовых изделий; значение системы раздачи в различных отраслях ремесла и характер ее влияния на сферу производства; возможность для ремесленников самим подняться до уровня раздатчиков; количественное соотношение на кёльнском и внешнеторговом рынках изделий местного производства и продукции других городов; в чьих руках был сосредоточен сбыт продукции «торговых» отраслей местного ремесла; формы интеграции кёльнской экономики с ремеслом, торговлей и аграрным сектором сельской округи. Для достижения поставленных целей автором выполнено scrupulous исследование разнообразных экономических и социальных структур Кёльна в их развитии и взаимодействии. Многие основные статистические данные сведены в 98 таблиц, 15 графиков и 7 картосхем. Автор ссылается на работы своих предшественников, которые, как правило, изучали

отдельные аспекты и периоды экономической жизни Кёльна. Ф. Ирзиглер же исследует проблему комплексно, применяя новую методику — анализ статистических рядов, и предлагает свои оригинальные обобщения, выходящие за локальные рамки.

Пристальное внимание автора привлекает экономическая и социальная сущность системы раздачи, которую он, в отличие от своих предшественников, обнаруживает во всех «торговых» отраслях кёльнского ремесла, хотя и в разной степени зрелости. В традиционном сукноделии эта система первоначально обнаруживается в практике богатых мастеров-раздатчиков, довольно близких по своему облику к нидерландским «drapiers». В более «молодых» и динамичных отраслях — шелкоткачестве, производстве байки — раздатчик и скупщик предстают в лице купцов-оптовиков. Существовавшие в XIV—XV вв. в Кёльне виды раздачи автор характеризует как нормальные для средневековья (с. 3—4). Привилегированная группа лиц, в значительной своей части состоявшая из представителей купеческого капитала, а также патрициата, принадлежала в Кёльне к правящей олигархии. Вся внецеховая масса работников, занятых на первичных и вспомогательных операциях, эксплуатировалась гораздо более жестоко, чем цеховые ремесленники скупщиками-раздатчиками. Конец XV в. знаменуется возрастающей концентрацией капиталов, распространением натуральной оплаты, возрастанием нормы эксплуатации.

В производстве и торговле цветными металлами отмечалась ясно выраженная тенденция к централизации. Уже в 1395 г. была создана компания по разработке свинцовых рудников и выплавке свинца. Помимо купцов из Кёльна и Аахена в нее входили советники и чиновники герцога, которому на основании регального права¹ выделялось 10% общего объема продукции или доходов (с. 122—123). В торговле свинцом с середины XV в. абсолютно преобладающую роль играли отдельные купцы или их небольшие, порою семейные, группы, упорно борознившиеся за господствующее место. Аналогичная картина наблюдалась в торговле ввозимыми полуфабрикатами стальных доспехов, стальным листом, проволокой и самой сталью. В сходном направлении

¹ Регалии — в феодальной Европе монопольное право верховной власти на получение определенных видов доходов, в частности от добычи и выплавки металлов, особенно драгоценных.

эволюционировали винооторговля, пивоварение и торговля хмелем.

В плане структурных преобразований, по мнению автора, наибольшие сдвиги имели место в текстильной отрасли, где к исходу XV в. купец-раздатчик и скупщик заняли господствующее положение (с. 47—50). Усилились их позиции также во всех отраслях металлообработки. Автор видит в этом укреплявшееся преобладание торгового капитала (с. 4, 122—134, 319—321). Такая эволюция — общее явление для отраслей ремесла, связанных с массовым производством, товарно-денежными и кредитными отношениями.

Одновременно возрастал удельный вес ремесел, специализировавшихся на облагораживании полуфабрикатов, и уменьшалось значение отраслей, занимавшихся обработкой сырья. Последние постепенно перемещались в сельскую округу и соседние мелкие города, что знаменовало переход на новый, более высокий уровень разделения общественного труда. В том же направлении воздействовал и возраставший спрос Кёльна на сырье и технические культуры. Отмечалось известное совершенствование технических процессов, орудий труда, тенденция к специализации торговли. Исходя из этого, автор делает убедительный вывод, что крупные города периода развитого средневековья предоставляли широкие возможности ремеслу, системе раздачи в нем, а также внешней торговле (с. 322—325).

Отраслевая, а не проблемно-тематическая компоновка материала предопределила преобладание в монографии количественно-прагматического момента и анализа над синтезом. Имеет место известная перегрузка изложения второстепенными фактами. В более детальной и аргументированной проработке нуждается материал, относящийся к концу XV века. Он рассматривается автором в одном общем ключе для всего периода XIV—XV веков. Существование цехового ремесла, переходящего к выпуску на рынок массовой продукции, возможно лишь при условии кредита и функционирования системы раздачи. И то и другое — суть функции купеческого капитала и означают растущее подчинение им «торговых» отраслей ремесла. Верное в своей основе указанное исходное положение прослеживается лишь в плане его «внутривидовой» эволюции. Историческая действительность конца XV в. была, однако, сложнее. Внешне весьма сходные процессы концентрации капиталов в тех или иных отраслях, широкое распространение системы раздачи и разных форм натуральной оплаты могли быть связаны и с попытками сохранить таким способом разлагавшуюся цехово-сословную систему и с возникновением раннекапиталистических форм смешанной или рассеянной мануфактуры. Данный аспект не нашел в книге постановки и решения.

А. Н. Чистозвонов

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

*Българска етнография. София. 1981,
№№ 3—4*

Г. Георгиев. Товариш Тодор Живков и болгарская народная культура; С. Михайлов. Самобытное проявление празднования тринадцативекового юбилея Болгарского государства; В. Хаджиниколов. Научное и практическое значение Первого национального смотра этнографических ценностей в Болгарии; Ж. Бонина. Современная каракачанская семья; Сообщения. Е. Близнашка. Европейские путешественники XV—XVIII вв. о

болгарском земледелии; А. Гоев. Литые пули от страха; Из истории науки. А. Робек (ЧССР). Чешские учителя в Болгарии и их этнографическая деятельность.

*Военноисторически сборник. София. 1982,
№ 2*

Цв. Павловска. Христо Ботев о вооруженном восстании; В. Трайков. Вклад Г. С. Раковского в организацию вооруженных сил болгарского народа; П. Ат. Петров. Военные традиции и ри-

туалы болгарских войск; 1300 лет создания Болгарского государства. О. П. Маждракова-Чавдарова. Апрельское восстание и достижения болгарского национально-революционного движения; История военного искусства. И. Нешев. Особенности боевого применения артиллерии 1-й болгарской армией в Мурской наступательной операции; Материалы и документы. И. Митев. Революционная деятельность Сидера Грынчарова в 1876 году; И. Шипчанов. Появление и деятельность военных корреспондентов (1808—1945 гг.); П. Кузманов. Революционные черты в деятельности Крыстьо Пишурки; М. Лалков. Из донесений австро-венгерского военного атташе в Болгарии полковника В. Лакса (январь—октябрь 1915 г.); И. Дамянов. Австрийские военно-политические круги и Нишское восстание 1841 г.; Р. Т. Иванов. Римский император Максимин Фракийец; И. Маринов. Бунт русофилов в Сливене в 1886 году; И. Чаушев. Героизм советских воинов во время Великой Отечественной войны, отраженный в газете «Достлук» («Дружба»); А. Касев. Военное кладбище в Толбухине; Полководцы и видные государственные деятели Болгарии. Д. Р. Радулов. Царь Самуил. Критика, библиография, историография. Л. Карастоянова. Печатные органы и издательская деятельность в болгарских войсках в период от Освобождения до Балканской войны; Методология и источниковедение. Г. Бояджиев. Методологические проблемы военно-исторической науки; Л. Венкова-Илиева. Новые книги по военной и революционной истории Болгарии и в области военно-исторической науки.

Исторически преглед. София. 1982, № 1

Цв. Тодорова. Проблемы индустриализации Болгарии (1912—1915 гг.); Л. Сласов. Георгий Бенковский и восстановление болгарской государственности; Зл. Гочева. Античное наследие в ранней болгарской культуре; Сообщения. К. Гердев. Договор о примирении и арбитраже между Венгрией и Болгарией 1929 года; Ж. Попов. Буржуазные оппозиционные партии и второе народно-либеральное правительство (1903—1908 гг.); Т. Стоилова. О русско-турецких отношениях после войны 1768—1774 гг.; Историография. Хр. Стефанов. Буржуазные взгляды на развитие Болгарии при социализме; Научная публицистика. К. Пандев. Об исторических фактах и их интерпретации в фильме «Мера по мере»; Письма и поправки. Ан. Примовски. Прав ли Николай Хайтов?

Etudes balkaniques. Sofia. 1981, № 4.

1300-летие Болгарского государства. Т. Живков. Речь о Болгарии. Б. Боев. Апрельский пленум ЦК БКП 1956 года и его значение в развитии

партии и страны; С. Дамянов. Научный подвиг Людмилы Живковой; Я. Кучук, А. Аксой. Развитие концепции планирования в Турции; Л. Кирова. Особенности первого этапа реализма в сербской литературе XIX века; В. Пуцко. Этюды об Остромировом евангелии (Инициалы); Г. Барболов. Трансильванская проблема в 1896—1914 гг.; Р. Михнева. Пруссия, Османская империя и европейская политика 1739—1756 гг.; П. Д. Ангелов. Болгаро-сербские политические отношения в период правления Ивана Асеня II (1218—1241 гг.).

Párttörténeti közlemények. Budapest. 1982, № 1.

Б. Сабо. Закладка основ политики ВСРП; Ш. Вадас. Идеология французского анархо-синдикализма; Е. Хорват. Создание антифашистского Единого фронта рабочих в итальянском рабочем движении (1934—1935 гг.); М. Силади. Политика перонизма по отношению к рабочим; Сообщения. Я. Емниц. II конференция социалистических партий стран Антанты (28—29 августа 1917 г.); А. Анцерле. Вопросы адаптации европейских форм рабочих организаций в Латинской Америке.

Történelmi szemle. Budapest. 1981, № 4.

Ж. П. Пах. Историк Эрик Молнар; Ж. Ферге. Исторически изменяющийся характер экономики и ее место в общественном воспроизводстве; Б. Гаданец. Число и состав железнодорожников, их экономическое и социальное положение в начале XX века; Сообщения. П. Шандор. Деак и тайная полиция. О политической концепции одного тайного протокола (1843 г.); Э. Н. Сабо. Английские документы о деятельности миссии Бараня; Л. Фрей, М. Фрей. Ференц Ракоци II и морские власти; Я. Емниц. Жигмонд Кунфи и международное рабочее движение; Д. Толнай. Роль пищевой промышленности в капиталистическом развитии индустрии Венгрии в XIX—XX вв.

Das Altertum. Berlin. 1982, № 1.

Е. Н. Черных. Древнейшие горняки и металлурги Европы; А. Хойслер. К истории колеса и повозки в степях Евразии; М. Линднер. Водоснабжение античного города. Отвод и хранение дождевой воды, устройство запруд и водопровод у «Театральной горы» г. Сабра (Иордания); Л. Икке-Швальбе. Производство глиняной посуды в Хота Начпуре (Индия); Сообщения. Исследования древней металлургии (Р. Пляйнер); К 50-летию со дня смерти У. фон Вилламовиц-Меллендорфа (Ю. Думмер).

Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung. Berlin. 1982, № 3.

К. Байчински. Георгий Димитров и строительство социализма в Болгарии; К. Хаферкорн. Клара Цеткин и боль-

тевики; А. Ферстер. Результаты и историческое значение I съезда профсоюзов Германии 1892 г. в Хальберштадте; Б. Шливенц, И. Шульце. Итоги и значение роста руководящей роли рабочего класса в Народной Республике Болгарии (1958—1981 гг.). Документы и материалы. Письма дружбы. Вильгельм Пик — Георгию Димитрову (Э. Левин); Научные сообщения. Я. Рокитянский. О циркулярном письме II конгресса Союза коммунистов; В. Мюллер. «The Economist» и выработка революционной теории Марксом и Энгельсом; Л. Г. Бабиченко. Клара Цеткин и Советская Россия 1921—1922 гг.; Биографические заметки. Выдающийся ленинец, революционер и интернационалист Георгий Димитров (Э. Кальбе); Из истории рабочего движения на местах и истории предприятий. В. Дик. Об исторической цезуре в истории предприятий; Ф. Арндт. Окружная организация Свободных немецких профсоюзов Ростока в начале ее деятельности (сентябрь — декабрь 1952 г.).

Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin. 1982. Bd. 25/2.

Э. Винтер. Бернард Больцано (1781—1848 гг.); Х. Шутцлер. Культурные отношения между ГДР и СССР; У. Кёпп. О публицистической и творческой деятельности А. В. Луначарского в качестве народного комиссара просвещения; П. Хофман, С. Волле. Вклад Б. Д. Грекова в развитие советской медиевистики; К. Грау. Петербургская Академия наук в межакадемических отношениях 1899—1915 гг.; В. Цейль. Об участии германской славистики в информации о русской культуре и науке; О. Фейль. О германо-русских отношениях 1861—1917 гг. в свете историографии; Л. Лаптева. Викентий Макушев и Карл Хонф; А. Мильников. О некоторых культурно-исторических аспектах славяно-германских научных отношений в конце XVIII — начале XIX века; С. Волле. Издание Нестора (1802—1809 гг.) Августа Людвиг фон Шлецера; Г. Мюльпфордт. Петербург и Галле.

Anale de istorie. București. 1982, № 1.

Торжественное празднование дня рождения тов. Николае Чаушеску. Письмо Испол-

кома ЦК РКП. Речь тов. Николае Чаушеску; Г. Сурнат. Концепция РКП, ее генерального секретаря тов. Николае Чаушеску о роли и месте партии в многосторонне развитом социалистическом обществе; И. Арделяну. Жизнь, посвященная революционной борьбе, победе социализма и коммунизма в Румынии; М. Мушат, В. Аримян. Николае Чаушеску — защитник национального единства, независимости и суверенитета родины; Н. Колою. Рабочее движение — фактор устойчивости и укрепления традиционных дружественных связей народов Юго-Восточной Европы (1878—1915 гг.); Документальные очерки. Рабочее движение, политическая партия рабочего класса Румынии и крестьянско-аграрный вопрос; Заметки. Книги по истории, изданные в 1981 г. (И. Мамина).

Anale de istorie. 1982, № 2.

Николае Чаушеску. Речь на пленуме Национального совета сельского хозяйства, пищевой промышленности, лесного и водного хозяйства; М. Мушат, И. Арделяну. Крестьянство — основная сила общественного прогресса, борьбы за социальные и национальные права; К. Рэдукану. Социалистическое моральное сознание — сознание труда, творчества и революционной боеспособности; И. Мамина, В. Никулае. Рабочие и крестьяне — союзнические и боевые традиции; Журнал «Магазин историк» — 15-летие издания (В. Петришор); Навстречу празднования 90-летия создания политической партии рабочего класса Румынии. Развитие партии рабочего класса Румынии в период 1893—1918 гг. (ч. III).

Historický časopis. Bratislava. 1982, № 2.

И. Данаш. Формирование политической линии Коммунистической партии Словакии в 1939—1941 годах; Э. Славковска. Отношение государства к церкви в начале строительства социализма в Словакии; Ш. Казимир. Чеканка монет в Братиславе в период феодализма; Материалы. А. Магдоленова. Система образования в Словакии в домюнхенской Чехословакии.

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ *

Бувайлик Г. Е., Высоцкий А. Ф., Ульянова Н. Н. Программа борьбы

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Институт научной информации по общественным наукам АН СССР в марте 1982 года.

за мир и свободу народов: Правовые проблемы. — Киев, 1980. — 304 с. Рец.: Генцов И. — *Международни отношения*, София, 1981, кн. 6, с. 104—106.

Гавриленко В. О. Українська сфратістка. Питання предмета та історіографії. — Київ, 1977. — 166 с. Рец.: С. К. К. —

In: *Studia źródłoznawcze*, Warszawa — Poznań, 1981, s. 247—248.

Каменецкая Е. П. Космос и международные организации: Междунар.-правов. пробл.— М., 1980.— 167 с. Рец.: Каракашев Х.— *Международни отношения*, София, 1981, кн. 6, с. 110—113.

Ковалев А. Албука дипломатии. Изд. 3-е, перераб. и доп.— М., 1977.— 264 с. Пер. на нем. яз. Brl., 1980. Рец.: Vogl D.— *Deutsche Aussenpolitik*, Brl., 1982, H. I, S. 128—131.

Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время. 1725—1740.— Л., 1976.— 380 с. Рец.: Чурчић Л.— *Библиотекар*, Београд, 1978, бр. 1—6, с. 209—213.

Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. В 7-ми т. Гл. ред. комис.: Пономарев Б. П. (пред.) и др.; Введ. Пономарева Б. Н.— М., 1976, Т. I. Возникновение пролетариата и его становление как революционного класса. Ред. коллегия: Черняев А. С. (отв. ред.) и др. 668 с. Рец.: Schumacher H.— *Einheit*, Brl., 1981, № 12, S. 1280—1283.

Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир.— М. 1979.— 256 с. Рец.: Соповици N.— In: *Thraco-Dacica*. Т. 2, Bucuressti, 1981, p. 225—231.

Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Сост. А. Л. Хорошкевич; отв. ред. Зимин А. А.— М., 1978.— 2219 с. Рец.: M. N.— In: *Studia źródłoznawcze*. Warszawa — Poznań, 1981, s. 242.

Сванидзе А. А. Средневековый город и рынок в Швеции, XIII—XV вв.— М., 1980.— 360 с. Рец.: Friege K.— *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, Brl., 1981, H. 8, S. 766—767.

Синицина Н. В. Пергаменные кириллические акты XIV—XVII вв. в собраниях Польской Народной Республики и задачи их изучения.— В кн. *Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей*.— М., 1978, с. 244—251. Рец.: M. N.— In: *Studia źródłoznawcze*. Warszawa — Poznań, 1981, s. 242—243.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. Сб. документов/ Гл. ред. комис.: Громыко А. А. (гл. ред.) и др.— М., 1980. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.).— 551 с. Рец.: Добряннов Т.— *Международни отношения*, София, 1981, кн. 5, с. 121—124.

Социальная организация народов Азии и Африки./ Отв. ред.: Ольдерогге Д. А., Маретина С. А.— М., 1975.— 316 с. Рец.: Escher R.— In: *Jahrbuch für Wirtschafts-geschichte*. 1981. Т. 4. Brl., 1981, S. 171—172.

Теория и практика архивного дела в СССР: Учебник для студентов вузов, обучающихся по спец. «Ист. архивоведение». Под. ред. Долгих Ф. И., Рудельсон К. И.— 2-е изд., перераб. и доп.— М., 1980.— 343 с. Рец.: Schreyer H.— *Archivmitteilungen*, Brl., 1981, H. 3, S. 208—209.

Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры.— М., 1971.— 256 с. Пер. на нем. яз. Leipzig, 1979. Рец.: Freye H.-A.— *Wissenschaft und Fortschritt*, Brl., 1982, H. 2, S. 79.

Щавелева Н. И. Древнерусские известия Великопольской хроники.— В кн.: *Летописи и хроники*./ Сб. статей. Ред. коллегия: Рыбаков Б. А. (отв. ред.) и др.— М., 1976, с. 54—66. Рец.: G. L.— In: *Studia źródłoznawcze*, Warszawa — Poznań, 1981, s. 238.

Щапов Я. Н. Древнеримский календарь на Руси.— В кн.: *Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей*.— М., 1978, с. 336—345. Рец.: D. Tr.— In: *Studia źródłoznawcze*, Warszawa — Poznań, 1981, s. 250.

Щепкина М. В. Миниатюры Хлудовской псалтыри. Греческий иллюстрированный кодекс IX века./ Вступ. статья и общ. ред. И. С. Дуйчева.— М. 1977.— 318 с. Рец.: W. S.— In: *Studia źródłoznawcze*. Warszawa — Poznań, 1981, s. 251—252.

КОРОТКО О КНИГАХ

◆ К 100-летию со дня рождения Г. Димитрова в ГДР вышел сборник статей болгарских, немецких и советских историков о различных, недостаточно освещенных ранее сторонах его жизни и деятельности (Georgi Dimitroff. Leipzig — Jena — Berlin. Urania-Verlag. 1982. 206 S., 75 Ill.).

◆ Сотрудники университета им. К. Маркса в Лейпциге под общим руководством Ютты Зайдель пишут в своей книге об интернациональных связях СДПГ в связи с историей пролетарского интернационализма в эпоху I и II Интернационалов и переменами в международном рабочем движении в последней трети XIX в. (Internationale Be-

ziehungen der deutschen Sozialdemokratie 1871 bis 1895/96. Berlin. Dietz. 1982. 316 S.).

◆ Французский коммунист Альбер Узулиа в июле 1944 г. совершил побег из фашистского концлагеря и включился в движение Сопротивления. Сейчас опубликованы его воспоминания о событиях тех лет и ведущей роли Французской компартии в указанном движении (A. Ouzoulias. Die Söhne der Nacht. Berlin. Militärverlag der DDR. 1981. 468 S.).

◆ Коллективная монография группы историков, экономистов и международников ГДР, возглавляемой Руди Гюндемом, трактует о новейших кризисных явлениях в ка-

питалистическом обществе, включая разногласия между империалистическими группировками, их борьбу за рынки сбыта и источники прибылей, а также дальнейшем процессе монополизации (Krisenprozesse in der kapitalistischen Weltwirtschaft. Berlin. Dietz. 1981. 433 S.).

◆ Коллектив авторов под руководством Герхарда Лоцека и Альфреда Лёсдау (ГДР) анализирует буржуазную историографию последнего десятилетия по проблемам новейшей истории и по основным историографическим направлениям в ФРГ, Франции, Англии, США и Италии (Zeitalter im Widerstreit. Grundprobleme der historischen Epoche seit 1917 in der Auseinandersetzung mit der bürgerlichen Geschichtsschreibung. Berlin. Dietz. 1982. 296 S.).

◆ Освободительная борьба народов Африки после второй мировой войны — тема исследования, в котором ученые ГДР обращают главное внимание на развитие вооруженных сил в бывших зависимых странах в процессе краха колониальной системы и на историографию данной проблематики. Изложение строится в книге по трем этапам: 1945—1961; 1961—1974; 1974—1979. (Der bewaffnete Kampf der Völker Afrikas für Freiheit und Unabhängigkeit. Berlin. Militärverlag der DDR. 1981. 524 S.).

◆ Людвиг Эльм освещает распространенную в буржуазной историографии ФРГ концепцию «четвертого рейха», ее методологические истоки и политическую сущность в связи с тенденциями реакционной историографии США и Англии последнего 30-летия (L. Elm. Aufbruch ins Vierte Reich? Zu Herkunft und Wesen einer konservativen Utopie. Berlin. Dietz. 1981. 182 S.).

◆ «Консерватизм в наши дни» — сборник статей болгарских, немецких (ГДР и ФРГ), польских, советских и чехословацких историков под редакцией Людвига Эльма, касающийся новейших трудов, затрагивающих роль консервативной политики и идеологии в различных сферах буржуазного общества, прежде всего в ФРГ (Konserwatismus in der BRD. Wesen, Erscheinungsformen, Traditionen. Berlin. Dietz. 1982. 160 S.).

◆ В 1939 г. в Париже была опубликована книга, автор которой немецкий политэмигрант Альберт Шрайнер доказывал, что нацистская Германия держит курс на тотальную захватническую войну. Ныне его книга переиздана с новым предисловием (A. Schreiner. Vom totalen Krieg zur totalen Niederlage Hitlers. Berlin. Akademie-Verlag. 1981. 280 S.).

◆ Очерки Фреда Меркса посвящены истории ландскнехтов, начиная с средних веков и до настоящего времени, их участию в Великой крестьянской войне в Германии, Тридцатилетней войне, войнах Фридриха II и т. д. В книге прослежена история французского Иностранного легиона, легиона «Кондор», Голубой дивизии, колониальных наемников — «джиха гусей», выступавших против освободительного движения в Индокитае, Алжире, Заире, Анголе, Зимбабве и Намбии (F. Mercks. Auf der Straße

des Todes. Ereignisse — Tatsachen — Zusammenhänge. Berlin. Militärverlag der DDR. 1982. 336 S.).

◆ Клаус-Петер Мачке освещает в своей работе внутреннюю историю Византии после того, как Тамерлан разгромил в 1402 г. турецкого султана Баязида, отсрочив падение Константинополя на полвека. Характеризуя экономическую и социальную структуру Византии, ее политику и международное положение, автор показывает, почему она не сумела в дальнейшем противостоять туркам (K.-P. Malschke. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Weimar. Hermann Böhlaus Nachfolger. 1981. 296 S.).

◆ В книге Ганса Хаутманна, посвященной воздействию Великого Октября на австрийское рабочее движение, рассмотрены следующие вопросы: позиция левых социал-демократов, группа Фридендера, крах Габсбургской монархии, возникновение Коммунистической партии Австрии, ее программа, деятельность и структура зимой 1918/19 г., «левый» уклон и разногласия в ее руководстве, Венгерская Советская республика, австрийские коммунисты в 1919 г. (H. Hautmann. Die verlorene Räterepublik. Wien. Europa-Verlag. 1981. 288 S.).

◆ «Германия и Австрия» — сборник статей под редакцией Роберта Канна и Фридриха Принца. Статьи охватывают эпоху от Великого переселения народов до наших дней и касаются всех форм взаимоотношений этих двух регионов. Ч. 1 затрагивает государственно-политические отношения, ч. 2 — сферу идеологии, хозяйства и социальных движений. Авторами выступают историки ФРГ, Австрии, Западного Берлина и США (Deutschland und Österreich. Wien. Jugend und Volk. 1980. 596 S.).

◆ С 1955 г. издается в Кобурге (ФРГ) краеведческий ежегодник. Его т. 26 содержит статьи членов местного исторического общества по средневековой и новой истории города, а также обширную библиографию (Jahrbuch der Coburger Landesstiftung. Bd. 26. Coburg. Neue Presse. 1981. 328 S.).

◆ С 1905 г. выходит в свет «Майнцский журнал» — ежегодник по археологии, искусству и истории земель Среднего Рейна. В очередной, 76-й том вошли краеведческие статьи, касающиеся средневековья и нового времени (Mainzer Zeitschrift. Jg. 76. Mainz. VMAV. 1981. 180 S., 24 Taf.).

◆ Херманн Лангкabel из Франкфуртского университета (ФРГ) изучает по документам Флорентийской канцелярии 1375—1406 гг. ранний гуманизм. Наряду с исследовательским разделом (археография, идеология, исторический фон) в книге помещены 183 документа, в основном письма государственных и общественных деятелей (H. Langkabel. Die Staatsbriefe Coluccio Salutati. Köln. Böhlau Verlag. 1981. 384 S.).

◆ Торговые контакты о-ва Готланд с континентальной Европой в эпоху древнего Рима освещаются в монографии Зайги Блумберге, изданной как т. 12 серии Стокгольмского университета по североевропей-

ской археологии. Материалом для исследования послужили бронзовые изделия, преимущественно украшения (Z. Blum-bergs. *Bronzebuckelchen als Trachtzier*. Stockholm. IAUS. 1982. 142 S.).

◆ Шведское Королевское академическое общество истории и древностей публикует серию «Древности». Выпуском 32 в ней является осуществленное Матсом Мальмером исследование наскального искусства первобытной Северной Европы (местность, материалы, методы работы, датировка, сюжеты изображений). Все памятники тематически систематизированы автором (M. P. Malm-er. *A Chorological Study of North European Rock Art*. Stockholm. Almqvist and Wiksell. 1981. 143 p.).

◆ В 1958—1963 гг. датские археологи раскопали древнефиникийские селения возле Араб-ал-Мульк и Телль-Дарук в современных Сирии и Ливане. Результаты раскопок и анализ находок подытожены в публикации, которая является вып. 8 в серии «Карлсбергская экспедиция» и одновременно ч. 3 т. 10 историко-философской серии датского Королевского общества. Авторы: Эвелин Ольденбург и Йорген Рохведер (*The Excavations at Tall Daruk (Usnu?) and Arab al-Mulk (Paltos)*. København. Bianco Lunos. 1981. 129 p.).

◆ «Ирландская историография за 1970—1979 гг.» — сборник статей под общей редакцией Джозефа Ли из Коркского университетского колледжа, каждая из которых содержит обзор исследований за 10 лет по одному из периодов ирландской истории, а также по экономической и церковной истории в целом и библиографию вышедших трудов (*Irish Historiography 1970—79*. Cork. CUP. 1981. 238 p.).

◆ Под его же редакцией опубликован сборник статей по истории Ирландии в 1945—1970 гг., охватывающих все стороны ее жизни, внешней и внутренней политики. Авторами выступают ирландские вузовские преподаватели, общественные деятели и публицисты (*Ireland 1945—70*. Dublin. Gill and Macmillan. 1980. 184 p.).

◆ История и культура Шотландии от неолита по XX в. составляет содержание коллективного труда, подготовленного английскими и американскими историками Хэрролдом Оурелом, Лесли Элкоком, Мэрилин Стокстэд, Гордоном Дональдсоном, Генри Снайдером и Джорджем Шепперсоном. В книгу включены фототипии основных национальных памятников всех эпох (*The Scottish World*. New York. Harry N. Abrams. Inc. 1981. 328 p.).

◆ Королевское общество Канады издает «Сообщения». Их т. XVIII, как обычно, издан двухчастным — на английском и французском языках, причем первая часть освещает

итоги работы канадских ученых к рубежу 1980-х годов в сфере естественных и технических наук, а вторая — гуманитарных с отдельной главой о научных достижениях французской Канады. Раздел об исторической науке в целом написан проф. Майклом Персифаль-Максвеллом из Макгиллского университета (*Transactions of the Royal Society of Canada — Mémoires de la Société Royale du Canada*. 4th ser. Vol. XVIII. Ottawa. SRC. 1981. 280 p.).

◆ Сотрудник Украинского исследовательского института и Русского исследовательского центра при Гарвардском университете Патриция Кеннеди Гримстед подготовила очередной том для серии «Архивы и рукописные хранилища в СССР», касающийся архивов и рукописных фондов Эстонской, Латвийской, Литовской и Белорусской ССР. В книге содержатся их характеристика и описание справочно-библиографических материалов. Каждый раздел предварен очерком истории архивов в данной республике. В книге помещен большой справочный аппарат. Она является продолжением вышедших ранее работ об архивах и рукописных собраниях Москвы и Ленинграда (P. K. Grimsted. *Archives and Manuscript Repositories in the USSR. Estonia, Latvia, Lithuania, and Belorussia*. Princeton. PUP. 1981. 930 p.).

◆ Методика этнографического изучения общественной психологии — круг проблем, освещаемых сотрудником Сан-Диегского университета (США) Джозефом Берлендом применительно к такому слою общества, как акробаты, фокусники, укротители животных и маги, преимущественно на пакистанских материалах (J. C. Berland. *No Five Fingers Are Alike*. Cambridge (Mass.). HUP. 1982. 246 p.).

◆ Малоазийский г. Сарды был одним из важнейших культурных центров древности и средневековья. Постоянно действующая Археологическая служба в Сардах исследует его памятники и издает серию работ под общей ред. Джорджа Хэнфмана и Джэйн Скотт. Т. 7 серии посвящен греческим, римским и исламским монетам из Сард. В нем помещены описание находок, их сравнительный каталог и иллюстрации (*Greek, Roman, and Islamic Coins from Sardis*. Cambridge (Mass.). HUP. 1981. 274 p., 10 pl.).

◆ Роль традиций в истории Африки — тема второго международного симпозиума (март 1979 г., Дакар), организованного Германской и Сенегальской комиссиями ЮНЕСКО в память об известном этнографе-африканисте Лео Фробеннусе. Опубликованы материалы симпозиума, охватывающие историю континента с древнейших времен до наших дней (*Symposium Leo Frobenius II*. Bonn. K. G. Saur. 1982. 417 S.).

РУССКАЯ СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В АВСТРИИ И РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА

История российской эмиграции в страны Центральной и Юго-Восточной Европы, в частности русской старообрядческой эмиграции, частично уже затрагивалась в нашей литературе¹. Но в имеющихся работах, в соответствии с замыслом их авторов, освещалась либо почти исключительно революционная эмиграция, либо история старообрядчества в целом, а его эмигрантская часть лишь упоминалась. Отдельные вопросы истории старообрядческой эмиграции более глубоко разработаны лишь в плане изучения главным образом ее контактов с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым². Что касается дореволюционной литературы, то, хотя она и приводит значительный фактический материал, в ней освещается преимущественно религиозная сторона старообрядческого движения, причем с позиций эксплуататорских классов, царского правительства и церковных властей.

Обращаясь к истории старообрядчества, как и других религиозных течений, советские историки тщательно учитывают их социальное содержание и направленность. Именно такой подход позволяет выяснить социальную обусловленность идейно-политических столкновений внутри старообрядческой эмиграции, понять объективные ис-

токи тех решений, которые в конкретных ситуациях принимала ее верхушка. Ниже делается попытка рассмотреть этот аспект темы применительно к территории тогдашней Австрийской империи, где находился один из центров старообрядческой эмиграции.

В середине XIX в. в принадлежавшей тогда Габсбургам Буковине насчитывалось немногим более 2 тыс. русских старообрядцев³, сосредоточенных в пяти сельских поселениях: Миттока-Драгомирна (Соколинцы), Климауцы, Белая Криница, Мехидра и Липовени-Косованка.

В 1846 г. буковинские старообрядцы, направляемые верхушкой московских единоверцев, добились у австрийского правительства разрешения образовать в селе Белая Криница митрополию, которая положила начало существованию самого крупного в старообрядчестве направления, так называемого белокриницкого, или австрийского согласия. С этого времени и вплоть до 60-х годов XIX в. Белая Криница была духовным центром для большинства старообрядцев — поповцев, признающих белокриницкую иерархию, как проживавших в России, так и в пограничных с нею районах — Австрии, Дунайских княжествах, Европейской Турции. Однако уже в 1847 г. над только что образовавшейся Белокриницкой митрополией нависла угроза ликвидации. Царское правительство, обеспокоенное влиянием, которое стал оказывать зарубежный центр старообрядчества на русских единоверцев, потребовало от австрийского правительства принять меры к ее закрытию. Австрийское правительство было вынуждено отчасти удовлетворить эти требования и предписало местной администрации закрыть монастырь в Белой Кринице и

¹ См.: Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в.—1917 г.). М. 1965; его же. Народная социальная утопия в России. XIX век. М. 1978; Миловидов В. Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М. 1969; Катунский А. Старообрядчество. М. 1972; Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859—1874 гг.). Кишинев. 1973.

² Из переписки О. С. Гончарова с Герценом и Огаревым. Публикация П. Г. Рындзюнского. В кн.: Литературное наследство. т. 62. М. 1953; Кельсиев В. И.—Герцену и Огареву. Публикация П. Г. Рындзюнского. Там же. Т. 63. М. 1955; Кельсиев И. И.—Герцену и Огареву. Публикация П. Г. Рындзюнского. Там же; Рудницкая Е. Л. Огарев в русском революционном движении. М. 1969, с. 343—353, и др.

³ См. ЦГВИА СССР, ВУА, ф. 428, оп. 1, д. 1420, ч. 1, 1874 г., лл. 21, 23; АВПР, ф. СПб., Гл. арх. У—А₂, оп. 181, 1871 г. Черновцы, д. 1056, л. 42об.

выслать беглых из России монахов. На очереди стал вопрос о полной ликвидации митрополии⁴, но в результате начавшейся революции, объявившей свободу вероисповедания для всех народов Австрийской империи, этот вопрос был снят с повестки дня.

Несмотря на то, что революция 1848 г. фактически спасла находившуюся под угрозой ликвидации Белокриницкую иерархию, верхушка подчиненных ей старообрядческих общин проявила больше симпатий к венскому престолу, нежели к революции. Глава митрополии Павел Великодворский в письме к старообрядцам Москвы от 23 июня 1848 г. признавал, что «от веков небывалая революция» отвратила административные меры австрийского правительства, направленные к ликвидации Белокриницкой митрополии, благодаря тому, что в империи «всем нациям и религиям совершенная вольность представлена». Несмотря на это он высказал резко отрицательное отношение к новой конституции. Обращаясь к московским иерархам, Павел Великодворский предостерегал: «Вам довольно в предосторожность только слова того: если услышите: «конституция», бойтесь, яко некоего кроважадного губителя, являющегося к вам под видом миротворителя... нужно посмотреть на сию вольность с другой точки, т. е. не с начинания, но с самого совершения цели ее, да увидим, что не есть воля, но горе»⁵. Старообрядческие верхи беспоповцев, проживавших в селе Климауцы⁶, тоже видели в прочности власти Габсбургов, даровавших им экономические и социальные льготы, залог их сохранения. И наоборот, старообрядцы были обеспокоены, как писали климауцкие беспоповцы в письме рогожским старообрядцам в Москву 29 июня 1848 г., тем, что «холерою вольнодумства повсюду народы заражены, так, что аки все из ума выступили... и правительство (венское).— Л. Ч.) ослабло, остается ему только последняя надежда на помощь Божью и на российскую угрозу и силу, чтобы господь ноне Российское под-

держал царство во всей его силе»⁷. Буковинские старообрядцы, отказывавшиеся некогда молиться за русского царя, теперь уповали на «угрозу» и «силу» русского самодержца. И он оценил верноподданнические настроения верхушки буковинских старообрядцев. Когда письмо (через осведомителей) попало к Николаю I, он сделал на нем многозначительную надпись: «замечательное письмо»⁸.

Позиции буковинских старообрядцев, в особенности зажиточного их слоя, определялись не религиозными соображениями и не интересами старообрядческих общин, а социально-экономическими факторами. Если говорить о частновладельческих повинностях, которые несли крестьяне молдавских и украинских сел Буковины, то с конца XVIII и до середины XIX в. преобладала тенденция роста этих повинностей. До 1848 г. в жалобах местных крестьян главным сюжетом было многократное увеличение барщины⁹. Эта тенденция не коснулась, однако, старообрядческих общин. Наоборот, в них барщина была незначительной или вовсе отсутствовала. Повинности, которые старообрядцы несли по отношению к землевладельцу, были в несколько раз ниже, чем у остального феодально-зависимого населения Буковины.

В качестве землевладельца в данном случае выступал религиозный фонд, который был создан в Буковине в 1786 г. по указу императора Иосифа II. В состав его вошло 267 монастырских владений, которые составляли 27,7% земель Буковины. Сюда попали и основные старообрядческие общины — Белая Криница, Климауцы, Миттока. Лишь в Мехидре, в вотчине Бергомет, старообрядцы располагались по соглашению на помещичьей земле. Частновладельческие повинности, которые крестьяне раньше несли в пользу монастырей, после 1786 г. шли государству, которое в лице администрации религиозного фонда управляло этими землями или сдавало их в аренду¹⁰. Н. И.

⁷ ЦГАОР СССР, ф. III отд., I эксп., оп. 229, 1847 г., д. 389, ч. III, лл. 105об.—106.

⁸ Там же.

⁹ См. Gramada N. Satenii și stapanii în Bucovina între 1775 și 1848. In: Anuarul Muzeului Bucovinei, Cernăuți, 1944, p. 106.

¹⁰ См. Львов А. М. Аграрные отношения на Буковине в первой половине XIX в. В кн.: Научный ежегодник Черновицкого университета за 1959 г. Черновцы, 1960, с. 71; Пастух А. Ф. Аграрные отношения на Буковине в первой половине XIX в.—Тезисы докладов XXII научной сессии (сек-

⁴ См. ЦГАОР СССР, ф. III отд., I эксп., оп. 229, 1847 г., д. 389, ч. I, лл. 206—209.

⁵ Там же, ч. III, лл. 83об.—85. Текст письма уже публиковался Н. И. Субботиным (см. Русский архив. Кн. 2. М. 1875, с. 112—114).

⁶ Беспоповское направление в старообрядчестве считалось более радикальным по сравнению с поповским, к которому принадлежала большая часть буковинских старообрядцев.

Надеждин, посетивший в 1845 г. по поручению министерства внутренних дел России старообрядческие села в Буковине, был поражен тем, что старообрядцы платят «ничтожный оброк»¹¹, который составлял в год гульден (флорин) с семейства, в переводе на русские деньги того времени — меньше рубля серебром.

Еще большая разница между старообрядцами и остальным зависимым населением Буковины наблюдается в налогообложении и феодально-государственной эксплуатации крестьян. Австрийское правительство, считавшее выгодным поощрять заселение Буковины старообрядцами (экономическая сторона этой заинтересованности неоднократно отмечалась в документах австрийской администрации, где липоване¹² фигурируют как хорошие налогоплательщики, исправно занимающиеся земледелием, ремеслом и торговлей¹³), установило налоговые льготы для липован-новоприходцев. Согласно патенту, подписанному Иосифом II 9 октября 1783 г., липоване вообще освобождались на 20 лет от налогов¹⁴.

Лишь по истечении этого срока, с 1 ноября 1803 г., старообрядцы стали податной группой, сохранившей, однако, некоторые привилегии по сравнению с основной массой украинских и молдавских крестьян Буковины. По просьбе липован им была установлена в первой половине XIX в. фиксированная мера налогообложения в сравнительно пониженном размере. Причем, так же как частновладельческая рента, государственные повинности у старообрядцев коммутировались. Вплоть до 1868 г. липоване были освобождены от таких тяжелых повинностей, как служба в армии, милиции, от участия в сторожевых мероприятиях, а также от постоя солдат. Даже в военные годы, когда в 1809—1814 гг. в Буковине

было сформировано 2 армейских корпуса, старообрядческие общины дали только две лошади, а затем выплачивали 100 флоринов денежной компенсации. Впоследствии эта компенсация составляла 1 флорин в год с двора¹⁵.

Все эти льготы создавали предпосылки для социального расслоения внутри старообрядческих общин, благоприятные условия для эксплуатации ее зажиточной верхушкой беднейших слоев — халупников и владельцев малоземельных безлошадных хозяйств, которые в середине XIX в. составляли уже большинство старообрядческого населения Буковины.

Революция 1848 г. уравнила в правах различные сословия, тем самым лишив старообрядцев многих привилегий. Они должны были теперь служить в армии, а также участвовать в милицеских и сторожевых формированиях. Первая попытка привлечь старообрядцев к военной службе была предпринята 4 марта 1849 года. По данным МВД России, сообщенным в III отделение, «после нового закона о рекрутстве привилегия Иосифа II, освобождающая их от сей повинности, прекращается, и поэтому они должны ставить рекрутов по конскрипции наравне со всеми подданными австрийскими. Это совершенно сразило раскольников, ибо сказанная привилегия была для них всего дороже»¹⁶. В результате многочисленных жалоб и отказа от воинской службы решение вопроса было отложено до 1868—1869 гг., когда липованам было предписано служить только в тыловых частях¹⁷.

После 1848 г. старообрядческие общины стали привлекаться к ряду государственных повинностей, прежде всего отработочных, от которых они были раньше либо освобождены, либо эти обязанности коммутировались (по ремонту и строительству дорог, постою солдат, содержанию пограничной стражи и др.). По отношению к старообрядцам был принят акт, который еще больше восстановил их против революции 1848 года. Несмотря на то, что старообрядческие общины фактически не несли барщины или несли ее в очень незначительном размере, австрийские власти распространи-

ция истории). Черновцы, 1966, с. 27; Північна Буковина. Минуле і сучасне. Ужгород, 1969, с. 48; АВПР, ф. Посольство в Вене, оп. 514 (неполитическая), 1841—1914 гг., д. 29, лл. 64об.—69.

¹¹ См. Надеждин Н. И. О заграничных раскольниках. Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Вып. 1. Лондон, 1860, с. 86, 87.

¹² Липованами обычно называли русских старообрядцев, живших в Дунайских княжествах, в Придунайских районах Османской империи, в Австрии и Пруссии.

¹³ См. Polek I. Die Lippowaner in der Bucowina. Vol. 1. Czernowitz. 1896, S. 24, 25, Beil. № 2—5.

¹⁴ См. Субботин Н. И. История Белокриницкой иерархии. Т. 1. М., 1874, с. 55, 56.

¹⁵ См. Ka indl R. F. Das Entstehen und die Entwicklung der Lippowaner-Colonien in der Bucowina. Wien. 1896, S. 50.

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. III отд., 1 экз., оп. 229, 1847 г., д. 359, ч. III, л. 159.

¹⁷ См. АВПР, ф. СПб, Гл. арх. У—А₂, оп. 181, 1870 г., Черновцы, д. 1064, лл. 7 об.—8.

ли на них закон о выкупе в течение 40 лет барщинных повинностей¹⁸.

Введение ряда принципов формального буржуазного «равенства» привело в конечном итоге к тому, что старообрядцы, как отмечал в своем донесении в МИД России Кира-Динжан, за исключением обязанности нести военную службу в тыловых частях, в остальном стали «равны другим подданным»¹⁹. После 1848 г. привилегии, оставшиеся у липован, больше касались их религиозного, а не социального и экономического статуса.

На отношение старообрядцев Буковины к революции 1848 г. влияли не только экономические факторы, но и особенности социальных противоречий и классовой борьбы, которые были характерны для старообрядческих общин в середине XIX века. Одной из самых ранних форм сопротивления, возникшей еще в конце XVIII в. в ходе старообрядческого заселения Буковины, была борьба за землю, которая вылилась в стремление селиться только на государственных землях. По этому поводу липоване неоднократно обращались к властям с прошениями и жалобами²⁰. Проявлением классовой борьбы старообрядцев были случаи ухода с земель, владельцы которых пытались увеличить повинности сверх предусмотренных первоначальным соглашением, а также отказ от исполнения дополнительно вводимых повинностей²¹.

Для старообрядцев Буковины был более характерен социальный и политический протест, скрытый религиозной оболочкой. Под предлогом защиты церковных каноничности и традиций они отказывались вести книги выполнения повинностей, метрики, статистический учет не только людей, но и скота. В одних случаях это сопротивление властям носило явно консервативный характер (отказ от вакцинации и др.)²², в других приобретало черты экономического сопротивления и социального протеста (учет скота и перепись людей могли привести к росту повинностей)²³. В ряде случаев оно носило

даже политическую окраску, например, противодействие введению метрик, нумерации домов было направлено на то, чтобы скрывать беглых²⁴. Нередко формы проявления экономического, социального, политического и религиозного протеста тесно переплетались между собой.

Особенно сильное сопротивление, внешне по тем же религиозным мотивам, было оказано старообрядцами попытке привлечь их к рекрутской повинности. Начиная с 1848 г. вплоть до 70-х годов XIX в. следует длинная цепь сначала их жалоб и прошений, а затем ультиматумов с угрозой переселения из Буковины, доходивших до высших инстанций Австрийской империи. В этом вопросе, в отличие от других, липоване переходили от жалоб к открытому массовому неповиновению австрийским властям. Так, весной 1869 г. вместо 400 липован на призывный пункт явились только двое, остальные бежали²⁵.

Однако классовая борьба старообрядцев носила несколько иной характер и достигла гораздо меньшего накала, нежели в селах барщинных украинских и молдавских крестьян Буковины. Старообрядцы выступали прежде всего за сохранение своего относительно привилегированного положения, и в этом смысле они не были против правопорядков, существовавших в Австрийской империи, и в известной мере становились даже сторонниками этих правопорядков, дававших им значительные преимущества по сравнению с основной массой крестьян Буковины, а их верхушке — возможность эксплуатировать бедные слои общины. Не случайно австрийская администрация признавалась, что не только с хозяйственной точки зрения, но и по причине «спокойного характера» она предпочитает старообрядческую колонизацию молдавской и польской²⁶. Глава военной администрации Буковины генерал Энценберг отмечал, что за шесть лет его службы в Буковине (1777—1783 гг.) липоване у него «не вызвали ни малейшего нарекания и ни один из них не подвергался суду»²⁷.

¹⁸ См. История міст и сіл УРСР, Чернівецька область. Київ. 1969, с. 192.

¹⁹ АВПР, ф. СПб, Гл. арх. У—А₂, оп. 181, 1870 г., Черновцы, д. 1054, лл. 7об.—8.

²⁰ См. Polek I. Op. cit., Vol. I, S. 7, Beil. № 36, S. 44.

²¹ См. Danu D. Lipoweni din Bucovina.—Candela, Cernăuți, 1894, p. 472.

²² См. ibid., pp. 473, 474.

²³ Представители австрийской администрации сами высказывали мнение, что сопротивление введению метрических книг и ну-

мерации домов объяснялось стремлением старообрядцев избежать установления их численности и повышения земельного налога (Ka indl R. F. Op. cit., S. 77).

²⁴ См. Danu D. Op. cit., pp. 473, 474. (Ka indl R. F. Op. cit., S. 74).

²⁵ См. Danu D. Op. cit., pp. 473, 474.

²⁶ См. Ka indl R. F. Op. cit., S. 16—18.

²⁷ Polek I. Op. cit., Vol. I, S. 35, Beil. № 28; Ka indl R. F. Op. cit., p. 70.

Такие же характеристики встречаются и в документах австрийской администрации, относящихся к середине XIX века. В них обычно говорится о липованах как о людях в личном и социальном плане спокойных, далеких от политической борьбы²⁸. Кира-Динжан, описывая старообрядцев Буковины 60-х — начала 70-х годов XIX в., пришел к выводу, что «они не вмешиваются ни в какие политические распри, покорны правительству, охотно подчиняются местным законам, за исключением военной повинности». «Одним словом,— заключал он,— старообрядцы Буковины вне всяких политических интриг»²⁹.

²⁸ См. Ka indl R. F. Op. cit., S. 70.

²⁹ АВПР, ф. СПб, Гл. арх. У—Аз. 1870 г., Черновцы, л. 1055, лл. 31—31об.; 1871 г., л. 1056, л. 44об.

Таким образом, социальное сопротивление старообрядцев в Австрийской империи проявлялось лишь в тех случаях, когда нарушался их привилегированный по сравнению с другими (украинскими и молдавскими) крестьянами социальный статус. В то же время они становились своеобразными союзниками властей, даровавших им этот статус. Поэтому, когда революция 1848 г. провозгласила равенство всех сословий, это вызвало отрицательное отношение к ней со стороны старообрядцев.

В массе своей они были далеки от революционных настроений, так как не испытывали на себе всей тяжести крепостной зависимости, а религиозный фанатизм и стремление вернуться на родину притупляли их социальное самосознание.

Л. Ф. Чащина

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ЭХО ЛЕНСКИХ СОБЫТИЙ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ

8 апреля 1912 г. издававшаяся легально в Петербурге большевистская газета «Звезда» вышла в траурной рамке. На ее страницах рассказывалось о расстреле 4 апреля бастовавших рабочих у Надеждинского рудника «Ленского золотопромышленного товарищества». Пролетарии столицы и других городов России провели митинги протеста против преступления царских палачей и начали забастовки¹. Около 300 тыс. рабочих участвовало в стачках протеста с середины до конца апреля. Первомайские забастовки, митинги и демонстрации насчитывали, по неполным данным, почти 400 тыс. участников². «Ленский расстрел явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс»³, в массовое наступление против царизма и капиталистов. «Общее бесправие русской жизни», «безнадежность и невозможность борьбы за отдельные права», «неисправимость царской монархии и всего ее режима выступили из ленских событий так ярко,— писал Владимир Ильич,— что зажгли массы революционным огнем»⁴. 1912 год принес рекордное количество политических стачек⁵.

По всей России разнеслись вести о кровавой расправе царских сатрапов над рабочими ленских приисков. На Дальнем Во-

стоке⁶ о расстреле узнали из местных газет. Некоторое время это был единственный источник информации. Первым официальным сообщением, поступившим 6—7 апреля в местную периодическую печать, стала телеграмма Петербургского телеграфного агентства от 5 апреля «К забастовке в Ленском товариществе». В ней сообщалось, что причина забастовки заключалась «в необоснованности требований, выдвинутых рабочими», а «меры, предпринятые администрацией к мирному разрешению конфликта, не дали результатов». Подобное объяснение было настолько надуманным, что местные газеты рядом с официальной версией поместили и другие телеграммы, присланные из Иркутска и Бодайбо. Крупным планом печаталось: «Лена», «К рабочему вопросу», «Кошмар в Бодайбинской тайге», «Восемь тысяч человек за бортом...»⁷. Авторы публикаций пытались по мере возможности назвать некоторые причины забастовки, дать оценку трагедии 4 апреля.

«48 приисков Витимского горного округа Иркутской губернии, добывающие ежегодно до тысячи пудов золота, принадлежат Ленскому золотопромышленному товариществу, которое скупило их с 23 августа 1910 года у двух компаний. Ленское товарищество — диктатор спроса на рабочие руки»⁸, — говорилось в одной из публикаций. «Когда восемь тысяч приисковых рабочих единогласно отказались стать на работу, администрация принялась за их увольнение,— сообщалось в другой.— Нужно представить себе, что значит быть уволенным с

¹ Подробнее об этом см.: Правда о ленских событиях. М. 1913; Ленские прииски. Сб. док. М. 1937; Аксенов Ю. С. Ленские события 1912. М. 1960; Лебедев М. И. Воспоминания о ленских событиях. М. 1962; Предвестник революционной бури. (Исторический очерк, документы, воспоминания). Иркутск. 1962.

² История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. М. 1966, с. 381, 382.

³ Ленин В. И. ПСС. Т. 21, с. 340.

⁴ Там же, с. 341.

⁵ В 1910 г. состоялось 8 политических стачек, в которых приняло участие 3777 человек, в 1911 г.—24 стачки (8380 человек), в 1912 г.—1300 стачек (549 813 человек) (ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 16, д. 20б., л. 416).

⁶ В административном отношении он объединял Амурскую, Приморскую, Камчатскую, Якутскую области и Сахалин, составлявшие Приамурское генерал-губернаторство.

⁷ См. газеты: Сибирь (Иркутск); Приамурье (Хабаровск); Приамурский край (Владивосток), 6, 7, 8.IV.1912.

⁸ Приамурский край, 6.IV.1912.

ленских приисков, если на тысячи верст кругом все, без всякого исключения, — дома, жилища, хлебные и продовольственные магазины, пароходы, железная дорога (Бодайбинская), все находится в монопольном ведении «Товарищества». И быть уволенным — это значит быть обреченным буквально на голодную смерть без всякой возможности и, даже при наличии средств, выбраться из владений этого могущественного монопольного владельца Витимского и Олекминского округов»⁹.

Как только центральная и местная периодическая печать опубликовала дневник заседания Государственной думы, где обсуждались причины ленских событий, всеобщее внимание привлекла речь министра внутренних дел¹⁰. Уже в следующих номерах многие газеты поместили критические материалы по этому поводу¹¹. В газете «Приамурье» в статье «К Бодайбинской катастрофе» отмечалось, что объяснения министра носят противоречивый характер, т. к. они построены на таких же противоречивых фактах, не вскрывающих действительных причин трагедии. «Нет, мы думаем, — писал автор, — что объяснить Бодайбинскую катастрофу хотя бы произволом или «ошибкой» каких-нибудь «стрелочников» невозможно. Для этого необходимо принять во внимание весь комплекс нашей социально-политической жизни последних лет усмирения. Бесчисленные смертные приговоры, гнет бесправной личности, травля инородцев, периодически возникающие «слухи» о погромах, для предупреждения коих требуется весь авторитет, вся сила высшей власти, умопомрачающее «засилье» таких ничтожных карьеристов, как Пуришкевич, Гололобов и Крупенский, беспредельное господство всякого рода Курловых, Кулябок, Азёфов, — этого ли еще недостаточно для понимания и проникновения истинным духом времени»¹².

Известия о расстреле рабочих на ленских приисках, а затем о стачках и демонстра-

циях протеста в Петербурге, Москве и других промышленных центрах послужили сигналом к выступлениям трудящихся во многих местах Сибири и Дальнего Востока. Уже 5 апреля печатники типографий Окунева и Макушина в Иркутске прекратили работу и обратились ко всем типографщикам города с призывом организовать забастовку. Массы народа собралась на берегу Ангары, на Конном острове начался митинг. Против рабочих бросили казаков. 20 человек было арестовано и заключено в тюрьму. В тот же день в городе начался сбор средств на поддержание семей убитых и раненых рабочих¹³. 8 апреля забастовали рабочие Черемховских каменноугольных копей, протестуя против произвола и требуя увеличения заработной платы. Забастовка продолжалась около четырех дней, приняв широкий размах. Перепуганные копейладельцы согласились удовлетворить предъявленные им требования¹⁴. В течение нескольких дней пришла в движение практически вся Иркутская губерния. Двухдневными забастовками протеста выразили свою солидарность рабочие и служащие Воронцовской пристани Иркутска, промышленных заведений, верфей и пароходства Киренска и других мест. Пришла в движение политическая ссылка¹⁵.

В Забайкалье первой реакцией на ленские события был митинг рабочих, состоявшийся 8 апреля в железнодорожных мастерских. После митинга рабочие Читы начали сбор денег для передачи семьям пострадавших¹⁶. В сводках агентурных сведений, представляемых в департамент полиции, содержатся две записи, сделанные по Владивостоку. 15 апреля сообщает некто Федотов: «Рабочие обсуждают ленские события». 17 апреля сообщает некто Головин: «Горячо продолжают обсуждать ленские события. Высказывают сожаление, что со стороны правительства не видно желания прийти с материальной помощью семьям убитых и раненых... Обсуждаются демонстрации в Петербурге»¹⁷.

Открытые выступления в разных городах Дальнего Востока в поддержку ленских рабочих состоялись 1 Мая. К этому дню ра-

⁹ Приамурье, 8.IV.1912.

¹⁰ В речи был сделан упор на политический характер забастовки. Мотивировалось это тем, что «забастовщики выдвигали требование 8-часового рабочего дня» и что «на приисках были ссылки». Применение же оружия объяснялось «отсутствием выдержки перед толпой, вооруженной кирпичами, палками и камнями» (ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 2, д. 2652, лл. 91, 92).

¹¹ Приамурский край, 14, 15.IV.1912; Приамурье, 15.IV.1912; Эхо, Благовещенск, 14.IV.1912.

¹² Приамурье, 15.IV.1912.

¹³ Очерки по истории Иркутской организации КПСС. Иркутск. 1966, с. 148.

¹⁴ Приамурье, 18.IV.1912.

¹⁵ Очерки по истории Иркутской организации КПСС, с. 147—149.

¹⁶ Очерки истории Читинской организации КПСС. Иркутск — Чита. 1975, с. 91.

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 102, ДП, ОО, 1912 г., оп. 242, д. 5, ч. 64 «Б», лл. 36, 37.

бочие готовились заранее. В Благовещенске, Владивостоке, Николаевске-на-Амуре, Харбине предполагались издание майских листов, организация демонстраций и митингов, проведение однодневной забастовки. В конце апреля рабочие железнодорожного депо во Владивостоке, обсуждая вопрос об организации митинга, решили собраться в саду при заводе «Фукса», заслушать выступление оратора, развернуть красный флаг и тем самым показать, что они не остались безучастными к ленским событиям¹⁸. Забастовкой отметили 1 Мая печатники Благовещенска¹⁹ и Николаевска-на-Амуре. Стачка наборщиков в Николаевске приняла затяжной характер. Кроме экономических требований, они предъявляли и такие, как предоставление права проведения общих собраний, свободного обсуждения своих нужд²⁰.

Под воздействием майских выступлений рабочих, вспыхнувших после ленских событий, усилились революционные настроения среди солдат и матросов. Военный губернатор Приморской области еще в начале 1912 г. отмечал, что «среди матросов идет брожение»²¹. Слухи о волнениях солдат в Европейской России, о выступлениях рабочих особенно упорно стали распространяться в 4-м Сибирском стрелковом полку, расположенном в Никольск-Уссурийске. 18 мая полк забастовал. Поводом послужила плохая пища. Вначале отказались от ужина нижние чины 2-го батальона, затем к ним присоединились остальные²². Волнение солдат было поддержано забастовкой рабочих войсковой строительной команды. Газета «Уссурийская окраина» 17 июня посвятила забастовке заметку, озаглавив ее «Маленькая Лена». Тем самым автор подчеркивал солидарность дальневосточных рабочих с борьбой их ленских товарищей.

Революционный подъем весной 1912 г. показал растущую солидарность рабочих. Это хорошо видно на примере продолжавшейся в течение года борьбы дальневосточных печатников. 24 июня забастовали типографские рабочие Владивостока. Они собрались в Народном доме, выработали свои

требования и сообщили о них в Хабаровск. Здесь рабочие типографии «Приамурье» поддержали выступление владивостокских товарищей встречной забастовкой. Владельцы типографий вынуждены были пойти на некоторые уступки²³. 17 сентября в типографии «Приамурье» наборщики Юдин, Гурьянов, Николайчик потребовали увольнения старшего наборщика Абашкина за то, что тот постоянно наущивал на рабочих. Когда издатель отказался удовлетворить их требования, наборщики объявили забастовку. Хозяева типографии затребовали наборщиков из Благовещенска, но те, узнав о забастовке, не пожелали ехать в Хабаровск²⁴. Постоянная поддержка друг друга в борьбе придавала движению рабочих широкий размах и в ряде случаев обеспечивала его успех.

Растущая солидарность рабочего класса ярко проявилась и в отношении к газете «Правда», которая стала выходить вскоре после ленских событий. Рабочие поддерживали ее денежными средствами. Групповые сборы были проведены в Благовещенске. На страницах газеты не раз публиковались сообщения о денежных переводах, поступивших из Читы и Благовещенска. Групповые рабочие сборы необходимо было усилить, как отмечал В. И. Ленин, подпиской, распространением газеты среди товарищей, знакомых, земляков и т. д.²⁵. Сколько рабочих выписывали «Правду» на Дальнем Востоке, неизвестно. Но о том, что там читали «Правду» и высоко ее ценили, свидетельствуют многие факты. И первый из них — это дальневосточные корреспонденции в ней. В разных номерах газеты можно встретить заметки, поступившие из Алексеевска, Благовещенска, Владивостока, Хабаровска и Читы²⁶.

О чем писали тогда в «Правду» рабочие корреспонденты? 30 августа 1912 г. из Приморья, например, сообщалось об арестах среди рабочих, занятых в печатном производстве. 28 ноября корреспондент из Владивостока писал о положении рабочих в горнорудном производстве: «Тетюхе, по-видимому, серьезно угрожает воспроизведение

¹⁸ Там же, л. 40.

¹⁹ Там же, л. 147.

²⁰ Там же, д. 5, ч. 43 «Б», л. 16; д. 17, ч. 64 «Б», л. 11.

²¹ Цит. по: Очерки истории Приморской организации КПСС. Владивосток. 1971, с. 34.

²² ЦГАОР СССР, ф. 102, ДП, ОО, 1912 г., оп. 242, д. 291, ч. 64 «Б», лл. 35, 37.

²³ Очерки истории Приморской организации КПСС, с. 34.

²⁴ ЦГАОР СССР, ф. 102, ДП, ОО, 1912 г., оп. 242, д. 5, ч. 64 «Б», лл. 122—123.

²⁵ См. Ленин В. И. ПСС, Т. 21, с. 431.

²⁶ Так, за три первых месяца 1913 г. корреспонденции из Амурской области были опубликованы в «Правде» в шести номерах: от 16 января, 3, 5, 27 февраля, 6 и 22 марта.

драмы по ленскому образцу. За последнее время местная печать все чаще и чаще отмечает невозможное положение рабочих и служащих на рудниках в Тетюхе и растущее изо дня в день недовольство существующими порядками». В номере от 3 февраля 1913 г. в заметке, поступившей из Благовещенска, рассказывалось об условиях труда рабочих на строительстве Амурской железной дороги: «Рабочий день начинается в 5 часов утра и продолжается до 8 часов вечера. За вычетом перерывов на завтрак, обед и ужин рабочий день длится 11,5 часа. Заработная плата выдается талонами, цены на продовольствие чуть ли не вдвое выше, чем в Центральной России».

Рабочие видели в «Правде» выразителя и защитника своих интересов и постоянно информировали газету о наиболее важных событиях в своей жизни. Интересен такой факт. На одном из собраний в начале 1913 г. типографщики Благовещенска объявили бойкот наборщику Попову за то, что он пытался очернить в глазах рабочих профессиональное общество. Собрание приняло решение: написать об этом в «Правду»²⁷. Местные большевики для пропаганды материалов «Правды» использовали листовки и страницы легальных газет. Таким путем были опубликованы статья Ленина «В мире Азефов», письмо депутата IV Государственной думы большевика А. Е. Бадаева с обращением укреплять рабочую газету и ряд других материалов²⁸. Через «Правду» большевики Дальнего Востока поддерживали связи с ленинским ЦК партии. В адресной книге ЦК РСДРП(б) за 1912—1914 гг. значились два приморских адреса газеты: Владивосток, Сибирский торговый банк, А. Г. Антонову; Почтамт, почтовый ящик № 76²⁹.

Социал-демократические организации Дальнего Востока за время столыпинской реакции были чрезвычайно ослаблены. Местные большевики придавали поэтому важное значение установлению контактов с другими комитетами и оживлению связей между социал-демократическими группами в Приморье и Приамурье. Такая работа проводилась ими еще до начала нового революционного подъема (совещание в Хар-

бине, конференция в Троицкосавске)³⁰. Постепенно дальневосточные организации восстанавливали свои силы. Комитеты Амурской и Приморской организаций к началу 1912 г. имели свои библиотеки, эмиграционные бюро, отделения общества Красного Креста, восстанавливали типографии. Во всех городах при социал-демократических организациях и группах действовали нелегальные квартиры и явки. Большую роль играли связи с большевистским центром за границей. Так, на протяжении всего 1912 г. большевики Владивостока получали из Франции и Швейцарии издания ЦК РСДРП — «Рабочую газету» и «Социал-демократ»³¹.

Дальневосточные большевики ставили перед собой задачу укрепления партийного ядра непосредственно в рабочих коллективах. Они старались устроиться на работу на те предприятия, где был сосредоточен промышленный пролетариат, организовать вокруг себя группы сознательных рабочих, сочувствующих идеям социал-демократической партии. Нередко в сводках, направляемых в департамент полиции, содержались такие записи: «Из Петербурга приехал и хлопочет о поступлении в Военный порт токарем Василий Конопацкий, который, по слухам, принимал участие в рабочем движении в Петербурге», или «токарем в механическую мастерскую Военного порта сегодня поступил Василий Евсеевич Тризна. Раньше он участвовал в социал-демократических организациях, 2 раза сидел в тюрьме и был сослан в Сибирь, лет 6 работал в Читинских железнодорожных мастерских. В механической мастерской вообще много ненадежных рабочих, и вновь поступивший туда Тризна может наделать там неприятностей»³².

Несмотря на трудности, в 1912 г. социал-демократические группы действовали уже среди рабочих-металлистов на механиче-

²⁷ ЦГАОР СССР, ф. 102, ДП, ОО, 1913 г., оп. 243, д. 5, ч. 3 «Б», лл. 15—16.

²⁸ Газеты «Благовещенское утро», «Заря Востока» за февраль и март 1913 года.

²⁹ Очерки истории Приморской организации КПСС, с. 34.

³⁰ История Сибири. Т. 3. Л. 1968, с. 354. В работе конференции принимали участие представители девяти социал-демократических организаций Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока. Социал-демократия Дальнего Востока была представлена Благовещенской организацией, сумевшей к тому времени восстановить свой комитет. Конференция приняла решение об организации Сибирского союза РСДРП в составе организаций четырех областей: Иркутской, Забайкальской, Амурской и Приморской.

³¹ ЦГАОР СССР, ф. 102, ДП, ОО, 1912 г., оп. 242, д. 5, ч. 64 «А», лл. 1, 2, 3, 6, 8, 9, 11.

³² Там же, д. 5, ч. 64 «Б», лл. 23—24, 115—116.

ском заводе Чепурина в Благовещенске, в депо Уссурийской железной дороги в Никольск-Уссурийске, механических мастерских Владивостокского порта, среди рабочих арсенала в Хабаровске. В 1912 г. и вскоре после того партийные группы были созданы среди печатников и приказчиков Благовещенска, Харбина и Хабаровска³³.

Революционный подъем сопровождался ростом профессионального движения. Организаторами и руководителями многих союзов были большевики. Работу им приходилось вести в условиях непрекращающихся преследований и репрессий. Так, Союз печатников в Благовещенске в течение только трех недель февраля 1913 г. подвергался обыскам и арестам 7 раз³⁴. Чтобы расширить легальные возможности влияния на пролетарскую массу, большевики создавали под прикрытием профсоюзов различные кружки для рабочих типа «самообразования». Находясь в составе правлений таких кружков, они организовывали и направляли их работу.

Непосредственно после ленских событий, во время подготовки к празднованию 1 Мая 1912 г. социал-демократы Дальнего Востока устраивали нелегальные рабочие собрания, советовали, как лучше его отпраздновать, отметить память погибших рабочих. Они проводили совещания-летучки, обсуждая вопросы, связанные с изданием майских листков³⁵. Такие листки готовились в нескольких городах. Во Владивостоке майские листки печатались в разных местах, в частности на гектографе в типографии газеты «Океанский вестник»³⁶.

В целях политического воспитания трудящихся широко использовалась думская кампания. Согласно решениям Пражской конференции, социал-демократы выставляли своих кандидатов самостоятельно. Известно, что в Благовещенске выдвигалась кандидатура рабочего. В открытых выступле-

ниях на предвыборных собраниях, в легальной печати активно велась агитация за социал-демократический список. Никольск-Уссурийская организация постоянно использовала в агитационных целях страницы газеты «Уссурийская окраина», где секретарем редакции был социал-демократ Н. С. Арефьев. Хабаровские социал-демократы организовали при Народном доме лекционную комиссию³⁷. Владивостокская организация увеличила выпуск листовок, о чем неоднократно говорится в донесениях полиции³⁸. Выпуск листовок все дальневосточные организации осуществляли и в последующие годы. А в Благовещенске, например, в 1913 г. удалось организовать и легальную социал-демократическую газету для рабочих «Заря Востока». Она выходила тиражом 3 тыс. экз., из них около 900 экз. рассылалось подписчикам в сельскую местность. В работе газеты принимали активное участие большевики И. Н. Воронцов и И. Г. Кушнарев.

Повседневной, кропотливой работой большевики Дальнего Востока пробуждали классовое сознание пролетариата, поднимали его на борьбу и спланировали вокруг революционных лозунгов ленинской партии.

Эта деятельность дала свои результаты. В 1912—1913 гг. не раз вспыхивали в крае забастовки строителей и грузчиков Владивостока и Никольск-Уссурийска, рабочих механического завода Чепурина и Министерского затона в Благовещенске, кирпичных заводов в Хабаровске и Николаевске на Амуре, приисков Приморья и Амура. Длительную и упорную борьбу вели печатники Благовещенска, Владивостока, Хабаровска. Не прекращались волнения на отдельных участках строящейся Амурской железной дороги. Силу и упорство рабочие окраин черпали в общем подъеме революционного движения, который продолжал нарастать.

Т. Ф. Колыхалова

³³ Там же, д. 3, ч. 64 «Б», лл. 5, 6; д. 5, ч. 64 «Б», лл. 78, 79, 120; д. 5, ч. 43 «Б», лл. 2, 10.

³⁴ Заря Востока, Благовещенск. 19.II.1913.

³⁵ ЦГАОР СССР, ф. 102, ДП, ОО, 1912 г., оп. 242, д. 5, ч. 64 «Б», л. 36.

³⁶ Там же, д. 5, ч. 43 «Б», лл. 1, 10.

³⁷ Там же, ч. 64 «Б», лл. 88, 153, 154, 162.

³⁸ В одном из них сообщалось: «На Русском острове в казармах и расположении 34 Сибирского стрелкового полка была разбросана и расклеена масса прокламаций» (там же, д. 291, ч. 64 «Б», л. 60).

ШАЙГИНСКАЯ ПАЙЦЗА

Одним из интересных периодов истории Приморского края является время существования созданной местным тунгусоязычным этносом «Золотой» империи (1115—1234 гг.). Этот этнос известен под названием чжурчжэней, что в переводе со старомонгольского означает «упрямые», «непокорные». В X—XI вв. чжурчжэни находились в зависимости от киданей — племен монгольской группы, которым оказывали упорное сопротивление. Длившаяся почти два столетия борьба чжурчжэней против киданьского владычества завершилась сперва образованием «Золотой» империи, а затем и уничтожением в 1125 г. киданьского государства Ляо. Потом чжурчжэни направили оружие против китайской империи Сун.

Жившие в Приморье родственные чжурчжэням племена не сразу попали в состав «Золотой» империи. Это объясняется относительной труднодоступностью поросших глухой тайгой мест их обитания, в связи с чем за ними закрепилось название «удигэ», т. е. «жители захолустья». От удигэ ведут происхождение современные удэгейцы, живущие на севере Приморского и на юге Хабаровского краев.

«Золотая» империя была разгромлена монголами в 1234 году. Несколькими месяцами раньше они захватили Приморье, встретив упорное сопротивление удигэ. В отместку монголы подвергли взятые ими приступом селения сожжению, а их жителей — поголовному истреблению. Смерти избежали лишь те, кто успел уйти в тайгу. Скрываясь от монголов, удигэ часто меняли стойбища, кочуя с места на место и добывая пропитание охотой, рыбной ловлей и сбором дикорастущих растений. В подобных условиях удигэ не могли, как прежде, заниматься земледелием, животноводством, тем более ремеслами. В результате к концу XIII в. они оказались отброшенными в своем развитии чуть ли не до уровня раннего железного века. За это время разрушенные и сожженные монголами селения удигэ покрылись буйными зарослями, а по прошествии еще нескольких столетий их остатки были погребены под толстым слоем образовавшейся на месте пожаров почвы, скрывшей тайну того, что представляли собой древние городища.

Благодаря многолетним усилиям сотрудников Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Даль-

невосточного научного центра (ДВНЦ) АН СССР удалось собрать богатейший материал, позволяющий во многих отношениях по-иному взглянуть на события, имевшие место на востоке Азиатского материка в раннее средневековье и предшествующие эпохи. Археологи открыли ряд уникальных памятников. Одно из первых мест принадлежит находящемуся на юге Приморского края Шайгинскому городищу. Его раскопки ведутся с 1963 года. Здесь вскрыты и изучены остатки более 200 усадеб, включавших в себя жилые и хозяйственные сооружения, далее остатки 7 металлолитных и металлообрабатывающих мастерских, отдельные участки древних улиц, несколько хранилищ, где содержался сдаваемый в аренду малоимущим слоям населения сельскохозяйственный инвентарь, а также орудия ремесленников и оружие. Это городище, крупный ремесленный центр на востоке «Золотой» империи, в конце 1233 г. было взято монголами штурмом после непродолжительной осады и сожжено, чем и объясняется наличие в жилищах целых изделий из камня, стекла и металлов.

Одной из таких находок является обнаруженная во время раскопок серебряная продолговато-овальной формы массивная пластина¹ толщиной 0,3 см, шириной 6,5 см, длиной 22,2 см и весом около 384 граммов. В верхней ее части имеется круглое отверстие диаметром 1,2 см, края которого окантованы полым внутри валиком. Одна из сторон — гладкая; на другой видна вертикальная надпись, знаки которой выполнены техникой чеканки в виде двойной пунктирной линии. Заключенное внутри пунктирных линий пространство знаков покрыто тонкой позолотой. В надписи — 6 знаков т. н. большого чжурчжэньского письма. Первый знак расположен непосредственно под отверстием и, судя по всему, представляет собой скорописный вариант написания «мингань» (тысяча). Остальные 5 читаются как «гурун ни хагда хун» («государственное

¹ Шавкунов Э. В. Работа Шайгинского отряда. В кн.: Археологические открытия 1976 года. М. 1977; Шавкунов Э. В., Певнов А. М., Ивлиев А. Л. Серебряная верительная пластина чжурчжэней с Шайгинского городища. В кн.: Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток. 1978

свидетельство», иначе — поручительство, доверенность, удостоверение).

Это соответствует назначению, которое имела бирка как документ, удостоверяющий личность, действующую от имени и по поручению государя либо государства. Если предположение относительно первого знака верно, то весь текст можно перевести следующим образом: «Тысяча. Государственное свидетельство». Обращает на себя внимание необычность компоновки знаков. В известных прежде чжурчжэньских текстах «большого письма» знаки расположены последовательно один под другим наподобие китайских иероглифов. А здесь силлабические знаки скомпонованы в одно слово. Это более прогрессивная форма письма, поскольку позволяет избежать ошибочного чтения текста и дает возможность определить, какие знаки относятся к одному слову, а какие — к другому.

Внешне шайгинская пластина идентична монгольским серебряным биркам, или ярлыкам, более известным в литературе под названием «пайцза», в меньшей степени — под древнерусским словом «дшитца» (дошечка). На территории СССР к настоящему времени обнаружено 7 монгольских серебряных пайцз². Шайгинская же находка является первой известной науке чжурчжэньской серебряной пайцзой, верительной биркой.

Пока трудно сказать, где и когда впервые появились верительные бирки, которыми идентифицируются наделенные особыми полномочиями личности. Известно, что подобные бирки имели широкое распространение в чжоуском Китае (XII—III вв. до н. э.)³. Издревле они были знакомы монголоязычным ухуаням: «Если старейшине нужно призвать кого, то для верности употребляет вырезанный деревянный жеребеек (бирка), и хотя букв на нем нет, со всем тем никто в общине не смеет ослушаться»⁴.

В соседнем с Приморьем Китае употреблялись вырезанные из бамбука и расколотые на две половинки бирки «фу» и «цзе». Цзе чаще представляли собой изображения

фигурок тигра или рыбы, реже — человека или дракона. Впоследствии их отливали из металла, и вскоре они вытеснили фу, от которых сохранился лишь термин. Система использования цзе заключалась в том, что одна из половинок выдавалась назначаемым на периферию начальникам, а другая оставалась в императорской казне. В случае необходимости передачи секретного приказа периферийному начальству правительство снаряжало посыльного, которому выдавалась другая половина цзе. Когда посыльный достигал места назначения, он предъявлял свою половину. Если она совмещалась с местной половиной, это означало, что стороны могут доверять друг другу. Таким же образом прежде применялись вырезанные из дерева фу, расколотые на продольные половины. Иногда в качестве верительных бирок использовались разбитые надвое изделия, например, бронзовые зеркала.

Система фу — цзе была рассчитана на разовую встречу между определенными лицами. Поскольку возникала необходимость встречи одного человека со многими, в Китае VII—X вв. вводятся в употребление серебряные пайцзы в виде пластин с выгравированным на них текстом. Эта система заимствована танским Китаем у соседних тюркских и монгольских народов, где она имела распространение со времени ухуаней если не раньше.

Сходная с ухуаньской система пайцз существовала и у чжурчжэней. У них, как сообщают источники⁵, первоначально каждый вождь выдавал своим гонцам вырезанные из дерева верительные дощечки. Затем при Ингэ (1094—1105 гг.) их выдача стала прерогативой центральных органов власти. При императоре Агуде с 1116 г. был налажен выпуск золотых пайцз, чуть позже — серебряных и деревянных. Золотые выдавались десятитысячникам, серебряные — тысячникам, деревянные — низшим военным чинам. Вначале пластины являлись мандатом на командирскую должность, на которую лица простого происхождения назначались в качестве награды за заслуги. «Так было до того времени, пока в 3-м месяце 1145 г. не были выпущены новые серебряные и золотые пластины»⁶. Но в источнике нет сведений о том, чем была вызвана необходимость нового выпуска пластин и повлекло ли это за собой какие-нибудь изменения в системе их использования.

⁵ Цзинь ши (История царства Цзинь). Т. 1. Тайбэй. 1970, с. 433.

⁶ Там же, с. 25 (3).

² Мальм В. А. Пайцза из Симферопольского клада. В кн.: Средневековая Русь. М. 1976, с. 71—74.

³ Кычанов Е. И. Тангутские пайцзы. В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск. 1974, с. 266.

⁴ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.-Л. 1950, с. 142—143.

Нам неизвестны также характер и содержание текстов на серебряных и золотых пластинах. Это, по-видимому, следует объяснить тем, что надписи были сделаны знаками неизвестной китайскому автору «Цзинь ши» киданьской и чжурчжэньской письменности. А о том, что дело обстояло именно так, свидетельствуют как шайгинская пайцза, так и сообщение о том, что в 9-м месяце 1138 г. чжурчжэньский император Хэла распорядился, чтобы лица различного происхождения при назначении на должность получали грамоты, написанные на их языках. Поскольку основная масса военачальников состояла у чжурчжэней из самих чжурчжэней либо из бывших киданьских полководцев, то подавляющее большинство грамот, а по аналогии с ними и верительных пластин должно было иметь надписи на чжурчжэньском и киданьском языках. Так как у чжурчжэней к 1116 г. еще не было собственной письменности,

то их пластины содержали киданьский текст.

Что касается датировки шайгинской пайцзы, то она была изготовлена в 1145 году. В пользу этой датировки говорит то обстоятельство, что на золотых и серебряных пластинах первого выпуска (1116 г.) не могло быть текста на чжурчжэньском языке: ведь «большая чжурчжэньская письменность» была изобретена в 1119 г., «малая» — в 1138 г., так что тексты на чжурчжэньском языке могли иметь золотые и серебряные пластины лишь второго (последнего) выпуска, т. е. 1145 года. У чжурчжэней серебряные пайцзы выдавались лицам, под началом которых находилась 1 тыс. хозяйственных дворов. Это означает, что в Шайгинском городище могло быть не менее 1 тыс. дворов, т. е. несколько тысяч душ жителей. Таким образом, речь идет о большом и многочисленном для того времени поселении.

Э. В. Шавкунов

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сенявский Александр Спартакович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Специализируется по проблеме социально-классовых отношений в условиях развитого социализма, а также историографии и источниковедения советского общества.

Бородин Анатолий Петрович — кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории СССР Кировского пединститута имени В. И. Ленина.

Варенцов Владимир Алексеевич — кандидат исторических наук, и. о. доцента кафедры истории СССР Новгородского пединститута. Специализируется по истории русского феодализма. Автор статей по истории Новгорода той эпохи.

Виноградов Владилен Николаевич — доктор исторических наук, зам. директора Института славяноведения и балканистики АН СССР, автор монографий «Крестьянское восстание 1907 г. в Румынии», «Россия и объединение румынских княжеств», «Румыния в годы первой мировой войны», «Очерки общественно-политической мысли в Румынии», «У истоков лейбористской партии», разделов коллективных трудов и статей по истории Румынии, международных отношений и британской политики на Балканах.

Травкина Наталья Михайловна — научный сотрудник Института США и Канады АН СССР. Специализируется по внутриполитическим факторам американской внешней политики.

Голубцова Елена Сергеевна — доктор исторических наук, зав. сектором истории древнего мира Института всеобщей истории АН СССР. Автор монографий: «Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры», «Очерки социально-политической истории Малой Азии», «Сельская община Малой Азии», «Идеология и культура сельского населения Малой Азии в I—III вв. н. э.», ряда работ и статей по истории рабства в античном мире.

Кошеленко Геннадий Андреевич — доктор исторических наук, зав. сектором античной археологии Института археологии АН СССР. Автор монографий: «Греческий полис на эллинистическом Востоке», «Родина парфян», ряда разделов в многотомной «Истории археологии» и статей.

Дороднов Ефим Васильевич — кандидат исторических наук, доцент, автор книги «Комсомольск-на-Амуре» и др.

Мухачев Юрий Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СССР АН СССР. Специализируется по истории советского общества 1917—1937 гг. Автор статей по этой тематике.

Козлов Олег Федорович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник и зав. сектором Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела. Специализируется по истории русского феодализма, автор статей по этой тематике.

SUMMARIES OF ARTICLES

A. S. SENYAVSKY. The Union of the Working Class, Peasantry and Intelligentsia as the Social Base of the USSR

The article discusses socio-class relations in the USSR in the last two decades, the role of the working class, the peasantry and the intelligentsia in the further perfection of the developed socialist society, their participation in the economic and socio-political life of the country. Their cooperation, the author underlines, is the embodiment of the social policy of the CPSU and the Soviet state of the whole people.

A. P. BORODIN. The Third of July Bloc and the Collapse of the Policy of Peaceful Reformation of the Autocracy

While admitting the objective possibility for the tsarism of resolving urgent problems of bourgeois development "from the above", the author investigates the causes which led to the collapse of Stolypin's attempts at reforming the autocracy. He concludes that they were the alignment of forces and contradictions within the bloc itself: its liberal-monarchic wing proved to be powerless as compared with its right wing.

V. A. VARENTSOV. Muscovite Merchants in Novgorod

The author takes as his subject the fate of the Muscovite privileged merchants moved to Novgorod in the late 15th century. He dwells on their role in Novgorodan self-government system, their foreign-policy and legislative activity, their contribution into the building of Novgorod. His investigations led him to a conclusion on the stability of these families over three or four generations—they formed a specific patriciate group. Its development was interrupted in the early 1580s when they were returned to Moscow while part of the families were exterminated during the raging of *oprichnina* in Novgorod in 1570.

N. M. TRAVKINA. Intensification of Militaristic Feelings in the US Congress in the Late 1970s

The author follows the shifts to conservatism that took place in the US legislative power's approach to foreign policy which is done in the context of the Congress discussions of the annual military budgets in the second half of the 70s. The author shows the causes of these shifts and concludes that the US Congress, at the turn of the 80s, actively contributed to the increase of military spendings.

V. N. VINOGRADOV. Rumania in the First World War

The author reveals how the ruling Rumanian circles used the striving of the Rumanian population of the Old Kingdom which was part of the Austria-Hungary at the time to national unification to reach their own foreign-policy ends and to augment the Rumanian territory at the expense of the neighbouring states. The tactics of playing a waiting game in 1914-1916 and their openly hostile attitude towards the Soviet state after the victory of the Great October Socialist Revolution of 1917 are also discussed in the article.

E. S. GOLUBTSOVA, G. A. KOSHELENKO. Against Distortions of Ancient History

The authors criticise a group of mathematicians (M. M. Postnikov, A. T. Fomenko, A. S. Mishchenko, E. M. Nikishin) who in their articles forwarded a proposition of applying "new methods of statistical analysis" to the study of ancient history, using as their point of departure N. A. Morosov's conception that the entire ancient and early mediaeval history was an invention of the Renaissance. They support their proposition with a number of principles, dynastic parallelisms, onomstogrammes, revised dating of sources based on the frequency matrix among them. Their ignorance of the factual material, however, led them to a great number of chronological errors, misdating of historical events and historical personalities which in fact divorces history from chronology.

CONTENTS

"Problems of History", No. 8, 1982

Articles: A. S. Senyavsky. The Union of the Working Class, Peasantry and Intelligentsia as the Social Base of the USSR; A. P. Borodin. The Third of July Bloc and the Collapse of the Policy of Peaceful Reformation of the Autocracy; V. A. Varentsov. Muscovite Merchants in Novgorod; E. S. Golubtsova, G. A. Koshelenko. Against Distortions of Ancient History; N. M. Travkina. Intensification of Militaristic Feelings in the US Congress in the Late 1970s; V. N. Vinogradov. Rumania in the First World War. Reminiscences; E. V. Dorodnov. Early Days of Komsomolsk-on-Amur Historical Essays; Yu. V. Mukhachev. Collapse of Bourgeois Restoration in the USSR (Early 1920s); O. F. Kozlov. The *Prikaz* of Secret State Affairs. Historical Science in the USSR and Abroad. **Reviews:** G. L. Sobolev. Major Trend in the Historiography of the Great October Revolution. **Book Reviews:** Struggle to Win the Masses in the Three Russian Revolutions. The Proletariat and the Middle Urban Strata; A. I. Zevelev, Yu. A. Polyakov, A. I. Chugunov. The Basmach Movement: Its Emergence, Essence and Collapse; N. A. Soboleva. 18th-19th Russian City and Regional Heraldics; V. L. Yanin. The Novgorod Feudal Possession (Historico-Genealogical Study); International Working-Class Movement. Problems of History and Theory. Volume 4—the Great October Revolution and the International Working Class (1917-1923); E. E. Chertan. The Great Powers and the Formation of the Rumanian Independent State; A. S. Manykin. History of the US Two-Party System (1789-1980); Great Britain; M. A. Cheshkov. Critique of the Notions on the Ruling Groups in the Developing Countries; M. Atkin. Russia and Iran, 1780-1828 (Minneapolis); David P. Szatmary. Shay's Rebellion: the Making of an Agrarian Insurrection (Amherst); F. Irsigler. Die wirtschaftliche Stellung des Stadt Köln im 14. und 15. Jahrhundert (Wiesbaden), and others. Facts, Events, People. Articles in Soviet and Foreign Historical Journals. New Books in the USSR and Abroad.

SOMMAIRE

de la revue « Questions d'histoire, n° 8, 1982

Articles: A. S. Seniavski. L'union de la classe ouvrière, des paysans et des intellectuels, base sociale de l'U.R.S.S.; A. P. Borodine. Le bloc du 3 juin et l'échec de la politique de réformes pacifiques poursuivie par l'autocratie; V. A. Varentsov. Les gost de Moscou à Novgorod; E. S. Goloubtsova, G. A. Kochelenko. Contre la défiguration de l'histoire de l'Antiquité; N. M. Travkina. Le renforcement des tendances militaristes au Congrès des Etats-Unis à la fin des années 70; V. N. Vinogradov. Sur la participation de la Roumanie à la Première Guerre mondiale. Mémoires. E. V. Dorodnov. Le début de Komsomolsk-sur-l'Amour. Aperçus historiques; You. V. Moukhatchev. L'échec de la restauration bourgeoise en U.R.S.S. (début des années 20); O. F. Kozlov. Le prikaz des affaires secrète du tsar. La science historique en U.R.S.S. et à l'étranger. **Revue:** G. L. Sobolev. Une ligne importante dans l'historiographie de la Grande Révolution d'Octobre. **Comptes rendus des livres:** La lutte pour les masses au cours des trois révolutions en Russie. Le prolétariat et les couches citadines moyennes; A. I. Zévêlev, You. A. Poliakov, A. I. Tchougounov. Le mouvement des basmatchi: gestation, essence, défaite; N. A. Soboleva. L'heraldique des villes et des régions de Russie de XVIIIe-XIXe siècles; V. L. Yanine. Un domaine féodal novgorodien. (Etude historico-généalogique); Le mouvement ouvrier international. Questions d'histoire et de théorie. Tome IV — La Grande Révolution d'Octobre et la classe ouvrière internationale (1917-1923); E. E. Tchertan. Les grandes puissances et la formation de l'Etat indépendant roumain; A. S. Manykine. L'histoire du système bipartite des Etats-Unis (1789-1980); La Grande-Bretagne; M. A. Tchekchkov. La critique des vues sur les groupes dirigeants des pays en voie de développement; M. Atkin. La Russie et l'Iran, 1780-1828; David P. Szatmary. La révolte de Shays: la gestation de l'insurrection agraire; F. Irsigler. La situation économique de la ville de Cologne en XIVe et XVe siècles et autres. Faits, événements, hommes. Articles dans les revues historiques soviétiques et étrangères. Nouveaux livres en U.R.S.S. et à l'étranger.

SUMARIO

Revista «Cuestiones de historia» N 8. 1982

Artículos: A. S. Seniavski. Alianza de la clase obrera, el campesinado y la intelectualidad, base social de la URSS; A. P. Borodin. El bloque del tres de junio y el fiasco de la política de reformatión pacífica de la autocracia; V. A. Varentsov. Comerciantes moscovitas en Nóvgorod; E. S. Golubtsova, G. A. Koshelenko. Contra la tergiversación de la historia de la Antigüedad; N. M. Trávkina. Reforzamiento de las tendencias militaristas en el Congreso de EE.UU. a fines de los años 70; V. N. Vinográdov. Sobre la participación de Rumania en la Primera Guerra Mundial. Memorias: E. V. Doródnov. Origen de Komsomolsk-del-Amur. Ensayos históricos: Yu. V. Mujachov. Fracaso de la restauración burguesa en la URSS (comienzos de los años 20); O. F. Kozlov. Departamento de asuntos secretos del zar. Ciencia histórica en la URSS y en el exterior. Resúmenes: G. L. Sóbolev. Orientación importante en la historiografía del Gran Octubre. Reseñas de libros: Lucha por las masas en las tres revoluciones de Rusia. El proletariado y las capas medias urbanas; A. I. Zaveliov, Yu. A. Poliakov, A. I. Chugunov. El movimiento de los basmach: surgimiento, esencia, derrumbe; N. A. Sóboleva. Heráldica urbana y regional de Rusia en los siglos XVIII y XIX; V. L. Yanin. Patrimonio feudal de Nóvgorod (indagación histórico-genealógica); Movimiento obrero internacional. Problemas de la historia y la teoría. Tomo IV: El Gran Octubre y la clase obrera internacional (1917-1923); E. E. Chertán. Las Grandes Potencias y la formación del Estado independiente de Rumania; A. S. Manikin. Historia del sistema bipartito de EE.UU. (1789-1980); Gran Bretaña; M. A. Cheshkov. Crítica de las ideas sobre los grupos gobernantes de los países en desarrollo; M. Atkin. Rusia e Irán, 1780-1828 (Minneapolis); David P. Szatmary. Shays' Rebellion: The Making of an Agrarian Insurrection. (Amherst). F. Irsigler. Die wirtschaftliche Stellung der Stadt Köln im 14. und 15. Jahrhundert. (Wiesbaden). etc. Hechos, acontecimiento, personas. Artículos en las revistas históricas soviéticas y extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el exterior.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, П. А. ГОЛУБ, В. А. ДЬЯКОВ, И. И. ЖИГАЛОВ, М. П. КИМ, Ю. С. КУКУШКИН, В. А. КУМАНЕВ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, Н. Г. НЕФЕДОВ, Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, Б. А. РЫБАКОВ, А. Н. САХАРОВ, И. В. СОЗИН (заместитель главного редактора), А. И. ТИТОВ (заместитель главного редактора), И. А. ФЕДОСОВ, С. С. ХРОМОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

Сдано в набор 06.07.82. Подписано к печати 03.08.82. А 05154. Формат 70×108^{1/16}.
Высокая печать. Усл. печ. л. 16,80. Учетно-изд. л. 19,37. Усл. кр.-отт. 17,33.
Тираж 20 000 экз. Изд. № 2054. Заказ № 2782.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

ГОРАНОВ Г. и др. **Априлската линия — прогресът, политиката, личността.** Горан Горанов, Любен Николов, Минчо Семов. София. Партиздат. 1981. 191 с.

ДОНЧЕВА—ПЕТКОВА Л. **Знаци върху археологически паметници от средновековна България. VII—X век.** София. Изд-во на БАН. 1980. 187 с.

ЕНЕВ С. **За сътрудничество, разбирателство, мир.** София. Партиздат. 1981. 106 с.

Етнография на България. В 3 т. Т. I. Увод в етнографската наука и социално-нормативна култура. Ред. колегия Веселин Хаджиниколов (отг. ред.) и др. София. Изд-во на БАН. 1980. 373 с.

КПСС — **авангард на световното революционно движение.** Сборник. Авт. коллектив: Цанко Николов (ръководител), Атанас Гърдев, Вангелия Сотирова и др. София. Партиздат. 1981. 301 с.

ТАХИРОВ Ш. **Единението.** София. Изд-во на Отечествения фронт. 1981. 194 с.

ШОПОВА К. **Пекинский Янус.** Критичен анализ на идеологията и политиката на маоизма по въпросите на мира, войната и революцията. София. Воен. изд-во. 1981. 98 с.

KARSAI E. **A berchtesgadener sásfé-szektől a berlini bunkerig.** 5-ik, teljesen átdolg. bőv. kiad. Budapest. Kossuth. 1981. 681. old.

KULSCAR K. **A mai magyar társadalom.** Budapest. Kossuth. 1980. 329. old.

Magyarország történeti kronológiája. Köt. I. A kezdetektől 1526-ig. 350. old. Köt. 2. 1526 — 1848. Old. 361-668. Budapest. Akad. kiadó. 1981, 1982.

Dokumente zur Geschichte der SED. Bd. I. 1847 bis 1945. Red. Eckhard Müller (Leiter) et al. Berlin. Dietz. 1981. 412 S.

KÜHNRIKH H. **Der KZ-Staat.** Die faschistischen Konzentrationslager, 1933 bis 1945. 2. neubearb. Aufl. Berlin. Dietz. 1980. 231 S.

Lebensweise und Sozialstruktur. Materialien des 3. Kongresses der marxistisch-leninistischen Soziologie in der DDR. 25. bis 27. März 1980. Hrsg. vom Wiss. Rat für soziologische Forschung in der DDR. Red.: Dietmar Wittich Horst Taubert. Berlin. Dietz. 1981. 363 S.

АРЬЯАСУРЭН Ч. **Монгол ардын хуызгал ба уран сайхны соёлын дэвшил.** Улаанбаатар. Улсын хэвлэлийн газар. 1980. 121 х.

РАЛГАА Б. **Монгол — зөвлөлтийн найрамдлын анхны хэлэлцээр.** Улаанбаатар. Улсын хэвлэлийн газар. 1981. 88 х.

Armata și societatea românească. Coord științific: Al. Ch. Savu. București. Ed. milit. 1980. 429 p.

BERCIU D. **Buridava dacică.** București. Ed. Acad. RSR. 1981. 287 p.

KUBES J. **Alžírská demokratická a lidová republika.** Praha. Svoboda. 1980. 207 s.

Politické dějiny světa v datech. Kolektiv aut.: Josef Děcký, Ladislava Entlerová, Jan Galandauer et al. 1. Starověk. Středověk. Novověk. Nejnovější dějiny (1917-1945). 865 s. 2. Nejnovejší dějiny (1945-1973). 1825 s. Praha. Svoboda. 1980.

SLADEK O. **Spálená země.** Dokumenty Český svaz protifašistických bojovníků. Praha. Naše vojsko. 1980. 301 s.

TRNKA J. **Ze života a práce v KSC.** (Jihlavsko, Třebíčsko, Ostravsko, Valašsko). Ostrava. Profil. 1980. 385 s.

CUCEK J. **Sramota umira počasí.** Slovenska politična emigracija. Maribor. Obzorja. 1980. 239 s.

Dr. Anton Fister v revoluciji 1848 — vloga in pogledi. Znanstveni seminar. Radovljica, 29 marca 1979. Organizacijski odbor Marjan Britovšek et al. Maribor. Obzorja. 1980. 145 s.

MARINOVIC J. **Tridesete godine.** Uspomene i sjećanja. Beograd. Rad. 1981. 249 s.

CARROLL B. **Between the Wars.** An Illustrated History of Australia, 1919-1939. North Ryde (N.S.W.), Melbourne (Vic.). Cassel Australia. 1980. 142 p.

Labour. Directions for the Eighties. Ed. by J. North and P. Weller. Sydney. Novac. 1980. 250 p.

L'avenir de Bruxelles. Aspects économiques et institutionnels. Actes du colloque organisé aux Facultés universitaires Saint-Louis le 28 mai 1980. Sous la dir de Anne-Marie Kumps, et al. Bruxelles Fac. univ. Saint-Louis. 1980. 268 p.

Change and Tradition in Rural England. An Anthology of Writings on Country Life. Chosen and ed. by Denys Thompson. Cambridge etc. Cambridge Univ. Press. 1980. X, 291 p.

CULLEN L. M. **The Emergence of Modern Ireland, 1600-1900.** London Batsford Acad. and Educational Ltd. 1981. 292 p.

ROBERTS J. M. **The First Civilizations.** Harmondsworth (Midd'x). Penguin Books. 1980. 128 p.

WALLACE-HADRILL J. M. **Early Germanic Kingship in England and on the Continent.** The Ford Lectures Delivered in the University of Oxford in Hilary Term, 1970. Oxford Clarendon Press. 1980. VIII, 160 p.

HAUE H. et al. **Det ny Danmark, 1890-1980.** Udviklingslinier og tendens. 2. udg. København. Munksgaard. 1981. 325 p.

JENSEN S. **Under fælles ansvar.** København. Gyldendal. 1981. 394 s.

O'FARRELL P. **Who's Who in the Irish War of Independence, 1916-1921.** Dublin. Cork. The Mercier Press. 1980. 186 p.

НОВЫЕ КНИГИ

Calicia eterna. Vol. I. 240. XXXVII p. Vol. 2., p. 241-456. XXXVIII. Vol. 3., p. 457-704. Vol. 4., p. 705-952. X. Vol. 5., p. 953-1200. XIII. Vol. 6., p. 1201-1419. XLIII. Barcelona Nauta. 1980-1981.

Historia de Euskadi. I. Martin de Ugalde. 379 p. 2. Desde 1515 hasta 1839. Martin de Ugalde. 399 p. 3.391 p. Madrid. Cupsa. Barcelona. Planeta. 1981.

PUNSET CASALS E. La salida de la crisis. Barcelona. Argos Vergara. 1980. 186 p.

SÓTELO I. América Latina. Un ensayo de interpretación. Madrid. Centro de investigaciones sociol. 1980. 171 p.

SALARI G Il sacco di Roma. Milano. Mondadori 1981. 273 p.

NEMI O., FURST H. Caterina de' Medici 3-a ed. Milano. Rusconi. 1981. 448 p.

ARMSTRONG Ch. The Potitics of Federalism. Ontario's Relations with the Federal Government, 1867-1942. A Project of the Board of Trustees of "The Ontario Historical Studies Series for the Government of Ontario". Toronto etc. Univ. of Toronto Press. 1981. XIV. 279 p.

SMITH D. E The Regional Decline of a National Party. Liberals on the Prairies. Toronto etc. Univ. of Toronto Press. 1981. XVIII. 188 p.

Et folk i fred og krig. Hovedred: Ingrid Semmingsen et al. Oslo. Aschehoug. 1980. 336 p.

SARAIVA J. H. Breve história de Portugal. Ilustrada. Amadora. Bertrand. 1981. 124 p.

FILLER L. The Rise and Fall of Slavery in America. Originally Published as Slavery in the United States of America. Englewood (N. J.). Ozer. 1980. (6), 165 p.

HALL G. Basics: for Peace, Democracy and Social Progress. New York. International Publ. 1980. IX. 336 p.

MORRIS E. The Rise of Theodore Roosevelt. New York. Ballantine Books. 1980. 886 p.

RUDE G. F. E. Ideology and Popular Protest. New York. Pantheon Books. 1980. 176 p.

KALEMAA K. Suomalaisen rauhanliikkeen juuria. Vaasa. Rauhan kirjallisuuden edistämisseura. 1981. 120 s.

HOCHMUTH U., MEYER G. Streiflichter aus dem Hamburger Widerstand, 1933-1945. Berichte u. Dokumente. Frankfurt a. M. Röderberg. 1980. XVI. 630 S.

RASCH H. Nato-Bündnis oder Neutralität? Plädoyer für eine neue Aussenpolitik Köln. Pahl-Rugenstein. 1981. 138 S.

BERCE Y.-M. Révoltes et révolutions dans l'Europe moderne (XVI-e-XVIII-e s.). Paris. Presses univ. de France. 1980. 263 p.

TEITGEN J. Le gaullisme en question. Préf. d'Etienne Borne. Paris. Julliard. 1981. 151 p.

STUCKI L. Das heimliche Imperium. Wie die Schweiz reich wurde. Frauenfeld. Huber. 1981. 354 S.

Teori- och metodproblem i modern svensk historieforskning. En antologi. Red. av Klas Amark. Stockholm. Liber Förl. 1981. 318 s.

Vikingarna och folken i norr. Historia och kulturell utveckling. 400-1100. Red. av David M. Wilson under medverkan av Christine E. Fell et al. Övers av Gunnar Ruud. Stockholm. Prisma. 1980. 247 s.

SALOMON F. Los señores étnicos de Quito en la época de los incas. Otavalo. Gallopatán. 1980. 370 p.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вопросы истории» принимает статьи, исторические очерки и публикации объемом в 1—1,5 авторского листа (24—36 стр.); обзоры — до 16 стр.; рецензии, письма и заметки 6—8 стр.; заметки о статьях, опубликованных в зарубежных журналах, — 3,5 стр. Материалы принимаются после предварительного согласования тематики с редакцией (во избежание дублирования) и представляются в двух (первом и втором) экземплярах, отпечатанные с полями на стандартной машинке (текст через два интервала, сноски через полтора интервала). Вставки (после доработки материала), тексты и сноски на иностранных языках и языках народов СССР также должны быть отпечатаны на машинке. В случае отклонения рукописи автору возвращается один экземпляр, другой остается в архиве редакции.

Рукописи, превышающие установленный объем или присланные в редакцию в единственном экземпляре, могут быть возвращены автору без рассмотрения.

Книги Политиздата,

ПРОПАГАНДИРУЮЩИЕ РЕШЕНИЯ XXVI СЪЕЗДА КПСС

В. И. Ленин, КПСС о рабочем классе. 1981. 383 с. 70 к.

В сборник вошли произведения В. И. Ленина, документы КПСС, статьи и речи Л. И. Брежнева, раскрывающие роль рабочего класса в революционном преобразовании общества, в строительстве социализма и коммунизма.

За высокое качество и действенность идеологической работы. Материалы Всесоюзного семинара-совещания идеологических работников. Москва, 20—25 апреля 1981 г. 1981. 576 с. 1 р. 20 к.

Кириченко В. Н. Основные идеи пятилетки. 1981. 96 с. (Шаги одиннадцатой). 25 к.

Международное коммунистическое движение: правда против вымыслов. Сборник статей. 1981. 320 с. 1 р. 40 к.

Моторин И. Ф. Курсом сотрудничества. 1981. 95 с. (Шаги одиннадцатой). 20 к.

Об охране окружающей среды. Сборник документов партии и правительства 1917—1981 гг. Изд. 2-е, доп. 1981. 384 с., ил. 1 р. 20 к.

Партийное строительство. Учебное пособие. Изд. 6-е, доп. 1981. 512 с. 95 к.

Развитой социализм: проблемы теории и практики. Изд. 2-е, доп. 1981. 400 с. 95 к.

Тощенко Ж. Т. Социальное планирование в СССР. 1981. 320 с. 1 р.

Учение, преобразующее мир. Изд. 2-е, 1981. 336 с. 80 к.

Экономическая политика КПСС. Учебное пособие. 1981. 368 с. 70 к.

Издания рассчитаны на партийный актив, пропагандистов и слушателей системы партийной учебы, преподавателей общественных наук, на широкий круг читателей, изучающих проблемы развития советского общества.

Приобретайте эти книги в магазинах, распространяющих общественно-политическую литературу.

ВГО «Союзкнига»